

Российская Академия Наук
Институт философии

**НОВЫЕ ИДЕИ
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Москва
2006

УДК 300.3
ББК 15.5
Н 76

Ответственный редактор

доктор филос. наук *В.Г. Федотова*

Редакционная коллегия

доктор филос. наук *А.С. Ахиезер*, доктор филос. наук *И.А. Крылова*

Авторы:

доктор филос. наук *А.С. Ахиезер* (I, 1; II, 4), кандидат филос. наук *В.Г. Буданов* (IV, 1), кандидат филос. наук *В.П. Веряскина* (III, 3), кандидат филос. наук *В.Б. Власова* (I, 2), доктор филос. наук *В.В. Денисов* (II, 5), кандидат филос. наук *В.А. Колпаков* (II, 2), доктор филос. наук *С.А. Королев* (III, 1, 2), доктор филос. наук *И.А. Крылова* (IV, 3), доктор филос. наук *Л.И. Новикова* (IV, 2), доктор филос. наук *М.Э. Рябова* (I, 1), доктор филос. наук *А.А. Сычев* (I, 1), доктор филос. наук *В.Г. Федотова* (Вместо введения: II, 3)

Ученый секретарь

Т.Я. Кордюкова

Научно-вспомогательная работа:

Н.С. Петренко, И.Б. Рябушкина

Рецензенты

доктор филос. наук *А.А. Кара-Мурза*

доктор филос. наук *И.М. Клямкин*

Н 76   **Новые** идеи в социальной философии. — М., 2006. — 324 с.

Коллективная монография посвящена осмыслению задач социальной философии, раскрытию ее актуальной проблематики. Сущность социального выявляется сегодня из анализа новых ситуаций, а также посредством реинтерпретации классических социальных теорий. К числу таких глав относятся те, которые посвящены универсальности, общественному богатству, эволюции капитализма и развитию экономической науки в контексте этой эволюции. Анализируются сравнительно новые понятия о внеэкономическом капитале, позволяющие дополнить реинтерпретации классики новыми аргументами. Авторы обращаются к проблемам не только самого общего уровня, но и среднего, и микроуровня.

В монографии отмечается значительное усложнение подлежащих формулировке и разрешению проблем и обсуждаются новые методологические принципы.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Почему не хочется обсуждать сущность социальной философии и почему мы вынуждены это делать?

В секторе социальной философии часто складывается ситуация, когда при рецензировании какой-либо работы возникает вопрос: «А что здесь социально-философского?» или «Почему вы считаете, что ваша книга относится к социальной философии?», или: «Все, что вы говорите, это – область философской антропологии (философии политики, философии права, теоретической социологии), а не социальной философии» или «Ваша монография имеет междисциплинарный характер и не относится к социальной философии». Что-то постоянно останавливает от участия в подобной полемике, напоминающей бесплодные дискуссии о предмете философии тридцатилетней давности. Ставя так вопрос о предмете социальной философии, мы пытаемся выстроить философию в качестве позитивной науки, а философия имеет самостоятельный статус¹.

«Социология философий»

Ошибочным представляется убеждение, будто для того, чтобы заниматься социальной философией, надо точно знать, что это такое. Часто бывает, что человек, посвятивший этому уяснению едва ли ни жизнь, ничего в социальной философии не сделал. На деле получается уход от предмета исследования, непонимание подвижности границ между дисциплинами, принципиального характера междисциплинарности. Рассуждения о философских дисциплинах вне предметного контекста, т.е. не по поводу конкретного исследования, ведут в область изучения, переданную временем науковедению или к попыткам построить некое философование. Но если такой раздел знания существует или должен существовать, то его методы не могут быть почерпнуты из социальной философии.

Один из очень немногих авторов, который проделал эту работу в отношении философских направлений, подобно тому, как Т.Кун в отношении науки, – Р.Коллинз. Он назвал свое исследование «социологией философий» и использовал не философские подходы, а новые методы – анализ философских сообществ или философских сетей². По мнению Коллинза, «мы могли бы проследивать данные

сети... вплоть до наших дней. Некоторые связи достаточно просты: в Америке — от Куайна и Рейхенбаха к Патнэму, от Карнапа к Рорти, от Поппера к Фейерабенду; во Франции — от Мерло-Понти к Фуко и Даррида, от Арона к Бурдьё; в Германии — от Хайдеггера через Оскара Беккера к Хабермасу. Но у нас нет способа узнать, о ком (если о ком-либо вообще) будут помнить как о выдающейся или второстепенной фигуре. Такова уж природа пространства интеллектуального внимания. Оно внутренне образовано потоком конфликтов и перегруппировок через поколения, а наша значимость как мельчайших человеческих узелков в этой долговременной сети производится не нами самими, но процессами *резонанса* (курсив наш. — *Отв. ред.*), превращающими некоторые имена в символы того, что произошло в памятных поворотных пунктах данного потока»³.

М.Рыклин в докладе, сделанном в Институте философии, представил другую «социологию философий», показав, что западные философы интересовались советскими левыми идеями, а мы пытались освоить западные философские теории. На наш взгляд, это может быть объяснено исходя из разделения идеологии и утопии в концепции К.Мангейма. Идеологии — это любые идеи, поддерживающие статус кво, утопии же — любые идеи, пытающиеся его изменить. Если взять это разделение за объясняющую модель, то можно дать следующую интерпретацию сказанному: социальная философия марксизма, являясь идеологией в СССР, была утопией для Запада. Западные социально-философские идеи, игравшие роль там, нами воспринимались как утопии.

В России сообщество социальных философов складывается плохо, как и научные сообщества вообще, мы не склонны выделять из своей среды общепризнанных научных лидеров, своих попперов и фейерабендов. Существуют кланово-корпоративные тенденции, проявляющиеся в игнорировании известных работ по причине неуважения к представителям вне клана или в другом клане находящихся ученых⁴. Кроме того, индекс цитирования российских ученых (характеризующий упомянутый Коллинзом резонанс их деятельности за пределами сообщества) остается за рубежом низким. На всех международных конференциях российские философы выглядят вполне достойно⁵, но их труды мало переводятся на иностранные языки, не принимаются в ведущие журналы Запада по причинам, которые можно характеризовать как неадекватная научная политика Запада в отношении посткоммунистических стран, разо-

чаровывающее невнимание к достижениям ученых этих стран и их теоретической деятельности. Трое венгерских ученых характеризовали деятельность Запада через их фонды, безусловно поддерживающие ученых посткоммунистических стран материально, как обязывающие их к работе в сфере базы данных или освоения западных теорий, но не допускающие даже предположительной возможности или способности ученых этих стран к производству новых теорий⁶. В этой связи кажется совершенно неоправданным мнение А. Багатурова, который сетует на то, что миллионы потраченных Западом долларов в России не привели к росту самостоятельных теоретических достижений российской науки об обществе⁷. Эти траты привели к тому, чего хотел Запад — к освоению западной науки и философии в посткоммунистических странах, к посткоммунистической деидеологизации. И эти задачи выполнены.

И если заняться «философованием» или социологией социальной философии, то мы, пожалуй, встанем перед совсем иными задачами, чем социальная философия: изучением ее эволюции, смены идей в результате социальных изменений, конкуренции сообществ, образования сетей и связей между социальными философами. Различие социальной философии и социологии социальной философии будет примерно таким, как между физикой и историей физики, которая включает в себя и анализ социальных условий формирования познавательного аппарата. Это можно также сравнить с различием работы ученого и методолога. Ученый решает проблемы, а методолог работает совсем с другой реальностью — с методами ученого, а не с объективным миром природы или общества.

Коллинз предлагает такую методологию анализа истории философии (и практически реализует ее), которая рассматривает философские изменения не только как продукт интеллектуальной эволюции и конкуренции, но как следствие формирования и соперничества интеллектуальных сетей, институционализированных через университеты или «невидимые колледжи». Через университеты интеллектуалы получили контроль над своей интеллектуальной основой, формировали идеологию университетской революции через философию. В социологии знания наука перестает рассматриваться в отрыве от социальной среды и соответствующего ей уровня познавательных средств, включает институциональные особенности своего воспроизводства. В «социологии философий» Коллинз подверг сходному анализу философские учения.

Что же такое социальная философия?

Теоретическая работа в области социальной философии в значительной мере определена как традициями философской классики, так и современными тенденциями.

Часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда идеологическая перестройка и даже радикальный переход ряда социальных философов на позиции либерализма не изменили их научных парадигм, оставили их прежними (относящимися к историческому материализму). Суть тут в том, что старые способы исследования действуют вопреки мнению их носителей о том, что они следуют другим принципам. Это качественным образом отличается от позиции тех исследователей, которые сознательно остались на позициях исторического материализма, приложили усилия к его развитию.

Полемика относительно содержания социальной философии и ее современных задач проведена журналом «Личность. Культура. Общество»⁸. Она представляется необходимой как раз потому, почему мы не решались начать дискуссию о социальной философии: из-за парадигмальной неясности, расплывчатости предметной области, путанице в понимании того, чем занимается и должна заниматься социальная философия. В дискуссии приняли участие признанные специалисты (В.С.Барулин, М.С.Каган, В.Ж.Келле, В.Е.Кемеров, К.Х.Момджян, К.С.Пигров, Н.С.Розов и др.), и она обозначила как сходства, так и различия в ответе на эти вопросы.

Можно выделить несколько пониманий социальной философии.

1. *Как философии вообще.* Ее составные части, выделенные Кантом: логика, физика и этика, они дополнены эпистемологией, методологией науки, либо в новой трактовке гносеологией, онтологией, этикой/аксиологией (как это предложил в дискуссии Н.С.Розов). Они имеют социальную обусловленность, возникли на определенном этапе развития общества и форм взаимодействия людей. Многие сомневаются в том, что в наш век материализма в нефилософском смысле слова философия имеет значение. Даже на XXI Всемирном философском конгрессе (Стамбул, август 2003) некоторые докладчики говорили о «смерти философии», размывании ее предметной области, о том, что философия занимается теперь всем, чем угодно. Тема конца философии, конца метафизики, в настоящее время представленная в трудах многих философов, в частности у Ю.Хабермаса, не является новой. Упомянутый американский исследователь Р.Коллинз, подробно изучивший интеллектуальные изменения в глобальном масштабе, показывает переменчивые отношения между метафизикой и на-

укой, метафизикой и религией, подмечает закономерность, которая, возможно, действует и сегодня: «Декарт и его современники, пытаясь заменить философию наукой, тем не менее, строили свои программные аргументы на почве философии. Сторонники секуляризации, надеясь положить конец религиозному раздору, изгоняли метафизику как остаток теологии, но при этом сами сплетали *другую сеть абстрактных вопросов*. Данный паттерн повторяется: вновь и вновь *попытки уничтожить философию создают некий более высокий уровень, на котором происходит дальнейшее расширение сферы философии*»⁹ (курсив наш. — *Отв. ред.*).

Самый замечательный ответ о сущности философии дал далекий от совершенства компьютер, когда, желая проверить программу перевода, ему предложили короткий текст, начинающийся словами: «Он работает в Институте философии». Компьютер перевел: «Он работает в Институте первопринципов». А первопринципы есть в логике, физике, этике, в гносеологии, онтологии, в том числе и социальной, аксиологии, и все они укоренены во взаимоотношениях людей и их общественных связях. Коллинз четко показал, что мы не можем рассматривать проблемы социальной философии как следствие только филиации идей. Они всегда являются результатом взаимодействия научных сообществ, университетских кафедр и академических подразделений, индивидуального научного творчества, влияния социальных запросов на данный тип знания и пр., но вовсе не объективным продуктом, в котором отражалось бы действительное или истинное положение дел. Ибо само это положение дел складывается из множества составляющих, в том числе из интеллектуальной деятельности философов и их самосознания, их стремления организовать, защитить и наполнить содержанием свою область знания.

2. *Социальная философия как аспект философской деятельности, относящийся к изучению общества.* Именно в таком смысле чаще всего употребляется термин «социальная философия» в западных источниках: «социальная философия Платона», «социальная философия Канта», «социальная философия Бертрانا Рассела» и пр. Если философ сомневается в своей способности познать социальный мир и в своей значимости, ему может помочь ощущение ответственности за формирование мысленного проекта будущего. Его можно найти у Гоббса (преодоление войны всех против всех посредством передачи функций легитимного насилия государству), Локка (ограничение своеволия государства гражданским обществом, но возможность соперничества и войн между государствами), Канта (проект вечного мира). Это социальная философия в лучшем виде. Только принимая во внимание со-

циологический аспект дискуссии по проблемам социальной философии, можно увидеть, что конкуренция точек зрения может практически сказаться на институциональных изменениях — в ее преподавании и организации исследований по социальной философии в научных институтах. Это означает, что философ, сознавая значение первопринципов, особо остро ощущает их необходимость и даже необходимость духовной революции, сталкиваясь с неудовлетворяющим его состоянием общества, с огрубленной и плоской социальной реальностью.

3. *Социальная философия как одна из философских дисциплин, изучающая предельные основания социальной жизни, человеческих взаимоотношений и общежития.* Именно здесь действуют образовательные стандарты, выделяющие эту дисциплину в специальность, стандарты ее содержания и пр. С той или иной степенью различия эта дефиниция социальной философии была базовой в журнальной дискуссии.

Работая в дисциплинарной области социальной философии, мы, несомненно, принимаем во внимание все ее другие уровни, включаем их в свое дисциплинарное поле. Что же сказано нового? Пожалуй, следующее: а) нельзя отождествлять социальную философию с социологией социальной философии, но и не упускать ее из вида; б) необходимо усомниться «в смерти философии» и сказать, что ее «жизнь» зависит если не от нас, то от тех, кто будет после нас и в) отметить, что тема социальной философии не сводится к выделению дисциплины; содержание этой дисциплины связано не с ее предметом или методом, а скорее, с ее способностью применить первопринципы или сформулировать их для проблемного поля социальных изменений и для решения социальных проблем. Иными словами, изучать общество не так, как его бы стал изучать ученый, а под углом зрения перспектив его наилучшего будущего, а значит, и нашей профессиональной ответственности за него. Призыв к антропологическому повороту в философии сегодня важен, т.к. в условиях радикальных социальных трансформаций многое зависит от того, каков человек, и этот поворот обсуждается в нашей книге. Но, вместе с тем, этот поворот не означает ухода от проблем общества, т.к. люди в массе своей таковы, каково общество. Когда разрушается социальное, приходится изучать культурное. Когда разрушается культурное, приходится изучать психологическое. Когда рухнет психологическое, приходится говорить о биологическом. И снова собирать все это новое, мысленно сконструированное психическое, культурное, социальное. Попытка отождествления понятия общества, социального, социальнойности с общением, коммуникацией, взаимодействием людей необходима, но недостаточна. На уровне взаимодействия общество мо-

жет и не возникнуть или быть недостроенным, ограниченным уровнем выживания. В отличие от этого общество выступает как система, достроенная доверху и имеющая иерархию уровней (например, у Т.Парсонса это — не только адаптация, но и достижение целей, социальная интеграция и воспроизводство культурных образцов).

Все «недостроенности» переходных периодов (а сейчас весь мир в процессе трансформаций) требуют от социальной философии динамичного отношения к масштабу исследований. Предельно общий уровень философии, безусловно, сохраняется, но социальная философия с позиций «первопринципов» обращается и к проблемам не только самого общего уровня, но и среднего, и микроуровня. В данной книге рассмотрены проблемы информации, демографии, синергетического моделирования истории применительно к России. Это потребовало методологических размышлений и навыков анализа конкретных ситуаций. Методологические проблемы отражены в главах, осмысляющих методологию анализа повседневности, антропологических проблем, эволюции капитализма, представлений о нем. Микроуровень анализа представлен в главах о трудовой коммуне.

Сущность социального выявляется сегодня из осмысления новых ситуаций, поисков их объяснений с использованием новых теоретических средств, а также посредством реинтерпретации классических социальных теорий — А.Смита, И.Канта, О.Конта, К.Маркса, Э.Дюркгейма, Г.Тарда, М.Вебера и др. В данной монографии такие попытки предприняты в отношении К.Маркса и А.Смита. Здесь новое выступает как забытое или иначе проинтерпретированное старое. К числу таких глав относятся те, которые посвящены универсальности, общественному богатству, эволюции капитализма и развитию экономической науки в контексте этой эволюции. Мы так же анализируем сравнительно новые понятия, позволяющие дополнить реинтерпретации классики новыми аргументами. Так, в главах «Социальный порядок и экономика», «Феномен жизни и человеческое развитие: в поисках новой парадигмы социально-философского анализа» используются понятия «социальный капитал», «человеческий капитал», «культурный капитал», «символический капитал», а также обсуждается проблема социального, человеческого, культурного и символического потенциалов. Эти новые понятия возникли под влиянием доминирования экономики, идей капитализации, но вырвались из предназначенных им по происхождению рамок как раз для доказательства противоположного — подчеркивания значимости именно социального, человеческого, культурного, символического, соизмеримых с экономическим капиталом и превосходящим его значимость.

К конкуренции концепций и реинтерпетаций добавляется вопрос о том, что же подлежит анализу, что же исследуется в качестве социальной реальности.

Социальная реальность: в чем она?

Социальная философия никогда не давала однозначный ответ на этот вопрос, и новым является только то, что сегодня появились сомнения в самом ее существовании. Именно это последнее вызывает интерес к «социологии философий», где, скорее всего, проблема «исчезновения» социального может быть затронута. Сегодня тема исчезновения метафизического, политического, социального обрела популярность. Она заключает как реальные социальные изменения, меняющие социальность объективно, так изменение ее восприятия, отраженное в социальных теориях и общественном дискурсе в целом.

Естествознание раньше и более болезненно столкнулось с такими меняющимися онтологиями и сегодня не боится «исчезновения материи». Как показал В.С.Степин, онтологизация в естествознании, в физике в частности, осуществляется как селекция работающих абстракций и отделение их от неработающих. Абстракции типа теплорода и флогистона перестали быть работающими и не формируют онтологию. (Мы не думаем сегодня, что мир состоит из теплорода и флогистона, из эфира, из апейронов. — *Отв. ред.*). Такие же абстракции, как атом, электрон, энергия стали работающими, и на них строилась онтология физического мира. (Мы думаем, что мир состоит из этих элементов. — *Отв. ред.*). Отношение к предмету познания дано не в форме созерцания, а в форме деятельности. Это приводит к тому, что типы объяснения оказывались связанными с ценностями культуры, а сами эти ценности входят в базовые ценности бытия. Научные теории рефлексируют свои основания, практическая деятельность требует убежденности в правильности понимания и предлагаемых решениях¹⁰. Практика сегодня является частью контекста производства знания, различия между эпистемой и доксой, как это называли в античной философии, стираются. Многие концепции формируются под влиянием внешних целей. Те, что сложились иными путями, нуждаются в специальных процедурах онтологизации и не могут быть восприняты ни как слепок с объекта в знании, ни как то, что может быть скопировано для целей преобразования общества. *Сегодня в связи с изменчивостью и непрочностью социальных онтологий их уяснение требует не только познавательных реконструкций,*

но и нормативного дискурса — даже в естествознании, не говоря уже о социальной сфере, где практически возможное может быть не связано с научным, научно отрефлексированное может оказаться морально неприемлемым, где объективность и квазиприродность социальных процессов сочетается с субъективными намерениями людей, деятельностью политиков, социальными технологиями и пр.

Достаточно обратиться к истории социальных идей, чтобы увидеть бесконечную смену и конкуренцию онтологий. О.Конт (1798—1857) открывает социальное как род метафизики, социотеологию, для которой Человечество или все человеческое общество в целом выступает как потенциально наиболее совершенное и в то же время позитивное (данное как факт), устремленное к развитию, прогрессу, порядку. Это — не виртуальные характеристики, а то, чем человечество может стать вследствие своей ориентации на прогресс. Контовский позитивизм имеет практические цели — он ставит, говоря сегодняшним языком, задачи менеджмента социальных трансформаций. Г.Спенсер (1820—1903) полагает, что общество — это не собрание индивидов, а особое бытие, общественный организм, имеющий структуру, функции способность к росту. Метафизически-философская трактовка социальной реальности сменяется натуралистической, рассматривающей общество как квазиприродный объект, подобный биологическому организму. К.Маркс (1818—1883) в понимании общества выделял в качестве системообразующего элемента производственные отношения, складывающиеся независимо от воли и сознания людей. Эти отношения соответствуют определенной ступени общественного развития. Они составляют базис общества, над которым возвышается надстройка в виде общественного сознания и идеологических (прошедших через сознание и зависящих от него) отношений и учреждений. Э.Дюркгейм (1858—1917) наследует социотеологию Конта, считая общество, уже конкретное, а не все человечество, высшей реальностью. Социологизм и натурализм были базовой чертой его методологии, определявшей его понимание социальной реальности как конкретного общества и имеющихся в нем социальных фактов. Социальные факты делятся у него на морфологические (материальный субстрат) и коллективные представления, характеризующие моральную целостность общества. Разрушение коллективных представлений ведет к аномии — «безнормию», отсутствию или несогласованию ценностей. Оба типа фактов Дюркгейм рассматривает как вещи. Это в равной мере относится к фактам того и другого типа. Классик натуралистического подхода в социологии, он прямо определяет сущность натуралистического метода как превращения иссле-

дуемого объекта в вещь: «Положение, согласно которому социальные факты должны рассматриваться как вещи, — положение, лежащее в самой основе нашего метода, — вызвало больше всего возражений. То, что мы уподобляем реальность социального мира реальности мира внешнего, нашли парадоксальным и возмутительным. Это значит глубоко заблуждаться относительно смысла и значения данного уподобления, цель которого — не низвести высшие формы бытия до уровня низших форм, но, наоборот, востребовать для первого уровня реальности, по крайней мере равного тому, который все признают за вторыми. На самом деле мы не утверждаем, что социальные факты — это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад»¹¹. Как показывает современный немецкий исследователь К.О.Апель, «основная черта того, что в Новое время со времен Ренессанса развивалось в качестве науки, заключается в том, что одно *сущее* в своем фактическом проявлении объясняется из другого *сущего*. Это мышление находит свое классическое выражение в причинно-аналитическом методе исследования естествознания. Его основной мотив и его подтверждение заключено в техническом овладении природой как средством...»¹². Но этот подход распространяется и на науки об обществе, игнорируя достигнутую немецким идеализмом возможность объяснять явления духа из них самих. «XIX век, — пишет Апель, — знал только две формы действительности вообще: физическое и психическое, причем то и другое, разворачивающееся во времени»¹³.

Дюркгейм разделяет общества, исходя из различий в типе солидарности. Механическая солидарность архаических обществ определена отсутствием дифференциации индивидов, их сходством. Органическая солидарность вырастает из взаимодействия, вызванного разделением труда. Дюркгейм придерживается социоцентристской позиции, при которой общество рассматривается как самостоятельное бытие, превосходящее совокупность индивидов¹⁴. Социальная реальность Дюркгейма непосредственно наблюдаема. Позже такая позиция получает название наивного реализма. Под наивным реализмом понимается соответствие понятия действительности, возможность онтологизации теоретических конструктов¹⁵. Такие социальные реальности как «культура», «цивилизация» и др., не являются эмпирическими данными и не получают однозначной трактовки при понимании.

Как правило, альтернативная Дюркгейму позиция в трактовке социального фиксируется у Г.Тарда (1843—1904), социальная онтология которого прямо противоположна. Он произвел переоценку мо-

тиваций индивидов, ведущую к изменению социальной онтологии. Она образуется социальными индивидами, обладающими воображением и способностью к творчеству, инновациям. Становление социального у него начинается с индивидуализации и завершается переходом от психологических состояний к культурным, от утверждений единой социальности к признанию ее многообразия, вариабельности, количественным параметрам. Тард был специалист по статистике, и данные последней имели для него особое значение. Он изучал толпу и знал о ее способности внезапно прийти в новое состояние, образующее разрыв в социальной реальности, но, вместе с тем, ее продолжение. Тард находит аргументы против взглядов Дюркгейма на социальную реальность. Он считает, что не все социальные философы живут в одном и том же мире и разделяют одни и те же представления о солидарности. Кроме того, социальные теоретики не являются связанными между собой общими эпистемологическими представлениями.

Реинтерпретация Тарда позволила Б.Латуром положить деятельность индивида и его взаимодействие с другими в основание общества, что привело его к рассмотрению социальной реальности как сети акторов¹⁶. Эта концепция, в свою очередь, эволюционировала в разделение активности человека и его общностей. Активность характеризуется переходом от поведения к социальным действиям, от социальных действий к взаимодействиям, от взаимодействий к социальным отношениям, от социальных отношений к организациям, от организаций к социальным структурам. Общности же характеризуются переходом от индивидов к разному типу социальных групп¹⁷ — общности, общине, локальному обществу, региональному обществу, обществу, размещенному в национально-государственных границах, человеческому обществу в целом.

Особый интерес к Тарду проявляют постмодернисты, рассматривающие Тарда как своего предшественника, не являющегося релятивистом, но отрицающего монолитность общества¹⁸. Проблема «исчезновения социального» поднята преимущественно ими. Социальное, по мнению Ж. Бодрийара, растворяется в черной дыре массового общества, в «молчании масс». Это уже не собрание «одномерных людей» (Г.Маркузе) и не людей «без свойств» (Р.Музиль), а *большинство без свойств*. Апатия, присущая массам, полагает Бодрийар, «относится к их сущности, это их единственная практика, и говорить о какой-либо другой, подлинной, а значит и оплакивать то, что массами якобы утрачено, бессмысленно»¹⁹. Однако задолго до Бодрийара, до его *апатичной массы* была известна *восставшая масса* Х.Ортеги-и-Гассе-

та, *пассивная масса* Г.Блумера. Ортега-и-Гассет объяснял, в каком смысле и почему воссталась масса, Блумер описывал, почему на другом историческом этапе она оказалась пассивной. Апатичной, по мнению Бодрийара масса стала именно из-за своего господства, которым она вытеснила социальное. Можно согласиться, что пренебрежение иерархией социальной структуры («перелицевывание общества») поставило массу не только выше творческого меньшинства, но и выше социального, которое прежде могло скорректировать поведение масс. Не имея над собой социального, масса стала диктовать свой вкус. Общение с массой, согласно Бодрийару, возможно лишь как мониторинг, который выхватывает что-то, что тотчас же гаснет и поглощается в массе и не имеет никакого значения для структурирования этого бесструктурного образования. «Рациональная коммуникация и массы несовместимы, — пишет Бодрийар. — Массам *преподносят смысл* (курсив наш. — *Авт.*), а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями. Массы — это те, кто ...поработен стереотипами, это те, кто воспринимает все что угодно, лишь бы это оказалось зрелищем»²⁰. Бодрийар говорит, что все имеет свою репрезентацию, кроме массы. Он утверждает, что «пренебрежение смыслом красноречиво характеризует молчаливую пассивность»²¹.

Как видим, судьба социальной реальности, социальности оказалась в полном соответствии с рассмотренным выше примером реальности физической: она — продукт развития общества, продукт концепций, которые конкурируют или вытесняют другие, продукт базовых культурных представлений. Онтологизируются наиболее работоспособные и более культурно приемлемые конструкты, более отвечающие объективным переменам, как это было отмечено В.С.Степиным.

В социальных науках «социология философий» является важным фактором образования сети научных акторов, создающей определенное направление в некоторое определенное время, либо пронизывающей разные времена. Это касается также пространственной локализации философского, социологического направления и его способности организовать пространственную сеть. Работа, которую можно было бы, хотя и в меньшей мере, чем книгу Коллинза, отнести к «социологии философий», «социологии социальных философий» или «социологии социологий» — статья А.Верника «От Конта к Бодрийару. Социотология после конца социального»²². В отличие от уже достаточно известной связи социального с временными, пространственными, историческими, культурными и когнитивными параметрами,

позволяющими произвести ту или иную онтологизацию, здесь раскрывается значение социально-философского сообщества в проведении некоей национальной традиции онтологизации, которая одновременно является социально обусловленной историей мысли, историей идей, включенных в сеть сообщества социальных теоретиков.

Верник находит в истории социально-философской и социологической мысли Франции некую «арку», идущую от Конта к Бодрийару. Все звенья ее конструкции культурно, когнитивно, исторически и пространственно связаны, но, в конечном итоге, сложились под влиянием избирательного интереса социально-философских акторов друг к другу. Возвеличение человечества Контом, общества Дюркгеймом было двойной реакцией на секуляризм Великой Французской революции. Это был возврат к Богу. Но в иной форме – в форме обожествления социального – социотеологии. Искали общество Бога, общество, в котором представлен Бог (вопреки «смерти Бога» у Ф.Ницше). Это было связано с когнитивным поиском такой социальной науки, как социология, которая стремилась быть позитивной, рефлексивной, *sui generis reality*. Эти теории должны были стать одновременно буржуазными социологиями, объясняющими капитализм и ищущими его лучшие формы в преодолении апории между верой и разумом. И, наконец, они вели к К.Марксу, З.Фрейдю, Ф.Ницше, М.Хайдеггеру, а во Франции к Ж.Батаю, Ж.Бодрийару, М.Фуко. Они вели во Франции к посттеистскому мировоззрению, «к сообществу, которое исключает сообщество» у Батая, к структуралистской деисторизации, к вторжению языка, к снижению статуса высших ценностей, симулякрам Бодрийара, к коллапсу «реально существующего социализма» и к победному маршу глобального капитализма.

Величайшее бытие в форме человечества у Конта потребовало длительного периода преодоления войн, неравенства, выработки форм солидарности и пока не осуществилось. Биологоцентристская концепция Г.Спенсера напоминает сегодня о значении биологического в человеке для его социальной жизни, но общество вряд ли стало организмом. По крайней мере, это – социальный организм. Маркс остается классиком XIX в. и разделяет судьбу всех классиков. Более того, проблемы превращенных форм сознания, справедливости, технологического применения фундаментальных наук сегодня актуальны, как никогда. Но капитализм, освоив достижения социализма, победил. Величайшее общество Дюркгейма, солидарность которого базировалась не только на разделении труда, но и на моральном единстве в коллективных представлениях столкнулось с аномией, а в посткоммунистический период и с аномией целых обществ. В отличие

от Э.Дюркгейма (и Т.Парсонса), Р.Мертон не связывает аномию с переходными состояниями в обществе. Он видит постоянный источник аномии в социальной структуре капиталистического и особенно американского общества. Социальная структура представляет у него комбинацию двух параметров: одобряемые культурой данного общества индивидуальные цели и институциональные средства их достижения. Целями американца, соответствующими кредо его страны, является материальная обеспеченность и успех. Но эти цели с трудом достигаются теми средствами, которые предлагаются институциональной структурой, а именно образованием и упорным трудом. Несогласованность целей и средств и рождает аномию, ситуацию риска. Толпы Тарда время от времени появляются на улицах, и мы все больше нуждаемся в социально-психологическом знании.

Сама жизнь создает изменения, отражаемые в теории. Но теории представляют мир в соответствии с предпочтениями, ценностями, когнитивным опытом, социальными позициями теоретиков в сложившихся научных сообществах и сетях, потенциально включающих многообразие возможностей кооперации, но реально складывающихся под влиянием множества обстоятельств.

Верник делает парадоксальное заключение о сплетении линий французской социальной философии и социологии: «Первое состоит в том, что открытие социотеологической проблематики Контом отрицало ее базис; второе состоит в том, что в декларации ее преодоления Бодрийар, среди других, нашел путь продолжения этой (Конта. — *Отв. ред.*) линии»²³. Суть сказанного: Конт был ограничен научно-индустриальной стадией развития общества, в которой совпали формирование свободных ассоциаций, вера в прогресс и альтруизм. Сакрализация человечества связана не с его коллективностью и способностью к развитию, а с самим стремлением стать человеческим обществом. Человечество не было дано Конту как уже осуществленное. Поэтому кантовское обожествление человечества вполне сочетается с Марксовым антирелигиозным признанием человечества.

Социальное не исчезает. Даже в самом радикальном варианте его конца — в концепции Бодрийара в форме отказа от этого понятия содержится критика общества и желание улучшить социальное посредством знания. Бодрийар «проигрывает» несколько гипотез по поводу его исчезновения, показывая, в какой точке социально-теоретической сети он находится. «Социальное в основном никогда не существовало». Он говорит это Батаю с его революционаризмом и Дюркгейму с его примордиальным социальным. «Социальное действительно существовало, и существует все больше и больше». Он го-

ворит это им же и Конту, подчеркивая значение социального как горизонта и как симулякра. И, наконец, он говорит, что «социальное в самом деле действительно существовало, но не существует более». Это предназначается для Маркса и Конта, ибо речь об исчезновении признанного ими социального. Социальное меняется. Но не исчезает.

Пройдя путь от критики наивно реалистического понимания социального в пользу теоретически конструируемой социальной реальности, теоретики сегодня подошли к двум новым точкам зрения:

1. Социальная реальность конструируется не только теориями, работающие абстракции которых «вырезают» определенный слой социального в качестве реальности, но и практикой, совместной деятельностью людей.

2. Наивный реализм не может быть полностью отвергнут, он существует в восприятии повседневности большими массами людей.

И. Валлерстайн подтверждает это следующим образом: «...социальные факты, с которыми мы имеем дело, социальны в двух смыслах: они являются восприятием реальности, в большей или меньшей степени разделяемыми группами средней численности, но имеющим свои оттенки для каждого отдельного члена этих групп. И это социально конструируемые восприятия. Но скажем со всей ясностью: интерес представляет не социальная конструкция мира, предполагаемая тем или иным исследователем, но конструкция социальной реальности, выработанная коллективно в результате совместной деятельности людей. Мир таков, каков он есть, благодаря всему тому, что предшествовало данному моменту. Исследователь пытается разглядеть, каким образом коллективными усилиями создан мир, и при этом, конечно, он использует собственное социально сконструированное видение...

С одной стороны, реальный мир, несомненно, существует... Но, с другой стороны, также справедливо, что можем познать мир лишь через наше видение его, являющееся, без сомнения коллективным социальным видением...»²⁴.

И в данной монографии мы пытаемся показать, что, несмотря на усложнение социального, угроз для него в виде варварства, релятивизма, аномии и апатии, корпоративности и маргинализации, социальные философы пытаются на уровне авторских концепций выстроить его понимание и образ, подходящий для человеческого существования. Для одних это – попытка построения новой систематизации категорий для усложняющегося и противоречивого мира (А.С.Ахизер, М.Э.Рябова, А.А.Сычев) или методологии (С.А.Королев, В.П.Веряскина). Для других – исследования порядка

и предпорядков переходного периода, анализа эволюции капитализма и экономической науки в этом контексте (В.Г.Федотова, В.А.Колпаков). Для третьих – переосмысления базовых марксистских положений (В.Б.Власова, В.В.Денисов, И.Н.Сиземская), анализа новых категорий (А.С.Ахиезер, М.Э.Рябова, А.А.Сычев, В.А.Веряскина, В.А.Колпаков, Л.И.Новикова, В.Г.Федотова) Для четвертых – социально-философский микроанализ (А.С.Ахиезер, С.А.Королев). Для пятых – анализ ритмов российской истории и ее демографии (В.Г.Буданов, И.А.Крылова) У социальной философии всегда есть работа постижения и созидания социального.

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ – ОТВЕТ НА УСЛОЖНЕНИЕ ДИНАМИЧНОГО ОБЩЕСТВА

В данном разделе рассмотрен ответ социальной философии на усложнение и растущее разнообразие развивающегося общества, предпринята попытка введения новых категорий (иноязычие, смех, страх) и методов (метод дуальных оппозиций). Обсуждается методология достижения полноты категорий.

Анализируется также проблема универсальности и эвристический смысл категории универсальной деятельности.

Усложнение проблем, стоящих перед людьми, перед наукой, требует более или менее адекватной методологии познания. В истории человечества бывали целые исторические периоды, когда накопления сложности приводили к значительным качественным переломам в методологии познания, осознании и разрешении проблем. Самый значительный исторический перелом получил название «осевое время», приведший к значимым поворотам в культуре, в развитии интеллектуализма, к возникновению науки и философии²⁵.

Современный мир характеризуется новым ускорением накопления проблем. Человечество уже дало определенный ответ на это явление. Человек понял, что мир побивает нас своей сложностью. На теоретической основе кибернетики были созданы технические средства, посредством которых человек повышает свою способность разрешать все более сложные проблемы. Проникновение в атомное ядро, выход в космос, генетика, открытие генома человека и биотехнологии, вошедшие в практику, — наиболее очевидные приметы растущей сложности. Усложнение не может обойти общественные науки, имеющие дело с нелинейными, динамичными процессами. Они порождают различные опасности, вплоть до национальных катастроф, что

требует развития способности давать адекватные ответы не только на последствия, но и на приближение кризисов. В общественной науке происходит неупорядоченный рост разнообразного аналитического знания при недостаточных масштабах обобщений. Это тормозит углубление понимания наиболее сложных, а следовательно, наиболее важных процессов.

Глава 1. Новые задачи социальной философии в условиях усложнения социальной жизни

Особое внимание следует обратить на социальную философию в связи с необходимостью использования ею мирового опыта, причем не только опыта науки и философии, но нравственного развития, на ее способность к переосмыслению этого опыта в связи с потоком новых проблем изменяющегося мира.

Возрастание роли синтеза в методологии социальной философии

Социальная философия возникла в Новое время. Ее методология включала движение мысли от частей к целому, к синтезу множества как единства, понимаемого как богатая совокупность, с многочисленными определениями и отношениями. В связи с этим выделялись некоторые определяющие, абстрактные, всеобщие отношения, которые представляют собой разрабатываемые социальной философией социокультурные категории. Этот метод применялся в философии Нового времени его выдающимися представителями, его развитие шло от Декарта к Лейбницу, к немецкой классической философии, к К.Марксу. Не чужда ему была и советская философия. Э.В.Ильенков сформулировал необходимость последовательного прослеживания «связи частных (абстрактных моментов) друг с другом, объем выделяющихся в составе целого. Это и есть движение от частного к общему – от частного, понимаемого как частичное, неполное, фрагментарное отражение целого, к общему, понимаемому как общая (взаимная) связь, сцепление этих частных в составе конкретно-определенного целого, как совокупность объективно необходимых и объективно синтезированных различных частей»²⁶. В качестве «абстрактных моментов» Ильенков рассматривает важные для марксистской социально-философской концепции категории, которые подлежат последующему синтезу. Социальная философия стре-

мится к построению теории функционирования и развития общества. Фактами философа при этом являются теории специальных наук. Акцент здесь переносится не на готовую заданную идею, как это имело место в теоретических построениях Средневековья, а на *ее формирование авторами концепций* социальной философии, который берет на себя за нее ответственность. Содержание, характер целого концепции социальной философии является результатом творческого синтеза — результатом деятельности профессионального философа. Современные методологические исследования генезиса теоретического знания от «частных теоретических схем» к становлению «фундаментальных теоретических схем» через выделение абстрактных моделей идут к созданию «парадигмальных образов». Такие схемы открывают путь решению теоретических задач, что соответствует последовательному формированию концепции социальной философии. В.С.Степин показал, что «построение развитой теории осуществляется как поэтапный синтез и обобщения частных теоретических схем и законов»²⁷. Возникает необходимость анализа этого пути для социальной философии.

Ниже делается попытка продемонстрировать такой подход на примере разработки методологии двух социально-философских концепций: «иноязычие как фактор формирования личности» и «смех как механизм социокультурной динамики».

Разнообразие и методология дуальных оппозиций

Обратим внимание на одну особенность, стихийно складывающуюся в методологии науки Нового времени. В качестве основания логики исследования берется, с одной стороны, представление об обществе как целом. Но одновременно берется и некоторая специфическая «часть» общества, ее «момент». Эта методологическая дуальность означает, что в основу исследования кладется некоторая дуальная оппозиция части и целого, позволяющая рассматривать полюса этой оппозиции через их диалектическое взаимопроникновение — взаимоотталкивание.

В постсоветской России для развития социальной философии характерно признание возрастающего значения культуры в обществе, в развитии личности, что приводит к увеличивающемуся значению категорий культуры в социально-философском синтезе. Знание о целом формируется как конкретизация гипотезы категориального синтеза некоторой предполагаемой общности. В качестве основы это-

го целого могут рассматриваться циклы истории, определяющие динамику российского общества, его движущих сил²⁸ (см. гл. 12). Обращает на себя внимание новый принцип анализа, обозначенный как исследование возможностей «хорошего общества», основанного на выдвигании на первый план ценностной проблематики, а также поисков эмпирических, нормативных и теоретических характеристик улучшения²⁹. Использование методологического приема дуальных оппозиций особенно хорошо понятно в России, для которой характерен раскол культуры. Значение дуальной оппозиции хорошо проявляется в процессе анализа внутренней связи научного творчества и роста разнообразия.

Суть этой проблемы заключается в следующем. Разнообразие человеческого мира, его условий, средств и целей заключается в том, что мир наполнен бесконечным множеством реальных и потенциальных явлений, факторов, которые в свете проблемы, решаемой субъектом, могут на определенном этапе их рассмотрения выступать как реально не значимые, представлять мир как наполненный случайностями. Человек может сталкиваться с ними непреднамеренно, не ставя каких-то особых задач, возможно лишь удовлетворяя абстрактное любопытство, играя. Человек может находиться в слепом поиске ответа на какой-то вопрос. Его активность при этом возрастает. Он может рассматривать те или иные факторы как предположительно связанные. Попытка углубить понимание этой связи, проникнуть в ее суть — это, с одной стороны, как бы игра с миром, некоторая игра воображения, но с другой — выявление значимой, возможно объективной связи, схватывание сути вещей, создающее основу разрешения проблемы, который озабочен субъект. В этом проявляется исключительная важность разнообразия, бесконечное поле которого постоянно мерцает намеками на некоторые возможности, пути разрешения проблемы, амбивалентность отношений. Рост разнообразия как бы подсказывает, что в мире таится потенциал бесконечного количества возможностей, и решение проблемы, которая интересует субъекта, зависит от его способности видеть, искать, чувствовать, провоцировать бесконечное поле этих возможностей, которые сначала могли показаться циклическим повторением уже раз навсегда заданного привычного разнообразия. Получение желаемой возможности зависит также от способности искать нужную взаимосвязь в якобы неизменном мире, находить в ней если не полный ответ на вопрос, но вектор движения, который, возможно, приближает к ответу, ведет к нему. Не вдаваясь в подробности, важно обратить внимание, что в социальной философии, впрочем, не только в ней, поиск идет через исходную дуальную оппозицию, о чем уже писалось³⁰.

Специфика теоретизирования в связи и по поводу социальных процессов в Новое время концентрируется на выявлении в обществе значимых содержательных процессов, явлений, определяющих структуры и функции общества, его движущие факторы. Его методология дуальна. Как бы подводя итог поискам этой дуальности, В.Г.Федотова пишет, что современная социальная философия включает метод дуальных оппозиций. Она показывает, например, что у Г.Спенсера имеется разделение на военные и промышленные способы организации, у Э.Дюркгейма выделяются два типа общества — с механической и органической солидарностью на основе разделения труда, у М.Вебера порядки отличаются различием ценностной и целевой рациональности, у Ф.Тенниса — разделение общины и общества и т.д. В.Г.Федотова показывает два типа порядка в период трансформаций — анархический и апатический³¹, о том же говорят в более стабильные времена такие типы порядка, как тоталитарный и демократический. Этот метод открывает возможности конкретизации, лежащий в основании соответствующей концепции конкретной дуальной оппозиции. Конкретизация направлена на логическое пространство *между* полюсами оппозиции. На этой методологической основе формируется, например, концепция иноязычия. О сути этой категории еще будет сказано.

Анализ иноязычия на основе методологии дуальных оппозиций ведет к постижению все более сложных форм отношений языков. Эти сложные формы — результат рассмотрения культуры как множественной, иерархической системы дуальных оппозиций, т.е. результат самоусложнения системы, развития все более сложных систем дуальных оппозиций. Дуальные оппозиции являются методологической основой любого акта осмысления, принятия решения, а следовательно, и акта прогнозирования. Через осмысление дуальной оппозиции происходит развитие активности субъекта. «Дуальная оппозиция может превратиться в проблему лишь тогда, когда ее конкретное содержание осознается субъектом как дискомфортное явление, требующее преодоления, что всегда требует, в свою очередь, определенного уровня культурного развития субъекта»³². Иначе говоря, смысл дуальной оппозиции заключается в том, что она организует движение мысли субъекта и сама является ее результатом.

Центр тяжести предлагаемой социально-философской концепции переносится к анализу формирования способности личности к саморазвитию, т.к. воспроизводство общества является результатом, проявлением этой способности.

Иноязычие: от понятия к категории

Согласно имеющимся исследованиям конкретных наук (филологии, лингвистики, социолингвистики), иноязычие может быть интерпретировано как культурно-семиотический конструкт, позволяющий и одновременно ограничивающий многоуровневый процесс производства и трансляции смыслов. Иноязычие как *понятие науки* обозначает в первую очередь процесс возникновения новых явлений в языке, пришедших из других языков, до недавнего времени чуждых и незнакомых многим носителям иных культур. Это процесс, который проходит на разных уровнях языка: на фонетическом, морфологическом, лексическом, семантическом, синтаксическом и т.д.³³. Иноязычие характеризуется как проникновение элементов другого языка в сознание субъекта, в его родной язык. Иноязычие при таком подходе замкнуто в рамках конкретных наук.

Экспансия иноязычия затрагивает сегодня практически все сферы бытия современного человека – политическую, финансово-экономическую, социальную, культурно-образовательную, бытовую и т.д. Возрастание значимости этого явления в усложняющемся обществе, необходимость изучения его влияния на личность, на общество в целом делает сугубо научный подход недостаточным, возникает необходимость интерпретации иноязычия как полюса социокультурных процессов между ним и обществом в целом, личностью и т.д.

Иноязычие характеризуется возрастающей социальной значимостью для каждого субъекта. В контексте глобальных задач трансформирующегося социума людям все чаще приходится общаться на *ином* языке. Формируются новые установки, формы поведения и ценностные ориентации, различным образом воспринимаемые субъектами общения как комфортные и дискомфортные, как свои и иные, привычные и новые т.д. Все это создает основу для массовой констатации субъектом иноязычия как неотъемлемого фактора своей повседневности. Важным является тот факт, что иноязычие содержит в себе возможность превращения понятия иноязычия в социально-философскую *категорию*, т.е. в узловой пункт, фокус особой концепции социальной философии, нацеленной на анализ взаимопроникновения категории иноязычия и личности как субъекта общества. Иноязычие с точки зрения его общесоциальной важности есть любые социальные ситуации, где и когда личность стоит перед необходимостью преодолеть *многоязычие* как проблему, решаемую или не решаемую через перевод-интерпретацию.

Глубокий смысл иноязычия как важнейшей формы усложнения культуры, психологической жизни, проблематизации жизни личности заключается в том, что оно превращается в интенсивный фокус накопления границ не только между естественными языками, но и языками культур. Нарастает поле культурных актов, т.к. «каждый культурный акт существенно живет на границах... Слово всегда развивалось на меже культур и языков»³⁴. Эту мысль продолжает В.Библер: «Культура есть там, где есть две (как минимум) культуры ... самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой»³⁵. В свете этого подхода иноязычие выступает как фокус интенсификации этих границ, их сгусток, переплетение. Иноязычие может сильнее всего проблематизировать жизнь личности, ставить ее перед все более трудными психологическими, культурологическими проблемами, требующими преодоления изолированности личности, перехода к разнообразным психологическим, различным по своему культурному содержанию конфликтам. Этот нарастающий сгусток границ одновременно несет в себе возможность разделения людей, распада связей, создает почву для конфликта. Категория «иноязычие» акцентирует внимание не только на возможности развития фокусов интенсификации границ, но и на их двойственности, противоречивости, на потенциале конфликтности, т.е. как на позитивном, так и негативном потенциале.

Иноязычие как категория тем самым обогащается более глубоким содержанием. *Оно может рассматриваться как особый случай усложнения общества, проблематизации жизни и деятельности личности*, связанной с необходимостью преодолевать негативный потенциал иноязычия и активизировать позитивный в их конкретно исторических формах. Иноязычие стимулирует личность напряженно работать над повышением своих способностей эффективно ориентироваться в усложняющемся мире, развивать психологические способности выходить за рамки исторически сложившихся привычек, культурной среды. Следует добавить, что в основе этой концепции лежит гипотеза, что между двумя элементами разнообразия социокультурной реальности, т.е., в данном случае, «иноязычие — личность», лежит крайне значимая связь, раскрывающая важный фактор развития личности, что в свою очередь, позволяет углубить наши представления о связи между полюсами «личность — общество». Дуальную оппозицию «иноязычие — личность» можно рассматривать как этап, ступень развития ядра специфической концепции социальной философии, нацеленной на анализ переходов между категориями. Иноязычие в качестве основы концепции выступает как особый институт, который

является возрастающим по важности источником воспроизводства в культуре, в обществе разнообразия, необходимого для любых форм творчества без исключения. По сути, развитие подобной способности общества есть одна из сторон развития, усложнения общества.

Полнота категорий концепции

Специфика иноязычия, как впрочем, и всех других категорий социальной философии, требует его анализа в единстве с другими категориями, что необходимо для формирования системы категорий, которая могла бы претендовать на концепцию социальной философии. Этот переход позволяет переносить центр тяжести рассмотрения проблемы на систему отношений между категориями, что и является переходом к целому. Это движение современного философствования стимулируется разработанной М.Бубером категорией отношения «*между*». Усложнение системы категорий смещает необходимость ее понимания как сферы динамичных отношений. Это приводит к необходимости формирования системы категорий, раскрывающей путь к решению проблемы во всей ее сложности. Другие категории необходимы, поскольку они «вводят в новые системы отношений»³⁶.

Иначе говоря, если на уровне науки можно говорить о том или ином понятии как о ее фокусе, то при ее усложнении, переходе к концепции социальной философии центр смещается в сферу отношения между полюсами, некоторой дуальной оппозиции, отношения в сфере, заполняющей логическое пространство между полюсами. Такую процедуру Степин предлагает называть методом конструктивного обоснования теоретической схемы. «Схемы, прошедшие через эту процедуру, как правило, приобретают новое содержание по сравнению со своим первоначальным гипотетическим вариантом»³⁷. Отсюда возникает необходимость методологии формирования целостной концепции, исходящей из важнейших, сложившихся в рамках специфических наук понятий, при одновременном преобразовании гипотезы о роли и месте иноязычия в особую концепцию социальной философии. Представляется, что категорию «*между*» следует рассматривать как неотъемлемый аспект формирования любых дуальных оппозиций в социальной философии, т.к. эта категория нацеливает на анализ логических процессов в мысли и деятельности между соответствующими полюсами, процессами мысли и деятельности.

Динамика современного мира во всей своей противоречивости требует углубления знаний о движущих силах общества, значении в этом процессе иноязычия. Для решения этой проблемы необходимо понятие конкретной науки интерпретировать как категорию, в конечном итоге как систему категорий, составляющую специфическую концепцию социальной философии. Само содержание синтеза меняется. В рамках отдельных наук происходит синтез потоков накапливаемых знаний, переход от хаоса к обобщающему понятию. Его можно рассматривать как конкретное, как синтез абстрактных моментов формируемого целостного понятия. Это понятие, разумеется, может использоваться и в других науках. Результаты этого синтеза сами оказываются перед дезорганизацией знаний. Но на этот раз речь идет не об эмпирическом хаосе, а о неупорядоченной группе понятий. Отсюда необходимость второго уровня синтеза, что требует рассмотрения этих понятий как абстрактных моментов для формирования конкретного целого, в данном случае, как специфической концепции социальной философии вокруг его ядра «иноязычие — личность». В современном усложняющемся мире бурных потоков новых знаний вряд ли возможно и целесообразно, как уже было сказано, формирование концепций социальной философии на основе односторонней ориентации на уже заданную априорную идею, как это имело место в средневековом мышлении. Нельзя не отметить, что переход на категориальный уровень обобщений означает одновременно возрастание значимости методологии исследования, в частности методологии перехода понятий в категории. «Категории не сводимы к понятиям... Понятие фиксирует наиболее существенные отличительные признаки объекта (как общие, так и специфические). Категория нацелена главным образом на организацию процесса познания, выделение одного из узловых моментов этого процесса,.. поэтому может быть дана изолированно, хотя может быть выведена и как элемент системы понятий. Категория раскрывается всегда в системе категорий»³⁸. Тем самым складывается путь формирования концепции социальной философии, фокусом которой является переход синтеза на все более высокой основе обобщения. Этот путь к социальной философии имеет и обратный вектор. «Абстрактно обрисованное целое (а не неопределенное море единичных фактов), постоянно витающее в представлении как предпосылка всех последовательно совершаемых актов анализа... в итоге предмет в сознании как внутренне расчлененное целое, т.е. как конкретно понятое целое, как верно отраженная конкретность»³⁹. Это значит, что полученное конкретное обобщение является одновременно методологической предпо-

сылкой для противоположного процесса, т.е. для выявления в целом его элементов. Фактически речь идет не о двух процессах, а об одном двустороннем. Его значение в том, что он — основа анализа общества, его внутренних связей, взаимозависимостей, выступающих в концепции в форме систем взаимопроникновения — взаимоотталкивания между категориями.

Социально-философская концепция иноязычия опирается, прежде всего, на категории, которые уже разработаны в научной литературе, как, например, категория личности, на категорию деятельности, деятельной основы личности, как методологической основы ее изучения. Используются также специально сформулированные для этой концепции категории. При этом все они проходят интерпретацию, раскрывающую их значимость для концепции в целом, расширяющими и дополняющими содержание категории иноязычия. Конструирование концепции социальной философии рассматривается как движение, интерпретация всех втягиваемых категорий в некоторую систему, в основе которой лежит сфера знаний между полюсами оппозиции «иноязычие — личность», все значимые общесоциальные процессы, протекающие между ними. Эта интерпретация происходит через отношение категорий, которые сами занимают место полюсов дуальной оппозиции, где их взаимопроникновение создает возможность синтеза. Он возможен, если синтез находит через интерпретацию реальную и потенциальную общую основу. Такой общностью может быть только человеческая деятельность, воспроизводящая общество. Эта деятельность не является неизменной в современном, все более сложном, динамичном обществе. Она характеризуется стремлением, способностью к саморазвитию, что не исключает и противоположной тенденции. Социальная философия как обобщающая теория общества направлена на анализ механизма развития общества. Отсюда следует, что включение новых категорий в формирующуюся социальную философию должно руководствоваться, прежде всего, их ролью в механизме развития общества. Значение таких категорий, как иноязычие и личность, в этом процессе очевидны.

Возрастающее значение для формирования социально-философской концепции иноязычия является понятие *перевода*, которое будучи синтезированным в концепцию, становится категорией *перевода-интерпретации*. Она расширяет представление о переводе с естественных языков до языков культур. *Перевод-интерпретация* — это поток новизны (смыслов) через интерпретацию, где перевод поднимается до уровня перевода смыслов одной культуры на язык смыслов другой, до переводов высших обобщений, до понимания ценности,

специфики других культур. Категория «перевод-интерпретация» расширяет и углубляет иноязычие и тем самым наращивает стимул личности решать все более сложные проблемы, стимулирует способности личности к развитию как субъекта воспроизводства целого. По сути, введение категории «перевода-интерпретации» означает, что категория «иноязычие» начинает охватывать языки культур, распространяется на проблему диалога культур, языков культур и т.д., тем самым раскрывая новые аспекты иноязычия и углубляя его роль для понимания целого (общества).

Интенсификация коммуникативных процессов ведет к разнообразию и к возрастающей частотности применения иноязычия как в естественной, так и в виртуальной реальности, что в значительной степени приобретает характер интенсификации потоков информации, роста сложности и значимости системы коммуникаций, процессов смыслообразования, усложнения ситуаций формирования новых смыслов, культурных инноваций. Тем самым в концепцию включается категория «интенсификации коммуникативных, информационных процессов в масштабе целого». Это создает условия для более глубокого понимания движущих сил развития личности, общества. Интенсификация коммуникативных, информационных процессов приводит к активизации инноваций, формирующихся на грани смыслов, на грани культур, поэтому возникает проблема этих границ. Интенсификация коммуникативных, информационных процессов, составляющая элемент концепции социальной философии, неизбежно интерпретируется как категория, т.к. этот процесс превращается во всеобщую основу интенсификации жизнедеятельности всего общества. Тем самым возрастает полнота концепции, знаний механизмов целого, важнейших отношений внутри этого целого.

В современном мире представляется необходимым включить в формирующуюся концепцию социальной философии категорию «дискурс». Здесь также можно говорить о перерастании исторически сложившегося представления в науке о дискурсе. От нормативного и феноменологических подходов он переходит к пониманию дискурса как основы научного анализа, повышающий интерес к активной роли языка. Происходит осознание, что дискурс превращается в диалог, в постоянное кровообращение общества, обновляющее культуру инновациями, обогащающими личность в творческом, интенсивном процессе формирования культурных, языковых инноваций. Усиливается понимание дискурса как способности человека к обобщению. Специалист по исследованию дискурса М.Макаров написал в этой связи, что «сегодня категория дискурса в социальных науках играет

роль, подобную той, что отведена евро в европейской экономике»⁴⁰. Превращение дискурса в категорию связано также с ослаблением его волевого элемента, с усилением диалогизации дискурса. Это обогащает знания о механизмах развития личности, об изменении основных черт общества, характеристик концепции социальной философии. Тем самым дискурс также может быть синтезирован в предлагаемую концепцию, что связано с дальнейшей конкретизацией путей преодоления двойственности иноязычия на основе развития диалога. Происходит еще один акт обобщения, синтеза концепции иноязычия, обогащения знаний о механизме деятельности личности в условиях иноязычия.

Теоретическое и прикладное значение конструирования этой концепции в том, что возникла возможность понять, как изменяется концепция общества, как развивается механизм влияния на целое изменений на уровне категорий под влиянием роста значимости культуры, роста информационных процессов, системы массовых коммуникаций, усложнения языковых процессов, проблемы перевода-интерпретации, иноязычия и т.д. Одновременно открывается противоположная возможность, а именно анализ влияния динамики целого на соответствующую категорию или категории.

Перейдем теперь к рассмотрению другой концепции.

Смех: от понятия к категории

Из вышеизложенного ясно, что методологически исходным пунктом разворачивания авторской концепции социальной философии может служить любое значимое с авторской точки зрения общественное явление и способность этого автора квалифицировано развернуть ее в концепцию. Рассмотрение в этом качестве понятия смеха имеет достаточное количество обоснований. В частности, впервые на общественное значение смеха указал еще А.Бергсон: «Чтобы понять смех, его необходимо перенести в его естественную среду, каковой является общество; в особенности же необходимо установить полезную функцию смеха, каковая является функцией общественной»⁴¹. В ряде отечественных исследований (М.М.Бахтин, В.Я.Пропп, А.В.Дмитриев) также наблюдается очевидная тенденция к переносу центра тяжести рассмотрения смеха от частнонаучных (эстетических, психологических и пр.) к его анализу как целостного общественного феномена, имеющего ярко выраженное социально-историческое, социокультурное значение.

В этом качестве смех предстает, прежде всего, как идеальное проявление амбивалентности, способности человека формировать смыслы, творчески сочетая и синтезируя противоположные полюса оппозиции, т.е. прежде всего эмоционального и интеллектуального аспектов функций субъекта. Суть смеха, соответственно, раскрывается на границе эмоционального и культурного, *между* ними. Амбивалентность их отношений означает, что смех как синтез этих сторон, аспектов приводит как к взаимопроникновению, так и распаду этих аспектов жизни человека, к сдвигам в их содержании. Взаимопроникновение эмоционального и культурного содержания в смехе может проходить лавинообразно, вовлекая в свою сферу все большие массы людей. Тем самым смех, охватывая определенные группы, способен оказать существенное влияние на общество в целом. Смех может выступать как мощная сила изменения общества. Формирование социально-философской концепции на этой основе открывает путь использования представлений об амбивалентности для анализа общества. В данном случае смех может рассматриваться как дуальная оппозиция, включающая в себя, с одной стороны, полюс эмоционального содержания функций субъекта, а с другой – полюс культурного содержания деятельности субъекта, например содержание анекдотов. Динамика отношений между этими функциями носит амбивалентный характер. В сущности, всякий смех можно рассматривать как механизм установления меры, средство изменения ранее сложившейся меры между инновацией (критикой, динамикой) и консерватизмом (ориентацией на статику). Смех в своих массовых формах может служить как фактором преодоления старого («прощания человечества с прошлым»), так и фактором отказа от инноваций. В этом случае амбивалентность смеха реализуется в форме дуальной оппозиции «статика – динамика». Механизмы амбивалентности предоставляют субъекту смеха (как личности, так и группам, обществу в целом) возможность самостоятельного поиска дальнейшего пути, ориентируя его на то, что преобладание динамики или статики, консервации или инновации, в конечном счете, не предопределено изначально, а свободно задается субъектом в самом процессе выбора через механизм смеха.

Поиск внутренних дуальных оппозиций, изначально присутствующих в смехе как социально значимом явлении, можно продолжить: в оппозиции «официозная серьезность – стыд»⁴². В принципе, в порядке эксперимента в качестве оппозиции смеху можно выбрать любое значимое для него явление, причем не только явно антитетическое, но любое, связанное с ним значимыми процессами взаимо-

проникновения-взаимоотталкивания. В данном варианте социально-философского анализа в качестве полюса дуальной оппозиции предлагается феномен страха. Выбор обусловлен прежде всего высокой социальной значимостью страха, а также его тесной связью с выявленными оппозициями («эмоциональное — культурное», «статика — динамика»). В этом отношении важным является и насыщенность смыслового поля понятия «страх»: официальная серьезность или стыд могут рассматриваться в качестве частных проявлений страха или устрашения, что позволяет при необходимости востребовать и эти оппозиции для понимания смеха, не выходя при этом за рамки авторской концепции. Оппозиция «смех — страх» направлена на понимание роли смеха в интеграции и дезинтеграции общества как целого. Рассмотрение природы смеха в ее соотношении с природой страха позволяет выявить широкий ряд ранее неотрефлексированных социально значимых моментов. И смех, и страх являются формами эмоциональной реакции на парадоксальность социокультурной действительности в ее противоречивом единстве новизны и консерватизма. Впитывая эту противоречивость, смех и страх находятся в постоянном поиске преодоления противоречия между полюсами, пытаясь обнаружить ту меру синтеза, которая, возможно, способна обеспечить наиболее эффективное воспроизводство общества. Однако не исключен и прямо противоположный результат, что в конечном итоге зависит от содержания культуры массового субъекта, от интеллектуальной составляющей. На протяжении всей истории культуры смех и страх связаны как два крайних логических полюса мироощущения. В принципе, саму историческую динамику можно представить как постоянную смену преобладания культур смеха и культур страха: античной трагической и поздней развлекательной комедийной культуры; религиозного «страха Божьего» и ренессансного смеха Рабле и Сервантеса; государственного насилия периода формирования централизованных государств и «вольтерьянского» смеха Просвещения; тоталитарной культуры и развлекательных mass media.

Рассматривая эту динамику, нельзя не отметить, что страх как полюс дуальной оппозиции смещает меру в сторону консерватизма, поскольку всякий страх является, прежде всего, страхом перед чуждым и непонятным. Страх как элемент культуры создает негативное отношение к любой новизне, стремясь постоянно воспроизводить традиционные, проверенные временем социальные отношения и культуру. Страх сдерживает отказ от успешного социального опыта, обеспечивающего выживание человечества. Любая крупная инновация рассматривается как потенциальная угроза стабильности, как путь к возмож-

ной дезорганизации общественного целого. Страх играет охранительную роль в защите общества от хаоса. Ее механизмом в этом процессе является культивирование фобий перед отпадением от общественного целого, превращение всего необычного и чужеродного в потенциальный фактор угрозы. Культура страха, ограничивая неконтролируемые действия с угрожающими социальному воспроизводству последствиями, с необходимостью ставит заслон и перед значимыми творческими актами, препятствуя тем самым поступательному развитию общества: в этом проявляется двойственный характер страха.

Если страх замыкает культуру в пространстве двух противоположных полюсов, обостряя противоречия между новым и старым, то смех изначально ориентирован на смягчение противоречий. «На того, над кем я смеюсь, я уже не могу сердиться даже в том случае, если он причиняет мне вред», — отмечает И. Кант⁴³. В этом отношении смех может рассматриваться в качестве метода преодоления, сублимации конфликта, своеобразного поиска точки равноудаленности от полюсов полного тождества и его распада. Присутствующие в культуре полюса оппозиции подвергаются переосмыслению, показывая изначально имеющуюся возможность выхода из инверсионного круга в пространство медиации — своеобразное взаимопроникновение-взаимоотталкивание полюсов, приводящее к умножению возможностей выбора новой меры между инновацией и консерватизмом. Свободный выбор меры как категория массового действия постоянно предлагает неортодоксальные трактовки и нетрадиционные решения, внося необходимый элемент нестабильности в застывшую культуру, но сохраняя при этом ее жизнеспособные элементы. Однако оторванный от целого, преследуемый и вытесненный на периферию, смех способен приобретать и разрушающие, нигилистические черты: в этом проявляется очевидная двойственность полюса смеха. Отношения между полюсами оппозиции «смех — страх» можно рассматривать как постоянное порождение неортодоксальных культурных смыслов, как механизм воспроизводства свободы в социальных отношениях и одновременно как противостояние этому процессу. Тем самым осуществляется поиск меры между инновацией и традицией. Одновременно возникает возможность включения в исходную оппозицию разрабатываемой социально-философской концепции смеха других значимых оппозиций, раскрывающих узловы моменты познания механизма поиска этой меры.

Смех рождает смыслы, подготавливающие будущую инверсию в культурной программе. Иными словами, власть, ведущая борьбу со смехом, загоняющая его в подполье, неосмотрительно готовит почву

для собственного отрицания. При этом, чем активнее происходят репрессии власти против смеха, тем более деструктивные, иногда извращенные черты приобретает сам смех. Лишенный свободы как естественной формы существования, загнанный в рамки инверсии он лишается позитивных черт, сливаясь со всем, что ассоциируется с антиидеалом, со смутой. Именно на волне запретов различных форм смеховой культуры активизируются бунтарские и революционные настроения, возрождаются языческие вакханалии. Движение от полюса сатиры к полюсу юмора, напротив, подразумевает приятие смеха, включение его в культуру. Этот процесс сублимирует агрессию против власти, организуя обратную связь и позволяя корректировать властные действия, что придает воспроизводственным отношениям большую стабильность. В этом случае активизируется медиационный, посреднический потенциал смеха, способствующий выходу из «заколдованного круга» культуры страха на путь поиска оптимального соотношения традиций и инноваций.

Дуальная оппозиция «юмор – сатира» содержательно обогащает концепцию, показывая, что, будучи функцией человека как субъекта культуры, смех может быть направлен в любую сторону, превращаться в орудие палача (на своем сатирическом полюсе) или в созидательный процесс (на полюсе юмора). Здесь, однако, значима не констатация того факта, что смех может быть сатирическим или юмористическим, вести к негативным или позитивным целям; методология диктует необходимость того, чтобы центр смеха как категории был перенесен на самую возрастающую возможность выбора между имеющимися возможностями. При этом смех не ограничен возможностью выбора, но реализуется в творческом, свободном созидании и углублении поиска новой меры через возможность нового видения через смех картины разнообразия, выхода на новые для субъекта их оппозиции, их амбивалентные переходы, что открывает новые возможности.

Значимость смеха, прежде всего, заключается в том, что он формирует новые программы изменений, формы критической рефлексии над основаниями культуры. В отличие от чистого отрицания страха, в смеховой критике заложена возможность принятия конструктивных элементов критикуемого. В этой двойственности раскрывается противоречивая природа смеха – его амбивалентная возможность вести к двум прямо противоположным результатам. Смех – это распад и целостность, отторжение и принятие, безумие и мудрость: в амбивалентности смеха как в зеркале отражается амбивалентность социокультурной действительности, не застывшей в задан-

ной гармонии сфер, а развивающейся между постоянно мерцающими полюсами оппозиций. Иными словами, смех амбивалентен, поскольку он является адекватной эмоциональной реакцией на парадоксальность самого мира в его единстве и многообразии. Развитие способности формировать меру между полюсами оппозиций — важнейшая функция смеха как феномена, способствующего нейтрализации общественной дезорганизации.

Разумеется, потребность достижения полноты социально-философской концепции этим всего лишь намечается и должна быть продолжена дальнейшими актами синтеза новых дуальных оппозиций смеха, его рассмотрением сквозь призму полюсов массового и индивидуального, официального и неофициального, природного и культурного, что позволит создать целостную картину смеха как формы социального действия, понять его механизмы. От того, как и куда будет направлен смех миллионов, будет зависеть преобладание его конструктивной роли, т.е. воплощение созидательного творчества или, напротив, смеха убийцы, радости террориста, взрывающего детей. От того, где субъект проведет меру между подобными полюсами, зависит судьба субъекта, человечества. Если полюс страха в дуальной оппозиции тяготеет к иерархичности и фиксированности, то в сфере чистого смеха нет места ни для абсолютизации культурных идеалов, ни для нормированной социальности — он свободен от любых форм изначальной заданности. Собственно сфера его бытия не ограничивается ни культурой, ни социумом — он находится в сфере между ними, постоянно предлагая неортодоксальные трактовки и нетрадиционные решения, внося необходимый элемент нестабильности в застывшую культуру. Смех, таким образом, можно определить как полюс постоянного порождения неортодоксальных культурных смыслов и механизм воспроизводства свободы в социальных отношениях. Тем самым смех возводится на категориальный уровень в рамках авторской социально-философской концепции.

Методология формирования концепций

Выше уже говорилось, что в условиях усложнения проблем возрастает роль синтеза, формирования обобщений, возрастает опасность одностороннего наполнения исторически сложившихся форм социальной философии результатами нового анализа, т.е. вливать новое вино в старые мехи. Возможность избежать этого требует совершенствования методологии формирования социальной философии.

фии. Его развитие включает следующие элементы: а) концепция должна развиваться как двухуровневый процесс перехода понятий наук в категории социальной философии; б) в основу концепции кладется дуальная оппозиция, полюса которой связаны методологически категорией отношений «между», нацеленной на анализ логических, познавательных процессов, протекающих между полюсами дуальной оппозиции, например оппозиции «иноязычие – личность»; в) исходная оппозиция втягивает в себя через интерпретацию устойчивые и разрабатываемые научные понятия, которые в концепции приобретают статус категорий в результате двух этапов обобщений: в рамках отдельных наук и в рамках последующих обобщений формирующейся социально-философской концепции; г) включение понятия в систему концепции мотивируется: жизненной важностью для социокультурного функционирования двух основополагающих категорий концепции, т.е., например, «иноязычие – личность» (функциональный критерий); достижением следующего шага полноты концепции, охвата ею значимых процессов, важных для решения поставленной задачи (критерий полноты освоения социокультурных процессов); д) интерпретация понятий как категорий включает, по крайней мере, два момента: смещение интереса к обществу в целом; перемещение внимания от понятий как таковых, к отношениям между ними, к системе этих отношений; е) система категорий, отношений между ними представляет собой концепцию социальной философии, которая одновременно выступает как описание механизма общества, т.е. взаимопереходов целого и частей, частей друг с другом; ж) переход понятий в категории есть результат выделения согласно гипотезе автора понятий, имеющих высшую значимость, целостную, по крайней мере в потенции связь, принимающую характер некоторой системы. Статус категорий действует лишь в рамках соответствующей концепции; з) количество категорий жестко не фиксировано, может постоянно увеличиваться, корректироваться, что позволяет наращивать полноту категориального синтеза; и) концепция, будучи результатом синтеза категорий, одновременно может быть использована для анализа функционирования любой из вошедших в нее категорий, ее места в целом (обществе).

На этом формирование концепций не заканчивается. Концепции выступают как открытые для последующих этапов синтеза, для формирования их дальнейшей полноты, что определяется усложнением предмета. Тем самым каждая концепция несет в себе тенденцию выхода за ранее сложившиеся рамки.

Формирование методологии социальной философии, отвечающей специфике динамики усложняющегося общества, — напряженный процесс, который, по определению, не может достигнуть окончательной завершенности. Тем не менее крайне важно избежать существенного отставания ее развития от усложнения общества, в частности от постоянного эффективного анализа способности общества преодолевать негативные результаты усложнения, постоянно наращивать позитивный потенциал на пути возможностей дезорганизации общества, особенно достигающей масштабов необратимости. Здесь социальная философия должна постоянно развивать свою способность судить настоящее с вершин мировой истории.

Глава 2. Эвристический смысл категории универсальной деятельности К.Маркса в современной социальной философии

Как часто, повторяя расхожую фразу о том, что новое — это хорошо забытое старое, мы и не подозреваем, насколько глубокая и тонкая истина заключена в этой, казалось бы, банальности. А ведь в самом деле, человечество способно двигаться вперед и выше, только опираясь, или отталкиваясь, от своего прошлого — от его практического опыта, осмысленного в традиционных установках и научных достижениях, открывая в них то, что вчера либо проглядели, либо не поняли, либо недооценили. И вовсе не обязательно, чтобы эти новые ориентиры действия, поведения, мышления, чувствования формулировались иначе, чем прежде. Иногда то, что казалось лишь чудачеством гения (а чаще сумасшедшего), спустя какое-то время не только воспринималось обществом как вполне заслуживающее пристального внимания культурное событие, но и актуализировалось будущими поколениями в качестве их собственных ценностных (или методологических) оснований миропонимания в целом. В известном смысле приблизительно об этом говорил еще Сенека, отмечая, что то, что прежде было пороком, ныне становится добродетелью. Еще больше ярких примеров подобной ситуации мы находим в художественной практике: от Босха до экспрессионистов XX в. в изобразительном искусстве, от Шуберта до Шенберга в музыке и от Хлебникова до современных постмодернистов в отечественной литературе. Однако и в философии их немало. Достаточно вспомнить судьбу книги А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление» или философских эссе С.Кьеркегора, чтобы согласиться с тем, что и сегодня нам необ-

ходимо ответственнее отнестись к нашим предшественникам — как дальним, так и ближним — в поисках, возможно, новых на сегодняшний взгляд, решений некоторых проблем, не оцененных в прошлом по самым разным причинам.

В связи с этим данная глава имеет целью представить одно из таких положений, незаслуженно обойденных вниманием теоретиков и методологов на протяжении более чем ста лет. Речь пойдет о философском подходе К.Маркса к пониманию универсальности как специфического признака человеческой деятельности в противоположность биологической активности животных. При этом главное внимание предполагается сконцентрировать не столько на восстановлении глубинного социально-философского содержания этого понятия, хотя и это, безусловно, входит в поставленную здесь задачу. На первый план в данном случае выдвигается исследование его «рабочих», т.е. эвристических возможностей в решении современных теоретических, а может стать, частично и практических задач философского знания.

Заявленную проблематику Маркс рассматривает более или менее сосредоточенно в достаточно ранних работах, иногда в своей совокупности обозначаемых библиографами как подготовительные рукописи к написанию «Капитала»⁴⁴. При жизни автора эти работы не были опубликованы вследствие их сознательно «чернового» характера.

Опираясь на исходную позицию настоящей работы, следует еще раз подчеркнуть, что «лаборатория» философа или ученого — так же, как и мастерская художника или скульптора — иногда для потомков оказывается едва ли не важнее, чем его «готовая продукция». Ибо в ней можно найти стимулы или «заделы» его духовной деятельности, проявляющие или способные широко проявить свой творческий потенциал не только в эпоху прямого их осуществления, но и в более отдаленные времена, когда вызвавшие их к жизни проблемы из своего зачаточного или чисто теоретического состояния развиваются в ходе исторического движения в зрелые, фактически актуальные задачи общественной практики.

Тексты, на которых преимущественно выстроено рассмотрение предложенной темы, то они содержатся прежде всего в 42 томе, а также в I и II частях 46 тома «Сочинений» К.Маркса и Ф.Энгельса (издание 2, 1955—1968 гг.), где они были опубликованы впервые. Не говоря уже о том, что в этой публикации встречаются некоторые (иногда, существенно значимые) неточности перевода, главный ее недостаток состоял в заявленной издателями весьма категорично идеологической оценке этого материала как определенного «музейного» фрагмента

творчества классиков марксизма. Объявление указанных текстов «ранними» (читай: незрелыми), обремененными как минимум фейербахианским антропологизмом, практически зачеркнуло возможность для советских историков философии черпать из этого источника всерьез и открыто, а для исследователей социально-философской проблематики — использовать его для нужд развития своей дисциплины.

В XXI в. мы могли бы считать себя в значительной степени освободившимися от идеологической «зашоренности», если бы не сложилась более или менее закономерно противоположная ценностная позиция, а точнее сказать, столь же идеологически жесткая «оппозиция» к коммунистическому мировоззрению в области социальной практики, а соответственно и в рамках философии, в том или ином отношении связанной с именами и трудами. Дело в том, что негативное отношение к недавнему прошлому в нашей стране, к ее ближайшему духовному наследию часто предшествует сегодня реальному знакомству с последним (по крайней мере, в первоисточниках) в отличие, скажем, от таких корифеев философского разума, как Платон или Гегель, Декарт, Кант или тот же Фейербах.

К сожалению, слишком тесно сплелись в российском общественном сознании сегодня политическое учение марксизма (усугубленное его прагматическим официозным толкованием в СССР) и его философские идеи, чтобы иметь желание, и более того — чтобы действительно суметь отделить одно от другого и рассматривать фигуру Маркса столь же беспристрастно, как и философов, имеющих (впрочем, как и он на самом деле) собственную нишу в истории развития философского познания. А ведь именно устранение такой предвзятости и стоит сегодня на повестке дня, если мы надеемся двинуться вперед, опираясь на все богатство предшествующего духовного развития человечества. Свою малую лепту в этот процесс возвращения к неиспользованным потенциям прошлого призвана внести и данная глава.

Понятие универсальной деятельности в аспекте антропосоциогенеза

Начнем с объяснения самого понятия универсальности, как его определяет К.Маркс в своих рассуждениях о кардинальном отличии человеческой деятельности от биологической активности животных. Общеизвестно, что именно в специфических особенностях труда, т.е.

совместных целесообразных действиях, свойственных исключительно человеческим существам, видел классический марксизм фундаментальный источник становления социальности. Этот тезис имеет чрезвычайную методологическую значимость для констатации существенной связи между характеристикой человеческой деятельности как таковой и выходом Homo sapiens за пределы чисто биологической эволюции в сферу внеприродного, «сверхприродного», а точнее, общественного существования.

Если бегло суммировать Марксово представление об универсальной деятельности человека как о его конституирующем свойстве, следует прежде всего упомянуть такие ее качества, как всесторонность, незамкнутость, или – что то же самое – ее открытость будущему, а также потенциальную неограниченность способов ее реализации в рамках достигнутого в ту или иную эпоху уровня освоения окружающей действительности (как природной, так и исторической), что означает безусловную свободу выбора. Отсюда непреложно следует, что как раз универсальность и является радикальной основой человеческого творчества, а именно создания людьми нового, не существовавшего прежде и невозможного до их появления мира культуры, внутри которого и в то же время благодаря которому живет человеческое общество.

Наряду с этим очень важно подчеркнуть тот факт, что анализируемая универсальность, в свою очередь, первоначально образуется не только и, может быть (как будет показано дальше), даже не столько из естественных предпосылок жизни биологического предка человека, сколько вследствие стимулирующего влияния известных «исторических» обстоятельств, которые условно можно представить как предпосылки его «постепенно формирующихся социальных «склонностей». Чтобы сказанное выше стало более понятным, нужно обратиться к весьма, правда, немногочисленным попыткам отечественных философов самостоятельно осмыслить проблему антропосоциогенеза, которые, с одной стороны, стремились остаться в рамках материалистического объяснения истории возникновения человека в качестве биосоциального существа, а с другой стороны, не впадали в догматическое повторение азов исторического материализма в том его варианте, который был официально «заредигирован» в так называемой «советской философской науке» и в достаточной мере обнаружил к настоящему моменту свою творческую несостоятельность.

Итогом такого подхода к изучаемой проблематике можно предположить серьезное продвижение к ее решению, правда, не непосредственно в специальной научной сфере, скажем, в палеоантрополо-

гии и т.п. дисциплинах, а в создании вспомогательных философско-методологических ориентаций, позволяющих двигаться внутри научного знания к объективно-истинному результату. Наиболее интересными в этом отношении выглядят на сегодняшний день усилия В.М. Вильчека. Главное достоинство его книги состоит в удачном, как представляется через полтора десятилетия, способе проникновения в более глубокую суть открытия К.Маркса, чем позволяла это понять философия (наука его эпохи, а значит и та обязательная, по образному выражению академика Д.С.Лихачева, «упаковка»⁴⁵ научной истины, которой только и мог воспользоваться в свое время классик. Некоторую ограниченность в построении марксистской теории «трудо-вого» происхождения человека (*Homo faber*'а) Вильчек связывает с необходимостью уточнить вопрос о том, что такое «труд» в марксистском понимании. Ведь и в мире животных мы можем найти достаточно фактов, указывающих на то, что их жизнедеятельность носит и «совместно-скоординированный» и «целесообразный» характер. Базисное различие между биологической активностью в животном царстве с тем видом деятельности живых существ, который Маркс определяет в качестве исключительно человеческого труда, заключается в том, что второй вид жизнедеятельности есть совокупность действий «по условной, искусственной, неврожденной, неинстинктивной программе»⁴⁶. Но тогда возникает философский парадокс «курицы и яйца», демонстрирующий в нашем случае видимость научной неразрешимости проблемы, поскольку здесь присутствует следующая методологическая трудность: либо труд естественным образом присущ уже обезьянам, впервые становясь у них (по неясным причинам) стимулом к дальнейшей, уже чисто внеприродной, социальной эволюции этого биологического вида; либо интеллект, служащий фундаментом трудовой деятельности в противоположность инстинктивным, неотрефлексируемым действиям животных, подарен человеку чудесным, сверхъестественным, т.е. божественным путем.

Ни одно, ни другое решение не годятся для ученого, занимающегося исследованием реально-объективных причин антропосоциогенеза, т.к. ни то, ни другое не могут объяснить качественного скачка от инстинкта к интеллекту, не прибегая к религиозным аргументам. Решение проблемы состоит, прежде всего, в том, чтобы подходить к самой возможности такого качественного скачка исторически. Для начала важно перетолковывать хрестоматийную фразу К.Маркса⁴⁷, а вернее, если можно так выразиться, подспудно-объективный смысл его методологической позиции. Обращаясь к известной иллюстрации в «Капитале» отличия труда от напоминающих его по форме опе-

раций, совершаемых иногда чисто биологическими особями, Вильчек, по его собственным словам, меняет «освещение», создаваемое в высказывании Маркса эпитетами «плохой» (архитектор) и «наилучшая» (пчела). «Точнее было бы, думается, сказать иначе, — пишет Вильчек, — самая плохая пчела отличается от наилучшего архитектора тем, что ей нет нужды строить план в голове, — он ей дан от рождения. Человеку — не дан, он вынужден с самого начала, как пишет Маркс, но не только с начала конкретного трудового процесса, а с самого начала своей истории (курсив наш. — Авт.) восполнять эту недостачу искусственно: заменить информацию, заключенную в молекуле ДНК, информацией, заключенной в образе.., т.е. аксиоматическое отличие человека от животного — деятельность не по инстинкту.. а по неврожденной программе, — из следствия, итога антропогенеза превращается в его, антропогенеза, причину»⁴⁸.

В итоге осуществляется выход на четкую формулировку генезисной ситуации перехода прачеловека из животного состояния к общественной практике именно как диалектического процесса. Речь идет о гипотезе доисторического «глобального» катаклизма как объективного условия превращения «ущербного» примата, «отчужденного», «исключенного» из природной тотальности в результате ослабления, а может быть абсолютного исчезновения некоторых, органически свойственных животным и генетически воспроизводимых ими способов коммуникации со средой обитания, в свободное, правильное сказать, относительно независимое от природных обстоятельств (за счет создания искусственной среды обитания) существо, которое и называется, собственно, *Homo sapiens*. При этом существенно новым для всей истории методологической постановки аналогичных проблем оказывается акцент на двойственной, биосоциальной сути человека, которая как раз и инициирует упомянутый выше переход человека из биоэволюции в социальное развитие в качестве плавного, хронологически последовательного и совершающегося на протяжении сотен тысяч лет процесса самоконституирования, т.е. создания качественно нового, внебиологического по существу типа связей биологического существа с его естественным окружением.

Проблематика антропосоциогенеза здесь не главная, и о его естественных и исторических предпосылках упоминаем лишь вскользь. Дело в том, что сохранившиеся «осколки» системы безусловных рефлексов прачеловека, генетически гарантировавшие его «автоматическую» связь с природной средой, включали в себя не только такие исходно важные инстинкты, как самосохранение и продолжение рода. Остались, по-видимому, в неприкосновенности такие функциональ-

но важные инстинкты, как подражание и стадность, не только побуждавшие наших биологических предков «держаться вместе», образуя тем самым биологическую основу для формирования культуры как вполне социального механизма преемственности опыта деятельности. Благодаря инстинкту подражания принципиально изменилась система ориентации в окружающем мире, ибо вместо обращения «внутри», к заложенным в организме готовым реакциям на вызовы природы, они стали ориентироваться (в случаях, когда прежние «связки» не срабатывали) «вовне» — подражая «нормальным», или, как говорит Вильчек, «инстинктивно “знающим, как надо жить”, животным, за счет симбиоза с ними, заимствования их “знаний”, “планов”, “технологий”, т.е. занимаясь не инстинктивной, но именно “животнообразной” (по выражению К.Маркса. — *Авт.*), осуществляемой по образу и подобию “полноценных” животных деятельностью»⁴⁹. «Следы» такого переворота в сознании первобытных людей мы находим в тотемных мифах и в мифах о культурных героях тотемного происхождения, в той или иной форме характерных в прошлом для всех народов Земли.

Описанное выше подражание превращает всю окружающую человека природу «в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, орудием и предметом его жизнедеятельности»⁵⁰. Но это подражание не могло быть буквальным, а значит, возникающую при этом неизбежную вариативность можно считать первичным, неотрефлексированным признаком творчества. В понимании революционной значимости этого факта состоит вторая, очень важная заслуга современной трактовки Вильчеком марксистской теории трудового происхождения человечества, т.к. он исходит при этом из представления о взаимной «провокации», взаимной стимуляции, взаимном влиянии и т.д. более или менее одновременно появившихся признаков человеческой деятельности — вначале лишь как «подобия» или «потенции» будущих способностей к рациональному мышлению, в том числе и саморефлексии, а также к нравственному, эстетическому, одним словом, творческому освоению действительности, к опосредствованному продуктами культуры общению и т.п.

В рамках такого методологического подхода становится очевидным и «набор» упомянутых выше исторических обстоятельств, позволивших осуществиться естественным предпосылкам антропосоциогенеза в полной мере: во-первых, был «счастливо утерян» инстинкт боязни огня, свойственный диким животным. Во-вторых, объективно становясь опорой будущих людей в борьбе за выживание, огонь

наделялся все большей мерой сакральности. Эта сакральность на первых порах совпадала лишь с ощущением страха его потерять. Ведь он освещал, согревал и объединял вокруг себя, обеспечивая способы общения, в ходе которого участники первобытных «посиделок» волей-неволей подражали друг другу, закрепляя удачные «стандарты» действия, поведения, мышления, чувствования. В-третьих, поддерживая огонь остатками собственной пищи, примитивные люди научились готовить горячую пищу, что повлияло на их анатомию и физиологию, повышая пластичность, а стало быть, и многофункциональность органических тканей тела, в первую очередь мозга. Наконец, в-четвертых, превращение огня в самый первый объект культа достаточно сложным, опосредованным образом привело, в конечном итоге, к возникновению качественно нового, «сверхприродного» (не только по содержанию, но и по форме) существования.

Короче говоря, культ огня стал первой объективированной формой собственно культурной деятельности, подражания окружающей природе, ибо он породил обряд и миф, позволявшие из поколения в поколение передавать в сакральной неприкосновенности интуитивно добытую информацию по освоению окружающего мира — как положительную, так и отрицательную, — чтобы потомки не растеряли «мудрости» предков, олицетворявшихся чем дальше, тем больше в мифологических образах. Так рождалась первобытная практика мифологического сознания еще не овладевшего рациональным мышлением, но уже качественно отличавшегося от сознания животных, поскольку магия «удваивала» реальный мир, вводя в деятельность людей той эпохи более или менее осознаваемую ими (как минимум, на уровне мироощущения) характеристики условности сакральных действий.

Именно в этой «удваивающей мир» игре, «актерстве», нарочитости, приправленных детской наивной искренностью веры в «самделишность» происходящего, и коренится, возможно, тайна возникновения всех современных форм общественного сознания — религии с ее противопоставлением земного и небесного; науки с ее «живой» природой и «чистым» экспериментом; искусства с его воображаемой жизнью, эстетические законы существования которой так или иначе воспроизводят отношения реальной человеческой практики — социальной, нравственной, философской. Более того, само мифологическое сознание было, в свою очередь, продуктом описанной магической практики в том смысле, что она создавала его прецедент, базируясь не на дифференцированных, отчетливых представлениях об окружающем, а на смутных, вначале даже безобразных ощущениях

тревоги, опасности и беспомощности в чужой прачеловеку природной стихии. Ибо как раз в стремлении преодолеть эти ощущения, обезопасить, насколько это возможно, себя в мире за счет тех или иных привычных, повседневных отправлений появляются условные действия, принадлежащие сразу двум мирам — обычному миру занятий собирательством и охотой на одном полюсе сознания и сакральному миру бытия непознанных, но могущественных сил и влияний — на другом.

Помещаясь на пересечении этих двух миров, человек вначале интуитивно, а затем все более осознавая свое положение, противопоставляет себя природе, и богам. Первой — в качестве ее «хозяина» (и это возможно лишь в той мере, в какой он освоился в ней), а вторым — в качестве их «подданного», т.е. абсолютно зависимого существа (в той степени, в какой природа остается для него таинственной, всесильной и непредсказуемой). Тем самым впервые формируется специфический признак собственно человеческой деятельности, понятый Марксом как универсальность.

Понятие универсальной деятельности в социальной философии К.Маркса

«Животное, — пишет Маркс, — непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью... Человек же делает самую свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания... Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность»⁵¹. Другими словами, человек начинается там, тогда и постольку, где, когда и поскольку он творчески противопоставляет себя природе как субъект объекту (не важно, в какой мере, в какой форме отрефлексировано это обстоятельство). Только в таком случае его деятельность универсальна и может служить базой культуры. Возвращаясь к анализу Марксова понимания универсальности, стоит еще раз подчеркнуть, что его исходный тезис заключается в констатации универсального действия как свободного незапрограммированного, всестороннего и целостного: человеку может творить всегда, независимо от каких бы то ни было биологических ограничений (которые, наоборот, всегда присущи животному). И потому он может производить что-либо не только сообразно мерке и потребности определенного вида, но и «по меркам любого вида, и всюду он умеет прилагать к предмету присущую ему (предмету. — *Авт.*) мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты»⁵². Следует еще отметить, что при этом имеется в

виду не исторически-конкретный индивид, а человеческое существо вообще, как таковое, что же касается конкретики исследования вариантов реализации этой способности, то она дана в современном представлении несколько ниже. Сейчас же главное внимание будет уделено прежде всего выделению Марксом принципиальных отличий универсальной деятельности человека от животной активности, совпадающей с биологической заданностью инстинктов.

Одна из наиболее своеобразных черт, характеризующих универсальность в качестве признака собственно человеческой практики, состоит, по мнению основоположника марксизма, в том, что она представляет собой способность человека ориентироваться в своих действиях не только и даже не столько на потребности, проявляющиеся в инстинктах организма или эгоистических желаниях носителя действия: «каждый индивид *в качестве человека* (курсив наш. — Авт.) выходит за пределы своей собственной особой потребности»⁵³. Универсальность ориентирует человека (или заставляет его ориентироваться) на потребности коллектива, где он реализует себя как общественное существо. Размеры этого коллектива, его функции и характер связи между его членами исторически меняются, но только через удовлетворение (непосредственное или опосредованное) потребностей общества индивид может обеспечить собственное существование, вне общества он не способен развиваться как человек⁵⁴.

Поясняя эту мысль, важно акцентировать, что индивид присваивает производительные силы всего общества, только включаясь в определенные общественные отношения (простой кооперации, разделенного труда, машинизированного производства и т.п.), и степень универсализации деятельности в реальном производственном процессе тем выше, чем в большей мере его субъект овладевает этими отношениями, чем более свободно он сам их творит. Иначе говоря, можно считать универсальность свойством человека (и только его) относиться к своей органической природе как к общественному достоянию (т.е. употреблять ее в труде на благо общества — хочет он того или нет), а к своей общественной природе — как к неорганическим условиям своего индивидуального развития.

Вторая специфическая особенность универсальности состоит, по словам Маркса, в том, что это есть качество деятельности, возвышающей человека над его собственными ближайшими целями. Она «программирует» отдаленное будущее, которое может быть достигнуто лишь способом, не вытекающим непосредственно из сегодняшних повседневных нужд. Так что субъект побуждается к отысканию этого способа и тем постоянно расширяет свои культурные

горизонты. Универсальное развитие индивида мыслится при этом как *«беспреданное устранение предела для этого развития, предела, который и осознается как предел, а не как некая священная грань»* (курсив наш. — Авт.)⁵⁵, так что человек «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁵⁶.

Третье отличие универсальной деятельности человека от биологической активности всех живых существ проявляется, считает Маркс, в том, что ее субъект «не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности»⁵⁷. Здесь особенно четко прослеживается тождественность интенций универсального существа с подлинным (а не отчужденным) субъектом социально-исторического, общекультурного процесса. Ведь индивид в своем развитии опирается на достижения всего общества (и в прошлом, и в настоящем), обменивается с ним результатами своей собственной деятельности, преобразованиями (перетолкованиями) готовых, унаследованных культурных образцов. В то время, как генетически запрограммированные стандарты «деятельности» животного воспроизводятся всегда как одни и те же, характерные именно для данного вида, т.е. односторонне и в узких границах, человек не имеет генетически заданной программы жизнедеятельности. Поэтому человек воспроизводит (или, точнее, способен воспроизвести) всю культуру — «отыскивает» в этой сокровищнице коллективной памяти поколений то, что ему нужно здесь и сейчас.

Другими словами, каждый человек воспроизводит не только себя в культуре, но и культуру в себе, а значит, человеческий способ бытия как таковой в его бесконечных вариантах, т.е. всесторонне. Даже если он не владеет всей культурой актуально (мало образован), у него есть возможность (точнее говоря, способность) узнать ее и воспроизвести. И как раз в этом он осуществляет себя как универсальное существо. Но это лишь одна сторона дела. Обратная сторона связана с тем, что не только индивид, но и общество постоянно совершенствуется, добываясь сознательно поставленных (и в этом смысле субъективных) целей. Его организующая архитектоника не может быть замкнутой, застывшей — это препятствовало бы реализации универсальной деятельности, которая, уже по самому своему определению, строится не по генетически или исторически предопределенным схемам, а как открытый, альтернативный процесс⁵⁸, направляемый свободным выбором в соответствии не только с субъективными намерениями людей, но и с внутренними закономерностями объекта, его качествами и структурой.

Отсюда вытекает, что универсальная деятельность осуществима в той степени, в какой человечество познало те или иные законы, свойства окружающей среды (в том числе и социальной) и научилось использовать их в своих интересах. Поэтому ее итогом оказывается «обновление» людьми «самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»⁵⁹. Когда же описанная выше ситуация не достигнута или особые социальные моменты (исторически весьма разнообразные) мешают субъекту овладеть своим окружением, универсальность как свойство его деятельности все равно имеет место, но здесь она остается лишь потенциальной, а не актуальной характеристикой общественной практики

И, в конце концов, четвертый атрибут универсальности, по Марксу, заключается в том, что, как следует из предыдущего абзаца, для того, чтобы актуализироваться достаточно широко, ей необходим определенный уровень развития свободной человеческой индивидуальности, выступающей ее субъектом. Действия такого субъекта отличаются единством формы и содержания, целей и средств, объективных интересов и субъективных представлений о них, зафиксированных в идеалах и ценностях. Такая деятельность исключает отчуждение, ибо ее задачи не могут быть мнимыми, чуждыми субъекту, и они осознаются им вполне адекватно. Однако это не значит, что универсальность не присуща реальному, исторически конкретному человеку, а возникает лишь где-то в фихтеанском «теоретическом будущем», удовлетворяющем указанным выше условиям бытия человека в качестве идеального социального существа.

Напротив, Маркс специально настаивает, что универсальность человека — это его неотъемлемая, постоянно присущая и уже состоявшаяся характеристика, по которой мы отличаем его от прочих живых существ, ибо в осуществлявшемся до сих пор развитии общественного индивида универсальность присутствовала «не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений»⁶⁰. Полнота же ее актуализации всегда зависела от сочетания конкретных исторических обстоятельств. Ведь здесь речь идет не о каждом отдельном человеке, а о человечестве в целом. Другое дело, что в каждом конкретном человеке (так же, как в конкретном типе людей или в определенную историческую эпоху) универсальность, выделяющая человечество из всего природного мира, проявляется в разной мере — т.е. в его реальной, сиюминутной деятельности присутствует больше или меньше свободы, открытости, глубины, осознанности и оригинальности. Это зависит и от фактических особенностей данного человека, и от его непосредственного окружения в тот или иной момент времени.

Все четыре перечисленных элемента в содержании универсальности стимулируют творческий импульс деятельности, проявляющийся тем сильнее, чем выше уровень ее актуализации. Поэтому, развиваясь в истории параллельно, творчество и универсальность, не будучи тождественными, поскольку творчество означает новизну и самостоятельность деятельности, а универсальность — ее всесторонность и незамкнутость, в известном смысле служат взаимным признаком и критерием присутствия друг друга. Более того, благодаря совпадению их социального и гуманистического содержания творчество и универсальность во многом определяются одними и теми же причинами и требуют для своей актуализации одних и тех же условий и средств.

Степень действительного развития универсальности в реальной деятельности людей может быть неравнозначной в различных социальных группах одного и того же общества. В частности, творческая свобода, неограниченность, подвижность интеллектуального и эмоционального кругозора гениев культуры прошлого объясняются, как правило, тем, что огромная часть общества, вовсе не считаясь людьми (рабы как «говорящие орудия») или оказываясь людьми «частичными» (рабочие как «придатки машины»), обеспечивали для них средства к жизни. С исторической же точки зрения общая направленность актуализации универсальности от низшего к высшему прерывается возвратами, зигзагами и т.д. Дело в том, что указанный процесс, реализуясь в точных обстоятельствах места и времени, в определенных общественных системах через качества тех или иных индивидуальных и групповых субъектов может ограничиваться или стимулироваться в двойном отношении — объективными условиями общественной практики и субъективными потенциями опыта групп и личностей. Обе упомянутые возможности, вырастая из общего корня — достигнутого горизонта культуры, созданного и унаследованного предшествующими поколениями субъекта исторического творчества — по-разному опосредуются проявлениями свободного выбора людей в ходе социальной деятельности, а также историческими случайностями внешнего и внутреннего характера и пр.

Например, рабочий в эпоху классического капитализма, исчерпывающе описанную Марксом в «Манифесте коммунистической партии», осуществляя отчужденную деятельность (поскольку он представляет собой лишь товар «рабочая сила»), не только не способен выйти на уровень универсальных гигантов Возрождения, но уступает в этом отношении даже средневековому ремесленнику или крестьянину, живущим и трудящимся в цельном, многообразном и много-

стороннем мире, где они, находясь в гармонии с природой, сознательно и свободно противостоят своему продукту в качестве его творца. Однако здесь тоже не все просто, т.к. универсальность деятельности складывается из множества ее признаков, и в целом ряде своих практических проявлений рабочий капиталистического предприятия в XIX веке превосходит по степени реализации универсальности деятельности непосредственного производителя феодального общества: борясь за свои права, он демонстрирует классовое самосознание, духовную свободу, сознательно-творческую активность, невозможные во времена господства религиозных авторитетов, сословных предрассудков, традиционных канонов и обычного права. Рассматривая универсальность как многоуровневое явление, можно обнаружить, что еще в одном смысле ремесленник менее универсален. Хотя и в превращенной форме «частичного» труда (при этом актуальная универсальность, правда, ущемляется), деятельность капиталистического работника может осуществляться, только если она коллективная, совместная с другими участниками единого производственного процесса, а стало быть, универсальная. Ремесленник же, создавая целостный продукт по собственному замыслу и в то же время для обмена с обществом, т.е. представляя в этих пределах универсальное существо, тем не менее в качестве единоличного исполнителя общественного заказа самодостаточен. Он не обменивается деятельностью с другими производителями в своей отрасли, а поэтому замкнут границами собственного опыта и своих индивидуальных возможностей, не говоря уж об обязательных цеховых регламентациях. Еще более справедливо последнее замечание для крестьянина, живущего в мире натурального хозяйства.

Исключения лишь подтверждают правила. «Среднестатистическая» мера реализации универсальности деятельности локализована во времени рамками исторически-конкретного общества, характеризующегося определенными формами производства, общения и разделения труда, которое допускает для отдельных групп или лиц известные «вспышки» актуализации универсальности. Но через все отступления и противоречия, через выбросы «максимумов» (скажем, в античном или в ренессансном обществе) и «минимумов» (свойственных, к примеру, тоталитарным режимам) универсализация практики прокладывает себе дорогу, поднимаясь с каждым витком цивилизационного развития на более высокую ступень и постепенно освобождая человека от его природной и социальной ограниченности. Особенно заметно это в кризисных ситуациях, когда от повседневной рутины массы переходят к активным социальным действиям, ощущая себя действительным

субъектом истории и обнаруживая новые творческие возможности. Такова, например, эпоха великих буржуазных революций, давшая толчок актуализации универсальности человека не только в индивидуальном-творческом плане, но и в виде обобществления человеческой деятельности в целом. Сегодня нечто подобное можно наблюдать в процессе совершающейся на наших глазах научно-технической революции. Но об этом подробный разговор пойдет ниже.

Категория универсальной деятельности в свете современной социально-философской проблематики

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть, что универсализация деятельности человека оказывается, по сути своей, ее гуманизацией. В конечных определениях они совпадают, но в реальной истории развитие этих характеристик представляет собой диалектически-противоречивый процесс, в ходе которого возможны их серьезные «расхождения». Это прекрасно показано и в «Капитале», и в подготовительных к нему рукописях разных лет. Анализируя формы, предшествующие капиталистическому производству, а также первоначальное накопление капитала, совпадающее с отделением непосредственного производителя от средств производства, основатель марксизма указывает на противоположные тенденции в историческом движении гуманности и универсальности.

Сращенный с общиной, цехом и т.д., человек в известной мере универсален, ибо он сделал гигантский шаг от своей биологической предыстории к человечности как социальной определенности, к свободе от природной зависимости. Но характер его включенности в общество, средства и формы реализации свободы тормозят актуализацию других признаков универсальной деятельности. В частности, как уже было сказано, традиционная регламентация жизни, низкий уровень производительных сил, затрудняющий обмен и связь между производственными ячейками, культовая замкнутость и пр. не только сдерживают развитие творчества индивидов, их сознания и самосознания, но и препятствуют реализации подлинной гуманности в отношениях между ними: рабство, крепостничество, кастовый строй отказывают в статусе людей целым общественным группам, благодаря труду которых они существуют.

С разложением этих форм производства расширяются созидательные возможности, творческая активность отдельных людей и всего общества. Рушатся авторитеты и привилегии, множатся и услож-

няются общественные связи, раздвигаются пределы ойкумены, совершенствуются познание и технические средства овладения средой. А главное, социальные качества, детерминирующие достаточно высокий уровень проявления универсализации деятельности, получают свою всеобщую, как любит говорить Маркс, форму выражения. Зависимость производителей друг от друга вырастает настолько же, насколько «индивидуализируется» их деятельность, т.к. обратной стороной «свободы» производителя от средств производства становится необходимость продавать рабочую силу, а превращение всех продуктов труда в товар делает общественную связь определяющим моментом производства, обмена и потребления.

Однако присущее такому способу производства отчуждение производителей друг от друга порождает, если можно так выразиться, превращенную форму универсализации деятельности, противостоящую процессу гуманизации общественных отношений. Сращение общественного производства в условиях социального разделения труда с обязательной в указанном случае товарной его формой приводит к тому, что универсальная деятельность по созданию продуктов материальной и духовной культуры актуализируется, как это ни парадоксально звучит, в «ущербной» форме. В самом деле, сознание масс, лишенное творческого характера в условиях, к примеру, конвейерного производства (или иных форм тиражирования), может легко оказаться объектом манипуляций профессиональных менеджеров от экономической или политической рекламы, китчевого искусства и даже религии и сходных с ней видов идеологии, которые, в свою очередь, фактически выступают лишь проводниками некоей совокупной воли анонимного субъекта (у немцев это обозначается как «ман») так называемой «массовой» культуры. Так что персонифицированная социальная (историческая, культурная) творческая инициатива, насколько она здесь вообще возможна, осуществляется часто лишь вопреки общечеловеческим интересам. В таких условиях критерием ориентации даже творческого сознания и деятельности отдельных людей выступает, как правило, ограниченный, сиюминутный утилитаризм и эгоистическое потребительство. Иными словами, основные, существенные признаки универсальной деятельности как таковой, являясь, сводятся до минимума.

В этом пункте наиболее ярко обнаруживается эвристический смысл Марксова анализа универсальности человеческой деятельности не только для его собственной эпохи, которая так до конца и не оценила его значимость, но и для настоящего времени. Дело в том, что непосредственной целью социально-философского исследования

этой проблематики была в данном случае попытка еще в середине XIX в. теоретически наметить исторические тенденции и перспективы развития наличной общественной практики, причем не столько желаемые или политически выгодные в глазах нетерпеливых наследников марксистской идеологии во всем мире и прежде всего в России, сколько объективно присущие реальности, ибо они необходимо вытекали из наблюдавшихся уже тогда социально-экономических общекультурных процессов. Гениальным открытием Маркса в этой связи была фиксация в современном ему общественно-историческом бытии явления, названного им «превращенными» формами сознания и деятельности субъекта, представленного и отдельными личностями, и целыми социальными слоями и группами людей. В наибольшей же степени это относилось к сознанию и деятельности масс как таковых.

Повседневные действия, а иногда и судьбоносный выбор исторической альтернативы в рамках таких «превращенных» форм основываются неизбежно на так называемой «объективной кажимости», или «объективной видимости» процессов и явлений, которые возникают в условиях отчуждения человека от самого себя, т.е. от своих гуманистических, а значит, универсальных, творческих проявлений. Иллюстрацию таких «превращенных» форм можно найти и в подготовительных рукописях к «Капиталу», и в самом «Капитале», где они подробно описаны в главе «Товарный фетишизм». Особенность таких форм сознания и деятельности заключается в том, что, хотя здесь реальные общественные отношения и процессы представлены неадекватно, осознание этой неадекватности ничего не может изменить в практике людей. Ибо источником такой неадекватности является не сам субъект познания (с его возможными заблуждениями и ошибками), а объективные закономерности его деятельности, «отчуждающие» его от самого себя, от творчества, от продукта труда и т.д. В частности, в современном Марксу капиталистическом обществе сила денег, по его собственному признанию, предстает в сознании людей как реальное и независимое от них могущество металла (или бумаги), в которых они воплощены. Однако всякий человек, живущий в этом обществе, прекрасно понимает, что сама по себе бумажка или полоска металла ничего не значат (и это очень ярко подтверждается во времена финансовых кризисов, инфляции и дефолтов). На самом деле источником общественного богатства, а следовательно, силы и влияния является сам человек, его способность к творчеству. Но объективные законы, которым он подчиняется в своей деятельности производства и общения сегодня, таковы, что вещи (и деньги как знаки,

символы вещей) действительно оказываются решающим фактом. Ибо личные отношения людей, которые были характерны для «докапиталистических формаций», уступают место отчужденным от человека «вещным» отношениям, которые, становясь теперь господствующими, опосредуют собой не только чисто производственные связи людей в рамках машинного производства, но и всякие другие виды их отношений⁶¹. Выход из обозначенной только что коллизии сам создатель «научного коммунизма» совершенно логично усматривает в том, что необходимо, чтобы общественный субъект не только осознал неадекватность «превращенных» форм деятельности, ограничивающих его свободу, гуманность, творческий потенциал; но чтобы он создал такую объективную ситуацию, которая стимулировала бы самоликвидацию отчуждения в обществе, выступающего подлинным источником самого существования «превращенных» форм. Только в таком случае степень реализации универсальности человеческой деятельности получит свое максимальное и всестороннее воплощение.

В заключение статьи хотелось бы особо остановиться на двух обстоятельствах, наиболее ярко характеризующих эвристическое значение Марксова анализа категории универсальной деятельности человека. Первое из них заключается в том, что относительно исследований указанной узкой проблематики у Маркса, по большому счету, не было историко-философских предшественников. Здесь он выступает абсолютным первооткрывателем. Дело объясняется, прежде всего, тем, что до него историческое отношение человечества к пониманию существа своей собственной культуры еще не достигло такого уровня философской рефлексии, который позволил бы сделать понятие творчества и связанное с ним теснейшим образом представление об универсальности деятельности объектом научно-материалистического изучения. Творчество, а значит, и универсальность человеческой деятельности связывались, главным образом, с божественностью происхождения человека и некой иррациональной потенцией его божественного дара. Наиболее интересными и продуктивными в методологическом смысле работами о сути творчества и о его роли в жизни человека представлялись в эту пору труды немецких романтиков конца XVIII – начала XIX в. Однако и теоретические изыскания таких талантливых ученых, философов и литературных критиков, как братья Шлегели, Шеллинг, Шлейермахер, Шиллер, и художественные воплощения идей романтизма в поэзии и прозе Клейста, Новалиса, Тика, Brentano, Гофмана и т.д., оставаясь в пределах конкретно-исторической постановки вопроса (преимущественно применительно к античности и Ренессансу) или рассматривая роль

творчества в рамках индивидуальной жизни художника, лишь подготовили почву для будущих философско-материалистических обобщений Маркса, соединивших оба ракурса методологических усилий романтиков и сумевшего двинуться дальше в анализе творчества как существенного признака человеческого существования как такового.

В связи с этим следует отметить и предпринятые немецким классическим идеализмом (прежде всего, гегелевской концепцией саморазвития абсолютного духа) попытки историко-культурного самоосознания, которые, безусловно, послужили необходимым методологическим фундаментом выработки диалектико-материалистического подхода к пониманию истории культуры в целом, как качественно особого саморазвивающегося процесса социальной эволюции. Во времена Гегеля сама объективная реальность развития общественно-производственного не вполне созрела в своих всеобщих определенностях. И это исключало возможность вышеуказанной постановки проблемы в адекватной форме. Так что открытие К. Марксом общественной сути человеческой практики вообще и творчества в частности в их сопряженности с уникальными характеристиками человеческой деятельности как универсальной, сверхбиологической активности не лежало на поверхности достигнутого в середине XIX в. философского понимания явлений. Оно требовало гениальных усилий мыслителя, позволивших в значительной мере предугадывать будущее течение истории, опираясь на те, уже заметно обозначившиеся признаки его взрвания, которые были тогда доступны объективному взгляду.

Второе замечание, которое необходимо высказать в связи с оценкой эвристической роли Марксовой категории универсальной деятельности человека, состоит в том, что в то время, как многие стороны марксистского учения (и, в первую очередь, его революционно-политические выводы) в настоящее время стали практически анахронизмами⁶², именно ориентация на универсальный характер человеческой деятельности как свободной, открытой будущему и творческой активности субъекта общественного развития помогают сегодня понять и изучить объективные закономерности не только современной научно-технической революции, но и других процессов культуротворчества, которые мы воспринимаем в их глобально-модернизационных параметрах. В этой связи уместно было бы вспомнить о том, что некоторые современные философы и социологи⁶³, заявляя о «конце общества труда», по сути дела, лишь актуализируют проблематику К. Маркса, поскольку именно он впервые заявил о будущих возможностях общества покончить с отчужденным трудом в рамках современной ему капиталистической экономики и перейти к

универсальной деятельности человека-творца, господствующего над процессом производства. Новое прочтение Маркса сегодня значимо в связи с необходимостью понимания новой ситуации постиндустриального общества на Западе. Информационные постиндустриальные технологии приводят к выводу о конце «общества труда» (Ю.Хабермас) и др. В свете сказанного можно отметить, что черты универсальной деятельности сохраняются и в условиях новой технологической революции. Кроме того, Маркс предсказывал технологическое применение фундаментальных наук. И, хотя он обращался к труду доиндустриального и индустриального общества, можно выдвинуть гипотезу, что есть концепция универсальной деятельности и труда в качестве одной из составляющих этой деятельности не исчезает сегодня на Западе, как не исчезает капитализм и не появляются постэкономические отношения. Растущая сложность универсальной деятельности — более адекватная констатация.

В произведениях Маркса это будущее непременно связывается с коммунизмом, понятым им как «ассоциация свободных производителей», где обе стороны социальной связи образует «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной общественной производительности в общественное достояние»⁶⁴. При этом отношения людей не будут больше опосредоваться формой отношений между товарами, а примут свой «естественный» вид действительно человеческих отношений — и в то же время это «возвращение человека к самому себе» как человеку общественному, т.е. «человечному» будет возвращение, которое характеризуется как «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития»⁶⁵.

Как же создать такие объективные исторические обстоятельства, чтобы дать простор реализации на практике универсальных возможностей человеческой деятельности? Как обеспечить ее собственно гуманистическое, т.е. творческое, не отчужденное содержание в массовом масштабе? В XIX в. и даже в первой половине XX столетия ответ на этот вопрос не мог быть простым, однозначным и, тем более, очевидным. И гениальность Маркса в данном случае состояла не в том, что он предложил конкретный экономико-политический способ решения этой задачи (через установление общественной собственности на средства производства), который догматизировали его идеологические наследники и тем только навредили истории прогрессивного развития человечества, пытаясь насильно осуществить задуманное, по крайней мере, на одной шестой части земного шара. Научная прозорливость К.Маркса определялась его открытиями мето-

дологического характера, а именно, указаниями на те реальные объективно-исторические процессы, суть которых в то время еще не сформировалась окончательно, а выступала лишь более или менее сопутствующим общественному производству ситуационным признаком.

Речь идет прежде всего о роли науки в производстве и общении конца XIX — начала XX в. Революционным подходом к их анализу было Марксово указание на то, что наука становится «непосредственной производительной силой», т.е. предвидение, а точнее сказать, предвосхищение основоположником марксизма грядущей научно-технической революции, плодами которой мы пользуемся сегодня как чем-то само собой разумеющимся. Не вдаваясь в пространную характеристику этого современного явления, которую можно найти во многих трудах отечественных и зарубежных авторов, важно все же подчеркнуть то главное, что угадал, интуитивно понял К.Маркс, обращаясь к анализу современной ему истории общественного производства, в качестве объективного «противоядия» всеобщему отчуждению, дегуманизации всей общественной жизни, производства, культуры в целом.

Выводя все препятствия к реализации универсального характера человеческой деятельности, определяющего такие ее признаки, как творчество и гуманность, из факта общественного разделения труда, Маркс опирался в своих научных исследованиях не столько на констатацию такой связи, сколько на первые проявления ослабления этих препятствий, вызванные, по его мнению, вполне уже обозначившимися, но еще не окончательно сформировавшимися в то время объективными, закономерными тенденциями развития общественного производства. Эти тенденции он видел в процессе механизации умственного труда, которая, в конечном счете, способна была превратить материальное производство в автоматизированный, цельный процесс, так что человеку как участнику этого процесса останется выполнять только контрольную и созидательную, а значит, творческую функцию.

Сегодня мы являемся свидетелями такого, правда, частичного и постепенного превращения, вызванного научно-технической революцией не только в сфере непосредственного материального производства, но и во многих других отраслях культуры — в средствах связи (в том числе на транспорте) и массовой информации, в способах общения, обучения и т.д. Конечно, НТР еще далеко не окончена, и вообще возникает сомнение, что у нее возможен конец (по крайней мере, в пределах существования современной истории человечества), потому что преодоление общественного разделения труда — во-

все не триумфальный единовременный акт, а трудный и болезненный путь избавления от одних социальных противоречий и порождения тем самым новых коллизий, которые также следует разрешить. Но это и есть такая деятельность людей, которую Маркс называл «свободным творением самих форм общения»⁶⁶. А стало быть, преодоление общественного разделения труда есть начальный толчок к переходу из «царства необходимости в царство свободы», т.е. начало подлинной истории, в то время как до сих пор это была лишь предыстория человечества. И в этой подлинной истории главным основанием, необходимым условием и одновременно причиной и следствием ее развития является универсальность человеческой деятельности, реализуемая во все большем масштабе.

РАЗДЕЛ II. ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА: ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО, ЭКОНОМИКА, ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Этот раздел – наибольший по объему – дает конкретный ответ на усложнение и разнообразие общества. В нем дан пересмотр концепции А.Смита в плане соотношения методологического и онтологического представлений об экономическом человеке, показаны перспективы неосмитианства для экономики и развития капитализма в России. Рассматриваются тенденции организации и дезорганизации. Соотнося понятия общественного богатства Маркс и Смита с современными обуженными представлениями, авторы показывают, что социальный порядок не может твориться только экономикой. Они используют такие современные характеристики общественного богатства, как социальный, человеческий, культурный и символический капиталы, обобщенно характеризующие «внеэкономический капитал».

Глава 1. К вопросу о том, что такое общественное богатство

Вынесенный в заглавие вопрос не нов, можно даже сказать стар. Ответ на него занимал философов и экономистов с давних пор. Первые попытки придать ему концептуальную форму и вписать в систему определенных знаний связан с тем этапом развития западной общественной мысли, который вошел в ее историю под названием классической буржуазной политической экономии. Не углубляясь в анализ столь давней его постановки и предложенных классиками того времени решений, отмечу лишь, что сегодня проблема, как ни странно, «упирается» в те же (почти те же) вопросы, над которыми размышляли сначала А.Смит, потом Д.Рикардо, а позже К.Маркс, а имен-

но — «о природе и причинах богатства народов»⁶⁷. Какое общество считать богатым и каковы источники приумножения общественного богатства? Новое осмысление проблемы невозможно без обращения к духовному наследию прошлого. Поэтому в рассмотрении поставленной проблемы будем опираться не только на ее интерпретацию современным социально-философским знанием, но и на те из старых решений, которые могут стать «точками ее роста» сегодня.

Понятие общественного богатства в структуре социально-философских знаний

Самое общее и первое определение богатства полагает дефиницию: общественное богатство есть предпосылка (основание) и результат общественного производства. Определение это столь общее, что, скорее всего, не встретит особых возражений ни у экономистов, ни у философов, ни у социологов. Если кто и не согласится с ним, то это обыватель, тот, которому нет дела до вопроса, что является условием функционирования той, во многом для него безликой (или персонафицированной в работодателе) машины, в которой он функционирует в качестве производителя общественных благ. Но вопрос об отношении «среднестатистического» производителя к общественному богатству — это отдельный разговор. Пока же, оговорю моменты, которыми попытаюсь обосновать правомерность приведенного определения.

Во-первых, речь идет именно *об общественном* богатстве, т.е. о накопленных благах (средствах существования, ценностях культуры, достижениях науки и техники, общественной инфраструктуре, социальных услугах, объеме свободных денежных средств для инвестиций в развитие хозяйства стран), которые включены в систему производства и обмена (натурального, или денежного — неважно) и таким образом по способу своего функционирования с необходимостью приобретают общественный характер. А это означает, что законы производства богатства и законы его существования (потребления) по сути едины. Они отражают цели и принципы целостного процесса жизнедеятельности социума во всем многообразии проявлений. Целесообразно разделить понятия — «общественное богатство» и «богатство общества». Первое из них выражает общественную природу богатства. Второе фиксирует его субъекта. Ведь богатство может принадлежать отдельному человеку, социальной группе, классу, обществу в целом, оставаясь во всех случаях общественным богатством, если, повторим, оно включено в общественную практику через деятельность человека.

Во-вторых, в соответствии с приведенным определением, общественное богатство включает блага, удовлетворяющие позитивные (не разрушительные) потребности человека. Поэтому, скажем, накопленные запасы термоядерного оружия не могут быть квалифицированы как общественное богатство. Не являются таковым и запасы наркотиков, пускаемые в оборот наркодельцами, сколь бы широкий спрос они ни имели у части общества и сколь бы многочисленной последняя ни была.

В-третьих, предполагается, что общественное производство, в сфере которого создается общественное богатство, не сводимо к производству средств существования, поскольку за ним признается особое свойство, а именно — *быть производством социальности*, под которой понимают систему общественных взаимосвязей и зависимостей, а также человека в качестве их носителя и представителя исторически-конкретного общества. Общественное производство независимо от способа, каким оно осуществляется (форм собственности и обмена, материально-технической базы труда, механизмов включения работника в производственный процесс) всегда есть производство исторически-конкретной системы отношений, в которой живут люди. Содержанием общественного производства является процесс обеспечения человека необходимыми жизненными средствами. Но в ходе этого процесса между людьми складываются и развиваются отношения, составляющие необходимое условие их общественного существования. Поэтому можно сказать, повторяя Маркса, что «в качестве конечного результата общественного производства выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях... Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново»⁶⁸. Другими словами, взаимодействие человека с природой через производство соотносится не только с тем, что люди должны обеспечить себя средствами существования, но и с тем, что они просто не могут *иначе* жить в качестве общественных существ.

В таком проявлении общественное производство всегда совпадает с образом жизни людей, сложившимися формами общения, созданным миром материальных и духовных ценностей. Но если так, то общественное богатство как результат общественного производства имеет вместе с прочими (экономическими, производственно-техническими, организационными) собственно социальные, челове-

ческие измерения. Совокупное общественное богатство — это и создаваемые трудом средства жизни, удовлетворяющие разнообразные человеческие потребности (мир потребительных стоимостей), и социальные блага (например, эффективное,ходящее до каждого отдельного человека, здравоохранение) и разнообразное социальные услуги, отвечающие уровню развития мирового социума, и накопленные ценности материальной и духовной культуры, и достижения научного знания и техники, и высвободившееся благодаря темпам развития производства свободное время, используемое для развития человеческих дарований и наклонностей, наконец — это сам человек, свободный и способный к творчеству⁶⁹. С этих позиций более богатым является то общество, которое располагает большими возможностями для многостороннего проявления и развития человека в труде и за его пределами. Его границы определяются достигнутым уровнем развития производительных сил и общественных форм, в которых осуществляется его жизнедеятельность.

Поэтому вопрос о природе общественного богатства и факторах его роста — в равной степени компетенция как экономического, так и социально-философского знания⁷⁰. Сегодня это признается не только философами, но и экономистами, сошлемся в этой связи на авторитет В.Л.Иноземцева, считающего, что вопрос об источниках и росте общественного богатства как «главная проблема политической экономии не решаем в границах экономической теории, будучи по сути объектом *философского осмысления*»⁷¹.

Из приведенных выше «конкретизаций» (богатство как накопленные средства существования, удовлетворяющие потребности человека и — как производство социальности) определения общественного богатства для последующего рассмотрения вопроса значима последняя. Именно она связана с его сущностной характеристикой. Если общественное богатство есть основание и результат общественного производства, реализующегося как производство социальности, то его исторически-конкретные формы всегда представляют определенный способ производства (и наоборот). Причем эта взаимосвязь обнаруживается не только в сфере экономической деятельности, но и в связанной с последней культурной сферой, с культурой в целом. Заметим, что в признании этого факта сходились взгляды таких классиков, как К.Маркс, В.Зомбарт, М.Вебер. Напомним, что Маркс не только раскрыл принципы функционирования экономической системы капиталистического общества, но отметил и целый ряд соответствующих ей особенностей культуры периода становления капитализма. Так, он неоднократно подчеркивал соответствие буржуаз-

ного рыночного хозяйства протестантскому религиозному сознанию⁷². Социокультурным следствием капиталистических товарных отношений он считал также отчуждение — утрату человеком культурного, личного бытия не только в труде, но и за его пределами, не только в рамках рабочего, но и свободного времени. О связи капиталистического товарного производства (и соответственно соотносящийся с ним исторической формой богатства) и определенного типа культуры писал В. Зомбарт в своем исследовании «Буржуа». Раскрывая генезис капитализма через формирование личности капиталистического предпринимателя, он показал, что главная пружина действительности последнего — это единство двух социокультурных составляющих — «предпринимательский дух» и «мещанская благопристойность». М. Вебер, реализовавший в «Протестантской этике и духе капитализма» культурологический подход в анализе капиталистической цивилизации, выявил те ориентации специфически капиталистической формы хозяйствования, которые обусловлены такой социально значимой для культуры того времени составляющей, как религия (протестантская этика). Таким образом, исторические формы общественного богатства (и его производства) соотносятся с существующими культурными формами жизнедеятельности социума.

Общественная форма богатства и потребительная стоимость

Связь общественного богатства с существующим способом производства (исходной формой жизнедеятельности общества) имеет генетический характер и свидетельствует о том, что «за спиной» общественного богатства всегда стоят определенные общественные отношения, но что еще важнее — только в их структуре произведенные (и накопленные) блага обретают статус общественного богатства. В противном случае ценностям уготована участь быть сокровищами «скупого рыцаря», утратившими свое социальное бытие. Вот почему исторически определенным общественным отношениям (исторически-конкретным обществам) соответствует свое общественное бытие (своя общественная форма) богатства, которое может быть присвоено только с помощью средств, имеющих силу в их системе. В подтверждение этого тезиса можно привести немало примеров. Ограничусь одним. Как известно, земли Латинской Америки привлекли в свое время испанских завоевателей обилием золота — и не только природного, но и представленного предметами религиозного культа местных племен. Захватив у этих народов, не знавших товарно-де-

нежного обмена, культурные реликвии, испанцы, естественно, сразу переплавили их в золотые слитки, т.е. использовали в соответствии со своими представлениями о богатстве, придав захваченным ценностям ту общественную форму, которая была господствующей в их цивилизации. Этим был нанесен непоправимый урон, ущерб культуре завоеванных народов — в последнюю очередь именно этим актом, а не только оттеснением местных жителей в резервации были уничтожены цивилизации инков и ацтеков.

Но иначе и не могло быть: если присвоенное чужое богатство не удается адаптировать к собственным отношениям и системе ценностных ориентаций, то оно приобретает иное социальное бытие — становится «экспонатом» национальных музеев и частных коллекций (например, золото Трои), различных исторических экспозиций (Пергамский алтарь), алмазных фондов и т.п. Такие ценности становятся богатством общества (или частного лица — неважно для нашего анализа), но не общественным богатством в обозначенном выше смысле.

Таким образом, ценности существуют как общественное богатство только при условии, что они становятся фактором развития общественного производства, т.е. будучи включенными в систему функционирующих общественных отношений. Капитал является богатством только в условиях товарно-денежных отношений, превращающих в товар и рабочую силу, многосторонне развитая личность, если общество нуждается в ней как в носителе соответствующей формы социальности, мир товаров — если последние востребованы на рынке потребительных стоимостей, достижения науки и техники — если становятся фактом общественной практики. Конечно, произведенное благо предстает общественным богатством, прежде всего благодаря своим собственным свойствам, удовлетворяющим определенные потребности человека. В этом смысле общественное богатство тождественно потребительной стоимости. Напомню, что в классической буржуазной политической экономии общественное богатство связывалось непосредственно именно с потребительными стоимостями (отсюда тезис А.Смита: труд есть источник богатства, а порядок обмена выражен в той иерархии, которая установлена количеством труда, вложенного в объект обмена). С выявлением связи богатства и потребительной стоимости соотносятся и более поздние интерпретации его природы Д.Рикардо, поставившего вопрос о стоимости самого труда: последняя определяется стоимостью условий, необходимых для воспроизводства самого работника. И, наконец, концепция Маркса, предложившего рассматривать богатство как результат конкретного труда, создавшего потребительную стоимость, и

абстрактного труда, создающего меновую стоимость, а ту и другую — как атрибутивные свойства общественного богатства в условиях товарного производства.

Потребительная стоимость, создаваемая конкретным трудом, выражает ее полезность, т.е. возможность стать определенным благом, а меновая стоимость, создаваемая абстрактным трудом — способность и возможность включиться в процесс обмена, т.е. стать товаром — этой, по терминологии Маркса, элементарной формой богатства, являющейся в социальном измерении исходной «клеточкой» капиталистической цивилизации. Не случайно Маркс начинает свое исследование капитализма именно с анализа товара⁷³. Соответственно источником богатства был признан не любой труд, а труд, измеряемый необходимым рабочим временем, т.е. соответствующий достигнутому обществом уровню социальных запросов, возможностям производительных сил, его культурному и интеллектуальному потенциалу⁷⁴.

В условиях, когда и рабочая сила есть товар, всеобщей формой богатства становится *капитал*. Конечно, это вовсе не означает, что им исчерпывается совокупное богатство общества, но с этого времени универсальным и главным социально-экономическим механизмом включения произведенных благ в общественную практику становится взаимосвязь потребительной и меновой стоимости, т.е. функционирование ценностей в качестве товаров, а всеобщим эквивалентом богатства (на уровне и общественного, и индивидуального потребления) выступают *деньги*. Эффективность общественного производства и, соответственно, его рост зависит от темпов их самовозрастания. Как известно, ситуация сохранялась для всего этапа индустриального развития. Сегодня она приобретает новые черты: производственным ресурсом вместе с прежними природными ресурсами, рабочей силой и капиталом становится развитие науки (превращение ее в непосредственную производительную силу), распространение знания, сведенного к простому труду, обладание информацией. Новый ресурс теснит прежние, приобретая значение определяющего фактора в развитии производства и общества в целом.

Для экономики, организации общественного производства это имеет следствием один немаловажный факт, а именно — невозможность «квантификации» издержек производства и затрат труда, регулицию их исключительно через механизмы товарно-денежного обмена. (Еще Маркс отмечал, что «самые полезные вещи, такие как знание, не имеют меновой стоимости».) Ценность знания не может быть определена, исходя из стоимости ее рабочей силы. Это в равной степени относится и к информации. Иными словами, «реалии совре-

менной экономической жизни подталкивают к отказу от традиционного противопоставления конкретного труда, создающего потребительную стоимость, абстрактному труду, создающему меновую стоимость». Современное общество выступает «в тот исторический период, когда виды конкретного труда, несводимого к “абстрактной затрате физических и умственных усилий”, становятся столь многочисленны, что начинают представлять собой уже не исключение из некоторого правила, а явную закономерность»⁷⁵.

Современные факторы роста общественного богатства

Сегодня экономика развивается под значительным влиянием социокультурных факторов, которые чаще всего не вписываются адекватно в систему товарно-денежных отношений. Так, эффект большинства научных идей проявляется опосредствованно и не сразу, далеко не каждая идея получает воплощение в конкретном продукте, результаты научного знания реализуются не только в тех или иных технических решениях, но и в дальнейших успехах самой науки, служат ее собственным целям. Иными словами, эффект духовной деятельности (духовного производства) носит преимущественно внеэкономическую природу. С одной стороны, он действительно складывается из непосредственного экономического эффекта, определяемого разностью между материальными расходами и полученным доходом, но, с другой стороны, он включает собственно социальный эффект, который лишь частично имеет определенную стоимостную оценку, реализуясь в будущем приросте национального дохода⁷⁶. Частично социальный эффект духовной деятельности не подлежит вообще стоимостному выражению, т.к. определяется самоценностью духовного творчества как такового — в таком случае категория стоимости вообще не может быть исходной характеристикой.

По этой причине сегодня никто точно не может определить издержки, воплощенные в продукте, выходящем на рынок, никто не может измерить в прежних показателях объем произведенных благ и, соответственно, реальные факторы его роста и потому вполне правомерно сомнение в том, что в основе соизмеримости произведенных благ лежит «единая сущность» — *абстрактный труд*, необходимое рабочее время, меновая стоимость. В наши дни можно говорить о проявлении предпосылок для преодоления господства стоимостных отношений, а следовательно, исторически сложившейся общественной формы богатства в виде капитала (товара). Это свидетельствует

об изменении роли экономического фактора в жизни общества: она, очевидно, снижается, поскольку культурные векторы определяют русло общественного развития, «в результате чего экономический рост перестал выступать в качестве доминирующего социального ориентира, а значение экономических критериев как стандарта рационального поведения снижается»⁷⁷. На уровне индивидуального потребления и отношения к благам это находит выражение в том, что прежнее преобладающее внимание к вещным ценностям и материальному благополучию как самоцели уступает место заботе о качестве жизни, главной составляющей которого мыслится приобщение к разнообразным ценностям культуры, возможности личностного развития. Как свидетельствуют исследования, прежнее безусловное стремление к обладанию материальными благами начинает зримо ослабевать. По мнению японского экономиста Тайичи Сакайя, «то, чем мы, скорее всего, будем обладать в изобилии, можно назвать мудростью, причем определяемой в самом широком смысле, включающей человеческие способности и знание»⁷⁸.

Отметим те явления современной хозяйственной жизни, которые выражают направление развития общественного производства и общественного богатства к обозначенной ситуации. В экономике наиболее развитых стран очевидно (еще с середины XX в.) выявляется сокращение доли материального производства в целом и его отдельных видов, связанных с массовым использованием малоквалифицированного стандартизированного труда. Последнее сопровождается ускоренным ростом тех секторов сферы услуг, которые могут быть отнесены к информационной составляющей современного общественного производства, развитием так называемой «*информационной экономики*» (knowledge industries), доля которой в валовом национальном продукте некоторых стран достигает 35%. Информационные издержки становятся основными в количественном отношении. Так, в 1991 г. в США расходы на приобретение информации и информационных технологий были больше затрат на приобретение производственных технологий и основных фондов, а к началу 1995 г. в американской экономике при помощи информации производилось около трех четвертей добавочной стоимости, создаваемой в промышленности. Темпы роста производства информации в развитых странах опережают темпы роста материального производства, а сфера науки и ее обслуживания занимает третье место после промышленности и сельского хозяйства. Заметно растет число занятых в том секторе общественного производства, где информация и знание становятся одновременно и исходным «материалом», и продуктом про-

изводственной деятельности. В США в этих секторах хозяйства занято более 28% всех работающих, и в последние годы на них приходится 43% вновь созданных рабочих мест⁷⁹.

В этих условиях проблема роста общественного богатства утрачивает свой прежний экономический смысл и в значительной степени становится *культурной* проблемой, предполагающей акцент на «человеческих измерениях» общественного производства, как фиксирующих полезность произведенных благ с точки зрения потребностей развития человека и совершенствования его коммуникационных отношений. Значимость произведенных благ (на уровне общественного и индивидуального потребления) заключается не столько в универсальности их потребительных стоимостей, сколько, условно говоря, в их *символической* (знаковой) ценности, соотносящейся более с потребностями культурного, нежели экономического, развития социума. В воспроизводстве общественного богатства преобладающее значение начинают играть стоимости, созданные знанием (knowledge-value), которые настолько становятся определяющими, что делают правомерным название связанного с новой ситуацией этапа развития общества как «knowledge-value-society», приходят к выводу исследователи. Информация и знание принимают вид *интеллектуального капитала*, наиболее значимыми составляющими которого являются «человеческий капитал» (знания, опыт, способности к творчеству совокупного работника) и *структурный капитал* (патенты, лицензии, электронные сети). Пионеры изучения данного явления Лейф Эдвинссон и Майкл Мэлоун убедительно показали, что эти два вида капитала не вписываются в традиционные модели бухгалтерского учета, что со временем с необходимостью приведет к установлению нового равновесия между финансовой составляющей бизнеса и его нефинансовой компонентой. Вместе с категорией интеллектуального капитала можно ввести понятие *социального капитала*, обозначив им те общественные институты, которые работают на производство и являются факторами его регулирования и социального управления. Субъект последнего, по оценке П.Дракера, из человека, отвечающего за эффективность и результаты работы коллектива, превращается в человека, отвечающего за применение и эффективность знания. Возрастание роли этих видов капитала свидетельствует, что решающее значение приобретает качество (а не количество!) рабочей силы. Норма накопления уже не влияет в прежней степени на темпы экономического роста, а увеличение основного капитала составляет лишь один из его источников и при этом далеко не главный. Обнаруживаются границы, за пределами кото-

рых для роста общественного богатства выгоднее сосредоточить усилия и средства (инвестиции) не в собственно материальном производстве, а в сфере науки, разработки информационных технологий, образования.

Прогресс материального и духовного производства становится соизмеримым и даже эквивалентным. Производство общественного богатства начинает осуществляться таким способом, в рамках которого снимается социальное противопоставление материальных и духовных факторов его роста, сближаясь с процессом развития человека в направлении выявления его творческих способностей и дарований. Это отмечают все исследователи, признавая, что современный уровень научно-технического прогресса сделал многостороннее развитие человека не только делом его личного выбора, но и условием его «социального призвания»: сегодня конкуренция знания не менее жесткая, чем конкуренция собственности, это свидетельствует о том, что в перспективе развитие человека может стать доминантным в функционировании общественного производства, а разносторонность его подготовки к общественно-трудовой деятельности и способности к творчеству — главной составляющей общественного богатства. Надо, однако, сказать, что такая ситуация создает и новые коллизии: как «увязать» принципы экономической рациональности с требованиями социокультурного развития страны и при этом остаться в рамках дозволенных бюджетом, как найти разумную «середину» между этими двумя векторами общественного развития? Для нашей страны, переживающей состояние реформирующегося общества, эта задача пока трудно разрешима, несмотря на предпринимаемые в последнее время усилия государства найти способы адекватно отразить в своей внутренней политике требования времени. Особую озабоченность вызывает снижение интеллектуального и общекультурного потенциала общества. Его восстановление, не говоря уже о росте, требует дополнительной опеки со стороны государства. Особенно это касается науки — как фундаментальных, так и прикладных исследований, которые сегодня невозможны в нужном объеме без финансовой поддержки именно государства (и по большей части на федеральном уровне), поскольку частный капитал еще не может и не хочет взять на себя связанную с этой поддержкой часть расходов, а местные власти не выработали механизмов необходимого на него воздействия. Что же касается самой науки, то она далеко не всегда в состоянии успешно функционировать в «системе самокупаемости» в силу уже отмеченной выше особенности научного знания «выпадать» из структуры товарно-денежных отношений.

Существенные изменения происходят и в содержании труда, при этом той части работников, которые заняты непосредственно «производством вещей». Здесь, с одной стороны, очевидна тенденция к интеллектуальному и творческому насыщению их трудовой деятельности, с другой стороны, участие человека в производстве все менее связывается с непосредственным воздействием на предмет труда: простой физический труд вытесняется деятельностью по обслуживанию оборудования (его наладке, настройке, ремонту и по контролю на технологическим процессом). Это расширяет возможности для многостороннего проявления человека в труде и меняет качество рабочей силы в указанном выше направлении — все большее значение приобретает уровень общего и специального знания, технической культуры, способность к принятию самостоятельных решений. Непосредственный труд и его количество исчезает в качестве главного фактора, обеспечивающего эффективность труда в «производстве вещей», человек как бы встает над производственным процессом, превращаясь в его «контролера и регулировщика». В свое время, предвидя такую ситуацию, Маркс писал: «Непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей, и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению ко всеобщему труду, по отношению к технологическому применению естествознания»⁸⁰. Можно сказать, что «производство человека» как составного элемента общественного богатства меняет свои параметры в соответствии с общим направлением изменений, происходящих в последнем под влиянием развития социокультурных факторов общественной практики. Немаловажное значение имеет и тот факт, что материальное производство все в большей степени выступает как технологическое применение науки. Оставаясь сферой создания материальных ценностей, оно начинает функционировать в качестве своеобразной научной лаборатории, где знания не только получают практическую реализацию, но в определенном смысле и производятся. (Заметим, что производственные разработки составляют сегодня значительную часть объема всех научных исследований, а темпы роста научно-технической интеллигенции превышают темпы роста всех других профессиональных групп работников умственного труда.) Другими словами, если процесс производства раскрывается как применение науки, то, в свою очередь, наука становится функцией процесса производства, образуя с ним единое целое — «наука — техника — про-

изводство», ни один из элементов которого не может функционировать, не опираясь на два других. (При этом не только естественные, но и общественные науки — социология, психология, производственная эстетика — оказывают свое воздействие на материальное производство.) Интеграция материального и духовного производства отражается на структуре совокупного общественного богатства и на «иерархии» его различных видов, складывающейся на потребительском рынке: наибольший спрос имеют те вещные ценности, в которых очевиднее запечатлены достижения современной культуры и знания.

Рассмотренные процессы свидетельствуют об изменении содержания экономической рациональности как принципа организации общественного производства. Сложившийся исторически и остающийся пока господствующим тип экономического роста связан с производством, основанным на законе стоимости и самовозрастании капитала. В этих условиях экономия капитала на производственных расходах выступает как главное требование, предъявляемое к организации производственной деятельности, как основа экономической эффективности общественного производства. Такому производству соответствует и определенная производственная технология, связанная с уровнем производительных сил, который предполагает вместе с применением машинной техники использование простого физического труда в качестве решающего фактора роста общественного богатства. Превращение науки в непосредственную производительную силу, усиление ее связи с материальным производством, внедрение научных принципов организации труда и изменения его создания в направлении интеллектуального обогащения трудовых действий меняет ситуацию. Решающую роль в функционировании производства начинает играть не рост количества средств труда и рабочей силы, а интеллектуальный потенциал производства.

В этих условиях увеличение основного капитала уступает свое главенствующее влияние в качестве источника экономического роста и роста общественного богатства. Эффект производственной деятельности начинает зависеть от «вложений» в человека, использования современных достижений науки и техники, информационных технологий, что сопровождается появлением и усилением вне рыночных структур регулирования процесса производства общественного богатства. Интересно, что именно из этих факторов исследователями выводятся производные так называемого «хорошего общества», ориентированного на обеспечение «социальной пристойности», включающей условия не только экономического, но социокультурного существования человека и выражающего гуманистический

взгляд на перспективы общественного развития⁸¹. Сегодня цели общественного производства, если общество стремится к эффективно-му функционированию его в соответствии с требованиями времени (научно-технического и социального прогресса), должны определяться не только задачами увеличения валового национального дохода, но и потребностями культуры, «фокусом» которой является духовное развитие человека. Экономическая рациональность все настойчивее и шире дополняется рациональностью более высокого порядка – самоценностью человеческого творчества. Можно сказать, что намечается тенденция к изменению самого понятия «экономика»: на место «экономического богатства» со временем может встать «*богатый человек* и богатая *человеческая* потребность» – богатый человек как «*нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни»⁸². В центре этой новой экономики вместе с миром материальных благ (вещей) займет свое место культура, которая станет главным ресурсом производства совокупного общественного богатства, а «культурно богатый человек» станет всеобщей формой последнего. Конечно, такую ситуацию скорее следует оценивать (и воспринимать) более как *культурный императив*, нежели как реально достигнутое состояние социализма. Ибо история, склонная постоянно импровизировать, расставляет свои ловушки, как бы испытывая человечество на «прочность», проверяя его способность жить не только в достатке, но и в *культуре*. Так, очевидно, что достаточное свободное время в качестве пространства для свободного личностного развития и в этом смысле как необходимая составляющая общественного богатства становится таковым лишь при условии, если интересы людей не ограничены, как писал Герцен, «столовой и спальней». Сегодня мы являемся очевидцами того, что достаток и свободное время могут идти вразрез со всесторонностью потребностей, наклонностей, интересов человека, т.е. могут и не способствовать культурному развитию личности и, соответственно, формированию ситуации, при которой «экономическое богатство» начинает уступать место богатству культуры. Видимо, как предостерегал Маркс, предлагая свою формулу общественного богатства, дело не только и даже не столько в экономическом росте, сколько в *ликвидации отчуждения*.

Капитализм, бесспорно, может достичь небывалого развития производительных сил, выйти за пределы «экономической формации», обеспечив и материальное благополучие, и социальное благоденствие, и развитие науки, подчинив ее потребностям развития общественной практики в интересах всего человечества. В этом смысле можно сказать, что капиталистическая цивилизация в своем истори-

ческом движении в самом деле означает «конец утопии», но капитализм не может преодолеть «своими силами» отчуждения как социокультурного явления, потому что для этого необходимо принципиально иное отношение к человеку, а именно — отношение к нему не как к средству, а как к цели общественного развития. Последнее предполагает иное производство социальности — производство, эпифеноменом которого является культурное творчество. Общество культуры — это не посткапиталистическое, не постэкономическое, не постиндустриальное общество (хотя каждый из этих исторических этапов развития общественного производства как производства социальности подготавливает его достижение), а общество, в котором развитая человеческая индивидуальность становится всеобщей формой общественного богатства, потому что развитие каждого сопутствует развитию всех — и наоборот.

Достижимо такое общественное состояние или его можно рассматривать только в качестве общественного идеала (и тогда переход к постэкономическому обществу — это не конец, а начало новой утопии)? Думается, что ни отрицательного, ни положительного ответа на этот вопрос сегодня история пока не дает.

Глава 2. Экономическая теория в контексте эволюции капитализма

Истории экономических учений, по-разному реконструирующие смену экономических теорий и парадигм экономического знания, весьма часто не погружены в реальный социокультурный контекст исторических эпох, а предстают своеобразным приключением идей без объяснения причин, заставляющих их изменяться. Здесь предпринята попытка погрузить анализ развития экономического знания в контекст эволюции капитализма как общественного порядка нового типа, возникшего в Европе в XVII в. Эволюция капитализма — это общественно-исторический процесс, который на разных этапах ставил перед обществом различные вызовы. Возникновение политэкономии и впоследствии экономической науки было одним из ответов на вызовы такого рода. Однако не на все из них экономическая наука может ответить самостоятельно. Встает вопрос о том, какие события и ситуации, а также усилия других наук, позволили экономическому знанию сохранить свою внутреннюю динамику и до каких пределов эта динамика могла не подвергаться революционному воздействию

социальных факторов и социально-философской критике. Развитие экономических теорий анализируется на фоне эволюции капитализма, которую они изначально предполагали описать и объяснить.

Классическая экономическая теория. Становление классической экономической теории как ответ на возрастание роли экономического фактора и социальные вызовы времени

Европейская экономическая наука вряд ли могла возникнуть ранее XVIII в., т.е. до того, как появилась экономика, обладающая отличием от хозяйства. Согласно одному недавнему исследованию, рост валового продукта в европейских странах в течение всего периода между 500-м и 1500 г. не превышал 0,1% в год⁸³. На протяжении многих веков на Земле жило неизменное количество людей – около 180 млн человек. Население Европы в это же время было практически неизменным. Рост хозяйственной активности начинает отмечаться с 1500 г. и по 1700-й. В этот период он практически удвоился. Но с 1700 г. экономический рост становится невиданным – более 0,5% в год. Это означает, что в течение жизни одного поколения, т.е. за 25–40 лет изменения в общественном богатстве и в товарном обеспечении становятся чрезвычайно заметными. Экономический рост способствовал увеличению населения. Так с 1800-го по 1914 г. оно выросло до 460 млн человек. В XVIII в. – времени жизни А.Смита – рост человеческой популяции уже был заметен. Его обеспечил экономический прогресс, улучшивший условия жизни людей. Но умножение населения, в свою очередь, требовало экономического подъема и развития в качестве предпосылки выживания людей.

Значимость экономического фактора в жизни людей становилась все более и более очевидной. Понимание этого привело к классической экономической теории. Но ее генезис тесно связан и с рядом других конкретных обстоятельств. Адам Смит написал «Теорию нравственных чувств» за семнадцать лет до «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). В «Теории нравственных чувств» он противопоставлял эгоистическому индивиду индивида сочувствующего и наделенного симпатией: «...источник нашей чувствительности к страданиям посторонних людей...лежит в нашей способности переноситься воображением на их место, в способности, которая доставляет нам возможность представлять себе то, что они чувствуют, и испытывать те же ощущения»⁸⁴. Он исследовал индивида подобно естествоиспытателю, находя проявления нравственных чувств в реальной жизни и отвергая сверхчувственные проявления нравственности.

В книге о богатстве народов Смит обращается к деятельности индивида эгоистического и своекорыстного. Здесь индуктивный метод мог бы снова стать подтверждением существования этой стороны человеческой природы, но число фактов такого рода бесконечно велико, и, не видя возможности их охватить, Смит прибегает к *дедуктивному методу*. Этот метод у него комбинируется с *описательным*.

Если нравственным чувством обладают люди сочувствующие и симпатизирующие, то материальные блага создаются людьми своекорыстными и устремленными к личной выгоде вместо пользы других. Важно подчеркнуть, что для А.Смита выделение двух различных типов людей — это *не онтология, а методология анализа*. А.Смит был глубоко верующим человеком, поэтому он верил, что мир сотворен Богом как нечто целое и взаимосвязанное. Выделение экономического (эгоистического) человека потребовалось Смиту лишь для того, чтобы построить теорию специфической сферы деятельности, прежде неотделяемой от остальных ее видов и погруженной в общественные связи. Оба его произведения взаимосвязаны, и выделение одной из свойств человеческой природы — альтруистической — в учении о нравственных чувствах, а другой — эгоистической — в теории богатства являются методом, не отрицающим, а подчеркивающим их реальную связь, коррекцию эгоистических проявлений нравственными чувствами, но одновременно новую задачу науки эксплицировать признаки экономической мотивации и деятельности. У Смита не было нужды доказывать неразрывную связь всех сторон общества. Смит призывал не восходить к сочувствию, а исходить из него. Одна из центральных тем его «Теории нравственных чувств» — это демонстрация того, что естественная склонность человеческой природы к дружбе и одобрению своих поступков другими людьми является предпосылкой общественной жизни самого общества. Обе сферы — нравственных чувств и богатства народов — связаны для Смита априори волей Создателя. Задача же ученого мыслится как вычленение факторов, работающих в экономике для ее анализа, а не для реального обособления.

Показывая противоречивость начал человека, реализуемых в различных жизненных ситуациях, в частности в экономической деятельности, Смит, сохраняя реализм, все же стремится к тому, чтобы их реальное единство не было бы разрушено. Оно возможно при соединении эгоизма предпринимательства с нравственным чувством, а нравственного чувства с заботой о себе. Русский издатель «Теории нравственных чувств» писал: «Величавый и дальнорзоркий гений Смита, уносясь за отдаленный горизонт и охватывая разом все, что лежа-

ло на пути, решил пройти двумя различными путями и независимыми друг от друга направлениями, в надежде, что предпосылая одному ряду аргументов посылки, которых не будет в другом, противоположные заключения будут взаимно дополняться, нежели противоречить одно другому, и послужат широким и незабываемым основанием, на котором может быть прочно воздвигнута великая наука о человеческой природе»⁸⁵. В отличие от своих предшественников, искавших естественные закономерности капитализма в многообразии действующих на него факторов — меркантилистских или физикалистских, Смит перешел к трудовой теории стоимости. По словам Рикардо, также сторонника сходных взглядов, изложенных в работе «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817), «стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд»⁸⁶.

Говоря о том, что труд есть основа благосостояния, А.Смит, по видимому, находился под впечатлением работ И.Ньютона и их огромного успеха. Смит следует натуралистическому подходу Ньютона, но его натурализм уже отличается от натурализма меркантилистов и физиократов. Смит попытался найти естественные, природные причины, приводящие к разделению труда. Это можно обнаружить в знаменитом фрагменте, которым начинается вторая глава: «Разделение труда, приводящее к ...выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им; оно представляет собою последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающейся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой»⁸⁷. Далее он поясняет, что «точно так же, как посредством договора, мены и покупки мы приобретаем друг от друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально и разделение труда»⁸⁸. Более того, эта естественная причина, по мысли А.Смита, лежит в основе формирования всех общественных связей, поскольку «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать в торговый союз»⁸⁹.

Натурализм А.Смита проявился и в том, что в качестве действующего экономического агента он рассматривал конкретного индивида. Соответственно, хозяйственная деятельность сводилась им к деятельности «разумных эгоистов». С теоретико-познавательной точ-

ки зрения, в его подходе реализовался принцип методологического индивидуализма. Эгоизм — вторая естественная черта человека, которая вместе со склонностью к обмену, порождает, в конечном счете, все многообразие хозяйственных связей. «Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах»⁹⁰. Эти две особенности человеческого характера, как это не может не показаться странным, «побуждают каждого человека посвятить себя определенному специальному занятию и развить до совершенства свои природные дарования в данной специальной области»⁹¹. Таким образом, в основе «побуждения к совершенству» лежит уверенность в том, что и другие, точно такие же, как и ты, эгоисты, жизнедеятельность которых естественным образом подчинена процессам обмена и торговли и, соответственно, направлена на извлечение выгоды из этих операций, поступят точно таким же образом. Это показывает, что А.Смит прекрасно осознавал, что не просто труд сам по себе порождает блага и ценности, но только качественный, непрерывно совершенствующийся труд. Во введении к «Богатству народов» он отмечает, что годичный труд народа обеспечивает все необходимое для потребления и роскоши. Различие «в снабжении» народов произведенными благами определяется двумя условиями: «во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими в обществе применяется труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят. Обилие или скудость этого снабжения зависит, по-видимому, в большей степени от первого из этих условий, чем от второго»⁹².

А.Смит признавал значимость общества и государства в хозяйственной деятельности. Для эффективного функционирования экономики очень важен моральный климат в обществе, который, собственно, и должен быть, по его мнению, обеспечен государством. При чем не только справедливой легальной системой правосудия, но и заданием «стандартов качества» жизни работающих людей всех сословий и классов. Чего стоит только одно из его замечаний по этому поводу: «Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов бедна и несчастна. Да, кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилье»⁹³. Эта обеспокоенность А. Смита системой ценностей, которые должны быть установлены и обеспечены государством, практически была забыта последующими экономистами.

А. Смит превратил приписываемого ему современными неолибералами экономического человека всего лишь в научную абстракцию. Он действительно считал, что центральным экономическим мотивом рыночного обмена служит своекорыстие и выгода. Рынок обращается не к гуманности людей, а к их эгоизму. Он действительно считал, что экономический рост и развитие экономики лучше осуществляются свободным рынком, чем рынком, управляемым государством из-за объективно действующего в первом механизма свободной конкуренции, которая ускоряет и рост, и развитие экономики, как если бы здесь действовала невидимая рука. Но он не считал рынок безупречным и всегда ведущим к общественной выгоде. Он говорил, прежде всего, о том, что в Англии, в отличие от других стран Европы, это было так. В Англии нерегулируемый государством рынок давал результаты, превосходящие те, которые могли быть получены при государственном регулировании.

Данная характеристика механизма действия рынка стала, однако, единственным пунктом, соединяющим современных неолибералов со Смитом. Прежде всего *А. Смит, в отличие от неолибералов нынешних, был глубоким контекстуалистом*⁹⁴. Контекстуалистом в двух смыслах. Во-первых, в плане включенности его концепции в предшествующий научный контекст, во-вторых, в аспекте глубокой погруженности его исследований в социальный и исторический материал, а так же в современную ему практическую жизнь. *Контекстуализм у него — это исследовательская программа, противостоящая универсализму, формализму и обрыву научной традиции.* Связь с научной традицией необходима, но не достаточна. Для характеристики контекстуализма должно быть показано его противостояние двум другим вышеназванным «оппонентам» — универсализму и формализму.

Как уже отмечено, А. Смит не был первым теоретиком, искавшим ответы на экономические вопросы своего времени. До него эти вопросы решались в рамках схоластической традиции, а также в работах меркантилистов и физиократов. Подчеркнем лишь то, что в развитии идей всегда существует хотя бы относительная преемственность. Некоторые из своих концептуальных установок А. Смит унаследовал от физиократов, в частности интерес к тем факторам, которые стимулируют повышение качества труда.

Социально-исторический контекст его теоретических построений состоял в том, что он строил экономическую теорию и мыслил экономическую политику в контексте Англии, где уровень капитализма позволял развиваться рынку, свободному от вмешательства государства, но рынку, не свободному от общества, нравственных

чувств, культуры, социальных отношений, истории и политики. Таким пониманием он отличался и от будущих неолибералов, и от Д.Рикардо (1772–1823), жившего в эпоху более развитого капитализма и склонного к построению абстрактных схем и теорий, не имеющих социокультурного контекста. А.Смита выделяет то, что он был не только профессиональным экономистом, но и этиком, социальным философом, а также человеком, склонным к междисциплинарному подходу. Он дружил с Юмом, писавшим на экономические темы и поддерживающим идею свободного рынка. Юм говорил о себе, что не только как человек, но и как британский подданный он «молится за распространение коммерции также в Германии, Испании, Италии и даже в самой Франции»⁹⁵. Дело было в том, что самая могущественная держава того времени – Франция – управлялась королем и не имела свободного рынка. В этом обстоятельстве коренится скрытое признание различия возможностей разных стран перейти к свободному рынку. Далее, Смит соединял дедуктивную теорию с историческим описанием и конкретной ситуацией в Англии, макроэкономический подход с микроэкономическим анализом рынка его времени. И, главное, схема получения общественного богатства, богатства нации не сводилась им к рынку, а включала также производительность труда и его разделение, расширение рынка, аккумуляцию капитала, рационализм производительного труда, рациональность общества, также влияющие на аккумуляцию капитала. Индивидуальная свобода экономического человека была для него средством поддержания общественных целей.

А.Смит жил в то время, когда уже существовал Вестфальская система национальных государств, образованная в 1648 г. после завершения Тридцатилетней войны Вестфальским миром. Она устанавливала национальное государство в качестве универсальной единицы международного процесса и наделяла его суверенитетом в пределах принадлежащей ему территории. Суверенитет позволял государству собирать налоги, поддерживать или, напротив, препятствовать свободному рынку на своей территории, устанавливать таможенные барьеры для товаров из других стран. Поэтому экономическая теория Смита с неизбежностью является политико-экономической, затрагивающей проблемы взаимоотношения государства и экономики.

Англия – страна классического капитализма, готовая к формированию экономических теорий, ибо именно в ней капитализм обрел наиболее чистые и более легко описываемые теорией, классические формы: рыночная экономика, свобода торговли, золотой стандарт, индустриальная революция, классы, возвышение экономической системы над обществом.

Отвечая на экономические изменения, на заметный подъем значимости экономического фактора, Смит и сформировал новую экономическую теорию. До него, как уже упоминалось, существовали теории, характеризующие хозяйство, но не экономику, предпосылки экономической теории имелись и у меркантилистов, и у физиократов. С развитием капитализма формировалась такая социально определенная форма хозяйствования, которая содержала закономерности и могла быть преобразована в предмет новой экономической науки. Экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, в основном следовал парадигме Ньютона, находя закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени, он, прежде всего, наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе природа человеческая, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой – человеческое счастье. Слабости и сила людей подчинены мудрости Бога, устанавливающего баланс этих качеств и обеспечивающего благодаря этому блага всего общества. Закономерности, заложенные Богом в природу, человека, а через них и в общество приводили Смита к идее естественного порядка, имеющего законы, которые могут быть раскрыты благодаря наличию причинно-следственной связи, объективных интересов людей, их рациональности и исчисляемости.

Теоретические изыскания А.Смита *не просто имели модель реальную хозяйственно-экономическую практику, но и давали ответ на социальные вызовы*, к числу которых относились не забытые с начала XVII в. ужасы огораживания и люмпенизации крестьян. Это была, по словам известного антрополога и исследователя генезиса европейского капитализма К.Поланьи, «революция богатых против бедных»⁹⁶. Признанные объективными тенденции развития капитализма (в данном случае, выразившиеся в стремлении лордов-овцеводов к производству шерсти) реализовались в крайне варварской форме. Эти ужасы повторились через 150 лет при промышленной революции, когда все казалось разрушенным и не виделось просвета впереди. Английские крестьяне, перемещаясь в города, превращались в бродяг, семьи их разрушались, а прежние ценности были здесь не к месту.

Таким образом, экономическая теория А.Смита явилась ответом на новые социальные вызовы. В своей теории он пытается открыть экономические закономерности, которые мыслились им как основа управления экономикой и обществом. Экономика и экономическая

политика соединялись в его теории. *Критический пафос Смита* был направлен не только против отмеченной социальной опасности пауперизма, который еще даст о себе знать в не менее ужасающей форме в период индустриальной революции. Он содержал ясное понимание того, что *эгоистическая природа человека в капиталистическом накоплении может одержать верх над стремлением к достижению общих интересов.*

Смит выделяет три класса: землевладельцев, рабочих, живущих на заработную плату, и тех, кто использует труд рабочих и живет на прибыль. Первые два класса, по мнению Смита, тесно связаны с достижением общих интересов, хотя лендлорды, по его мнению, имели пагубную и эгоистическую привычку жать на поле, на котором они не сеяли. Что касается представителей третьего из названных классов, то «их превосходство над землевладельцем состоит не столько в понимании ими общественных интересов, сколько в лучшем понимании своих собственных интересов...»⁹⁷. Смит признает, что появился новый класс, «интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его...»⁹⁸.

Это противоречит основной идее Смита об источниках богатства народов. И потому он адресует свои труды скорее не предпринимателю, одержимому жаждой прибыли, а хозяину, который, стремясь к экономическому росту, является этическим субъектом экономики и опирается в этом на естественно присущие ему нравственные чувства, любому индивиду, являющемуся источником собственности. Он интересовался домашними хозяйствами, фирмами, политиками, институтами. И это не отрицает того, что Смит основал экономическую науку, а не продолжил развитие науки о хозяйстве, но его интересовали реально действующие агенты мануфактурного периода капиталистического производства. На более позднем этапе — в абстрактной теории Рикардо агентом капиталистического производства уже становился преимущественно предприниматель-капиталист. Растущие вокруг Манчестера сталеплавильные печи свидетельствовали о наступлении новой эпохи, хотя индустриальная революция еще не произошла.

Таким образом, классическая политическая экономия при переходе от Смита к Рикардо исходила из ньютоновской парадигмы, распространяя эту парадигму на поиск экономических законов. Теория Смита по сути глубоко контекстуальна, т.к. реальности английского капитализма, среди которых — независимость рынка от государства, и связь хозяйственной деятельности с нравственным, куль-

турным, историческим и социальным опытом. Позднее его теория была заменена абстрактной, не контекстуальной теорией Рикардо. Теория стала универсальной, пригодной для всех народов и на все времена. Она уже не отвечала на вызов времени и не имела такого критического потенциала в отношении капитализма, как теория Смита. В теории Рикардо акцент был перенесен на технику анализа экономических моделей.

Новая эпоха и ответы на новые вызовы

Для теории Д.Рикардо экономика Англии также служила моделью, но за время, истекшее с момента написания Смитом труда о богатстве народов, капитализм успел измениться. *Нарастают индустриальные тенденции, уменьшается зависимость от культуры, экономика все больше обособляется и возвышается над социальными связями, которые прежде возвышались над ней.* Это способствует тому, чтоб контекст теории постепенно утрачивает свою значимость. Возрастает абстрактность и универсальность теории. *Рикардо отказывается от смитовской комбинации дедуктивного, исторического и описательного методов, основывая свои заключения на первом и усиливая значимость ньютоновской парадигмы, поисков объективных, не ограниченных рамками английского капитализма, закономерностей.* С его точки зрения, возник объективный закон распределения продукта, предоставляющий землевладельцам ренту, капиталистам прибыль, а рабочим заработную плату. В следовании этому подходу и должна отныне состоять, по его мнению, экономическая политика. Рикардо тем самым уклонялся от решения социальных конфликтов, хотя он показывал увеличение доли мануфактурного производства и снижение доли сельского хозяйства, объективно ставя проблему жизнеобеспечения больших масс людей своего времени, он же полагал ее не разрешимой посредством экономической теории. Но это вызвало критику контекстуалистов, среди которых были французские социалисты Т.Р.Мальтус (1766—1834) и К.Маркс (1818—1883). Явственно наблюдаемый экономический рост привлек в то время внимание многих мыслителей. Центральной темой рассуждений Т.Р.Мальтуса, Д.Рикардо и К.Маркса становится попытка объяснить и понять происходящие изменения. Людям нашей эпохи, испытавшим так много трансформаций и где-то внутри смирившихся с быстрыми изменениями ускользающего от нас мира, теперь трудно оценить энтузиазм тех, кто впервые испытал на себе и осознал реальность изменений в эконо-

мике и социальной жизни. Мальтус доказывал неспособность рынка обеспечить экономический рост, адекватный росту населения. Экономический рост, по его мнению, подчинялся арифметической прогрессии, тогда как рост населения — геометрической. Количество бедного населения увеличивалось. Действительно, в 1790 г. Англия переживала продовольственный кризис. Мальтус выступил против анархизма французского исследователя В. Годвина, идеи которого разделял его отец (Д. Мальтус) и признаки которого он находил в классическом либерализме Рикардо, призывал к регулированию рождаемости. Социалисты-утописты подвергли критике капитализм с его неравенством классов. В ответ Рикардо Мальтус пояснял, что землевладельцы являются классом, который вредит развитию индустриального производства, способного решить проблемы общества, и что уменьшение сектора сельского хозяйства компенсируется ростом промышленного производства.

В лице Дж. С. Милля — последнего из представителей классической политэкономии (1876—1873) была представлена новая попытка ответа как на критику экономической теории, так и на социальные конфликты. Милль верил в возможность хорошего общества. Он вернул смитовский контекстуализм, испытал влияние Ш. Фурье и А. Сен-Симона, О. Конта и меркантилиста И. Бентама. Он стремился, в отличие от Рикардо, к эмпирической очевидности, считал, что сельское хозяйство увеличивает свою долю в производстве. Он признавал значение дедуктивного метода и ньютоновской парадигмы в экономической науке, но считал объективными лишь законы производства. Законы же распределения, по его мнению, зависели от обстоятельств и от людей. Находясь под влиянием Конта, он считал экономику наукой о человеческом поведении. У Бентама (1748—1832) он заимствовал идею достижения удовольствия и избегания боли, через баланс которых он считал возможным охарактеризовать все виды человеческого поведения.

А. Смит (1723—1790), Д. Рикардо (1772—1823) и Дж. С. Милль (1873—1873) составили эпоху классической буржуазной политической экономии, растянувшейся более чем на столетие. Они раскрыли сущность не только новых экономических отношений, но и капитализма как общественного порядка нового типа. Эти мыслители дали не только макроэкономический анализ, но и много различных микроэкономических концепций. Они были весьма рефлексивны в отношении своей методологии.

Очевидно, что Смит не был апологетом буржуазных отношений, хотя и был их идеологом, как, впрочем, и Рикардо — более свободный от оценок в своей теории, и Милль — не только экономист, но и

философ, этик и социолог. К. Маркс, продолживший развитие трудовой теории стоимости, считал их честными буржуазными идеологами, в отличие от «попа-шарлатана» Мальтуса в том смысле, что они объективно стояли на позициях класса буржуазии, но не были сознательными апологетами капитализма, не способными к его критике. Вместе с тем, эта традиция начала размываться, по словам Маркса, вульгарной политэкономией, которая «...доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства»⁹⁹. Представления же этих агентов о собственном мире были исключительно апологетические – как о лучшем из миров. К числу таких апологетов обычно относят экономистов, вульгаризирующих классическую политическую экономику: таких как Дж. Б. Сэй, Дж. Р. Мак-Куллох, Н. У. Сениор, Э. Бастиа, Т. Р. Мальтус¹⁰⁰.

Следующий этап в развитии экономической мысли можно обозначить как неклассический. Представители неклассических экономических теорий не просто продолжили внеконтекстуальную методологию Рикардо и развили формально-рациональные методы. Они стали смотреть на экономику как на некий инструмент. В XX в. политолог К. Шмитт определял *экономическое как способ различения пригодного и непригодного*. Пожалуй, эта характеристика ближе всего тем изменениям в понимании экономики, которые можно обнаружить у маржиналистов. Стоимость вещей стала определяться их способностью быть примененными на основе предельной полезности и вытекающих отсюда отношений. Пожалуй, сегодня эта теория более адекватна потребительскому капитализму, чем в период своего появления, когда труд составлял основу общества, и не «общество потребления», и не «общество знания», а «общество труда» реально существовало. При этом полезность сегодня могла бы выйти за утилитарные рамки и выступить так же как символическая полезность престижностью, модностью, знаком статуса. Но в рассматриваемый период произошла неадекватная смена парадигм, превращавшая политэкономия в частное экономическое знание – уже не теорию капитализма и не в теорию капиталистического общества.

Пригодность или непригодность определяла экономический успех, постепенно возвышая его до высшего общественного проявления. Модность этой теории добывалась с трудностями, но была достигнута, особенно в Австрийской экономической школе. В последней трети XIX в. появилась оппозиция классике в лице маржиналистов В. Джевонса, К. Менгера, Л. Вальраса, Ф. Визера, Е. Бем-Баверка. Иногда они

именуются в литературе как неоклассические микроэкономисты, но, пожалуй, термин «неклассические микроэкономисты» был бы здесь более адекватным.

Англичанин В.Джевонс был одним из первых, кто глубоко поверил в эффективность математических методов в экономике. Он использовал математический аппарат для установления равновесия экономических трансакций, производимых индивидуальными экономическими агентами, первоначально преследуя цели личного обогащения в связи с имеющимися у него материальными трудностями. Он ввел понятие убывающей предельной полезности. И его идея экономического равновесия легла в основу последующего применения математики в экономике. Общим и по-разному варьируемым для маржиналистов представлением явилось то, что меновая стоимость определяется спросом, а не издержками производства, как считали классические политические экономисты. Маржиналисты были уверены в определяющей связи полезности и цены, ввели принцип предельной полезности. Они применили математические методы и статистику. Ценообразование превращалось тем самым в самостоятельную часть экономики, далекую от социальных проблем общества, от связи с философскими и социологическими идеями. Хотя экономические методы, впервые примененные столь последовательно, имели немаловажное значение в качестве прецедента подобных исследований в будущем, маржиналисты второй половины XIX в. в некотором смысле продолжили тенденцию вульгарных экономистов, состоящую в усилении слабых черт классической политической экономики, *сознательном ослаблении тенденции объективности и усилении защиты статус-кво. Психологическая теория издержек, легшая в основание маржинализма, подчеркивала значимость субъективного фактора. В период маржиналистской революции со стороны экономических учений уже не приходилось ожидать реакции на социальные проблемы. Эту задачу взяла на себя социология. Наступила эпоха формально-рациональных экономических подходов и социологической критики и изучения капитализма и капиталистического общества.*

О.Конт (1798—1857) в развитии человеческого ума выделял три стадии, характеризующиеся последовательным переходом от теологической фазы к метафизической, а от нее к научной. Перейдя в естествознании к последней фазе, человечество нуждалось, по его мнению, в переходе к позитивной науке об обществе, которую Конт и предложил под именем социологии. Он представил свои соображения о характере современной ему эпохи, о европейском обществе первой половины XIX в. На смену теологическому и военному обще-

ству, считал Конт, приходит общество научное и индустриальное. Но эти изменения болезненны и характеризуют состояние общества как кризисное. Изменяя прежней приверженности революции, Конт хотел теперь неревolutionно выхода из кризиса, отказа от революции и насилия. Интеллектуальные преобразования, реформы, по мнению Конта, наиболее всего характеризуют эпоху, в которую он живет. На место прежних жрецов встают люди науки, предприниматели, банкиры, фабриканты. Их деятельность, научное управление производством с начала промышленной революции становится, по мнению Конта, решающим фактором производства общественного богатства. Р.Арон отмечает, что «Конт развивает свою теорию индустриального общества в форме критики, направленной либо против либеральных экономистов, либо против социалистов... Конт упрекает либеральных экономистов, задающихся вопросом о стоимости и пытающихся абстрактно определить функционирование системы, в метафизическом подходе к делу... он упрекает либералов за переоценку действенности механизма обмена или конкуренции в росте богатства»¹⁰¹. Но Конт согласен с либералами, что интересы людей со временем согласуются, и это служит ему основой критики социалистов, подчеркивающих значимость классовой борьбы. Его позиция состоит в том, чтобы посредством открытия законов социологией упорядочить противоречия, помочь осуществить умеренные реформы в экономике. На этом строится его «система позитивной политики», согласно которой каста новых жрецов — ученых — силой духа сумеет преодолеть конфликты новой эпохи, ее войны и революции. Конт стремился найти закономерности в социальной жизни и организовать ее так, чтобы предотвратить новую Французскую революцию.

Наиболее значимой фигурой как в историческом плане, так и с позиций сегодняшнего дня явился К.Маркс (1818—1883) — историк, философ и социолог, чья критика капиталистического общества и понимание его как исторически преходящей фазы привела его к созданию собственной политической экономии. Периодизация истории у Маркса осуществляется не на основе духовных факторов, а на основе экономического строя. Маркс явился наследником классической политической экономии, но и ее критиком, подчинив последнюю целям революционного преобразования капитализма и капиталистического общества. В «Манифесте коммунистической партии» (1848) *все идеи революционного слома капитализма уже изложены*, тогда как «К критике политической экономии» появилось в 1859 г., а первый том «Капитала» вышел в Гамбурге в 1867 г., и уже после смерти Маркса. В 1885 г. Ф.Энгельс публикует второй том «Капитала» и в

1894-м третий. В «Капитале» мы видим К.Маркса подлинным экономистом, стремящегося быть объективным. Но вместе с тем, «Маркс — экономист, стремящийся быть одновременно и социологом... “Капитал” — книга по экономике, в то же время это социологический анализ капитализма, и, кроме того, философская история человечества, обремененного собственными конфликтами вплоть до конца предыстории»¹⁰². Социализм, а точнее коммунизм, были для Маркса объективной ступенью общественного прогресса и всемирной истории. Капитализм рассматривается Марксом как общество двух непримиримых антагонистических классов, один из которых присваивает себе часть труда другого, обеспечивая себе прибавочную стоимость. Антагонистический характер противоречий капитализма заставляет Маркса стать человеком действия, революционером. К.Маркс считал, что рост богатства на одном полюсе общества рождает обнищание и пауперизм на другом. Здесь нет нужды останавливаться на марксизме и даже на марксистской политической экономии, хорошо известной читателю. Главная мысль уже высказана — *апологетическим, формализованным теориям экономики как частной дисциплины противостоит критическая социально-философская и социологическая теория, изучающая капитализм. Эти направления исследования были также предпосылкой экономического исследования.*

Между тем формальная микро- и макроэкономика продолжали развиваться. Е.Бем-Баверк стал «буржуазным Марксом», как его назвал историк экономических учений Б.Селигмен. Бем-Баверк считал, что отношение к капитализму зависит от процента и прибыли, «однако в отличие от Маркса Бем-Баверк подходил к вопросу с позиций чистой теории. Он не пытался отыскать объяснение общественным проблемам и не выступал в защиту мер, направленных на совершенствование общества. Он просто хотел показать, что капитализм — это такое хозяйство, которое не только хорошо функционирует, но и обнаруживает внутренний *raison d'être* (смысл существования. — *Авт.*), полностью согласующийся с его целями»¹⁰³.

В.Парето (1848—1923), занимаясь политэкономией и экономическими исследованиям, находясь под влиянием английского математика-экономиста Ф.Эджворта, пришел, тем не менее, к выводу, что экономическая наука зашла в тупик. По этой причине он *покинул область политической экономии и стал заниматься социологией*. Будучи сторонником эмпирико-индуктивного метода, он видел большую способность социологии, чем экономической науки с ее формальной рациональностью и удаленностью от опыта, опереться на эмпирические факты.

М.Вебер (1864—1920) сформировал теорию генезиса западного капитализма из протестантской этики, которая разделила цивилизованный западный и не западный, не цивилизованный капитализм. Вебер показал, что ни одно общество с другой религией, кроме протестантизма, не могло привести к таким цивилизационным особенностям западного капитализма, которые исключают войну, наживу, грабеж и все другие формы нечестного обогащения и заменяют их экономической рациональностью, упорным трудом, бережливостью и скромностью, отношением к жизни, как к путешествию, которое тщательно спланировано. *Теория капитализма была для него областью истории и социологии.* В своих экономических работах он испытал влияние Австрийской школы маржинализма и считал, что рациональное соотношение полезности и издержек удерживает целостность экономики. Гораздо больше его интересовали институциональные рамки хозяйственной жизни, о которых он писал в трудах «Хозяйство и общество», а также в работах по истории хозяйства и хозяйственной этике мировых религий. Важно и то, что М.Вебер — несомненный *контекстуалист*, который не отделяет экономику от других сфер общества и глубоко убежден в том, что прочие социальные факторы оказывают на нее огромное влияние. Поэтому главный его труд «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) поучителен для экономистов, интересен философам и социологам. В это же время французский социолог Э.Дюркгейм (1858—1917) находит другие корни капитализма, соответствующие как капитализму в целом, так и капитализму в католических странах — общественное разделение труда, переход от механической солидарности к органической и рационализму. Хотя очевидно наличие цивилизованного западного капитализма не только в протестантских странах, Вебер и Дюркгейм упорно игнорируют друг друга.

Принадлежа так же, как и Вебер, к исторической школе, В.Зомбарт (1863—1941) считает важнейшим источником капитализма наличие его духа. Но этот дух не связан у него с протестантской этикой. Для него этот дух состоит, скорее, в стимулах капиталистической системы и ее деятелей к увеличению богатства, в энергии, неутомимости, с которой буржуа направляется к этой цели. Стремление к накоплению денег и богатства легко порывает с моральными ограничениями, и, в конечном итоге, стремление В.Зомбарта к исторической характеристике хозяйственных систем было подмечено тем, что капиталистические мотивы и стимулы были взяты без временных ограничений как накопление богатства, осуществляемое любыми путями.

Несмотря на множество альтернатив и концепций, не все из которых можно разобрать в рамках статьи, XX в. стал Веберовским в плане продолжения интерпретаций и критики капитализма социологами. Вебер следует тому же принципу методологического индивидуализма, что и Смит. Он сторонник рыночной экономики, и в том же смысле методологического индивидуализма эксплицирует индивида как источник собственности и свободы. Эти методологические взгляды разделяли К.Поппер и Ф.Хайек. В обобщенном виде они сводятся к следующему.

1. Только индивиды являются реальными, тогда как группы, структуры и институты суть конструкторы, отражающие коллективное поведение индивидов.

2. Все социальные феномены, в конечном счете, должны быть проанализированы посредством изучения мотиваций индивидуальных акторов.

3. Все общие суждения о взаимоотношениях индивидов могут быть сведены без потери значения к качествам, установкам и действиям самих индивидов.

4. Единственно возможные законы в социальных науках — это те, которые раскрывают единую логику или когнитивные процессы, формирующие индивидуальный выбор и поведение¹⁰⁴.

Об онтологизации экономического человека до сих пор не было речи.

Современная ситуация в экономике

С начала 80-х гг. прошлого века даже сами экономисты все чаще стали выражать озабоченность умозрительностью, абстрактностью и излишней математизированностью экономических исследований. Так Т.Морган в 1988 г. и А.Освальд в 1991 г. на основе анализа содержания основных американских журналов по экономике пришли к выводу о том, что экономика стала «разновидностью математической философии» или своеобразной «социальной математикой»¹⁰⁵. Отсюда был сделан следующий вывод: *экономическая теория стала «умозрительной», она во многом утратила связь с реальной экономической жизнью людей.* Экономические теории приобрели качество универсальных и абстрактных теорий, не предполагающих социокультурных зависимостей своего применения. Как следствие экономические теории стали терять свои прогностические функции, которое теоретическое знание по своей природе должно обеспечивать. Особенно явно это проявилось в период, когда рыночную экономику стали стро-

ить у себя «новые» страны с различными культурными традициями и политическими устройствами. В этих новых для теории условиях западные экономисты не смогли предсказать многих практических последствий применения их концептуальных подходов. Например, Азиатский кризис 1996 года оказался для теоретиков полной неожиданностью, равно как и последствия посткоммунистического экономического реформирования.

Другим способом формализации стал неолиберализм, который исходил из неизменной экономической природы человека, получившей название «экономического человека». Суть этой природы — стремление к максимуму удовольствий при минимуме издержек. Буржуазный человек эпохи потребительского капитализма был отождествлен с человеком вообще у Дж.Бьюкенана, М.Фридмана и других представителей Чикагской школы экономики.

Шаг в развитии экономической теории, расширяющей ее формализм посредством включения государства и тем самым ее политико-экономическую направленность, сделал Дж.М.Кейнс (1883—1996). В своем письме к Бернарду Шоу он указал на цель своей теории — революционизировать отношение к экономическим теориям в мире. В «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнс утверждал, что общественные нужды требуют правительственных мер в отношении экономики. Критикуя теорию равновесия трансакций, а также свободный рынок, он формирует математическую модель экономики с участием государства. Он изменяет представление об экономическом равновесии, вводя в него фактор времени и государства.

Если верить Дж.М.Кейнсу, то фразу «laissez-faire» не найти в работах Адама Смита, Рикардо или Мальтуса. Даже формулировки самой идеи в сколько-нибудь категорической форме у них нет. Адам Смит был, конечно, сторонником свободной торговли и возражал против многих рестрикций, ограничивавших торговлю в восемнадцатом веке. Но его отношение к Навигационным актам и к законам о ростовщичестве показывает, что он вовсе не был догматиком. Даже за его знаменитым пассажем о «невидимой руке» стоит скорее философия Пале, чем экономическая догма «laissez faire». Адам Смит выступал в защиту очевидной и простой системы «естественной свободы», опираясь скорее на теистическое и оптимистическое видение мирового порядка, как оно представлено в «Теории нравственных чувств», чем на любое из утверждений собственно политической экономии¹⁰⁶. Идеи Кейнса не вызывают такого отторжения на Западе, как в России. Так Дж.Тобин — советник Дж.Картера, сторонник государственного регулирования — получил Нобелевскую премию, на-

ряду с неолибералом М.Фридманом, советником Р.Рейгана. Представление о неолиберализме как «мейнстриме» современных экономических теорий возникло в связи с доминированием этого направления в посткоммунистических трансформациях. *Здесь была онтологизирована модель экономического человека и возникла политэкономия в том смысле, что для реализации подобной идеи практически-политически неолибералы должны были стоять у власти.*

Капитализм в посткоммунистических странах распространил рынок или квазирынок на все сферы общества, что дало бы массу поводов критикам капитализма для его абсолютного неприятия. Тем не менее антилиберал Кейнс и Хайек, как сторонник либерализма, еще не дошедшие до онтологизации экономического человека, в качестве источников теоретической критики сегодняшнего капитализма в посткоммунистических странах уступают социальным теоретикам начала XX в., рассмотренным выше. Как уже было отмечено, к началу XX в. капитализм как явление стал реальностью европейской жизни. Но оказалось, что, возникнув и прижившись в теле европейской цивилизации, он стал активно ее видоизменять. Весь XIX в. был периодом ее «великой трансформации», пользуясь словами К.Полаanyi. Стремительно менялся облик городов, национальные государства разрастались до размеров империи. Европейское общество пришло в движение. Энтузиазм по поводу прогресса всех сторон общественной жизни был присущ многим. Надо было что-то делать с теоретическими построениями К.Маркса. Нужна была теория общественного устройства. В этой ситуации социальная философия и социологическая наука, как уже было отмечено, приняла вызов, и в конце XIX в. усилиями М.Вебера, Ф.Тенниса, Г.Зиммеля, В.Зомбарта, М.Шелера и других ученых был предпринят критический анализ капитализма. Сходная задача, направленная на улучшение самого капитализма и общества в целом, стоит и сегодня.

В ряду этих ученых особняком стоит фигура М.Шелера. Он, пожалуй, впервые предпринимает попытку этической критики капитализма своего времени с позиций христианской этики. Его работа «Ресентимент в структуре моралей» показывает, каким образом изменения этической системы европейцев, прежде основанной на ценностях христианской веры, под воздействием индустриальной цивилизации ведут к устранению самой жизни как некой высшей ценности в культуре. В своей работе он подробно обосновывает тезис о том, что развитие капитализма приводит к последовательному возвышению ценности полезного над ценностью жизни вообще. Постепенно происходит подмена «живого» настоящего искусственным и мертвым.

«Христианская аскеза сделала для себя идеалом достижение максимального наслаждения приятным от минимума приятных и притом по-настоящему полезных вещей. Должна была возрасти способность извлекать высшее наслаждение даже из самых простых общедоступных вещей, природы и т.д. — и вследствие такого возрастания возникли заповеди добровольной бедности, послушания, целомудренности, созерцания мира и божественного; так что при минимальном количестве приятных и полезных вещей — “механизмов приятности” — достигалась та же степень наслаждения, какой более слабая жизнь может добиться только при их большем количестве»¹⁰⁷. Истинная христианская мораль принимает способность к большему наслаждению минимумом приятных вещей, и это позиция людей сильных, любящих жизнь, наоборот. Наоборот, минимальное наслаждение большим количеством вещей — это позиция людей, пораженных ре-сентиментом, завистью к тем, кто живет наполненной жизнью. Одна из сентенций М.Шелера: «Изобилие приятных раздражителей в буквальном смысле уничтожает функцию культуры наслаждения, и чем более пестрым, веселым, шумным, возбуждающим становится окружающий мир, тем более безрадостно выглядят люди. Очень веселые вещи, на которые, не зная, что с ними делать, смотрят очень печальные люди — вот “смысл” “культуры” развлечений наших больших городов»¹⁰⁸. Эти слова, звучащие столь современно, совпадают с мнением многочисленных критиков капитализма.

Концептуальная неудовлетворенность теорией на Западе содержательно была обусловлена тем, что в 80-х гг. стало интенсивно изменяться само западное общество. Оно практически перестало быть обществом труда, переросло фазу общества потребления и стало стремительно трансформироваться в различные формы современного гедонизма. В этой ситуации все равновесные модели, а также идеи частичного государственного регулирования экономики оказались теми теоретическими предпосылками теории, которые ограничивают или даже исключают возможность нового видения или же новых содержательных предпосылок, из которых должен произрасти формализм теории, отвечающий на вызовы современной ситуации. Современная ситуация на Западе характеризуется новой фазой капитализма, и, тем не менее, потребительские интенции, развившие эту форму отношения к миру до символического уровня и при этом пренебрегающие бедностью целых континентов, все более подвергаются не столько экономической или социологической, сколько этической критикой.

Но где же искать содержательные предпосылки новых экономических формализмов? Ответом может быть переосмысленный для современных условий подход, который уже однажды в истории науки привел А.Смита к построению теории. Назовем его «неосмитианский подход», суть которого в следующем:

— экономическая наука должна быть «погружена» в социальный и политический контекст. Экономическая теория не выступает как отдельная наука об экономической реальности, а встраивается в общую междисциплинарную парадигму наук об обществе. Экономика снова становится политэкономией, обособляясь от других наук об обществе не по предмету, а по методам исследования;

— необходимо использовать целый комплекс методов в экономике, в том числе дедуктивного, индуктивного, описательного, исторического и т.д.;

— экономическая теория должна признавать сложные, многообразные факторы в развитии производства и общества, в формировании общественного богатства;

— экономическая теория должна преодолеть онтологизацию «экономического человека», которая характерна для неолибералов типа Бьюкенена, М. Фридмана и прочих представителей Чикагской школы. Для них экономический человек перестает быть методологической абстракцией и становится реальным человеком вполне в соответствии с тем возвышением, которая экономика претерпевает в обществе по отношению к политическому, социальному, культурному и религиозному началу;

— этическая критика призывает сегодня к высотам христианской морали, категорического императива. Но простая формула Смита о нравственных чувствах является основой этической позиции, без которой ее возвышение невозможно. Ее простейшее выражение: «Хотя бы мысленно разделить судьбу другого» — может быть выведено из концепции американского ученого Дж.Роулза¹⁰⁹, является той исходной точкой, начиная с которой что-то может измениться;

— необходим пересмотр концепции «невидимой руки», всецело приписываемой рынку. Как пишет В.Г.Федотова, «А.Смит воспринят слишком буквально. Он говорил, что рынок работает, как если бы действовала «невидимая рука». Но не только рынок, а также общество и культура имеют механизмы, функционирующее так, словно в них действует собственная «невидимая рука». Это рука воспроизводства социальных связей и культурных образцов, которая не может быть заменена «видимой рукой» ближайшего окружения»¹¹⁰.

Для А.Смита было очевидным, что экономическая теория должна быть погружена в контекст общественно-политический и что самое главное в нравственный этический контекст своей эпохи. Позднее К.Маркс формулирует свою политэкономическую теорию, предвзяя ее разработанными им к тому времени положениями своей социальной теории. Эффективная и высоко конкурентная экономическая теория была возможна тогда, когда она была укоренена в жизненных социополитических и нравственных идеях. Сегодня экономические проблемы вновь поднялись от формализмов, обеспечивавших неизменность состояния общества, к необходимости в осмыслении капитализма на современной фазе его развития. Теория продолжает быть интеллектуально привлекательной до тех пор, пока сохраняют свою силу идеи (контекст), ее питающие. Представляется, что современная экономическая наука оторвалась от своих корней. Поэтому задача сегодня состоит в том, чтобы снова вернуться к подходу, однажды уже блестяще оправдавшемуся в истории научной мысли. И это – новая идея социальной философии.

Глава 3. Экономика и социальный порядок

Антивеберовский характер нового русского капитализма¹¹¹ поставил множество вопросов как практического, так и теоретического характера. Практический вопрос состоит в том, можно ли было провести номинально провозглашенную реформу в России – новый виток модернизации – иначе, более успешно, или отсутствие одной из признанных предпосылок генезиса капитализма западного типа – протестантской этики – не позволяет надеяться на цивилизованное «капиталистическое строительство» в России? На этот вопрос существует довольно большой спектр ответов.

Неизвлеченные уроки первой буржуазной революции

Веберовская концепция становления капитализма из духа протестантской этики не имеет себе равных. Более полувека она выступает как ведущая объяснительная модель отличия западного капитализма от незападного. Изучив иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, ислам, Вебер пришел к выводу, что *ни одна из этих религий не обеспечила (и принципиально не могла этого сделать) основ капитализма западного типа*. Православие не стало специальным предметом его

анализа, однако из переписки с о. Сергием Булгаковым по поводу революции 1905 г. Вебер получил свидетельство того, что и эта религия не направлена на поддержание необходимых капитализму западного типа мотиваций людей (трудовую, а не мирскую аскезу), сложившихся на Западе¹¹². Вебер специально изучил русский язык, чтобы понять первую русскую революцию 1905 г., буржуазный характер которой ставил перед Россией задачи, сходные с сегодняшними: построение капитализма в стране.

Вебер преподнес немецкому читателю анализ и оценку состояния буржуазной демократии в России сразу после этой революции, уже в 1906 г. Его исследование проблем первой русской революции тогда же появилось и на немецком, и на русском языках и было вновь перепечатано в 1998 г. в России, оставляя местами ощущение того, что время стоит на месте¹¹³. Сегодня в России, как и прежде, демократия рассматривается как продукт экономического развития, экономика (рынок) ставится во главу угла общественных преобразований. Вебер не согласен с этим российским представлением, утверждая, что «экономические успехи ведут к возрастанию “несвободы”». Он сомневается, что капитализм Америки и импортированный капитализм России совместимы с демократией. Легко видеть, что он ошибся относительно Америки, но в отношении России того периода и отчасти сегодняшней — скорее нет, показывая, как бюрократия осваивает все идеи (в том числе оппозиционные), переваривает их, присваивает все плоды для возвращения своего господства¹¹⁴.

Основную причину поражения первой русской революции Вебер видит в том, что идеи «экономизма» господствовали в ней над идеалами свободы и духовного возрождения. Вебера удивляет, как мало русские либералы, в частности кадеты, учитывают влияние национальной среды: молчат о школах, не упоминают о церкви.

Причина неудач первой русской революции, по мнению Вебера, состоит не только в способности власти защитить себя и провести себя даже через революции, но и в соперничестве демократических движений, а также в том, что «...в конкретных и своеобразных исторических обстоятельствах возникло особое религиозное настроение, породившее идеальные ценностные представления, которые в комбинации с бесчисленными и тоже своеобразными политическими обстоятельствами, а также материальными предпосылками определили «этическое своеобразие» и «культурные ценности» современного человека. Сможет ли какое-либо материальное, а тем более нынешнее «позднекапиталистическое» развитие сохранить эту своеобразную историческую атмосферу или создать ее заново?.. Нет и тени наме-

ка... Есть ли признаки чего-либо подобного в идеологии и практике тех, кого, как им самим представляется, «материальные» тенденции ведут к победе? «Правильная» социал-демократия гонит вымуштрованную массу на своего рода духовный парад, суля ей рай на земле вместо потустороннего рая, куда пуританин мог попасть, только сослужив в этом мире службу делу «свободы»¹¹⁵. Сегодняшний либерал повторил в этом своего «правильного» социал-демократического предшественника. Без правового государства, автономного индивида, «духовной революции» Россия, считает Вебер, не могла быть успешной в формировании цивилизованного капитализма.

Вебер показал, что удаленность протестантизма на харизматической стадии от земных дел обеспечила ему мирскую победу только потому, что она делала выбор свободным и не зависящим от сиюминутных интересов, формирующим твердые принципы религиозного императива. В русской революции 1905 г. мирские факторы доминировали над духовными, и в этом, согласно Веберу, главная причина ее поражения и неудачи в переходе России к капитализму демократического типа. На стадии рутинизации (признания большинством) харизматические идеи превращаются в моральные императивы больших масс населения, неразрывно связанные с их повседневностью и практической деятельностью, связанные с моралью людей, обладающих персональностью и внутренней дистанцией.

Надо заметить, что, если бы Вебер попытался сегодня выяснить роль православной церкви на формирование трудовых мотиваций и перехода к капитализму, он не узнал бы почти ничего нового — идея невозможности построения цивилизованного капитализма в России осталась бы доминирующей не только из-за отсутствия здесь протестантской этики, но из-за отсутствия духовной революции, которая делала бы капитализм привлекательным не экономически, а духовно — свободой, индивидуализмом, правовым государством. И вместе с тем этот ответ сегодня был бы не вполне правильным.

Новые времена

Если прошлый век можно было назвать веберовским, то нынешний не вполне или даже вообще не веберовским веком. Произошли серьезные изменения, которые сохраняя значимость многих веберовских прозрений и оценок, не позволяют сегодня исходить из его теории капитализма и даже ставят вопрос о том, а верно ли было объяснять его прежде исходя только из Вебера.

К числу таких изменений мы относим следующие.

1. Глобализация, которая соединяет в общую экономическую систему капитализмы разного типа, как западный, так и незападный, а также некапиталистические страны. Сегодня в большей мере описанию мировой экономической системы отвечает концепция Зомбарта, где предпринимательский и мещанский дух включает все типы предпринимателей – разбойников, феодалов (региональных правителей. – *Авт.*), государственных чиновников, спекулянтов, торговцев, ремесленников и пр. Сегодня этот список много шире данного Зомбартом, но он не исключает реальные, пусть и малопривлекательные фигуры из практики капиталистического становления и формирования капиталистического духа. Последний мыслится как имеющий общую основу и все-таки различный в разных странах. В отличие от Вебера Зомбарт полагал, что «протестантизм означает прежде всего серьезную опасность во всех отношениях для капитализма и в особенности для капиталистического хозяйственного образа мыслей... Капитализм... происходит из мирского начала, он “от мира сего”, и поэтому он будет находить всегда тем больше приверженцев, чем более взгляд людей будет устремлен на радости *этого земного мира*. И поэтому же он всегда будет ненавидим и проклинаем людьми, для которых все земное имеет значение только как приготовление к жизни в новом мире. Всякое углубление религиозного чувства *должно* порождать безразличное отношение ко всем хозяйственным вещам, а безразличие к хозяйственному успеху означает ослабление и разложение капиталистического духа»¹¹⁶. Особый нажим на отрицание роли протестантизма в формировании духа капитализма, возможно, сделан здесь из чувства противоречия по отношению к веберовской теории, ибо о католицизме Зомбарт говорит прямо противоположное только что процитированному: «Идея наживы наряду с экономическим рационализмом означает ведь, в сущности, не что иное, как применение жизненных правил, вообще предписывающихся религией к сфере хозяйственной жизни. Для того чтобы католицизм мог развиваться, нужно было сначала переломить все кости в теле естественному, инстинктивному человеку, надо было сначала поставить специфически устроенный душевный механизм на место первоначальной, природной жизни, нужно было сначала как бы вывернуть всякую жизненную оценку и осознание жизни. Homo capitalisticus – вот то искусственное и искусное создание, которое произошло от этого выворота» благодаря рационализму, органически вошедшему в католицизм через учение Фомы Аквинского¹¹⁷. Вот этот выворот сегодня, в условиях глобализации экономики, коснулся всех. Прибывающие

на Запад люди из других стран, в частности из России, демонстрируют более «гибкую» или, по крайней мере, другую экономическую рациональность. Приезжающие в Россию западные бизнесмены начинают ощущать выгоды эпохи грюндерства и отступать от тех правил протестантской этики или рациональности предпринимательства, которые они могли поддерживать в своих странах.

Капитализм становится все менее определенным феноменом, включающим разнообразные хозяйственные системы, ориентированные на прибыль.

2. Изменение трудовых мотиваций и характера труда на Западе. Сегодня аскетическая трудовая аскеза не является доминантой потребительских обществ Запада.

Выходит, прав Зомбарт, а не Вебер? Или, может быть, протестантская этика уже не работает? Или, как у Хантингтона, нашествие испаноязычных делает США Бразилией с совсем иной трудовой мотивацией? Или Вебер был прав лишь в отношении того капитализма, который соответствовал странам «буржуазной протестантской оси» Амстердам—Лондон—Бостон, как утверждает Мартин?¹¹⁸

3. Россия выбрала в последнее десятилетие старый путь догоняющей модернизации, однако ныне это происходит в условиях, когда модернизационный проект уже показал свою ограниченность¹¹⁹ (которая не была учтена). Догоняющая модель неомодернизационного российского подхода предполагала целостное изменение российского общества в направлении копирования общества западного образца. Таково было намерение, не вполне удачное, но в руках победившей жадности приведшее страну к демодернизации и архаизации.

В «Протестантской этике и духе капитализма» первоначально Вебером было высказано предположение о том, что не только фактор протестантизма, но и накопленные еще до начала реформации ресурсы некоторых стран, а также попытка части населения изменить статус с помощью предпринимательства явились факторами формирования капитализма¹²⁰. Но результатом исследования стали отказ от этих гипотез и нахождение ведущего эндогенного фактора развития западного капитализма именно в протестантизме. Позже Вебер все же признает в работе «Теории социальной и экономической организации», что становление западного капитализма не ограничивается влиянием протестантской этики, а включает и другие институциональные и политические факторы¹²¹.

В какой-то мере это объясняет то, что Запад включает и католические страны, где эндогенный религиозный фактор не стимулировал перехода к капитализму. Здесь произошли под влиянием протес-

тантизма процессы отделения светской власти от духовенства, а также собственные процессы рационализации, разделения труда, формирование автономного индивида. Э.Дюркгейм дает свою версию модернизации, и не случайно Вебер и Дюркгейм игнорировали друг друга: западная современность, западный капитализм формировались двумя сходящимися путями, не только по линии возникновения духа капитализма под влиянием протестантской этики, но и по линии секуляризации католических стран, институционализации в них новых отношений, нового уровня солидарности, который Дюркгейм называл органическим.

Существенное значение для характеристики послевеберовских трактовок капитализма и экономической жизни имеет дискуссия «Христианство и демократия», в которой ряд известных исследователей обсудили изменения позиций католицизма, протестантизма и православной религии и религии в целом в отношении демократии и частично экономики¹²². Здесь показано, что Католическая церковь стала чемпионом в поддержании демократических государств, что протестантизм помог формированию морального климата, грамотности, преодолению коррупции и криминальной деятельности, подчеркивается амбивалентность Православной церкви по отношению к демократическому плюрализму, способная превратиться в выбор демократического пути. Как отмечает П.Бергер, в христианской религии равенством всех перед Богом заложены предпосылки универсальных человеческих прав в антропологическом плане и отделения церкви от государства в социологическом. Демократия, как и рынок, ставит проблему перед религиозной традицией. Поэтому принятие демократии (как и рынка) будет иметь некоторые ограничения, ибо многие положения демократии нарушают незыблемость религиозных принципов. «...Любая... религиозная традиция, претендующая на верховенство в выработке моральных принципов, будет способна принять суверенитет народа только в определенных рамках», — отмечает П.Бергер¹²³. Вместе с тем он показывает, что в протестантизме движение к демократии и гражданскому обществу началось через развитие добровольных ассоциаций, тем более что и церковь сама предстает как вид свободной ассоциации. В консервативном католицизме и православном христианстве имеется собственное восприятие этого процесса.

В официальных текстах Русской православной церкви можно видеть некоторую особенность: церковь включается в национальный дискурс по проблемам состояния российского бизнеса и желательности его образа. Церковь говорит здесь на более близком к по-

вседневности и публицистике языке, не повторяя привычное для себя «будь хорошим» (в любых условиях), а указывает на необходимость социальной и экономической политики, согласующейся с общим благом.

Особенно велика роль церкви в помощи бедным, в кормлении нуждающихся, помощи пенсионерам, создании приютов, деятельности в тюрьмах, реабилитации заключенных, создании новых храмов. Даже весьма критичный к церкви светский социолог Н. Митрохин подчеркивает огромную работу большинства церквей в этом направлении сегодня¹²⁴ и не относит это к экономической деятельности самой церкви, ее способам зарабатывания и получения денег и пр.

Надо отметить, что сегодняшняя религиозная доктрина Православной церкви не дотягивает до тех высот концептуализации, которые были представлены в начале века в «Философии хозяйства» и «Народном хозяйстве и религиозной личности» С. Булгакова¹²⁵, где он показывает творческую сущность труда и связь хозяйственной деятельности не только с религиозными догматами, но и с повседневной и практической жизнью людей. Почти как Вебер, только в русском культурном и духовном контексте, он усматривал возрастание человека в Боге через повседневную и хозяйственную жизнь. «Нужно понять, — писал Булгаков, — что и хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального»¹²⁶.

Пугающее сходство первой русской революции 1905 года с буржуазной революцией России 90-х — усилившийся экономизм, вера в то, что социальный порядок творится невидимой рукой рынка. Эта мысль далека от идей Адама Смита, который писал не только о богатстве народов, но и об их нравах. Она далека от модернизационных теорий, вовлекающих в процесс изменения базовые параметры общества. Она далека даже от теорий догоняющей модернизации, которые имеют естественные пределы, состоящие в невозможности догнать западное общество, которое само находится в стадии изменений (подтверждением этому является активный демодернизационный процесс в посткоммунистической России — деиндустриализация без вхождения в информационное общество, натурализация хозяйства, ориентация на низкотехнологичный бизнес, архаизация жизни). Она далека даже от такой теории, как транзитология, которая

ставит упрощенные задачи модернизации, сводя их к двум параметрам — демократии и рынку. Подмена демократии свободой воли в ельцинский период, периферийность ее задач в сравнении с рынком, сохраняющаяся и сегодня, вера в то, что подъем экономики вырашивает демократический порядок — неолиберальное кредо, результаты которого в плане анализов социальных последствий изучены лишь поверхностно.

В социальном мире «островной» характер порядка на фоне множества неупорядоченных явлений — аксиома. Могут быть представлены две базовые модели порядка, наиболее значимые для оценки посткоммунистических трансформаций: одна, которая предполагает унификацию содержаний и действий, запланированность событий, и подавляет то, что препятствует реализации избранных идеалов порядка; вторая — когда имеются некоторые непреложные принципы организации, обеспечивающие основные права граждан, а внимание сосредоточено на обеспечении их центрального регулятивного значения без особого интереса к многообразию флуктуаций, существующих в обществе.

Но между этими типами, которые можно обозначить как *тоталитарный* и *демократический порядок*, существует «ничейная земля» плохо сформированных социальных структур, воспринимаемых часто как беспорядок, отсутствие порядка, при котором, однако, общество достаточно долго существует и функционирует. Эта «ничейная земля» должна быть проанализирована с точки зрения тех *промежуточных типов порядка*, которые размещаются на ней, ибо, если бы речь шла о полном отсутствии порядка, о хаосе, общество не могло бы прибывать в нем в течение продолжительного времени. Важно заметить, что тип порядка, характеризуемый как тоталитарный или демократический, также поддается многообразию трактовок¹²⁷.

Другим различием порядков является понимание *источников его становления*. Согласно Парсонсу, порядок не осуществим без воспроизводства и сохранения культурного образца. Он имеет иерархический восходящий характер, связанный с вертикальной интеграцией основных проблем, решаемых любой социальной системой. Феноменологическая парадигма рассматривает порядок как растущий снизу из взаимодействия воли, представлений и правил игры. Есть новая тенденция рассмотрения упрощенных формально-рациональных схем порядка с горизонтальной интеграцией, построенной на основе предельной эффективности, калькулируемости — любви к количественной исчисляемости успеха, таланта, прогресса и всего остального, предсказуемости — привычности поведения в отличие от

смутных времен и контроля (вышеупомянутая «макдоналдизация»¹²⁸). Синергетики говорят о сетевом, самоорганизующемся порядке, переплетаясь с хаосом, и в этом отношении их методология может быть успешно применена для анализа смены порядков.

На «ничейной земле», где воспроизводятся порядки низшего уровня, мы выделяем два типа порядка — анархический и апатический, а также тенденции появления нового типа порядка низшего уровня, который мы назовем формально-рациональным (по типу «макдоналдизации»).

В самой экономической науке возникла идея о преобладающей роли экономики в обществе. Экономическая рациональность отождествлялась с рациональностью вообще, т.к. везде присутствует логика выбора, постановки целей, поиска средств и пр. Социальный порядок стал трактоваться как продукт экономической деятельности, в то время как на деле он производится социальными и политическими преобразованиями и лишь обслуживается экономикой. Рынок сам по себе не обеспечивает социализации. «Рыночный механизм переворачивает тот факт, что капитализм является социальным порядком и что рыночный механизм не является единственным... Витальная для капитализма историческая миссия аккумуляции... не вырастает из рыночного рассмотрения. Она исходит из примордиального порыва иерархии, правил, славы, престижа, о которых рыночная система ничего не знает»¹²⁹.

Ряд ученых (Д. Сорокин, В. Колпаков и др.) правомерно показывают, что неспособность экономической науки объяснить новые реальности и является признаком ее кризиса. Существует скорее кризис не экономической теории вообще, а неолиберальной экономической теории, ошибочность ее основного постулата, согласно которому экономическая деятельность первичного агента экономической жизни детерминируется прежде всего его экономическим интересом, суть которого в максимизации индивидуальной полезности при минимизации издержек (получение максимума удовлетворения за минимальную плату). Следует признать по крайней мере неуниверсальность этой формулы экономической эффективности, ее большее соответствие характеру деятельности капиталистического предприятия, чем капиталистической экономике, и тем более экономике вообще. Буржуазная неолиберальная мотивация с позиций ценностей экономического человека явно обнаруживает неуниверсальность, ослабление ее значимости на Западе и плохую приживаемость в незападных странах. Экономические мотивы более многообразны, социально и культурно обусловлены.

Но сам способ воздействия социальных перемен на парадигмальные сдвиги в экономической науке нуждается в обсуждении. В качестве когнитивного способа реакции на кризис экономической науки рассматривается междисциплинарность, и в частности то, что И.Т.Касавин, а вслед за ним В.А.Колпаков называют междисциплинарным синтезом¹³⁰. Эта идея разделяется многими учеными. Так, известный социолог И.Уоллерстайн трактует сегодня существующее разделение наук об обществе на экономику, политологию, социологию как следствие либерального разделения государства, экономики и общества, осуществленное в XIX в. и неспособное удовлетворить ныне ни общество, ни науку. Более того, он считает, что мы не должны полагаться на неизбежное эволюционное изменение дисциплинарной структуры наук об обществе, а можем сформировать новое междисциплинарное видение.

Помещение в фокус междисциплинарности гуманитарного знания или, добавим, повседневных целей улучшения благосостояния общества ведет к неклассическому междисциплинарному синтезу. Синтез же ведет к преодолению односторонности модели экономического человека, переносу более реалистической модели человека из других наук и др. Зададимся, однако, вопросом о том, как в ходе указанных изменений экономическая наука влияет на другие и каковы следствия воздействия на нее других наук? Иными словами, можем ли мы указать на некий продукт междисциплинарного синтеза, в котором участвует экономическая наука?

Пример, который нам представляется весьма убедительным для характеристики взаимовлияния экономики и других дисциплин, – это такие новые понятия, как социальный капитал, культурный капитал, интеллектуальный капитал, символический капитал, человеческий. На первый взгляд кажется, что появление этих новых понятий продолжает тенденцию выдвижения экономической науки и ее центрального понятия «капитал» на ведущие позиции, еще раз демонстрируя претензии на доминирование экономической науки над другими. Это предположение, казалось бы, подтверждается тем, что и Всемирный банк охотно использует эти термины, в особенности понятие «социальный капитал». Однако нельзя не заметить, что и Всемирный банк и Организация экономического сотрудничества и развития пытаются дополнить этими новыми понятиями представления об экономическом капитале.

Что касается специалистов – П.Бурдьё, Ж.Коулмана, Р.Патнэма, Ф.Фукуямы и др., – то они явным образом пытаются показать значимость социальных сетей, ресурсов, примордиальных форм со-

циальных организаций (таких как семья), норм отношений между людьми (понятие доверия), религиозных организаций, немаргинализованных сообществ, которые не будучи экономическими, увеличивают эффективность общества в осуществлении коллективных действий. Ф.Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил или норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом»¹³¹. Он показывает, что, в отличие от норм криминальных кругов, социальный капитал основан на морально позитивных ценностях, прежде всего доверии. Он утверждает, что поскольку люди не в состоянии по каждому поводу принимать осмысленные решения, то экономический институционализм и методологический индивидуализм экономистов под влиянием понятия «социальный капитал» ведут «к прозрению» — осознанию пределов стихийного либерального порядка, невозможности устранить роль национального государства без риска для общества. Стихийность, по его мнению, соседствует с устойчивостью дурных решений. (Фукуяма недавно выпустил в свет книгу, где он показывает решающую роль государства всюду, включая экономику. Отрывки из нее опубликованы в ряде западных журналов.)

На базе этих новых понятий строятся теории социального порядка, который обслуживается экономикой или в который она включается в качестве одного из элементов. Социальный капитал сегодня рассматривается в качестве «третьего сектора» в сравнении с экономической и культурной деятельностью. Социальный капитал отличается от экономического тем, что он не может быть отделен от общества. Кроме того, экономический капитал вырастает на базе социального, а не наоборот. Это — хороший аргумент против неолиберализма и его натуралистических программ в экономической науке. Социальный капитал возвращает нас к Адаму Смиту не только с точки зрения богатства народов, но и их нравов. Социальный капитал выступает индикатором действительных изменений в обществе. Если гражданское общество и социальный капитал более развиты, то и экономика функционирует более эффективно.

Термин «социальный капитал» проделал сложный путь от некоей догадки к метафоре и от нее — к понятию, все еще весьма спорному и весьма противоречивому. Можно утверждать с достоверностью лишь то, что оно воспринимается как необходимый элемент междисциплинарного синтеза экономической науки и основание социальной политики. Оно дополняется, в свою очередь, характеристиками других внеэкономических капиталов, превосходя значение среды, при-

годной для бизнеса, становясь самоценной средой общественной и частной жизни. Организация экономического сотрудничества и развития подчеркивает значение человеческого капитала — образованности и развитости населения — для преодоления отсталости. На наш взгляд, на этом примере подтверждается не только эвристический механизм методологии междисциплинарного синтеза, но и создается предпосылка для нового понимания места экономики как одного, но отнюдь не единственного фактора формирования социального порядка. Это — важный аргумент, который показывает прежде всего социальные, политические, моральные, культурные и антропологические источники социального порядка и капитализма как типа социального порядка, неединственность экономического фактора и его обслуживающую роль в удержании капитализма как типа порядка и обеспечении его цивилизованной формы.

Будущее российского капитализма

Либерализм в экономике имеет в виду свободный рынок и основанный на нем капитализм. В отношении будущего капитализма вообще и российского, в частности, много споров. Существует точка зрения, что постиндустриальное общество, «общество знания», по определению, не может быть капиталистическим, т.к. наука является всеобщим трудом и не может принадлежать какой-то группе. Другой, давний аргумент состоит в том, что на данной стадии западные общества демонстрируют решенность экономических проблем, а значит, переход в постэкономическое общество. Как и «конец истории» Ф. Фукуямы, эти концепции обнаружили много дефектов, и мало кто им сейчас следует.

Сравнительно малый опыт капитализма в России сегодня дает себя знать, тем более, что советская система решительно отвергала капитализм и строилась как антикапиталистическая. Подобно тому, как социализм в России был воплощением антикапитализма, капитализм стал полным отрицанием социализма. Симметричность этого взаимного отрицания привела к тому, что из всех вариантов капитализма в 90-е гг. был выбран неолиберализм. И сегодня он остается фундаментом российской экономики. И хотя в России сегодня частный бизнес в значительной мере замещается государством или комбинировается с ним, либеральная идеология в экономике поддерживается так же, как коммунизм в Китае, «из приличия», чтобы не разочаровать демократов, верящих в слова.

И все же на повестке дня не стоит ни один другой подход, кроме либерального. Реванш коммунизма невозможен. Нет политических сил и нет поддержки населения. Социал-демократическая модель испытывает сложности в связи с глобализацией, поскольку капитал убегает туда, где выгодно, и сегодня эта политика теряет налоговую базу. «Третий путь» (новый лейборизм) удастся Т.Блэру, но с ним плохо справился Г.Шредер и др. Россия – потенциально действительно склонна к социал-демократии, но не сейчас: социал-демократия делит «пирог».

Представляется, к 2008 г. будет выработана экономическая доктрина, которая не откажется от либеральных истоков, но приведет их в соответствие с менее фундаменталистской трактовкой, выработанной в период иллюзий о пересаживании западного опыта в Россию, этой фундаменталистской утопии, которой не суждено было сбыться в российском обществе. Как утопия, она играла свою роль, утверждая частную собственность, делая ее идеалом экономического мышления. Как утопизм, т.е. попытка воплотить идеал в чистом виде, потерпел поражение.

Выше отмечено, что одной из примет утопизма стала подмена социального порядка экономическим и экономической идеологией, которая методологические абстракции «экономического человека», устремленного к максимуму удовлетворений и минимизации издержек, превратила в реальность. Такое толкование либеральной экономической теории оказалось циничным, направленным на устранение тех нравственных чувств, с которых начинал классик либерализма Адам Смит, и того социального порядка, который он хотел поддерживать, опираясь на многообразие факторов. Подмена демократии рынком оказала негативное влияние на развитие и политики, и экономики. Капитализм является социальным порядком, не сводимым к рыночному механизму. Экономические реальности сами нуждаются в более широком объяснении, чем экономические.

Полагаем, что новая трактовка либерализма может избавить от утопизма антикапиталистических революций в российском будущем. Протестные движения сегодня в значительной мере оживились, но они направлены не столько против существующей социальной и политической реальности, сколько против маргинализации социальной сферы и культуры, чистогана, распространения культа «экономического человека» во всех сферах общества. Ставя на повестку дня драматические и нерешенные вопросы российского развития в качестве предпосылки революции, ряд авторов, в частности, М. Делягин забывают, что для революции необходима, но недостаточна острота и

нерешенность общественных проблем. Тут нет нужды говорить об азбуке революционной ситуации, которая в большинстве теорий описывается сходным образом. Революционной ситуации нет и, на мой взгляд, не будет к интересующему нас году. Остается либерализм как экономическая идеология, сочетающаяся со свободным рынком и с практикой государственно-корпоративного капитализма в стратегических отраслях. Практика не либеральная — прагматичная (значит, тоже верно отмечено). Экономическая идеология либеральная.

Поэтому новые параметры трактовки либерализма, уже появляющиеся сегодня, сыграют три роли: 1) они сделают более понятной и более адекватно соотнесенной с либерализмом понимание реальной политики государства, в том числе и в экономике; 2) они создадут иное представление о социальном порядке; 3) они в значительной мере изменят моральный климат в обществе, восстановят нравственные чувства сострадания, способности хотя бы мысленно разделить судьбу другого и ослабят агрессию в обществе.

В частности, некоторое новое прочтение Адама Смита заставляет не просто увидеть то, что его концепция нравственных чувств не отрывалась им от теории общественного богатства. Это — довольно известный аргумент. Есть другие. Как показано в предыдущей главе, Смит не был индивидуалистом, его конечной целью являлось общество, которое представлялось ему созданной Богом целостностью. И свободный индивид как носитель собственности формирует воспроизводство социального порядка. Смит много говорил справедливости, но базовым для него являлось понятие социального порядка. Индивиды являются членами «порядков и обществ», отличающихся многими факторами, в том числе характером государства, пониманием собственных интересов. Как отмечает один западный исследователь, «когда Смит говорит о справедливости, он думает о порядке; когда он говорит о порядке, он думает о собственности»¹³². Тезис о «невидимой руке» получает иную трактовку: «"каждый индивид" руководим "невидимой рукой", чтобы обеспечить интересы общества»¹³³. В доказательство этого цитируемый автор приводит слова Смита о том, что каждый индивид одобряем лишь в той мере, в какой он одновременно может эксплуатировать капитал в поддержку отечественной индустрии, и тем самым направлять индустрию в сторону производства величайших ценностей; каждый индивид тем самым работает на то, чтобы создать ежегодное обновление общества настолько, насколько он это может. В этом, по Смицу, функция человека, эксплуатирующего капитал, которого он и рассматривает в качестве автономного независимого индивида, способного принести пользу об-

шеству. И потому это — не каждый индивид. А индивид как носитель собственности. И потому главное в новом строе — не его (индивида) свобода, которая просто условие его деятельности, а позитивная направленность исходного мотива его деятельности — эгоизма и жадности прибыли, которая в данном Богом общественном порядке соединяется с альтруизмом и чувством сострадания.

Вершиной непонимания российской неолиберальной идеологии является попытка представить общественное благо как совокупность индивидуальных благ. И это происходит с отсылкой к Смиту. Можно доказать цитатами из Смита безусловную первичность для него блага целого, общества, которое существует для умножения счастья людей, но не может дать его всем индивидам. Общество для Смита — это порядок. Государство для него суверенитет. Индивид — носитель собственности¹³⁴. Глубоко верующий человек и человек своего времени, Смит не мог поставить индивида выше общества, общество выше универсума. Максимизация счастья (а не удовлетворений) достигается машиной природы в универсуме, в какой-то степени в обществе как его части и весьма неравномерно распределяется среди индивидов и, следовательно, не складывается из их благ. Общество является той более высокой и неускользающей реальностью, которая воспроизводится через «невидимую руку» не менее, чем рынок. Общественное богатство, благо есть самостоятельная реальность, которая определяет и состояние индивидов. Обращаясь к удовлетворению своих частных интересов «мудрый и виртуозный человек» создает порядок в себе и социальный порядок — общество. Природа, — считает Смит, — учит человека надеяться, а религия учит боязни быть наказанным при жизни за дурные дела¹³⁵. Это очень интересно, найти у либерала Смита приоритет общественного над индивидуальным (подтвержденное в XX в. в теореме Арроу, «дилемме заключенных» и других исследованиях в теории игр, отвергших толкование общего блага как суммы индивидуальных благ), толкование общественного богатства не только как материального, продолженного Марксом, а сегодня в теориях социального, человеческого, культурного и символического капитала. Думается, что неосмитовское прочтение либерализма, в котором экономический человек — абстракция, а общество живет полной жизнью — это то, что сегодня может сделать либеральный экономический проект в России реальностью.

Такой пересмотр, мне кажется, уже происходит и скоро может стать ясным, что «невидимая рука» воспроизводит не только рынок, но и общество, и культуру. Это лишит воспеваемого российскими неолибералами эгоистического и алчного человека пьедестала, на

котором он сегодня не по праву стоит, вернет разделению труда статус цивилизационного достижения, внесет представление об успехе профессиональной деятельности, не измеряемом прибылью, лишит рынок вездесущести и отведет ему его законное место. Это — своего рода духовная революция в понимании либерализма, которая уменьшит значимость государственно-корпоративных организаций как гарантов служения обществу и приблизит нас к либерализму в экономике и политике. Но только при описанном условии. Будем считать это сценарным прогнозом, в котором характеризуется осознаваемая многими цель изменения и цивилизационного преобразования российского капитализма.

Одним из вопросов, который важен для будущего капитализма вообще и российского капитализма, в частности, является вопрос о том, будет ли капитализм, как прежде, перемальвать традицию или традиция придаст ему определенный вид. Опыт Китая. Индии, России свидетельствует о конце эры догоняющей модернизации, когда единственным образцом развития был Запад. Сегодня многообразие капитализмов стало фактом, зафиксированным в теории под именем национальных моделей модернизации.

В новых теориях модернизации утверждается, что надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти к *национальной модели модернизации* или иначе, к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами, т.е. нуждами данного общества. Национальный в данном контексте понимается не как этно-центристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству. Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития.

К этой мысли можно было прийти и раньше. Мало кому удалось «догнать» Запад. Даже Германия заплатила такую цену как Первая и Вторая мировые войны, чтобы, находясь в середине Европы, стать лишь в конце XX века Западом по сущности своей культуры. Причем, и сегодня наблюдаются существенные различия между восточной (бывшей ГДР) и западной частями единого немецкого государства, лишь частично обусловленные коммунистическим прошлым ГДР и во многом связанные с культурным отличием прусских земель от остальной части Германии. Португалия, Италия, Испания становились западными очень болезненно и долго. Никто из других регионов мира не превратился в Запад и не может превратиться. Утвержде-

ние о единственности западного пути означает, что развитие на основе догоняющей модели и вестернизация должны быть продолжены. Может быть, такой выбор возможен до определенных пор, пока мы не осознаем, что у страны есть свои, отличные от Запада задачи, что некоторые наши особенности не позволяют нам превратиться в Запад, как бы мы того ни хотели. Такая перспектива, по крайней мере, не единственная. Вьетнам, например, не собирается стать Западом, и японцы, которые с революции Мейдзи вестернизировались, не считают, что они должны имитировать Запад до такой степени, чтобы отказаться от своей культуры. Поэтому оба утверждения: «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным» представляются неправильными. Западный вектор развития сегодня — это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д. За века послепетровской модернизации Россия в значительной мере продвинулась в этом направлении, но еще нуждается в освоении ряда западных достижений, хотя все равно не станет Западом.

В чем же отличие сегодняшнего утверждения о многообразии модернизмов и переходе к национальным моделям модернизации от прежнего несовпадения требований классической модернизационной теории и результатов ее применения, имевших национальную специфику? Отличие в том, что классическая модернизационная теория рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицает единый образец.

Глава 4. Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций

Дискуссия о прогрессе в журнале «Космополис» может быть обозначена как весьма заметное событие научной и общественной жизни, характеризующее едва ли ни первую растерянность перед переменами глобального масштаба, которая останавливает познавательную самоуверенность. Прогресс в этом контексте становится неясным процессом, не способным быть воспринятым ни как проект, ни как объективный ход истории.

Нам хотелось включиться в дискуссию на том же абстрактном теоретическом уровне, который был представлен в журнале, но поездка в Китай, попытка осмыслить китайское развитие и «реакционный прогрессизм» А. Фурсова несколько изменили намерения, показав, что мир изменился и не может быть воспринят сквозь прежние теоретические конструкции.

Классическая концепция прогресса и реальность «реакционного прогрессизма»

К старым конструкциям относится концепция прогресса, возникшая на Западе и для понимания Запада и впоследствии тех западных стран, кто был готов принять западный тип рациональности и догоняющего развития. Возникает множество вопросов: выдающиеся философы Запада называли разум, сопутствующее ему политическое устройство и прогрессивное развитие универсальным, сознавая, вместе с тем, их локальность и невозможность быть распространенными на все другие народы. Значило ли это, что Запад все-таки стремился к такому распространению идеи прогресса? Был ли концепт человечества, характерный, например, для Конта и вся подобная социотеология частью метафизики прогресса, пришедшей на смену (употребим термин А. Фурсова) «христианской хронолинейке»? Или Запад просто считал свой путь наивысшим и потому предназначенным в качестве идеального образца для всего человечества и только потому универсальным?

В обсуждаемой дискуссии представлены разные ответы на эти вопросы. К. Маркс признавал цивилизующую миссию капитализма, то, что он способствует прогрессу в других частях мира. Мне импонирует больше не та трактовка прогресса, которая представлена А. Фурсовым в дискуссии журнала, а другая, данная в «Колоколах истории». Здесь он показал, что мировая система капитализма оказалась наиболее устойчивой в сравнении с социалистической, т.к. она не требует с обязательностью адекватной субстанции для реализации функций капитала¹³⁶. Заметим, не требует теперь, в условиях глобализации. Иными словами, западный капитализм сформировал свое твердое ядро (на Западе) и при глобальном капитализме обрел готовность приспособить и структуры, в которых нет основ капитализма, приспособить любые общества для подключения к капиталистической экономике. Именно поэтому, на наш взгляд, догоняющая модель развития нигде не производит капитализмов западного образца, ко-

торый с научной точки зрения представляет собой нормативную утопию. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации или прогресса. Поэтому, когда в посткоммунистический период многие в России удивлялись, что при номинальном провозглашении этой модели, идут противоположно направленные процессы, что Запад присоединяется к упрощению нашей реальности до противостояния коммунистов и демократов, мы не понимали, что Запад интересуется только функцией капитала, но вовсе не тем, чтобы выращивать в России его субстанцию. Остатки Филадельфийской системы — прозелитического экспорта демократии работали только на словах. Охватив целый посткоммунистический регион, капитализм в нем, тем не менее, оказался основан целиком на локальных традициях и создал множество «диких», «криминальных» и квазикапиталистических форм «субстанции». Поэтому удовлетворенные функцией капитала, т.е. нажившиеся в сегодняшней России, не могут понять тех, кто испытывает несогласие с разложившейся тканью российской социальной «субстанции». Никто не озаботился на Западе всерьез перспективами российской демократии, а всячески критикуемый недемократический Китай оказался в самом выгодном экономическом положении из-за стабильности, создающей гарантии функциям капитала. В этом — не «заговор» Запада, а условия его собственного существования, которые в дальней перспективе могут стать опасными для него самого. В условиях глобализации ослабла цивилизующая миссия капитала, его ответственность за создание цивилизованной социальной субстанции капиталистических обществ всего мира и осуществления прогресса в них. Но Россия могла построить у себя демократическое общество, если бы смотрела на это как на собственную задачу, требующую адекватного решения. Положившись словесно на западную (неолиберальную модель), мы построили автохтонный (местный) капитализм, в котором демодернизация прежних этапов развития реанимировала наиболее архаичные пласты сознания из-за неадекватности избранной модели культуре народа и усилий немедленной рекультуризации. Российская культура переварила западный капитализм и произвела его отличную от Запада несовершенную форму.

А.И.Фурсов в рассматриваемой в данном журнале дискуссии называет прогресс величайшей фальсификацией, которая позволила Западу эпохи модерна, датированной непривычно точно и однозначно (1789—1991), превратить его в идеологическую дубинку разрушения традиции и производства драматических социальных изменений,

особой игры со временем, где настоящее проектируется в будущее и забывает о прошлом, делает будущее необратимым и не знает вечности. Прогресс — это секуляризованная христианская «хронолинейка». И идея прогресса есть ядро капитализма. Это — фикция проекта модерна, творившая реальный мир, который сегодня более не существует, — заключает Фурсов. — Это — обман. *Но, заметим, это — фикция только с определенного времени.* Описывая поражение Запада после его «окончательной победы», отрицая тождество прогресса и капитализма, Фурсов не отказывается от самой идеи прогресса, он считает, что сегодня поднимут голос жертвы прогресса, низы истории, которых прогресс обходил или унижал. Фурсов считает прогресс проектом, не удовлетворен им и думает, что за него есть ответственные. *Но прогресс — не проект, а ход истории, при котором лидеры прогресса меняются.* В чем радикально-левая стратегия отрицания прогресса низами? Чья она? Радикально-левая стратегия несомненно ослабит Запад вместе с его лучшими и худшими чертами, но может привести в историю варваров. Использует ли Запад свой последний шанс?¹³⁷ Автор книги, на которую здесь дана ссылка, показывает, как через Интернет радикальный ислам захватывает Западную Европу, как политический конфликт, связанный с терроризмом, разрастается до цивилизационного, оставляя Западу последний шанс — объединиться в утверждении своего мировоззрения, своего видения истории и своего представления о прогрессе. Порядок, на мой взгляд, именно таков: у терроризма есть *цивилизационные предпосылки*, но *терроризм — явление политическое*, в целом отвечающее сути политического по К. Шмитту («кто друг, кто враг») и конкретно связанное с требованиями сецессии (в России), либо с требованием ликвидировать проамериканские режимы в Саудовской Аравии, Пакистане и Египте. В Европе требования террористов — противопоставить западной судебной системе шариат как наивысшую форму судопроизводства. *Вопрос о прогрессе помещается в контекст столкновения цивилизаций, но из политического конфликт с террористами силой своей неразрешимости переходят в цивилизационный.* Здесь нет места нравственным аспектам. Цивилизации опекают свою нравственность. Если бы люди были совершенно нравственны, наилучшей формой существования стал бы анархизм. Но они не таковы. Только прогресс для человечества в целом мог имманентно включать возможность нравственной общности. И Запад сегодня вправе вспомнить о своей концепции прогресса, призывая к политическому единству США и Западной Европы. И вот в данный момент Западная Европа целиком может стать готовой, как готова Америка, к тому, чтобы превратить идею прогресса в дубинку.

Мне кажется, что Фурсов закричал «волк» еще до того, как волк появился, приписывая идее прогресса в западном понимании всегдашние эгоистические намерения вместо того, чтобы увидеть просто его высокую цену. Речь теперь идет о том, что происходит или может случиться *сегодня*. Сегодня же существует угроза западной идее прогресса со стороны радикальных исламских группировок, имеющих свой некапиталистический вариант глобализации как форму системной оппозиции. Но, соглашаясь с идеей обделенности исламских стран прогрессом, особенно в форме всемирной победы либерализма – глобализацией, нельзя не увидеть еще большие угрозы человечеству со стороны террористических группировок, чем несла идея прогресса, если даже согласиться со столь односторонней трактовкой прогресса как формой и идеологией западной колонизации.

Запутанная диалектика прогресса-регресса, цены прогресса еще более запутывается в неспособности России противостоять сецессии сепаратистов, неспособности Америки навязать проамериканский режим в Ираке (Америка, в отличие от Европы, имеет силу – молоток, как сказал однажды неоконсерватор Р.Кейган, и привыкла действовать молотком) и неспособности Западной Европы справиться с угрозой из-за мягкости мультикультурализма и политической корректности. Ни один из способов ответа не хорош в противостоянии с «реакционным прогрессизмом», который стал не просто предложенной Фурсовым абстракцией, но реальностью. Но реальность эта может быть истолкована как имеющая основание в требовании справедливости, но никак не подтверждает себя в качестве прогрессизма. Радикальный ислам, правда, имеет свои основания заявить о нем: ислам – самая молодая мировая религия, возникшая позже других и вобравшая в себя, как утверждают его представители, все лучшее из других.

Итак, мы видим движение обиженных низов в форме террористических акций радикально-исламских радикалов, которое несет «реакционный прогресс» в форме худшей несправедливости (поскольку направлен против населения), чем мог бы, судя по философским рассуждениям Гейдара Джемаля, и худшей, чем несправедливый прогресс Запада. Фурсов писал в «Колоколах истории», что избавлением от коммунизма Запад погубил себя. Полноценность жизни цивилизаций самих по себе и внутри себя несомненно присутствует. *И мысль И.Валлерстайна, что капитализм не прогрессивнее предшествующих исторических систем была бы верной, если бы у иных исторических систем всегда была идея прогресса.* И все же его мысль верна в том отношении, что цивилизациям, в отличие от обществ другого типа, не ставших субъектами всемирной истории, присуща полнота жизни и со-

знание решенности многих вопросов, которые впоследствии оказались нерешенными или вообще не имеющими решения, в том числе вопросов о достоинстве, целях, свободе, отношениях полов, отношениях поколений, о сакральном, о жизни, о смерти. Но западное понимание прогресса, по справедливому определению Б.Г.Капустина, воплощено « в некотором разумном политическом устройстве — всегда будет означать наличие неразумного как тех, кто остается за рамками данного устройства или присутствует в нем в роли неполноценных». *Непризнание другого разума подрывает концепцию диалога, а признание делает диалог мало возможным. В этом суть противостояния цивилизаций и их культурного упрства, которое поддерживает это противостояние.*

Соглашусь с Капустином, что низы истории потому и низы ее, что они лишены благ прогресса и символического капитала, что не позволяет им выдвинуть общепривлекательную идеологию, коей была выработанная Западом идея прогресса. Низы не имеют такой идеологии, но они получают ее от своего противника, выдвигая, как определяет Фурсов, « реакционный прогрессизм». Соглашусь и с тем, что «реакционный прогрессизм», требование прогресса для себя со стороны низов, по Фурсову, содержит идею раздела благ, но не имеет интенций свободы. Однако *невозможна левая теория, не имеющая идей свободы, как невозможна и правая теория (либерализм), не озабоченная, помимо свободы, идеей блага. Этот старый спор о благе и свободе лежит в разных плоскостях: бедный хочет благ, богатый — свободы, но теоретик должен хотеть того и другого.* В конечном итоге, того и другого должно хотеть общество. Но свобода для Капустина — то же, что благо для Фурсова. Можно допустить недоедание, если ты свободен, можно не допустить свободы, если ты сыт.

В отношении спора о том — фикция ли прогресс или бытие, я склоняюсь к тому, что *это бытие западного типа развития, предложенное, но не полученное остальными. Для теоретика же — это идеология, конструирующая социальную реальность сообразно наличию потенций для ее осуществления.*

Антиисторизм критики прогресса состоит в том, что пятисотлетняя история Запада была историей прогресса как самого Запада, так и последовавших за ним незападных стран. Несовпадение целей и результатов прогресса было давно замечено и вскрыто. Его причины — либо в возможном отсутствии потенций для прогресса, либо в невозможности или нежелании их использовать при отсутствии подобной модели развития, а так же в невозможности онтологизировать теорию, требовать от нее безусловного и повсеместного вопло-

шения. Регулятивные функции теории прогресса осуществлялись успешно там, где были предпосылки или где была проявлена способность реформаторов сделать прогрессивные шаги даже в неподходящих для этого условиях.

Презентизм отношения к классической теории прогресса и модернизационным теориям состоит в том, что сегодня их готовы критиковать все, тогда как в 90-е гг/ на них сделали ставку элиты всех посткоммунистических стран, и своевременная критика с негодованием отвергалась как «враждебная реформам». Ведь революционаристская формула «иного не дано» овладела политическим классом и на первых порах и массой.

Появившиеся сегодня постэволюционистские и постпрогрессистские теории реагируют на опыт неудачного применения идей прогресса, классической модернизационной теории в случаях постколониального и посткоммунистического развития. Теоретические изменения в видении развития состоят в признании его нелинейности и негарантированности, наличии разных путей в связи с появлением нового мегатренда — глобализации, которая перевела прогресс, модернизацию на локальный уровень и лишила их единого образца. Поэтому мы можем констатировать, что изменившиеся обстоятельства привели классическую теорию прогресса к кризису.

Но альтернатива «реакционного прогрессизма», представленная радикальным исламским сопротивлением, иллюстрирует антицивилизационный характер сопротивления «исторических низов» прогрессу. Только низы, имеющие символический капитал и универсалистский потенциал, способные осуществить духовную революцию, взаимоприемлемые ценностные изменения для Востока и Запада, могли бы быть охарактеризованы с позитивной коннотацией. Но пока мы знаем только одну системную оппозицию западному пониманию прогресса, направленную на его отрицание — радикальный ислам.

Третий участник дискуссии А.Магун показывает другие варианты «реакционного прогрессизма» как левого сопротивления Западу. Это: играть на кризисе прогресса и создавать революционные возможности и диктатуры; создавать демократически-диктаторские лакуны, противостоящие гомогенизации имерио-капитализма; строить фронт сопротивлению англо-саксонскому варианту глобализации на базе Европейского Союза. По поводу последнего вспоминается разговор о том, что «Чемберлену палец в рот не клади». А захочет ли Чемберлен, чтобы ему его туда положили? Остальное — революционная нелепость, как ни эмоционально захватывающими были бы революционные цели. Я предпочла бы мягкий социал-демократический ва-

риант типа налога Дж. Тобина на финансовые потоки. В отношении же подобного налога некоторые исследователи имеют большие надежды — использовать их как фонд развития стран третьего мира. Но Тобин — лауреат Нобелевской премии, и это уже, конечно, не «реакционный прогрессизм», не прогрессизм обиженных низов.

Прогресс в свете опыта Китая и других новых индустриальных стран

Новые вопросы ставит Китай, и я их сформулирую ниже, пытаюсь высказать свою позицию о сути прогресса сегодня. Замечу сразу, что не могу согласиться полностью с телеологией прогрессизма, образец которой приведен Б.Капустиним цитатой Гегеля: «...ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни». Исторический оптимизм этого взгляда давно стал историей. Новая жизнь может начаться не для нас, без нас или вообще не начаться. И все же пока происходит именно так.

В своей обсуждаемой здесь статье А.Фурсов, который, насколько мне известно, специализировался по проблемам Китая и знает его лучше меня, о Китае и Индии пишет, что жители этих стран воспринимают ход событий циклически как вечное изменение в сторону ухудшения, считая золотой век оставшимся позади. Однако, коренная перемена мировоззрения и сути развития наблюдается в сегодняшнем Китае. Мне могут сказать, что временно. Но на это отвечу мнением специалистов. В американских документах, в частности, в рассекреченном докладе Национального разведывательного Совета США «Мир 2020» отмечается безусловный рост Китая и его растущая конкурентноспособность с Америкой на прогнозируемый период. Здесь утверждается: «Китай, Индия, а возможно Бразилия и Индонезия способны в будущем упразднить такие категории как Запад и Восток, Север и Юг, присоединившиеся и неприсоединившиеся, развитые и развивающиеся страны» (Доклад Национального разведывательного Совета США «Мир 2020» 2005: 26). Далее следует дополнение, что мир может столкнуться с пандемией. Население Китая — официально 1 миллиард триста миллионов человек, а фактически, по мнению, многих специалистов, более полутора миллиардов. Подъем Китая и численность его населения актуализируют мальгузианские идеи. Высказываются мысли о грядущем коллапсе Китая, все более сменяющиеся размышлениями о проблемах Китая (Фактор Китая в новом столетии 2005).

Китайский опыт многими и сейчас ставится под сомнение, ему пророчится конечный провал. Он истолковывается как опасный для мира: если китайцы сохраняют имеющиеся у них темпы развития (более 9,8% роста ВВП в год, средняя цифра с 1978 г.), то убывающие природные ресурсы мира исчезнут гораздо быстрее. Если одно только намерение китайских властей довести производство автомобилей до уровня — «каждому китайцу по машине» будет осуществлено, то и тогда китайцы «высосут всю нефть мира», как высказался один из критиков. Действительно, следует признать, что с китайским подъемом завершился свое существование термин «устойчивое развитие» в качестве эвфемизма неразвития для незападных стран, не затрагивающего темпов роста стран западных. Вскоре придется договариваться или воевать.

В Китае идут быстрые реформы, имеется огромный рост экономики и улучшение благосостояния более медленными темпами, имеются коммунистическое руководство страной, и легко предположить, что Китай осваивает среди прочего и опыт СССР, сохранись который, его развитие по китайской модели было бы реальностью. Если есть страна, которая похожа на СССР, то это Китай, если иметь в виду преобладание в нем общественных целей над частными, господство КПК, высокие темпы роста, но отставание уровня жизни людей от общенациональных успехов, а так же идеологию развития, стремление к лидерству. Китай часто подвергается критике за политическую систему¹³⁸. Критика часто связана с неадекватным сравнением типа лидерства в Китае и на Западе с априорным представлением об отсталости первого, скептицизмом в отношении китайских политиков. Критикуется, например, их «мудрость». Однако Китай избежал десятилетий конфронтаций, когда официально на партийном уровне давал ответы на ряд вопросов, например: «Кто такой Мао Дзедун?» — «Мао Дзедун тоже человек», «Как относиться к учению Мао Дзедуна?» — «Всякое учение развивается, учение Мао Дзедуна тоже», «Что делать с предприятиями, в отношении акционирования которых имеются трудности?» — «Подождать, пока станет возможным их акционирование», «Как относиться к распаду коммунизма в СССР?» — «Как к внутреннему делу России». Западные исследователи часто не могут принять китайское чиновничество, которое не похоже на западную бюрократию, отождествляемую с выполняемым ею сервисом. Китайская бюрократия ориентирована не на технику обслуживания, а на цели развития страны в целом, она стремится сделать Китай хорошим или даже лучшим местом для жизни. Но имен-

но эта позиция чиновничества приводит к успеху, а отсутствие таковой у российской вовлеченной в сервис бюрократии не дает осуществить реформы.

Вне всякого сомнения, в Китае происходит либерализация коммунизма, члены партии и даже руководители на местах участвуют в бизнесе. Старый коммунист рассказывал в приватной беседе, что еще студентом он скопил деньги на нелегальной торговле на лотках, поскольку легальная для коммунистов не разрешалась. У многих людей есть деньги, накопленные за жизнь, многие заработали их сегодня.

Ежегодные высокие темпы роста, миллиарды иностранных инвестиций, десятки совместных предприятий вселяют оптимизм в китайское общество и веру в то, что его развитие продолжится. Крупные китайские мегаполисы — это XXI век.

Несмотря на то, что сама идея прогресса сегодня поставлена под вопрос, прогресс Китая и, отчасти, Индии, заставляет подозревать, что именно его неожиданность влияет на теоретические позиции тех, кто связывает прогресс с развитием Запада. А, кроме того, возможно, действительно невиданный прогресс Индии и Китая упирается в проблему хотя бы относительной равномерности распределения ресурсов и ставит весь мир перед новыми социальными проблемами. Тон разговора о Китае становится другим. Автор продержавшейся весь 2005 год в качестве бестселлера книги, название которой можно перевести «Китай как корпорация» (China, Inc.), пишет: «Мир сжимается так же, как Китай растет... Нет страны, которая бы так неожиданно сильно стала восходить по всем ступеням экономического развития.. Ни одна страна не потрясла глобальную экономическую иерархию так, как Китай... Сегодня есть две метафоры, обе верные: Китай пьет молоко в эти дни. Самым высоким центром нападения международной баскетбольной лиги (NBA) является Яо Минг, китаец»¹³⁹. Заметим, речь идет здесь о том, что сегодня эта страна, имеющая высшую форму солидарности, делающую ее корпорацией перед лицом мира, недавно полуаграрная, добралась до самых больших высот индустриализма и осваивает постиндустриальные информационные технологии. Делегация из Института философии — свидетели того, как ректор технического университета в Пекине на международной конференции заявил, что цель университета — стать лучшим в мире. Он признал специализацию научного труда, превосходство России в области фундаментальных исследований и необходимость для Китая не «изобретать велосипеда», а покупать эти исследования у России и внедрять в Китае. И уже в Китае есть государственные и негосударственные российские структуры, готовые торговать россий-

ской фундаментальной наукой. Одни в обход ученых, не платя им, но официально. Другие, платя им высокую плату, но подставляя их под обвинения в незаконности продажи и того хуже. Каждое утро за завтраком китайцы во всех гостиницах, где мы жили, выпивали по стакану горячего молока со слизистой рисовой кашей «сифань» или китайским хлебом, поражая нас, т.к. молоко всегда было дефицитом в Китае и его никогда не пили каждый день. Превосходящий всех ростом китайский спортсмен и много высоких молодых людей в Китае меняют представление о китайцах как малорослых и хрупких людях.

Вдовствующая императрица Ци Си в конце XIX в. отказывалась покупать автомобиль, т.к. в автомобиле шофер будет сидеть впереди нее, чего не допускала китайская иерархия. В этом смысле китайское общество стало более демократичным, горизонтальная и вертикальная мобильность формирует новую конфигурацию общества и его стратификацию.

Китай устремлен к прогрессу. То же мы наблюдали во Вьетнаме, где идея прогресса является определяющей для общества, и Вьетнам так же сделал шаги в этом направлении. Бразилия, Индонезия так же находятся в числе стран, которые не мыслят свое развитие под другим флагом. В свое время Элеонора Рузвельт настаивала на *праве на прогресс* среди прочих прав человека и народов. *Подъем этих стран не происходит под антизападными лозунгами, напротив идет активная вестернизация в форме заимствования западных технологий, массовой культуры и ее собственного производства, формировании совместных предприятий и пр.*

Наиболее адекватной формой развития сегодня многие теоретики считают *национальную модель модернизации, возникающую на некотором уровне уже достигнутой вестернизации*. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России – это перенятие экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. В Китае и других упомянутых странах активно идет этот процесс.

Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития. Эту мысль высказывают такие известные специалисты, как С.Хантингтон и Ш.Айзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития, и возникают раз-

личные способы развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне. Это множество модернизмов ведет к многообразию форм прогресса, к воплощению других разумов в сообразное традиции и приемлемое для других политическое устройство, обеспечивающее глобальную открытость.

Утверждения – «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным» – представляются неправильными. Классическая теория прогресса и модернизационная теория рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях как своего рода уточненных моделях прогресса разных стран закономерными, отрицает единый образец.

Китайцы при выборе стратегии прогресса, модернизационной модели учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и пр. Руководство страны принимало во внимание и численность населения (более одного миллиарда человек), и низкий стартовый экономический уровень, и отсутствие достаточного количества природных ресурсов, и явный недостаток грамотных кадров, ставя национальную задачу преодоления голода в деревне, а затем уже остальные.

Подводя итог рассмотрению опыта китайского развития, обращу внимание на те её уроки, которые до сих пор поучительны для России. Во-первых, модернизация должна осуществляться постепенно, шаг за шагом, этап за этапом. Во-вторых, модернизация должна учитывать конкретные национальные особенности страны, она не может сегодня быть догоняющей. Национальная модель модернизации в Китае строится на заимствовании западных технологий, освоении их, продвижения в них и решении стоящих перед страной проблем с сохранением китайской специфики и культуры. *До сих пор казалось, что капитализм перемелет любую культуру, исключая российский не вполне удачный опыт, сегодня кажется, что шеститысячелетняя цивилизация Китая перемелет капитализм, использует его для себя.*

Признавая исключительную специфику Китая, его невероятный уровень солидарности и способность произвести собственный капитализм, подобно собственному социализму, можно согласиться мнением М. Момота, что «американской политике следовало бы освободить

даться от идеологии и принять очевидное — другая страна становится угрозой не потому, что ее население мыслит иначе, чем американцы, а потому, что они мыслят точно так же» — мы бы сказали прагматически и в интересах своих стран и личного преуспевания, «китайской мечты»¹⁴⁰. «И их мечта, — говорит цитированный выше автор бестселлера, — является наиболее мощной силой в мире»¹⁴¹.

Это заявлено с абсолютной ясностью и без всякого лукавства. Что же заявлено? Что *Китай, перенимая опыт Запада, России всякий другой полезный опыт построит капитализм в рамках своей цивилизации, внеся в нее такие параметры прогресса как экономический рост, благосостояние, образование, открытость, высокие технологии*. Коммунистическая идеология пока уходит от вопроса о свободе. Но Китай предпочитает вначале обеспечить условия свободы. Он заимствует западную концепцию прогресса как технологию и воплощает в своем материале, перерабатывая, изменяя и развивая.

Россия — многонациональная, многоконфессиональная страна, имеющая особые природно-климатические условия, она расположена в восьми различных часовых поясах.

Полагаем, что общие принципы развития сегодня требуют от России того же — частичной вестернизации, освоения новых достижений и решения своих коренных задач. Нам представляется, что эти задачи начинаются с демографически — территориальных, а так же с проблемы возвращения образованию, культуре, интеллигенции, науке их всегдашнего высокого в России статуса, ибо сегодня это так везде в развитом и бурно развивающемся мире. И это и есть искомый прогресс.

Когда говорят, что мир нелинеен, предполагают неясные возможности развития и даже гибели. Их много, но реально *новой моделью прогресса и капитализма являются цивилизационные и национальные модели, прививающие западное представление о прогрессе на свои культуры*.

Новое понимание прогресса как хорошо забытое старое

Постэволюционистские, постпрогрессистские концепции правильно утверждают роль синергии, неопределенности, сценарного прогнозирования. Все возможно, например, из-за пандемии. Но что же есть? Есть мир, проснувшийся ради прогресса, с истовой верой в него. Мир, преимущественно индустриальный — Азия и Латинская Америка, мир, усомнившийся было в прогрессе — посткоммунистический мир, но пробуждающийся для восприятия его идей и мир, уз-

навший, что есть конкуренты — Запад. Ценности прогресса укоренились в новых индустриальных странах, показав множество вариантов прогресса и вариантов капитализма.

Как показал третий участник дискуссии о прогрессе в «Космополисе» А.Магун, есть два взгляда на прогресс. Одни оценивают его уровень, исходя из высших западных достижений. Действительно, даже Маркс считал, что ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека. Другие — В.Беньямин, М.Фуко, И.Валлерстайн ищут в прошлом максимальные отличия от современности. Это вопрос о том, как отмечает Магун, будет ли прогресс прогрессировать. На это нет ответа, но он меняется, захватывая новые регионы. «Возвращение вытесненного», которое Магун заимствует у Беньямина, это — не бунт низов, а их *способность к возвращению, возможность соединить прогрессивные достижения разума Запада со своим разумом, своей цивилизацией однако без притязаний на универсальность своего опыта. Универсальной становится только модель цивилизационного и национального прогресса и капитализмов.*

Концепция прогресса известна как западная концепция поступательного развития, включающая развитие разума и свободы, производства и материальных ресурсов. Но сегодня прогресс обретает цивилизационную размерность, которая исключает единый образец и универсализацию чьего бы то ни было опыта, включая западный. В цивилизационных концепциях представлена критика линейного развития. Срок жизни цивилизаций может быть долгим, но не вечным.

Русский историк Н.Я.Данилевский видел один из законов развития культурно-исторических типов в том, что рано или поздно наступает период истощения сил цивилизаций и их новая жизнь не возобновляется. «Под периодом цивилизации разумею я время, — пишет Данилевский, — в течение которого народы, составляющие тип (культурно-исторический тип. — В.Ф.), вышедшие из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц... проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях для которых есть залогов в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Оканчивается же этот период тем временем, когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего и дряхлеют в *апатии самодовольства* (как, например, Китай), или достигают до неразрешимых с их

точки зрения антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал (как, впрочем, все человеческое) был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути — в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в *апатию отчаяния*¹⁴².

Я, писавшая о нынешней российской апатии, переоткрываю через Данилевского сегодня пережитую нами фазу крушения не вполне сформировавшегося и к нашим дням славянского культурно-исторического типа через апатию самодовольства (СССР) и последующее после «окончательной победы» (СССР) поражение через апатию отчаяния. Но вот упоминание Китая, прошедшего эти фазы, сегодня внушает оптимизм, т.к. циклы существуют и внутри этой цивилизации, и она возобновляется.

Итак, теория прогресса адекватно описала опыт Запада и способствовала ряду незападных стран, которая осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить прогресса стран третьего мира и оставила вне зоны интереса страны четвертого мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что время классической теории прогресса и стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец.

Классическая теория, прогресса модернизации подвергается сегодня серьезной критике по ряду параметров. Прежде всего, эта теория воспринимается как симптом признания линейности и одновариантности развития, постоянной устремленности к развитию, которую называют девелопментализмом. Она обвиняется в излишне жесткой связи факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному. Подчеркивается такая негативная ее сторона как излишний детерминизм, телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться ее жертвой. К списку недостатков классической теории прогресса добавляется признание за историей непреложной логики и закономерности развития, лишаящее общества возможностей выбора, отказ от плюрализма рациональностей и ориентация на рациональность Запада, требование рекультуризации, которое предъявляется незападным народам в процессе развития. В ходе западного развития произошло формирование наций. Поэтому сегодняшнее применение классической теории прогресса рассматривается как реанимация этноцент-

ризма и источник этноконфликтов. Особой критике подвергается догоняющая модель развития, используемая западными странами и их попытка приблизиться к уровню развития западных стран.

Ныне указанные черты развития вызывают сомнения и неудовлетворенность, как в теоретическом, так и практически-политическом смысле. На теорию прогресса возлагается ответственность за неудачи развития в ряде стран, а также за то, что ни одна из осуществленных или осуществляемых модернизаций не удовлетворяет требованиям теории прогресса, на которую они были ориентированы.

Особое неудовлетворение вызывает тезис о линейности хода истории и жестких требованиях девелоппментализма, ориентирующего любое общество на позитивные изменения в соответствии с западной моделью развития. Нелинейность развития является сегодня признанным фактом, создающим возможности для изменения траектории развития как человечеством в целом, так и каждого отдельного общества. Синергетика описала процессы, которые меняют направленность своего развития в точках бифуркации, изучены механизмы накопления предпосылок для подобных перемен, и вместе с тем вероятностный, непредзаданный характер их осуществления. Появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и рассматривают неравномерность развития не как преходящий и преодолимый феномен, а как своего рода судьбу. Так, И.Уоллерстайн отмечает наличие центральной, полупериферийной и периферийной зон, различие которых не может быть преодолено посредством гарантированного развития периферии. У.Бек находит достаточно стабильным и не относящимся к переходному процессу разделение стран, производящих знание (Запад), новых индустриальных стран (Азия) и сырьевых стран, к которым относится и Россия. При этом он констатирует постоянное ухудшение положения сырьевых стран даже и в том случае, если в них осуществляется прогресс, модернизация по классической модели. Дж.Несбит прогнозировал в 1984 г. в уже упоминавшейся работе «Мегатренд. Десять новых направлений развития будущего» перемену отношений между Югом и Севером в пользу преобладания Юга. Если этот прогноз и сбьлся, то в форме весьма опасной решимости Юга противостоять развитым странам любыми способами, включая терроризм. Эту тенденцию более решительно выразил С.Хантингтон, предположив в качестве основного конфликта будущего столкновение цивилизаций¹⁴³. Не сбьлись предположения Ф.Фукуямы о конце истории как торжестве западной модели развития. У классической теории прогресса появились оппоненты и конкурирующие подходы, вложившие в критику своей предшественницы подлинное негодование.

Признавая, что классическая теория прогресса, как и всякая другая классическая теория, со временем начинает встречаться с обстоятельствами, которые она не в состоянии объяснить и предвидеть, а значит превратить в факты в своих теоретических рамках, отметим, тем не менее, несогласие с приведенной критикой, которая отличается, с нашей точки зрения, тремя недостатками — онтологизацией теоретических конструктов, антиисторизмом и презентизмом как разновидностью последнего.

Прогресс утратил линейность форм и начинает свое существование в рамках цивилизаций и наций, производя общие и отличающиеся черты. Это — лучше «реакционного прогрессизма» восставших низов истории. Это сулит новые катаклизмы и проблемы, которые стоит предугадывать по мере наших сил. Такое развитие — расставание с привычным. Оно пугает. Но посмотрим, какой оптимизм оно вселяло в Данилевского, давшего адекватное сегодняшней реальности понимание прогресса: «Прогресс...состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился). А в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». И напомним цитированное выше, где Данилевский считает, что в каждом культурно-историческом типе — народах, поднявшихся до влияния на всемирную историю, есть способности в отношении науки и искусства, в осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния.

Вот это надо понять Западу. Его идея прогресса становится идеей его собственной цивилизации. Но именно она, распространившись, породила разнообразие вариантов прогресса. И чтобы сегодня идея прогресса западной цивилизации не становилась дубиной, которая поднимает «реакционный прогрессизм» обойденных историей низов, Запад вынужден будет признать другие виды разума и соответствующие им политические устройства. Однако освоение западных идей и технологий, рациональности и политического устройства не прекратится, а будет осваиваться сообразно собственным потребностям цивилизаций и народов.

Глава 5. Дезорганизация — категория социальной философии

То обстоятельство, что дезорганизации как одной из обобщающих характеристик общества не уделялось должного внимания в общественных науках, имело свои, прежде всего идеологические при-

чины — стремление к апологетике, утверждение иллюзии о стабильности общества, о том, что «все под контролем». Стремление игнорировать собственную реальную и потенциальную нестабильность субъектом есть попытки уйти от самого себя. В постсоветский период усиливается внимание к социальным катастрофам, к существованию в российской истории, например, по крайней мере, четырех национальных катастроф, связанных с внутренними причинами¹⁴⁴. Одновременно предпринимаются попытки со ссылкой на аналогии с некоторыми природными процессами сформировать представления о благотворной роли хаоса, полной дезорганизации общества, как основы для последующего обновления. При этом забывается, что принятие подобных идей в социальной науке фактически означает согласие с возможностью смерти общества, гибели людей, отказ от борьбы с хаосом.

Дезорганизация и ее воспроизводство

Дезорганизация в обществе, ее возникновение и преодоление должны рассматриваться как дезорганизация самой человеческой деятельности, самого человека, механизмов формирования смыслов, проектов, решений, их реализации. Например, социологи говорят об ослаблении управляемости страной. Ее главным признаком является «нереализуемость принимаемых решений»¹⁴⁵. Недооценка значимости дезорганизации может быть условно оправдана лишь в относительно благополучных обществах, т.е. там, где уровень дезорганизации в целом не выходит за рамки допустимого, за рамки способности общества локализовать очаги повышенной дезорганизации.

Смысл категории дезорганизации заключается в том, что через нее общество интерпретируется с точки зрения пронизывающих всех и все энтропийных процессов, постоянно разрушающих все параметры: формы отношений, элементы ранее сложившейся культуры, жизненно важные функции социального организма. Дезорганизация проявляется в конечном итоге как нравственная деградация, как разрушение личности, как снижение способности принимать достаточные для воспроизводства, для обеспечения выживаемости, жизнеспособности эффективные решения и т.д. Этот процесс носит реальный общественно значимый характер. Одновременно он существует и потенциально, т.е. как опасность усиления дезорганизации, угроза которой меняется, но никогда не исчезает и которую человек не может себе позволить игнорировать. Дезорганизация всегда несет в себе

опасность перехода некоей границы необратимости, после чего общество, отдельные его элементы уже не в силах задержать свое сползание к распаду, к катастрофе, например предотвратить банкротство предприятия, не выдержавшего рыночной конкуренции, крах государственности, развал общества. Каждая из национальных катастроф связана с разрушением большого общества, со столкновением между частями распадающегося целого, между частями и центром, что могло приводить к массовой гибели людей.

Подвластность общества энтропии требует объяснения самого факта сохранения общества, существующего вопреки его постоянной дезорганизации, ответа на вопрос, поставленный еще социологом Г.Зиммелем: «Как возможно общество?». Сохранение общества вопреки энтропии можно объяснить лишь одним – существованием адекватной антиэнтропийной силы, которая сдерживает дезорганизацию в определенных допустимых рамках, возможно, даже повышает уровень организованности, эффективности функционирования. Речь идет о способности общества воспроизводить себя, свои собственные отношения, свою культуру, воспроизводить личность, способную воспроизводить себя и саму свою способность к воспроизводству.

Эта пара – «деструктивный энтропийный процесс – производственная способность ему противостоять» методологически представляет собой дуальную оппозицию важнейших категорий общественной науки, необходимыми для объяснения самой сути общества. Спор между этими процессами – и одновременно логическими оппозициями – есть спор о судьбе общества, о его жизни и смерти. Существование производственной функции, направленной на себя, является основанием для рассмотрения общества как субъекта, стратегически и тактически нацеленного на воспроизводство собственной жизни. Общество-субъект может существовать, лишь организуя свою деятельность именно таким образом, чтобы ограничить рост дезорганизации, а возможно, и снижать ее. Оно выступает здесь, с одной стороны, как сфера постоянных энтропийных процессов, как постоянно находящееся под угрозой разной степени разрушения или даже гибели, как жертва энтропии, а с другой – как субъект творчества, способный своими производственными возможностями противостоять этому процессу. Эта производственная деятельность осваивает рассмотренную выше дуальную оппозицию, т.е. превращает реальное и потенциальное отношение внешних энтропийных процессов во внутреннее содержание (суб)культуры соответствующего субъекта, его сознания и деятельности, в проблему подлежащую разрешению. Жизнеутверждающий производственный процесс ха-

рактируется конструктивной напряженностью, т.е. некоторой наработанной ценностно насыщенной культурной программой, которая также осваивается соответствующим субъектом. Конструктивная напряженность в качестве элемента воспроизводственного процесса может рассматриваться как важнейшая категория общественной науки, несущая в себе ценностный вектор воспроизводства. Она фокусирует воспроизводственную энергию человека в определенном направлении, задает содержательный социокультурный вектор деятельности субъекта, например нацеливает на стремление к городской жизни, или, наоборот, на стремление покинуть деревню, на стремление к определенному порядку в ущерб дезорганизации или наоборот, т.е. стремление к дезорганизации в ущерб порядку и т.д. Освоение субъектом конструктивной напряженности, фиксированной в культуре, приводит к тому, что преодоление уровня дезорганизации свыше предела, свойственного данной культуре, становится внутренней напряженной проблемой, личным кровным делом субъекта, содержанием его повседневной психологической жизни. Конструктивная напряженность стимулирует субъекта к (пере)осмыслению энтропийного полюса в данной оппозиции, создающего потоки дезорганизации выше допустимой с целью последующих практических изменений, что необходимо для удержания дезорганизационного процесса в определенных рамках. В то же время конструктивная напряженность в этой дуальной оппозиции стимулирует поддержание, развитие способностей человека, необходимых для решения этой задачи. Иначе говоря, для этого необходимы определенные самоизменения субъекта, развитие соответствующих умений, квалификации, способностей. Тайну способности (или неспособности) субъекта противостоять дезорганизации следует искать в содержании конструктивной напряженности его деятельности, в соответствующем наработанном, подлежащем освоению, воспроизведению культурном контексте.

Анализ конкретного контекста позволяет вскрыть масштабы и силу конструктивной напряженности, направленной против хаоса, угрожающего поглотить общество. Например, наблюдения над сибирской деревней показывают, что «даже в самой благополучной части самой благополучной деревни есть какой-то элемент беспорядка, развала, неустройства: то выбита доска из забора, то часть его завалилась, то свалка битого кирпича или ржавого железа. Даже начинается деревня со свалки, помойки, кладбища ржавой техники или уж, по крайней мере, с пустыря, убитого строительным мусором... если кто-то чинит или красит забор, тут же находится таинственный кто-то, кто ломает и гадит,— о, пусть немного, пусть чуть-чуть, но

так, чтобы элемент неустроенности, беспорядка, неуюта всегда находился в поле зрения. Деревня явно поддерживается именно в таком состоянии. ...Так же выглядит и изрядный процент сельских жителей. Грязная одежда, оторванные пуговицы, невysморканные носы, небритые физиономии — это норма... То же самое — в организации жизни, даже в организации дела... То же в отношении собственного здоровья, собственной безопасности. Выходить на работу с гриппом, с приступом холецистита, с сердечным приступом, с коликами в печени — обычное и даже вроде бы почтенное дело... хаос в современной деревне — это не что-то случайно возникшее, легко устранимое, а неотъемлемая часть мироощущения, важный элемент картины мира. Вселенная во всех ее проявлениях и во всех масштабах составляющих ее частей... мыслится как нечто полуразрушенное, несовершенное, не способное нормально функционировать»¹⁴⁶.

Дезорганизация кажется чем-то невидимым, несуществующим, нечто присущее самим вещам, процессам, всей нашей жизни. Однако главное — не забывать, что она всегда результат нашей деятельности, нашего «попущения». Разве депопуляция населения, сокращение длительности жизни в стране не результат нашего попущения, не результат того, что мы сами и наши предки создали психологически дискомфортное общество, в частности для мужчин, оказавшихся в советское время потерявшими лидерство в повседневности, в результате опасной экологической ситуации, выражавшейся в качестве отравлении воды, воздуха, в некачественном питании, водки, в высоком уровне бытовых конфликтов, высоким уровнем конфликтности в повседневном общении, в несчастных случаях на производстве, на транспорте, в безответственности к самим себе?

Конструктивная напряженность группы, личностная культура несут в себе представление о приемлемой для соответствующей субкультуры, личностной культуры мере хаоса, уровня дезорганизации, мере осознания необходимости сдерживать рост энтропии свыше приемлемой меры. Причем осознание приемлемости некоторой меры дезорганизации вовсе не означает, что именно такая мера гарантирует реальное воспроизводство, сохранение субъекта. Приведенный выше пример свидетельствует об обратном. Вполне возможна ситуация, при которой культурно признанная в группе мера дезорганизации на деле ведет ее к деградации, т.к. мера допустимого в данной культуре уровня деструкции оказывается опасной, не обеспечивающей стабильность. Более того, этот опасный уровень дезорганизации защищается и воспроизводится. В приведенном нами примере он,

видимо, рассматривается как знак бедности, призыв к внешнему миру о помощи, и сам этот призыв может восприниматься как устойчивая норма собственного образа жизни, воспроизводства.

Данный пример показывает, что не исключена ситуация, когда фиксированные в культуре масштабы хаоса становятся близкими к критической границе необратимости, когда важнейшие элементы культуры, программы воспроизводства оказываются недостаточными для обеспечения стабильности общества, поставленного перед необходимостью решения новых, более сложных задач. Конструктивная напряженность той или иной субкультуры может не нести достаточных предпосылок для воспроизводства соответствующей группы. В таком случае она нуждается в критическом переосмыслении с целью доведения ее до состояния, способного обеспечить воспроизводство субъекта, предотвратить его гибель. Но сказанное означает, что *в критике нуждается весь исторический опыт, породивший очаги этой, по сути, саморазрушительной культуры*. Здесь ключ к пониманию способности субъекта сохранить себя, побороть опасную неспособность преодолеть угрожающий уровень деструкции.

Конструктивная напряженность охватывает все формы жизни общества, соответствующего субъекта: быт, материальное производство, организационные формы жизни, этикет и т.д. Возникает необходимость находить в каждой культуре степень и масштабы способности противостоять деструкции, что требует внимания, прежде всего к узловым элементам жизни общества, деструкция которых особенно опасна. Сам выбор и субординация таких элементов – важнейший предмет науки об обществе. Например, экономист может отнести к ним способность противостоять безработице, при которой «могут произойти необратимые перемены в сторону общей деградации»¹⁴⁷.

Возможно, однако, что среди всех форм жизни общества соблюдение чистоты, эстетика повседневной жизни как специфическая форма борьбы с дезорганизацией может сыграть роль сигнала общего состояния конструктивной напряженности, способности субъекта обеспечить стабильность. Красота не может спасти мир (если это изречение понимать буквально), но без повседневной красоты, возможно, исчезает желание его спасать. Анализируя причины успешной модернизации в Японии, историк В.Хорос отмечает существование «интересной детали, не случайной в глазах русского человека» еще полуторавековой давности. «Чистота, порядок, организованность быта – важнейшие показатели культуры общества, его цивилизованности». Это обстоятельство рассматривается как элемент «культурного фактора» – вот что составляет главное отличие, «определяющее

более успешный исход модернизации в Японии по сравнению с Россией»¹⁴⁸. В связи с этим нельзя не отметить один из бесспорных положительных аспектов перехода к рыночным отношениям в магазинах, работающих в новых условиях. Магазины, в противоположность прошлому, отличаются высоким уровнем чистоты, внешними признаками цивилизованности. Без сомнения, это обстоятельство не является определяющим для оценки происшедших изменений, но столь же несомненно, что и игнорировать его невозможно.

Между ростом дезорганизации и повышением организованности

Определенный уровень дезорганизации необходим для появления жизненно важных инноваций. Он нужен для того, чтобы человек постоянно, повседневно был готов встретить реальную угрозу, идущую не только от внешнего врага, но и от него самого, от его пассивности, равнодушия к жизни. Недаром Р.Штейнер говорил: «Для того чтобы быть здоровым, надо быть немножечко больным». Только в этом случае человек почувствует реальную потребность в здоровье, т.е. в соответствующих действиях, в соответствующей программе воспроизводства. Только в этом случае сохраняется определенная психологическая напряженность, способствующая освоению фиксированной в культуре конкретной конструктивной напряженности. В данной связи интересны сами формы культивирования исторически сложившихся форм дезорганизации, например ритуальные драки, известные на Руси как побоища между парнями разных деревень, улиц. Функции этих столкновений – поддерживать определенным образом организованный «дух молодечества». Однако не следует забывать, что подобные формы дезорганизации могут в определенной ситуации выходить из-под контроля стариков, сообщества в целом и выплескиваться в окружающую среду, создавая мощные очаги разрушения, например, превращаясь в массовые беспорядки, погромы, бунты. Иначе говоря, и это крайне важно, что как сами методы подавления дезорганизации, так и методы поддержания ее определенного ограниченного уровня, несут в себе опасность неконтролируемого выхода за некоторые санкционированные соответствующей культурой рамки.

В истории России массовая дезорганизация, конфликты не только достигают громадных масштабов, несущих угрозу уничтожения значительной части населения (например, периодические попытки в ходе народных восстаний истребить весь правящий слой, ответные

попытки массового террора, нацеленного на истребление некоторой части населения), но их истоки могут концентрироваться на микроуровне, угрожая мощным всплеском, не раз в истории угрожающим поглотить все общество. Объяснение этого явления не входит в задачу данной главы. Следует лишь сказать, что это — форма проявления существующего в стране раскола, т.е. конфликта особого рода, которые общество на определенном этапе не может преодолеть.

Одна из характеристик социокультурного раскола заключается в том, что он как бы представляет собой бесконечное многообразие неразрешимых конфликтов, которые могут казаться мало связанными между собой, но реально определяемыми общим состоянием раскола. Их неразрешимость на определенных этапах стимулируется общим расколотым состоянием общества, в свою очередь, множество неразрешенных конфликтов создают повседневную живую основу для раскола. Эти конфликты могут рассматриваться с разных сторон, на разном материале.

В качестве примера такой устойчивой дезорганизации можно рассмотреть отношения в деревне Тамбовской губернии до отмены крепостного права. В крестьянской общине, в патриархальной семье существовала глубокая дезорганизация. В них «повсеместно царили дух несотрудничества, огульное насилие и равнодушие»¹⁴⁹. Жизнь «изобиловала враждой, насилием, мстью, завистью, страхом и руганью. Патриархальный двор скреплял общество, прибегая к наказанию для того, чтобы заставить крепостных подчиниться»¹⁵⁰. «Недоверие, подозрительность и социальный конфликт стали основными чертами и разрушительными моментами жизни крепостных, а насилие было обычным средством разрядки накапливавшейся напряженности»¹⁵¹. Налицо широкое распространение неповиновения, неподчинение власти, пренебрежение к работе, хулиганство. Важный вывод заключался в том, что «поддержание порядка, по сути, расходилось с необходимостью четкого выполнения производственных заданий»¹⁵². Внутри самих локальных сообществ крестьян имели место серьезные конфликты, эксплуатация, насилие и т.д. Между сообществами преобладали конфликты, т.к. патриархальный уклад не требовал существенного сотрудничества между главами дворов.

До XIX в. насилие считалось приемлемой формой разрешения деревенских конфликтов во Франции, в Германии, Англии. Власти в этих странах мирились с ними, т.е. не считали их существование опасными для себя, для государственности, для сложившихся порядков и рассматривали их, скорее, как элемент этих порядков. Однако в России дело обстояло иначе. Здесь власть вмешивалась в разрешение

конфликтов на локальном уровне, т.к. она опасалась их влияния на эффективность хозяйственного порядка, потому что конфликты несли в себе потенциал массовых социальных беспорядков, опасных для слабого государства.

Каким образом общество вообще реагирует на повышенную конфликтность, ведущую к опасному уровню дезорганизации? В современных западных странах в качестве одного из таких средств выступает конфликтология, которая нацелена на повышение способности личности разрешать конфликты, превращать потенциал конфликта в фактор, обеспечивающий интеграцию сторон¹⁵³. Однако обращение к конкретным историческим ситуациям помогает понять, что возможны конфликты, угрожающие обществу, которые оно на данном уровне своего развития устранить не в состоянии (хочет, но не может или вообще в культуре по тем или иным причинам не сложилось представления о гибельности определенных аспектов дезорганизации). В этом случае на первый план выходят другие методы. Одним из них является стремление государства понизить опасный уровень конфликтов, дезорганизации, подавляя их. Неизбежно наступал момент, когда эффект государственного подавления конфликтов, дезорганизации порождал еще большую дезорганизацию. Общество периодически отвечало на неудачи этого метода подавления дезорганизации другой дезорганизацией, пока дезорганизация, идущая из бесконечного количества центров, не достигла критического уровня. Сложное общество в истории периодически распадалось на сообщества, как государственного типа, так и локальные формы, склонные к автаркии, что приводило к атомизации общества. Это стимулировало стремление власти к подавлению каждой из этих ячеек, где, как могло казаться, дезорганизацию можно было держать под контролем. Однако такой путь порождал другую форму дезорганизации, возникающую в результате конфликтов между организациями подавления, т.е. внутри самой власти. В обществе, превзошедшем некоторый уровень сложности, подобные методы конфронтации с одной дезорганизацией посредством другой не может дать эффекта. Существование в стране мощных факторов дестабилизации несло в себе опасность необратимости, возможности гигантских выбросов почвенной архаики, достигающих вершин государственности. Это в конечном итоге и привело к беспрецедентной утопической попытке снять дезорганизацию через распад общества и власти, как это неоднократно имело место в России. Была сделана утопическая попытка построить упрощенное общество низшего класса¹⁵⁴. При этом оно парадоксальным образом попробовало опереться на высшую технологию. В оп-

позиции «дезорганизация — способность субъекта значимо ее снизить» наращивания потенциала второго полюса через развитие соответствующей культуры — проблема первостепенной важности.

Микро- и макродезорганизация

Преобладание инверсионного типа мышления приводило к тому, что это стремление получало свое выражение в формировании устойчивых циклов, в основе которых лежала смена авторитарного идеала на соборный и наоборот. Фактически ныне в стране существует гибрид либерального и соборного идеалов, при продолжающемся усилении влияния утилитарного идеала. Это результат стихийной попытки их отождествить, слить в единое нерасчлененное целое далекие, по многим параметрам противоположные идеалы.

Опыт России свидетельствует, что гибридные идеалы такого рода несут в себе опасность распада, высокий конфликтный дезорганизирующий потенциал. По сути, стремление соединить трудно соединимое является попыткой общества убедить себя, что эти глубоко различные идеалы, столкновение которых несет в себе высокий потенциал дезорганизации, в действительности тождественны. В результате потенциал конфликтов, дезорганизации общества реально может снизиться. Но не исключен последующий распад этого гибридного идеала с возможным взрывообразным выходом скрытой дезорганизации. И об этом свидетельствует исторический опыт России¹⁵⁵.

Опасность роста дезорганизации в результате распада гибридного идеала нельзя недооценивать. Общество чувствует эту скрытую угрозу, что, однако, не означает осознания ее сути и механизма. Если в древности вызревание стихийных бедствий и их последствия рассматривались как результат козней злых сил, то сегодня угроза дезорганизации относится на счет злодейства власти, тех или иных этнических групп, посредством которых власть «объясняла» крушение своих утопий. Виновником может быть объявлен кто угодно в зависимости от личных, групповых вкусов, своей культуры. Возможность в условиях мощного влияния архаичных представлений бесконечного поиска «истинных виновников» составляет важный элемент политической жизни, что открывает большие возможности для демагогии и провокаций, для разработки языков обращения к народу, которые нацеливают людей не на поиск решения проблем, а на расширение конфликта, дезорганизации. Это, как полагают демагоги, может создать волну массового гнева, на которой можно прийти к власти, удержать ее.

Нестабильность на макроуровне, т.е. в масштабе всего общества, — лишь вершина айсберга, т.е. дезорганизации на микроуровне. Сегодня в условиях господства либеральных ценностей, свободы печати и т.д. эта массовая дезорганизация вышла на поверхность. Она идет лавиной, гнездится в каждой клеточке общества, продолжая древние традиции. Например, на улаживание внутриведомственных склок уходит до 90% рабочего времени. Сообщающая об этом статья конкретизирует важные аспекты этой дезорганизации: «Хаотично принятие даже самых “хороших” решений, различное понимание в разных ведомствах государственных интересов, полномочия и ответственность ведомств не разграничены, неправильные решения остаются безнаказанными»¹⁵⁶. Что касается упоминания высокого процента склок, то практически это приводит тому, что при приеме человека на работу в первую очередь изучается, «не склочник ли кандидат?» в ущерб другим аспектам. Склока превращает сообщество в поле битвы эмоциональных сил, симпатий и антипатий и т.д., в поле столкновений групп, связанных сговором по поводу получения эффекта за счет общества. Формирование сговора подогревается страхом перед нестабильностью сообщества, отсутствием, слабостью стремления к компромиссу, недостаточной способностью сочетать профессионализм и личный интерес, личный интерес и интерес целого и т.д. Склока, по сути, есть дезорганизующая активность, движущей силой которой является архаичное эмоциональное стремление личности сохранить стабильность комфортного сообщества в нестабильной ситуации.

В постсоветском обществе в результате попыток ориентации на спонтанный массовый творческий потенциал деструкция приобрела явный характер. Важный позитивный момент состоит в том, что деструкция может открыто изучаться и обсуждаться. В то же время невозможно игнорировать и негативную сторону. На место институтов, воплощавших важные аспекты макродезорганизации, хлынули потоки микродезорганизации, несущие в себе архаичный локалистский опыт, далекий от опыта большого общества, государственной жизни. На месте авторитарных попыток подавить силой дезорганизацию инверсионным образом реализовалась тенденция к защите от дезорганизации в локальных замкнутых мирах. Вряд ли возможно ответить на вопрос, — какой из этих вариантов хуже, а какой лучше. Этот круговорот расколотого дезорганизованного общества патологичен сам по себе.

Дезорганизация и общество

Повседневная жизнь на всех уровнях общества, включая жизнь государства в сильно дезорганизованном обществе глубоко отличается от жизни в обществе, где уровень дезорганизации далек от критической границы необратимости, где дезорганизация привычно сдерживается обществом в определенных рамках, а очаги повышенной дезорганизации блокируются и т.д. В благополучном, по российским представлениям, обществе общественная наука иная. Она обращает внимание прежде всего на устойчивые структуры, сложившиеся формы и функции (например, концепция Т. Парсонса), хотя идут и иные процессы. В России же, особенно после пережитых катастроф XX в., возникает потребность в науке и философии, выдвигающих проблему преодоления разрушительных процессов.

Высокий уровень дезорганизации заставляет нас учиться жить, мыслить, работать в этих условиях, рассматривать дезорганизацию как важнейшую проблему. Необходимо, прежде всего, уяснить специфику динамики дезорганизации на современном этапе. Этот этап, как уже отмечалось, носит гибридный соборно-либеральный характер. Страна даже после распада СССР сохранила свою исключительную сложность по сравнению с архаичным обществом. Сложность эта может быть определена рядом параметров, прежде всего громадным количеством связей, опосредованных через бюрократические учреждения. В подобных условиях ликвидация директивного планирования, аппарата принудительного распределения и перераспределения ресурсов привела к иной форме специфической дезорганизации. Налицо бурно нарастающий хаос в результате попыток освоить в формах денежных отношений примитивную, но сложную систему бесконечных натуральных отношений.

Разумеется, значительная дезорганизация хозяйства — не новость, но традиция России. Например, на переломе между царским и советским периодами она называлась «разрухой», ответственность за которую возлагалась одними на буржуазию, другими на большевиков. Тогда, однако, бесчисленное количество натуральных хозяйств позволяло значительной части населения держать оборону от дезорганизации в своих локальных мирах, что, впрочем, провоцировало тех, кто остался без хлеба, на всеобщий конфликт. Общество, перешедшее от советского к постсоветскому этапу, характеризуется громадным количеством людей, непосредственно зависящих от государственного снабжения. Государство ищет выход в развитии рыночных отношений, что означает попытку встать на путь увеличения части

населения, способных самих себя кормить. Тем самым оно ищет путь к снижению дезорганизации, к формированию некоторого порядка. Вопрос, однако, в том, достаточно ли количество людей, способных эффективно использовать эту возможность в условиях высокой дезорганизации. Противостояние государства мелкому, среднему и большому бизнесу (хотя и существенно различным образом) пока не внушает большого оптимизма.

Высокий уровень дезорганизации фактически означает ее всеобщий характер, т.е. пронизанность ею каждого атома общества. В свою очередь, это означает, что реальные решения, формируемые смыслы, по крайней мере отчасти, оказываются в правовом вакууме. Он может быть заполнен лишь наличным массовым культурным материалом, который позволяет найти корявый общий язык между чиновниками, держателями монополий, продавцами и потребителями. Использовать при этом язык романтиков-реформаторов, западного либерализма, выросшего из другой реальности, можно лишь в весьма ограниченном смысле.

Практически сказанное означает, что в каждой точке хозяйственные решения принимаются на основе авторитаризма, локализма, утилитаризма в разных формах и комбинациях. Это создает картину общей дезорганизации, охватывающей всех граждан без исключения. Криминализация в этой ситуации выступает как стремление разрешать проблемы, игнорируя и общий интерес, который призвано воплощать государство, и интересы других монополий, потребителя, соседа, включая их право на жизнь. Все это может принимать самые разнузданные мафиозные формы, сопровождаемые массовым разграблением ресурсов, убийствами. Криминализацию можно сравнить не только с паразитом на обществе, но и с одним из проявлений его общей патологии, всеобщей дезорганизации. Потому и борьба с криминализацией должна включать два элемента. Первый, наиболее простой — постоянное, повседневное подавление локальных очагов разрушительной дезорганизации преступных групп, что носит, скорее, характер стремления общества держать дезорганизацию в определенных рамках, чем попытку ее уничтожить. Второй, кардинальный элемент требует борьбы с расколом и дезорганизацией как специфической болезнью общества в целом. Это требует органического развития культуры, понимания специфической природы этого явления в российской жизни.

Для того чтобы понять, как может существовать общество, любое сообщество, любая устойчивая связь между людьми, устойчивый элемент культуры, эти явления должны быть осмыслены через дуаль-

ную оппозицию «воспроизводственная деятельность — дезорганизация». Реальная жизнь интересующего нас общественного явления может быть осмыслена как процесс *взаимопроникновения указанных полюсов оппозиции, как реализуемая способность вопреки дезорганизации воспроизводить исторически сложившееся сообщество, сохранять или даже повышать эффективность его воспроизводственных функций*. Реальная жизнь сообщества может быть понята как процесс возрастающей дезорганизации, энтропии, возможно, переходящей через порог необратимости, ведущей к распаду, катастрофе. Здесь возникает ряд сложных теоретических проблем. Важнейшая из них заключается в том, что данный процесс может иметь место при условии взаимопроникновения смыслов двух вышеназванных полюсов, их постоянного диалога. Только в этом случае воспроизводственная активность субъекта может сдерживать рост дезорганизации, обеспечивать его повышение, увеличение эффективности функционирования соответствующего сообщества.

Дезорганизация как предмет рассмотрения замещается исследованием взаимопроникновения полюсов. Важнейший элемент воспроизводственной деятельности субъекта — поиск меры между воспроизводственной функцией субъекта, его важнейшими параметрами, с одной стороны, и дезорганизацией — с другой. Поиск этой меры в процессе изменения условий, средств и целей становится постоянной проблемой. Неспособность достаточно эффективно, повседневно и на всех уровнях ее решать повышает вероятность опережающего роста дезорганизации.

Глава 6. Целеполагающая деятельность в контексте глобальной модернизации

Проблема целеполагающей деятельности, включающая вопросы определения целей и средств, их соотношения и взаимодействия, всегда была предметом философского исследования, имеет столь же длительную историю, как сама философская мысль.

Согласно учению Сократа, каждое отдельное человеческое действие должно руководиться определенной целью. Но, кроме того, в общественной жизни должна существовать единая общая и высшая цель, которой должны подчиняться все остальные частные цели и в которой находит свое выражение высшее благо для всех граждан. Сущность целенаправленной деятельности, по Платону, есть проявление цели в форме мудрости, целесообразности и добродетели.

Именно благодаря этому создается порядок и гармония в жизни общества. Аристотель, трактуя цель как источник и стимул человеческой деятельности, рассматривал целеполагание как врожденное качество человеческой природы. Цель есть реализованная воля человека, проявление его свободного самовыражения. Основным содержанием целеполагания он считал познание человеком окружающего мира и своего единства с ним.

В последующие эпохи происходило расширение содержания и углубление научного понимания феномена целеполагания и целеосуществления. Гоббс, утверждая принцип причинности, указывал, что целевая причина присутствует в сфере активного и сознательного поведения человека, обладающего чувствами и волей¹⁵⁷. Кант полагал, что выработка целей и средств есть свойство разумных существ, выражения присущей им способности определять себя к свершению поступков сообразно с представлением о тех или иных законах. Проблема целеполагания включает вопрос рациональности мыслительных и поведенческих реакций человека. Считая, что в основе рациональных действий лежит знание о том, как следует поступать, он обосновывал положение, что «...практическое правило всегда продукт разума, ибо оно предписывает поступок, как средство к действию, т.е. цели»¹⁵⁸.

Цель, по Канту, есть одновременно и действие, и причина. Понятие «цель» выступает у него в роли регулятивного принципа, а целеполагание – как проявление объективной целесообразности функционирования природных и общественных организмов. Цель цивилизационного развития он видел в установлении «совершенного гражданского объединения в человеческом роде». Изложенные в учении И.Канта идеи о «вечном мире» и о средствах его достижения, исключения войн из мировой практики сохраняют свою актуальность до настоящего времени. Война не тот способ, писал он, каким каждый должен добиваться своего права. Гегель рассматривал цель как отражение потребностей социальной жизни и как знание человеком средств своей собственной реализации. Цель субъективна по форме, но объективна по содержанию, она реализуется в исторической деятельности людей через познание законов окружающего мира. Введенное Гегелем понятие «внутренняя цель» отражает объективную необходимость разумных и целенаправленных действий человека. Он считал, что, хотя «внутренняя цель» относительно независима от внешнего мира, без соотношения ее с внешним миром и без взаимодействия с ним она теряет свое качество цели. Гегель высказывал и по сути материалистическую идею, заявляя, что цель смыкает себя с объективностью через средство, имеющее природу внешнего налич-

ного бытия, т.е. в объекте материального мира. Цель не способна реализоваться независимо от внешней объективности, она ставит себя всегда в опосредованное соотношение с объектом¹⁵⁹.

Согласно марксистской концепции, история есть не что иное как деятельность людей, преследующих свои сознательно поставленные цели. «...Общий итог множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история»¹⁶⁰. Определяя природу и роль цели в исторической практике, К.Маркс указывал, что цель играет роль катализатора, побуждает людей к действию в результате определенных запросов жизни. Им была высказана мысль, что цель своей содержательной сущностью и направленностью предопределяет характер используемых для ее осуществления средств. Целевая установка предполагает в себе содержание и средств ее объективизации, способ ее движения. В историческом процессе человек осуществляет «свою созидательную цель, которая как закон определяет характер и способ его действий»¹⁶¹.

Повышенное внимание к этой проблеме, ее привязанность к историческим перспективам объясняется не в последнюю очередь состоянием нестабильности и конфликтности, эскалацией насилия и умножением «горячих точек» в мире. XX век ознаменовался распадом всех существовавших империй, образованием свыше 200 независимых государств. Это прогрессивное явление вызвало вместе с тем и свои издержки, повлекло определенные негативные проявления. Возросшая функциональная целостность и взаимозависимость мирового сообщества нередко вступает в противоречие с национальными интересами и целями отдельных субъектов международных отношений, ущемляет подчас их суверенитет. Вследствие этого наблюдается значительный рост конфликтов между отдельными этносами и регионами, как в мировом масштабе, так и в отдельных единых государственных образованиях, в силу различия культур и менталитетов, качества и образа жизни. На почве политических и экономических разногласий происходят кровопролитные столкновения, при которых конфликтующие стороны прибегают к силе как последнему аргументу. В этих условиях общей конфликтности и международной напряженности политика строится в основном «по Гоббсу», а не «по Канту», государства стремятся навязать свою волю другим, обеспечить себе преимущества за чужой счет.

Человечество сегодня подошло к критическому поворотному пункту истории, когда оно либо подчинит своей власти процессы модернизации и научится разумно контролировать их результаты,

либо исчезнет с лица земли. Гамлетовский вопрос — быть или не быть — встает теперь уже не в философском, а в жизненно практическом смысле.

Общественно-историческое содержание целеполагающей деятельности выражается в том, что общество ставит перед собой такие цели, решение которых уже назрело, подготовлено в целом ходом общественного развития. Когда же ставятся нереальные цели, не соответствующие наличным условиям и возможностям, то их осуществление становится невозможным, оборачивается тупиковой ситуацией. Истории известно немало провозглашенных, но неосуществимых целей, которые находились вне пределов возможного и не соответствовали общественным закономерностям, т.е. не имели объективных предпосылок в реальной действительности. Выдвинутая в свое время идея о построении бесклассового коммунистического общества в одной отдельно взятой стране носила утопический характер и не могла иметь практического результата, как показал дальнейший ход истории.

По историческим вехам эволюции цивилизации можно проследить, как менялось содержание социальных целей, формы и средства их реализации. Но они всегда были тесно связаны с практическими нуждами и интересами людей. По мере развития общественных отношений и формирования разветвленной социальной структуры возникает не только большее разнообразие, но и плюральность целей, отражающих интересы разных классов и слоев общества. Содержание этих несовпадающих целей определяется социальным статусом и общественным бытием разных групп. Вместе с тем это различие не исключает существование определенных общих целей у всех субъектов общественно-исторического процесса, что обуславливается единством и совпадением тех интересов, которые выступают как общенациональные или общечеловеческие. Совпадение интересов и соответственно целей, их содержательная общность по многим жизненно важным вопросам возможны, как показывает практика, как в рамках отдельных социумов, так и в масштабах всего мирового сообщества. В современном мире, безусловно, существуют общечеловеческие интересы и цели, обусловленные единством и целостностью человечества, объединяющего его в поисках совместного решения глобальных и универсальных проблем современности. К ним, например, можно отнести сохранение всеобщего мира, поддержание гармоничных отношений между обществом и природой, объединение усилий в борьбе против распространенных и наиболее опасных болезней.

Для России, учитывая ее геополитические особенности, важное значение имеет соотношение государственных федеральных и региональных целевых установок. В принципе они органически связаны общей основой – интересами всего российского общества, составляющих базу особых интересов отдельных регионов и национальных автономий. Но в этой массе интересов и выражающих их целей приоритет, несомненно, принадлежит общегосударственным, как имеющим универсальную значимость. При этом общегосударственные не должны становиться самодовлеющими, игнорировать особые интересы отдельных регионов.

В общественной практике приходится, как правило, решать сразу несколько целей разного характера и уровня. При этом чаще всего они находятся в диалектической взаимосвязи, когда осуществление одной цели зависит от исполнения другой. Поэтому имеет важное значение вопрос о различении целей по их значимости, времени и последовательности выполнения. Главные, стратегические цели определяют основное направление проводимых социальных преобразований и их конечную задачу. Этому предшествует реализация текущих целей, решение ближайших задач, без чего невозможно достижение конечной цели. Для того чтобы построить в перестраивающейся России рыночную экономику в качестве одной из конечных целей, необходимо решить такие задачи, как либерализация цен, устранение монополизма и создание конкурентной экономики, акционирование предприятий, организация рынка ценных бумаг и банковской системы. Если обратиться к политической сфере, то для создания в качестве конечной цели правового государства требуется предварительно сформировать систему демократических институтов власти, обеспечить гражданские права и свободы, осуществить соответствующую идеологическую и психологическую переориентацию общества, смену нравственных ценностей.

Взаимозависимость стратегических и тактических целей обуславливается тем, что только в единстве и взаимодействии они могут обеспечить успех целеполагающей деятельности в целом. Если не достигнуты текущие цели, не решены тактические задачи, то становится невозможным осуществление стратегических целей, происходит задержка или откат назад всего целеполагающего процесса. С другой стороны, когда нет постоянного ориентира на стратегическую цель и тактические цели не подчинены конечному результату, вся целеполагающая деятельность может уйти в сторону от «генеральной линии», а текущие цели окажутся бесполезными. Показательно в этом отношении, что лишенный с самого начала

последовательного системного характера модернизационный процесс в России обусловил его крайнюю противоречивость, снизил эффективность проводимых реформ.

Парадоксы рационального целеполагания

Эпоха индустриальной цивилизации обусловила потребность в более высоком уровне рациональности, поскольку промышленный прогресс потребовал большего объема знаний и широкого использования инноваций.

Фактор рациональности, безусловно, способствует уменьшению риска принятия ошибочных решений при выборе целей и средств. Но он, тем не менее, не имеет абсолютного значения и не может восприниматься как безотносительная абстракция. Нельзя забывать, что историю творят «живые личности», обладающие эмоциями и страстями, склонные к разного рода субъективным ценностным суждениям. Принцип рациональности нередко приносится в жертву классовому и национальному эгоизму, политическим амбициям и гегемонистским притязаниям. На этот счет можно привести немало примеров из новейшей, в том числе российской истории.

Но востребованность рационального целеполагания, несмотря на критические высказывания в ее адрес, всегда имевшие место, не уменьшается, а неуклонно возрастает. В идее рациональности как определенного типа отношения к действительности многим теоретикам видится символ наступившего нового периода цивилизационного развития. Она трактуется как важнейшая социокультурная ценность, реализуемая в определенных нормах поведения и методах решения жизненно значимых вопросов. Начиная с эпохи Просвещения феномен рационализма развивался под знаменем борьбы против всего традиционного. Его адепты заявляли, что давность не служит доказательством ценности и нужности какого-либо явления. История ими рассматривалась как процесс преодоления традиций, представлявших силу инерции тормозящих модернизацию человеческого бытия и сознания. Прогресс было принято рассматривать как результат распространения рационалистических идей и установок, использование которых создает возможность создания общества идеального типа.

Наиболее обстоятельный концептуальный анализ проблем рациональности, роли этого феномена в человеческой жизнедеятельности был сделан Максом Вебером¹⁶². Положив принцип рациональности в основу своей трактовки философии истории, он рассматривал

его как фактор, определяющий судьбу западной цивилизации, всех прогрессивных общественных движений, направленных на установление нового социального порядка и гармонии. М.Вебер исходит из того, что степень распознавания целей и средств их реализации определяет степень реалистичности действий людей. Идеальный тип общества для Вебера — это общество, построенное на принципах рациональности и новаторства, эволюционирующее в направлении освобождения людей от пут и догм прошлого, утверждения новых социальных моделей.

Обосновывая тезис о прогрессирующей рациональности функционирования общественной жизни западного общества, М.Вебер трактует ее как более точный выбор целей и применения надежных адекватных средств для их осуществления. Но, рассматривая рациональное отношение цели и средства как выражение инструментального разума, но одновременно подчеркивает исторический и противоречивый характер данного явления. Процесс рационализации на определенной стадии развития индустриального общества приводит к пагубным последствиям, оборачивается неожиданными парадоксами. Это происходит в силу перерождения господствующего строя, когда его институты утрачивают свою служебную функцию и становятся самоцелью. Тем самым средство становится целью, рациональное превращается в иррациональное, человеческая личность все больше отчуждается и подавляется безличными властными силами. Заслугу капитализма М.Вебер видит в том, что он выступил в качестве именно разрушителя всего застойного и отжившего. Но впоследствии он сам стал деградировать, становится фактором застойности и регресса.

Возможно благодаря схожести если не в трактовке, то в постановке ряда актуальных проблем общественной науки и практики, многими теоретиками отмечается наличие связи и даже зависимости философских концепций М.Вебера и К.Маркса, содержащих критическое осмысление действительности своего времени и усматривающих в ней основополагающие детерминанты всех общественных трансформаций и коллизий.

Анализируя начинавшийся процесс загнивания капиталистической системы общественных отношений, М.Вебер, опираясь на обширный эмпирический материал и конкретные факты действительности, показывает в своих исследованиях, что подрыв существующего социального уклада, разрушение верований и разочарование в ценностях, утративших свою жизнеспособность, рождает кризис и ведет к беспорядку. Социальный шторм поднимает волну массового энтузиазма и ярости, подвигает общество к поиску «настоящей цели».

Важную роль, по убеждению М.Вебера, в переломные эпохи разгула стихийных сил имеет авторитет признанных лидеров, которым массы доверяют и за которыми они следуют. Это и идеологи, выдвигающие новые идеи и лозунги, и политики, осуществляющие их на практике. Великие личности не делают историю, но история не делается без них.

Модернизация целеполагания – императив современности

Господствующий в современном западном мире узкопрагматический подход, оперирующий управленческо-технологическими критериями и ставящий во главу угла экономическую выгоду, выявив ущербность односторонне трактуемого принципа рациональности, поставил под вопрос его нравственную легитимность. Хотя, по мнению известного экономиста Линдона Ларуша, деляческий подход вульгарного прагматизма уже начал уходить в прошлое, а ширящееся движение за легализацию духовно-моральных начал отражает требования нового времени. Он высказал убеждение, что современная экономическая модель должна исходить из стремления граждан служить интересам общества и желания приносить пользу всеобщему благу. Аналогичное высказывание делает американский социолог Дж.Янкевич, который, ссылаясь на опросы общественного мнения, констатирует, что теперь все большее количество людей считает важным жить согласно «сущностным ценностям», склоняются к тому, чтобы вернуться к гуманизированному образу жизни вместо дальнейшего развития эффективных способов производства вещей. Конечно, следует принимать во внимание, что такой поворот общественного сознания происходит в основном в США, где уже достигнут значительно более высокий уровень жизни населения, а не в той части мира, где люди ведут полуголодное существование.

Отличительной чертой сознательного целеполагания является его творческий характер. Это находит свое выражение в способности менять решения в зависимости от обстоятельств, находить наиболее адекватные складывающейся обстановке средства решения поставленных целей. В процессе целеполагающей деятельности возникает необходимость сверки ее результатов с реальной практикой, которая выступает не только критерием истинности цели, но и служит средством ее совершенствования.

Наиболее рациональной следует признать такую цель, которая предполагает конечный результат лишь в самом общем виде, отражает существенное и закономерное в постановке цели, абстрагируясь

от частных. Ахиллесовой пятой коммунистических пятилетних планов и причиной их перманентного невыполнения являлось установление в категорической форме подробных намечаемых конечных результатов по всем отраслям хозяйства и отдельным предприятиям без учета возможных изменений во внутренних и внешних условиях.

Из всего этого следует, что целеполагание сталкивается с трудностями не только гносеологического, но и онтологического характера. В частности, с недостаточно четкой подчас формулировкой самих целей, а также с непредвиденными изменениями обстоятельств их реализации. В этом случае мы сталкиваемся с феноменом «незапланированного планирования», которое К.Поппер объясняет как такое явление, когда в ходе целеосуществления приходится делать то, что в принципе не собирались делать.

Жизненная практика показывает, что результаты деятельности людей никогда точно не соответствуют поставленным целям. Изменчивость и «внутренняя сопротивляемость» преобразуемого мира, невозможность предвидеть и учесть все неожиданности и случайности приводит к тому, что задуманные проекты переустройства действительности в редких случаях осуществляются полностью в соответствии с намерениями их авторов. И чем широкомасштабнее осуществляемые проекты, тем в большей степени они склонны отходить от исходных посылок, тем чаще возникает необходимость их корректировки и приспособления к меняющимся условиям.

При определении цели необходимо исходить из учета не только настоящего, но и будущего. Цель включает в себя модель потребности будущего, предвосхищает в определенной степени последствия целеполагающей деятельности. Прогнозирование есть неотъемлемый элемент целеполагания, которое как идеальное выражение желаемого будущего и сознательное планирование результатов жизнедеятельности есть уникальное свойство *homo sapiens*. Здесь пролегает принципиальная раздельная черта между целесообразностью функционирования социальных и биологических систем, отличие осознанных поведенческих реакций человека от инстинктивных действий животных особей. Указывая на то, что в социальной цели мысленно предвосхищается будущий результат человеческой деятельности, К.Маркс писал: «В конце труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально»¹⁶³.

Когда окружающая действительность не удовлетворяет человека, он решает изменить ее согласно своим идеалам и потребностям, предпринимает для этого активные действия. Исходной становится выработка целей и средств преобразовательной деятельности, направ-

ленной на модернизацию существующих общественных отношений и институтов, орудий и предметов труда. Поступательное движение цивилизации происходит посредством модернизационных процессов разного характера и уровня, направленных на рационализацию человеческих отношений во всем их многообразии. Статичное состояние не является, по мнению А. Тойнби, естественным для общества, ему присуще постоянное движение, эволюционное изменение. «Общество, — пишет он, — не просто не стоит на месте, но и не может пойти вспять, не нарушая собственного закона движения»¹⁶⁴.

В историческом аспекте модернизация ведет к повышению жизнеспособности социума, созданию возможности выдвижения и реализации более масштабных целей совершенствования человеческого бытия. Основная роль модернизационных скачков состоит в расширении свободы действий людей, выражающейся в степени реализации их целей, содержание которых нарастает и усложняется. Наиболее радикальные социальные модернизации происходят, как правило, в кризисные периоды и являются одновременно целью и средством исцеления больного общества путем инновационных преобразований. В этом случае жизненная действительность подтверждает верность философской мысли о «хитрости» истории, заключающейся в том, что в ее недрах происходят одновременно и разрушительные, и созидательные процессы. Реалии бытия, отмечает М. Хайдеггер, таят в себе не только угрозы для человечества, но и спасительные ответы на «вызовы истории»¹⁶⁵.

Подтверждение этой социальной закономерности можно наблюдать в проявлениях контрастных явлений, происходящих в современной России, столкновением очень разных тенденций. Это определяется не только масштабностью и радикальностью совершающихся событий, но также спецификой социальных и национальных особенностей. Ведь как в 1917 г. не существовало готовых рецептов революционной трансформации капиталистического уклада хозяйствования в социалистический, так и теперь не было их для обратного процесса. России опять пришлось идти по «целине», совершать еще один беспрецедентный социальный эксперимент. Поэтому для осуществляющей очередную «смену вех» России столь важное значение имеет научно обоснованный и оптимально рациональный выбор целей и средств реформирования, выработка ее стратегии, учитывающей весь комплекс объективных и субъективных факторов. Однако глубокой теоретической проработки и всестороннего анализа путей и способов российской модернизации, судя по всему, сделано не было. Торопясь в очередной раз «разрушить все до основания, а затем...», Рос-

сия вступила на путь перестройки фактически без сформулированной концепции модернизации. В.В.Путин, еще будучи премьер-министром, в одном из выступлений сказал: «Мы двигались как бы ощупью, наугад, не имея четких представлений об общенациональных целях и рубежах»¹⁶⁶.

Акцент первоначально делался на «отрицательных целях», на первом месте стояла задача разрушения старой тоталитарной системы. При этом чаще устранялись преимущественно ее внешние признаки, а не глубинные корни. В результате как в свое время насильственное форсирование строительства «светлого коммунистического будущего», игнорируя объективные законы и реальные условия, так и спешка построить «демократический рыночный рай» обернулась многочисленными издержками и просчетами, непомерно высокой «ценой» допущенных ошибок. В чем-то повторилась ситуация начала XX в., когда Россия оказалась в результате двух революций ввергнутой в разруху и хаос. Тогда революционный деятель Володарский, выступая в 1918 г., заявил: «Экзамен на разрушение мы выдержали блестяще. Мы разрушили все. А сейчас перед нами стоит другой вопрос «сумеет ли мы оказаться такими хорошими строителями, какими были разрушителями»¹⁶⁷.

Наверное с не меньшим основанием эти слова могли бы сейчас повторить и прорабы нынешних реформ. Их бессистемность и некомплектность, отсутствие совпадающих устремлений разных социальных групп стало одной из главных причин пробуксовки движения к цивилизованному рынку и правовому государству. Не последнюю роль здесь сыграло и имеющееся у некоторых представителей новой власти мифическое представление о якобы автоматическом действии законов свободного рынка и его самодостаточности для решения всех экономических проблем. Некритическое восприятие и бездумно примененная макроэкономическая западная модель, как и следовало ожидать, была отторгнута жизненной действительностью, привела к кризисному состоянию все сферы общественной жизни, к огромным потерям. А ведь еще Ф.Достоевский предупреждал русских людей об опасности «чужебесия».

Объективные трудности переходного периода, помноженные на общую нестабильность и массовое обнищание, разгул криминальных элементов и всплеск сепаратистских тенденций породили в массах ностальгию по советскому прошлому, когда существовала стабильность и уверенность в завтрашнем дне, пусть не высокая, но гарантированная обеспеченность жизненными благами. В общественном сознании на почве анархического хаоса и общего недовольства нача-

ла муссироваться идея о «сильной власти», способной удержать вздыбленную Россию «уздой железной». Появилось искушение решать проблемы старыми авторитарными средствами, прибегнуть к испытанным приемам политического и идеологического принуждения. О том, к чему привела, в конечном счете, нашу страну тоталитарная политика, забывают или замалчивают.

Историческая практика подтверждает, насколько важным является, наряду с правильным определением цели, выбор средств достижения конечного результата. Не сама по себе цель, а ее воплощение в реальность побуждает людей к активным действиям. Гегель отмечал, что сущность дела «исчерпывается не своей целью, а ее осуществлением» и что цель «оживает, когда переходит в действительность, в объективность»¹⁶⁸.

При абстрактно-гносеологическом рассмотрении целеполагания и целеосуществления они нередко оказываются оторванными друг от друга и как бы независимыми процессами. Объяснение этому следует искать в изъянах методологических подходов к анализу этих явлений, при которых игнорируется существующая в реальной действительности органическая взаимосвязь между ними. Проблема выбора средств должна всегда решаться с учетом содержания намечаемых целей. Для каждой конкретной цели существуют и определенные адекватные ей средства реализации. К.Клаузевиц, придававший большое значение проблеме возможности и целесообразности применения тех или иных средств, призывал к «критическому рассмотрению и оценке средств деятельности в плане тех результатов, которые могут быть достигнуты путем их применения и того, насколько они отвечают намерениям действующих лиц... Применение каждого средства должно увязываться с самой конечной целью»¹⁶⁹.

Между уровнем оптимальной цели и ценой средств ее достижения существует определенная мера, соблюдение которой обеспечивает целесообразность целеполагающей деятельности. Выход за пределы этой меры ведет к неоправданному риску и слишком высокой «цене», которую приходится платить за достижение цели. В этой связи можно упомянуть о чрезмерно высокой «цене», которую пришлось уплатить нашему народу за применение в процессе модернизации такого средства как «шоковая терапия» при проведении экономических реформ. И эта «цена» включает не только огромные материальные потери, но и духовно-нравственные. Перестройка всей системы ценности и ориентиров привела к идейно-моральному разложению, к утрате у многих граждан онтологических основ бытия, к духовному и психологическому кризису. Огромная часть общества оказалась не

готова к жизни по-новому, в условиях рыночных отношений. Прошедший в 1990-х гг. в России резкий переход от коммунистического сверхнормированного социального порядка к анархическому перестроечному беспорядку без достаточной идейно-нравственной обоснованности такой смены обернулся, как и следовало ожидать, глубоким всеобъемлющим кризисом.

В целях как бы заложены и определенные требуемые средства, предусматривающие возможность их осуществления. Очевидно, что цели, направленные на демократические преобразования общества, нельзя достигать антигуманными средствами, ибо в этом случае происходит перерождение самих целей, которые искажаются и дискредитируются. «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель»¹⁷⁰. Конечно, и негодные с точки зрения морали средства могут приносить желаемый эффект, но достижение ближайших результатов такими средствами ведет, в конечном счете, к негативным последствиям и, как правило, перечеркивает достигаемый первоначальный успех, который является временным и непрочным. Еще никому не проходило безнаказанным насилие над историческими законами и естественным ходом общественного развития, над природными потребностями и наклонностями человека. Истории известно немало примеров, когда ради, казалось бы, даже праведных целей использовались негодные средства, в результате чего общества и граждане оказывались жертвами насильственной и аморальной политики. Цена ошибочности и волюнтаризма в целеполагающей деятельности везде и всегда высока. Но она неизмеримо повышается в политике, где счет идет на миллионы человеческих судеб, которые зависят от политических решений. Не случайно политика трактуется как рассчитанное соотношение целей и средств, требует их взаимодействия и адекватности.

Следует также учитывать, что существуют различия между социальными, общественными и индивидуальными целями. Последние имеются у каждого индивида в повседневной деятельности, и их осуществление необходимо для его жизнедеятельности. Результативность модернизации во многом зависит от того, насколько социальные цели приобретают личностный характер, когда каждый гражданин проникается их осознанием, разделяет их.

Каждая общественная цель требует для своего осуществления не только материальных, но и идеологических средств поддержки. Материальные средства включают экономический и научно-технический потенциал общества, трудовые, производственные и природные ресурсы, накопленный объем социально-управленческого опыта. Но

для того, чтобы выработанные цели осуществлялись, требуются практические действия больших масс людей, выступающих объектом и субъектом преобразовательного процесса. Они должны быть поняты и пользоваться поддержкой масс, проникнуть в общественное сознание как историческая необходимость, отвечающая всеобщим интересам, превратиться в общенациональную идею. Очевидно, что изначальная недооценка идеологической обеспеченности российских реформ явилась одной из причин, негативно повлиявших на их осуществление.

Было проигнорировано, что и в наш прагматический по своему духу век идеалы свободы, равенства и братства способны руководить действиями людей не в меньшей степени, чем материальные интересы. В этих идеалах люди по-прежнему черпают силы для отстаивания справедливого мироустройства.

В ходе развития цивилизации происходила смена роли и места используемых средств, преобладания одних видов над другими. Исторические периоды мирного эволюционного развития сменялись эпохами революционных бурь, и соответственно менялось содержание и характер используемых средств. Если в первом случае преобладающими являлись постепенные реформаторские действия, то во втором господствовали радикальные революционные методы. Рассматривая эволюционный и революционный пути социальных реконструкций, следует указать и на другой аспект этой проблемы, имеющий существенное значение для целеполагающей деятельности. Истории известны два вида средств осуществления коренного переустройства – мирный, ненасильственный и военный, насильственный. Использование того или другого зависит от комплекса обстоятельств, объективных и субъективных факторов. До сих пор глубинные общественные преобразования осуществлялись в большинстве случаев силовым путем, и это дало основание утверждать, что «все великие вопросы в жизни народов» решаются только силой.

В связи с вышесказанным представляется актуальным выдвижение вновь национальной идеи, способной выполнить консолидирующую роль и объединить общество вокруг базовых политических целей и идейно-нравственных ценностей, мобилизовать народ под патриотическими лозунгами на решение стратегических задач модернизации. Хотя понятие «русская идея» не является инновационным феноменом, поскольку имеет длительную историю и ее содержательная сущность неоднократно претерпевала трансформацию, целесообразность постановки этой проблемы несомненна. Востребованность национальной идеи в настоящий момент определяется неизменной приоритетностью защиты государственной суверенности и

национальных традиций, общностью судеб всех поколений и народов, населяющих Россию. На основе выработки общенациональной идеи происходит осознание коллективных целей, формируется единство и общегражданская солидарность, превращение социальной общности из состояния «в себе» в состояние «для себя». Хотя, безусловно, никакая сверхидея сама по себе не сможет разрешить все наши проблемы и привести к всеобщему согласию. Для этого необходимо решение неотложных задач, требующих проявления политической воли, создания новых социальных практик.

При рассмотрении вопроса о соотношении цели и средств определяющая роль традиционно отводится цели, как главенствующему фактору в их диалектическом взаимодействии. Вместе с тем, в настоящее время в мировой общественной мысли все чаще высказывается мнение о возрастании роли средств, их увеличивающемся влиянии на содержание и результаты целеполагающей деятельности. Утверждается, что с ростом интеллектуального и технологического потенциала человечества не только количественно расширился арсенал используемых средств для решения различных социальных задач, но и произошло качественное изменение их статуса и степени воздействия на общественные процессы. «Принимающее глобальный характер движение техногенной цивилизации и сопутствующая ему интеграционная тенденция в значительной мере унифицируют стратегические цели субъектов мирового сообщества, сближают их цивилизационные характеристики. Основными и приоритетными оказываются такие общеразделяемые цели, как всеобщий мир и безопасность, равноправное сотрудничество и общий экономический прогресс, соблюдение прав и свобод человека. Однако, — пишет американский политолог Чарльз Кули, — если в отношении целей можно констатировать в целом утверждающееся единодушие взглядов, то таковое не наблюдается в отношении возможных средств реализации этих целей. При этом оказывается, что именно от применения тех или иных средств попадает часто в зависимость само выполнение целей. Нередко достигнутый результат бывает весьма далеким от того, который ожидали получить, ввиду непригодности средств, которыми оперировали»¹⁷¹.

В этой связи можно вспомнить, что отличающийся политической трезвостью Макиавелли давал совет интересоваться больше средствами, а не целями, вопросом эффективности методов, а не этическими достоинствами проектов, осуществлению которых они служат.

Высказываемое мнение о выходе на передний план именно средств, что они составляют теперь главную проблему при принятии политических решений, имеет, конечно, свое объяснение. Акценти-

рование внимания на средствах, подчеркивание учета их актуальности в теоретическом и практическом аспектах является следствием небывало возросшей цены и масштабов негативных и нередко даже трагических последствий в условиях ядерной эпохи. Если раньше признавалось, что не всякая цель оправдывает применение любого средства, то теперь это положение становится аксиомой политической жизни.

Еще к одной особенности, связанной с использованием средств при решении задач воздействия на общество и отдельных индивидов, можно отнести произошедшее изменение в соотношении прямого и косвенного (или как еще называют) скрытого насилия. Достижение целей и реализация интересов теперь чаще всего происходит путем не открытого применения силы, а специальными методами управления и убеждения, путем манипуляции общественным сознанием при внешнем соблюдении демократических норм. Крен произошел в сторону использования средств психологического и морального принуждения, информационно-идеологического давления на умы людей, которое зачастую дает больший эффект, нежели прямое физическое насилие.

Бесспорно, господствующим является традиционный взгляд на демократические методы управления и формы власти как наиболее рациональные и отвечающие общечеловеческим нравственным ценностям. Все современные государства претендуют на звание демократических, не всегда при этом придерживаясь единого мнения о его содержательной сущности. Вместе с тем, хотя преимущества демократии как средства политической деятельности представляются большинству очевидными, в этом вопросе не существует единства взглядов. Абсолютная ценность и всеобщая пригодность демократических институтов и механизмов в последнее время ставится под сомнение, растет критическое отношение к ним. Более эффективными и подходящими для определенных конкретно-исторических условий и национальных особенностей некоторых социумов признаются, напротив, авторитарные методы управления, предпочтение отдается жесткой вертикали власти и всеобъемлющему контролю сверху. Делаются при этом ссылки на примеры из прошлой и новейшей истории, свидетельствующие в пользу такой точки зрения. Например, ускорение темпов экономического развития при авторитарном правлении Пиночета, быстрый рост производства и благосостояния масс в Китае при существенном ограничении демократических свобод. Показателен в этом отношении и тот факт, что хотя в ряде государств Юго-Восточной Азии демократических прав намного меньше, чем в

США, но именно в них направляется сейчас наибольший поток финансовых инвестиций, а производство новейших технологий развивается более быстрыми темпами. Признается, что диктаторская политика, проводимая в СССР в период становления социалистического строя, позволила осуществить в кратчайшие сроки индустриализацию страны, развитие науки и культуры, а после войны восстановить народное хозяйство и приумножить экономический потенциал.

Здесь следует отметить, что обычно авторитарные методы используются в критические переломные периоды истории, как писал Блок, в ее «минуты роковые». Это чаще всего имеет место в странах с обширными и трудно управляемыми территориями (отсюда появляется необходимость сильной центральной власти) и в бедных (в этом случае возникает желание поставить под контроль государства все материальные ресурсы и подавить любые проявления оппозиционности).

В условиях наблюдающейся нестабильности и конфликтности, как в международной, так и во внутренней политике отдельных государств, вину за «мировой беспорядок» и все «социальные грехи» человечества некоторые идеологи склонны сейчас возложить на исчерпавшую, по их мнению, свой управленческий ресурс демократическую систему власти. Муссируется идея, что ее преимущества в наступившую эпоху постиндустриальной цивилизации уже не столь очевидны, а недостатки проявляются все более явственно. Заявляя, что на рубеже смены тысячелетий демократия «обнаруживает свою нетехнологичность, затратность, громоздкость и беспомощность» при решении встающих перед обществом все более острых проблем, американский философ Ф.Петтит пишет: «Эра демократии заканчивается, мир вступает в принципиально новую полосу развития»¹⁷².

Но речь в данном случае, судя по всему, идет не о простом отбрасывании всех веками наработанных демократических институтов и механизмов, не о деструктивном их отрицании, а о диалектическом отрицании. Такое отрицание содержит в себе момент конструктивности, позитивную направленность, поскольку, уничтожая существующее, оно сохраняет положительное в снятом виде. По законам диалектики возникающее новое не может утверждаться как без отрицания, так и без сохранения, вбирания в себя всего жизнеспособного, без преемственности. Мир, по словам А.И.Герцена, в каждый его настоящий момент есть плод прошедшего и семя будущего. Можно также указать на мнение профессора права Лондонского университета Ральфа Миллибенда, считающего, что демократия начинает в ряде случаев уступать место авторитарной власти, как более действенной в целом ряде случаев. Исследуя социально-политичес-

кую обстановку в современном западном обществе, он приходит к выводу, что ему присуща тенденция движения от демократии к консервативному авторитаризму. «Переход от традиционной демократии к более или менее выраженным формам авторитаризма, — пишет он, — наблюдающийся сегодня в определенных звеньях политической системы западного мира, есть уже осязаемая реальность»¹⁷³.

Критических высказываний в адрес демократии современных теоретиков можно привести немало. Но можно сослаться также и на высказывания на этот счет и значительно более раннего периода, принадлежащие в том числе и русским мыслителям. Н. Бердяев еще в начале XX века, отмечая формальный характер демократии, которая «равнодушна к добру и злу», не обладает «твердыми критериями истины» и «раскрыта для свершения всех целей», писал: «Демократия в силах только механически суммировать волю всех, но общей воли, органичной воли народа от этого не получается... Демократия провозгласила свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выходит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она сама себя преодолевает. В этом будет ее правда. Современная демократия явно вырождается. Веры в спасительность демократии уже нет»¹⁷⁴.

Действительно, в сегодняшней России демократия от бед не спасает, а подчас их даже добавляет и становится поэтому в народной среде чуть ли не ругательной категорией.

На фоне общественных настроений в пользу сильной власти, способной покончить с политической аморфностью и экономическим упадком, становится популярным тезис об «управляемой демократии», выражающий идею о необходимости ограничения определенными рамками демократических свобод и регулирования их проявления в тех случаях, когда они могут привести к нежелательным последствиям, вызвать социальную нестабильность и конфликтность. Требования о повышении контролируемой функции государства подкрепляются ссылками на ту исключительную роль, которую оно всегда играло в России в силу ее геополитических условий и многонационального характера страны. Традиционно диктаторский характер российской государственности объясняется также объективной необходимостью борьбы за выживание в чрезвычайных условиях исторического бытия, постоянного отражения внешних агрессий и защиты от внутренних раскольнических и сепаратистских движений.

Одновременно делаются ссылки и на существующую практику в этом вопросе в ряде других государств, где при наличии достаточно широких демократических свобод, тем не менее, существует жесткая сис-

тема государственного регулирования и контроля над общественно-политической и экономической деятельностью посредством различных законодательных и исполнительных процедур. Ограничения в некоторых случаях демократических прав, по общему признанию, отвечают интересам общества и граждан, т.к. это защищает их от «грязной свободы», проявляющейся в антисоциальных действиях отдельных средств массовой информации и бизнеса. В качестве примеров здесь можно привести антимонопольное законодательство в США или существующую в Англии систему запретов вторгаться в частную жизнь граждан.

Критические суждения о формально-ритуальном характере демократических процедур, их неспособности во многих случаях выражать и осуществлять интересы и волю большинства общества в настоящее время получили широкое распространение во многих странах мира. Указывается на то, что генетическим пороком демократии является ее посредническая функция. «Любая посредническая структура, будь то в политике или бизнесе, обязательно себя изживает, начинает паразитировать, работать только на себя, — пишет политолог В.Гущин. — Было время, причем весьма продолжительное, когда демократия с ее делегированием полномочий от избирателя депутату была продиктована объективными обстоятельствами. Уровень образования, культуры, средств общения, связи и информации, состояние науки и техники были таковы, что без переадресовки полномочий не обойтись. Но теперь, в эпоху сверхзвуковых скоростей, торжества интернет-технологий функциональный смысл демократического представительства стал анахронизмом»¹⁷⁵. Отсюда делается вывод, что, поскольку демократия становится непригодной функционально, она превращается в обузу и помеху историческому прогрессу.

«Призывы к современной демократии бессмысленны и вредны. Стремление к демократии должно быть стремлением к порядку»¹⁷⁶.

Трудно, наверное, дать однозначный ответ на вопрос: являются ли демократические принципы безоговорочно совершенными и пригодными в качестве универсальных для «всех времен и народов». Так же как можно ли считать авторитарные методы априори неприемлемыми при любых обстоятельствах. Абстрактное теоретизирование и чисто умозрительный подход к этой проблеме вряд ли способствует ее верному решению. Только историческая практика в каждом конкретном случае даст верный ответ на этот вопрос. Жизненная действительность неизмеримо многограннее научной теории, она не всегда вписывается в моральные постулаты. Истина же всегда конкретна, а объективная логика исторического процесса определяет как использование самых разнообразных средств, так и появление новых

форм и способов деятельности. Но при этом ни одно из средств и форм управления не списывается в архив истории, не исчерпав своих ресурсов. Возможно, некоторые нормы и механизмы демократии стали уже действительно себя изживать, не способны «работать» с полной отдачей в период глобальной перестройки.

Нелишне в этой связи отметить, что современное понимание демократии происходит в основном применительно к историческим традициям западного мира, его условиям и ментальности. Если же обратиться к практике других регионов и обществ, специфике бытия и сознания населяющих их народов, то становится очевидным наличие в этом вопросе плюрализма, существование здесь неоднозначных подходов к этой проблеме. Формирование нового мирового порядка вызывает необходимость отказа от ряда традиционных представлений, например о рамках национального суверенитета, объема прав и обязанностей субъектов международных отношений, принципов взаимоотношений между всемирными организациями и отдельными государствами. Здесь можно сослаться на такой феномен современной мировой политики, как деятельность так называемой «большой семерки», состоящей из наиболее экономически развитых государств. Хотя ее никто не избирал и не уполномочивал заниматься всемирными проблемами, а ее деятельность никак не вписывается в традиционные представления о демократии, этот «клуб» богатейших держав явочным порядком правит миром и диктует свои правила и рекомендации другим странам.

Во внутренней политике многих государств назрели и уже происходят значительные изменения в системе управления и методах принятия решений. При сохранении внешней демократической атрибутики в лице представительных учреждений реальная власть и ответственность все в большей степени сосредотачивается в руках исполнительных органов. Объяснение этой тенденции следует опять-таки искать в происходящих социокультурных и технологических переменах, в расширении и усложнении системы общественных связей, масштабов и содержания осуществляемых целей. В новых социальных условиях требуется большая оперативность и профессионализм при принятии и исполнении государственных решений.

Прогнозы и перспективы

В обозримом будущем будет, вероятно, происходить изживание противоречий демократии, ее совершенствование, а не отказ от нее как общественно-государственной формы и метода. Но демократия,

конечно, не вечна, имеет свой исторический рубеж и сменится иными формами организации общественной жизни. Сейчас многим представляется, что лучше демократического управления общественными делами человечеством ничего не придумано и быть не может. Но ведь когда-то и рабский строй казался даже таким мудрым людям, как Аристотель, наиболее совершенным, рассматривался как естественный и вечный. Теперь же такой взгляд выглядит нелепым анахронизмом.

В исторической перспективе альтернативой нынешним демократическим и авторитарным методам будет, очевидно, формирование качественно нового типа управленческих технологий и общественных отношений, сочетающих в себе в преобразованном виде разные традиционные виды и новые подходы к осуществлению властных функций и политической деятельности. При выработке новых форм и средств управления общественными процессами будет наверняка использован опыт разных национальных культур и учтены многообразные парадигмы общественного бытия. Ведь история человечества — это, по сути, история старых и вечных проблем, новых идей и методов их решения. Следует ожидать, что на первый план выйдет власть знания, поставленная на службу целям всеобщего прогресса и мира, оптимального взаимодействия интересов общества и личности, прав и обязанностей гражданина. Человечество тем самым приблизится к главному смыслу и цели исторического процесса: созданию общества, в которое «управление людьми» сменится «управлением вещами», а человек превратится из средства в цель общественного развития.

На этом высшем этапе цивилизации человечество сможет преодолеть существующие ограничения свободы, возрастающей количественно и качественно благодаря накоплению материальных и духовных богатств, прогрессу знания. Библейское изречение гласит: «И познайте истину, и истина сделает вас свободными». Но этот поступательный процесс не может иметь каких-либо раз навсегда установленных рамок, остановиться на каком-либо достигнутом уровне. Он бесконечен и безграничен. Горизонты свободы будут всегда приближаться и отодвигаться, стимулируя постоянную эволюцию

Для создания максимально благоприятных условий жизни всех людей совершались и совершаются социальные модернизации, призванные воплотить в практическую реальность идеалы и цели сменяющихся поколений. Герой одной из пьес А.П.Чехова, написанной в 1900 году, обращаясь к потомкам, говорил: «...Все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двес-

ти-триста, наконец, тысячу лет — дело не в сроке — настанет новая счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее, и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье»¹⁷⁷.

Судьба России тесно связана с судьбой всего человечества, с настоящим состоянием и перспективами развития мирового сообщества. Уроки российской истории поучительны. Они должны служить правильному восприятию и оценке сегодняшней геополитической обстановки, в которой оказалась Россия. Перед ней фактически встали проблемы и опасности, существовавшие в прошлые века, когда ей приходилось бороться за выживание, противостоять агрессивным поползновениям с Запада, Юга и Востока, проявлениям сепаратизма. Ориентация на демократические идеалы и общечеловеческие ценности не должна заслонять главную цель российской политики — защиту национально-государственных интересов, обеспечение безопасности, независимости и целостности страны любой ценой и любыми средствами. Она должна быть заложена в качестве системообразующего и основополагающего принципа в российскую национальную идею. И одновременно это будет вкладом России в построение справедливого и рационального миропорядка, гарантирующего всем нациям благополучие и процветание.

Акцентируя внимание при изложении данной темы на роли и влиянии целеполагающей деятельности на модернизационные процессы, в том числе и глобального характера, можно сделать следующие выводы. Жизнь общества не сводима к какому-либо одному статичному состоянию, в ней нет абсолютного господства одной социальной тенденции. Жизнеспособность и развитие любой общественной системы обеспечивается наличием разных противоположных составляющих ее социальных элементов и институтов. Их взаимодействие и противоборство стимулирует инновационные процессы, приводит к модернизации разных сфер жизни социумов. Каждый раз, когда находится объяснение и практическое решение какой-либо извечной проблемы, приходит вместе с тем понимание их неполноты, убеждение в неисчерпаемости мира явлений и безграничности процесса развития.

Проблемы, по сути, во многом схожие с нынешними, стояли перед человечеством и многие тысячелетия назад, те же интересы и страсти людские определяли ход истории и ее зигзаги. Но верно и то, что общественное бытие и сознание трансформируются со сменой эпох, соответственно возникают иные подходы и разные трактовки казалось бы уже решенных вопросов. Это касается всех без исключения

областей жизни. Возникают и совершенно новые проблемы, с которыми наши предки вообще не сталкивались. Их теоретическое отражение и объяснение становится задачей нынешних поколений ученых. И без новых идей этот творческий процесс невозможен.

«Ничто не ново под Луной» – в этом афоризме выражается метафизическая идея о том, что настоящее есть лишь проекция прошлого. Однако процесс социального и духовного развития не является движением по кругу, происходит не простое повторение старых форм и свойств, а качественный скачок на новый уровень их развития. Жизнь общества продолжается, но на каждом новом «завитке истории» она преобразуется. Как, по мысли Гераклита, невозможно дважды войти в ту же самую реку, так же невозможно, чтобы поколения людей, живущих в разные эпохи, мыслили одинаково и действовали идентично.

РАЗДЕЛ III. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА

Отмеченное выше возрастание сложности общества, новые задачи социальной философии и анализ эволюции капитализма и социального порядка подвели авторов книги к необходимости исследования постсоветской повседневности на макро- и микротеоретическом уровне. Этот последний пункт нам особенно дорог, ибо социальная философия продемонстрировала здесь свою способность к пониманию не только целого, но и деталей. Здесь же обсуждается антропологический поворот в социальной философии, вызванный изменением человека, воздействием на него биотехнологий, по-новому звучащей проблемы развития. Сюда же примыкает проблема утопии, в которой сочетаются феномен сознания и практические проблемы.

Глава 1. Власть и повседневность в постсоветской России

В процессе поиска нынешней постсоветской Россией путей и форм развития, адекватных радикально изменившимся с начала 19990-х условиям (поиска, который ведут как политики, так и ученые), чрезвычайно важным представляется социально-философское осмысление всех сторон и аспектов трансформации повседневной жизни людей как пласта *социальных* отношений, исследование проблематики адаптации индивидов, групп, множеств к социальным новациям и их весьма конкретным проявлениям и преломлениям в их обыденном, повседневном существовании, изучение реакций на последствия, прямые, косвенные, побочные, реальные, предполагае-

мые, тех или иных реформ, контр- и псевдореформ на самом нижнем, повседневном уровне человеческого существования и на социокультурную ауру управляемых общественных преобразований в целом. Объем книги не позволил дать материал о методологии, который представил автор данного текста. Упомянем лишь, что он подчеркивает значимость для себя трудов И.Т.Касавина, Н.Н.Козловой, Л.Г.Ионина, Н.М.Смирновой, В.А.Подороги и развивает уже заложенные сектором социальной философии традиции анализа повседневности, используя методы М.Вебера, а также феноменологов, среди которых большую роль играют П.Бергер, Т.Лукман (см. предшествующий коллективный труд сектора: «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М.: ИФРАН, 2003). Особую роль в его методологии занимает М.Фуко, что плодотворно сказалось в следующей главе, посвященной трудовой коммуне А.С.Макаренко.

Анализ проблемы, обозначенной в названии главы, как представляется, поможет дать ответы на эти и многие другие не менее значимые вопросы, способствовать корректровке алгоритмов трансформации социокультурной и властной структур российского общества.

Специфика российской постсоветской повседневности обусловлена прежде всего тем, что это повседневность переходной эпохи, периода разрушения, ломки, стремительного изменения устоявшихся форм повседневного существования людей, превращения в условность грани между повседневным и внеповседневным. При этом параметры и содержательные особенности современной российской повседневности во многом совпадают с параметрами советской повседневности или непосредственно связаны с ней (низкая планка экономической стабильности, т.е. существование огромного количества граждан и семей на грани, за которой начинается бедность, а порой и нищета, доминирование в общественной ментальности так называемых «понятий», а не закона, рудименты так называемой «русской аскезы», традиционализма с русской национальной спецификой, инерционное существование типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия и т.д.). При этом, однако, существует и ряд фундаментальных отличий мира постсоветской повседневности от жизненного мира советской эпохи (для которой характерна эманация в эту сферу отношений государственного патернализма, гарантированность минимального набора благ, выстраивание повседневного существования в условиях дефицита, ограничение форм деятельности людей и проявления их личности и т.п.).

Параметры и символы. Фундаментальной характеристикой постсоветской (как и советской) повседневности остается опасно низкий уровень материального обеспечения основных физиологических и социальных потребностей значительной части социальных субъектов, близкий к черте физического выживания, подвижность черты выживания, легкость ее смещения. Даже незначительное смещение черты существующего материального благосостояния вниз может приводить и приводит к острым социальным конфликтам.

Достаточно сказать, что после принятия известного 122-го закона о монетизации льгот по стране прокатилась волна митингов и протестов как против условий монетизации, так и против монетизации как таковой. Это протестная волна существенно повысило социальное напряжение в России. При этом требования к власти, в их абсолютном денежном выражении, чаще всего не превышали 10–20 долларов. Реалии постсоветской эпохи лежат совсем близко; собственно говоря, мы в них живем (хотя кое-что за последние 15 лет ушло и забылось). Перечислю то, что представляется знаковым: железные двери на дверях квартир и офисов и решетки на окнах первых этажей, «Марс» — «Сникерс» — «Баунти» («райское наслаждение»), очередь в «Макдональдс», реклама на ТВ («Кто пойдет за “Клинским”?»), МММ — «Тибет» — «Чара», дефолт, интернет, шоу-бизнес (Пугачева, Киркоров, Борис Моисеев, Басков), Гусинский и Березовский как воплощение дьяволизма, ширпотребный политический «опиум для народа»; иномарки у подъездов престижных вузов и школ милиции, мобильники в руках школьников и студентов, знакомства по объявлениям в газете, «ночные бабочки» вдоль трасс, Хеллоуин, день Святого Валентина и день Святого Патрика, девушки из провинции, которые говорят: «Я работаю на фирме», предвыборные листовки и плакаты на столбах, стенах, подъездах домов и уличных растяжках.

Здесь нет возможности даже кратко наметить контуры типизации этих объектов социальной реальности или повседневных теоретизаций по их поводу; констатируем только, что применительно к каждому из них, начиная с МММ и кончая заурядной металлической дверью, выходящей на лестничную площадку в вашем подъезде, можно выстроить все предусмотренные бергер-лукмановским конструктором ряды объективной и субъективной реальности: типизации, объективации, институционализации, легитимации, — а в отдельных случаях довести процесс конституирования — деконструкции реальности вплоть до полного краха указанных познавательных инструментов и социализирующих форм, — а также дополнить эти ряды социально-философскими и культурологическими характеристиками, такими, как повседневные теоретизации, культурные инсценировки и т.д.

Угасание интереса к повседневности. Уже в конце советской эпохи государство начинает отказываться от всестороннего контроля повседневной жизни граждан и сокращает свое присутствие здесь. В постсоветское время государство стремится ограничиться установлением правил игры; однако в государственной политике продолжают присутствовать рудиментарные попытки прямого и грубого вторжения в повседневную жизнь граждан, приводящие в определенных условиях к дезорганизации повседневности.

Важно понимать, как видоизменилось действие макротехнологий власти в современной России. Стремительный демонтаж структурообразующих технологий власти, присущих тоталитарному и посттоталитарному обществу, таких как, например, локализация, оказали на общество весьма двойственное и противоречивое воздействие. С одной стороны, отмена ограничений на перемещение граждан внутри страны, свобода выезда за рубеж и т.д., казалось бы, расширили возможности становления институтов гражданского общества; с другой, не были созданы (и в столь короткое время едва ли могли быть созданы) механизмы социального регулирования, адекватные гражданскому обществу, в связи с чем проявился ряд абсолютно новых негативных феноменов: детская беспризорность, попрошайничество, специфический слой так называемых бомжей, нелегальная миграция из сопредельных стран СНГ, тотальное взяточничество милиции и сотрудников ДЭЗов, обирающих нелегально или полунелегально проживающих в России мигрантов, и т.д. Кроме того, демонтаж в значительной мере архаических технологий власти носил относительный и частичный характер: режим прописки, ограничения при приеме на работу в зависимости от формального места проживания де-факто продолжают существовать (в том числе в Российской академии наук и в МГУ), причем необходимость соблюдения этих ограничений становится поводом для произвола низовых властных и бюрократических структур, стимулирует возникновение новых, абсолютно негативных микротехнологий власти, но мало способствует нормализации функционирования социумов.

Эволюция технотехнологии. «Пятна власти». Набор макротехнологий власти, составляющих костяк нынешней российской технологической структуры, при переходе от советской системы к системе постсоветской, по большому счету, не изменился, но видоизменилось *модус действия* и *ареалы действия* этих технологий. Если раньше существовала тотальная всеохватывающая технотехнология, которая пронизывала своими векторами все сегменты социума, проникая в мельчайшие складки социальности, то сегодня в пространстве власти

существуют точки, зоны и пятна, где действуют преимущественно технологии одного вида, и такие же зоны, где преобладают иные технологические механизмы. Наиболее адекватный образ для описания этой ситуации — *пятна власти*. В этом смысле властное пространство России — это своего рода постмодернистское пространство, пространство, где сосуществуют вне серьезной системы и упорядоченности элементы самых разнородных, не связанных между собой властных технологий.

Прежде всего, модифицируются действие и формы проявления прежних макротехнологий власти. Рассмотрим, например, функционирование технологий дефицита в условиях постсоветской России. В советское время технологии дефицита предполагали прежде всего манипулирование массой продовольственного и товарного дефицита. Сегодня главным эманацией дефицита стал *дефицит бюрократических услуг*, искусственно создаваемый чиновничьим сословием. Наиболее очевидным симптомом ситуации дефицита является очередь. Где сегодня стоят очереди? В местные органы власти на получение различных разрешений (от открытия нового бизнеса до разрешений на обмен квартиры), в собес на оформление пенсии, в милицию на снятие с учета автомобиля, который владелец решил продать, в органы регистрации, чтобы зарегистрировать смену собственника квартиры или дачного участка, и т.д.

Сегодня существуют новые дисциплинарные пространства (связанные с новыми формами собственности, новым типом управления и соответствующими представлениями о том, как должно быть устроено пространство повседневной трудовой деятельности). Во многих учреждениях, выстроенных по западной модели корпорации (отточенной и отработанной в последние десятилетия в Японии и Юго-Восточной Азии), жесточайшим образом, при помощи современных электронных устройств, контролируется время прихода-ухода сотрудников, причем за опоздания сотрудник жестко наказывается рублем, жестко регламентируется форма одежды (костюм, белая рубашка и галстук для мужчин обязательны), часто запрещаются любые контакты сотрудников той или иной фирмы, не вызванные производственной необходимостью. При этом зарплата, в целях минимизации налогов, выплачивается сотрудникам в конверте, что, безусловно, увеличивает зависимость сотрудника от владельца фирмы или работодателя. Наконец, новая эпоха принесла с собой и новые, адекватные «цивилизации юзеров» формы дисциплинирования, возникшие в России лишь в слое постсоветской повседневности, в том числе и столь специфические, как запрещение компьютерных игр, интернета и использования служебного e-mail'а для личной переписки, и т.п.

Многие технологии, используемые в новых дисциплинарных пространствах, носят откровенно дискриминационный характер. Скажем, во многих коммерческих структурах трудовой договор с женским персоналом не заключается более чем на 6 месяцев, что рассматривается менеджментом как инструмент против беременности женского персонала, а в случае наступления таковой дает компании возможность уклониться от выполнения своих, закрепленных законом, обязанностей как работодателя. Параллельно происходит огромное и количество никем не фиксируемых случаев так называемого секс-харассмента в мелких и средних коммерческих фирмах, нередко со стороны тех же самых руководителей, которые запрещают сотрудникам смотреть эротические картинки по служебному интернету.

Примечательно, однако, что антисоциальные технологии распространяются и на «старые», традиционные, некоммерческие сегменты социального пространства. Например, вопреки действующему трудовому законодательству, ограничивающему возможности принятия на работу на условиях срочного трудового договора закрытым, исчерпывающим списком, многие государственные учреждения берут работников только на срочный договор. Это ставит работника в предельно жесткую зависимость от работодателя и позволяет последнему формировать дисциплинарные пространства внутри микросоциума фактически по своему усмотрению.

Дисциплинарным опытом, опирающимся на старые советские практики, но в современной криминальной ситуации превращающимся в бюрократическую фикцию, является возрождение народных дружин (в Москве, по утверждению столичных чиновников, уже функционирующих). Причем речь идет не о предложениях, не о частных экспериментах, а о надлежащем образом оформленных законодательных инициативах на самом серьезном уровне.

Отмечаются также попытки воспроизвести достаточно одиозные и, более того, по сути дела признанные таковыми в ходе общественных дискуссий конца 1980—90-х технологические практики. Так, осенью 2005 г. первый заместитель мэра в правительстве Москвы Л. Швецова озвучила очередную дисциплинарную инициативу городских властей: власти будут следить за деятельностью интернет-кафе и лишать их владельцев лицензий в том случае, если в учебное время там будут находиться школьники, которые будут играть в сетевые игры или просматривать материалы, не связанные с учебным процессом¹⁷⁸. Это своего рода постандроповщина: при Андропове власти, как известно, отлавливали прогульщиков в кинотеатрах и банях, но, правда, не угрожали их закрытием.

Все это сочетается с демонстративным уклонением власти от обязанности дисциплинирования основных жизненных пространств на локальном уровне и пресечения элементарных нарушений общественного порядка, например, наказания за проезд автомобилей на красный свет в зоне пешеходного перехода или регулирования движения на перекрестке, где отключились светофоры. И это лишь самый мелкий, лежащий на поверхности пример бездействия власти там, где она обязана действовать. При этом власть почему-то никак не может освободиться от навязчивой идеи принудительной эвакуации неправильно припаркованных автомобилей, раз за разом предлагая и пытаясь продать то или иное юридическое оформление этой идеи.

Новая эпоха принесла с собой и новые формы проявления власти в пространстве повседневной жизни, ведущие если не к дезорганизации повседневности, то к разрушению многих значимых для индивидов ее параметров. Назовем в числе таких форм так называемую точечную застройку в городах, снос гаражей-«ракушек», перекрытие трасс на время проезда по ним высших государственных чиновников, продажу или сдачу в длительную аренду продуктовых магазинов, что ведет в большинстве случаев к их перепрофилированию, появление блокираторов на улицах городов и вывоз неправильно припаркованных автомобилей, ликвидацию общественных туалетов на улицах, ограничение продажи и потребления пива в общественных местах, появление турникетов в автобусах и троллейбусах и т.д. Подобные, казалось бы, мотивированные чисто экономически, практики, воздействующие на повседневную жизнь, несут в себе тем не менее и властную составляющую — любое возобладание власти над индивидом, любое наращивание властного потенциала расширяет возможности властной экспансии и служит обеспечению воспроизводства власти.

Новые явления во власти. Тотальная коррупция. «Беспредел». Коррупцию можно определить как изменение нормативного модуса действия власти в интересах отдельных ее агентов. Коррупция лиц, облеченных властными полномочиями, — это абсолютное возобладание личного, корыстного интереса над государственным. В то же время это также и предательство агентами власти интересов своей, властной, корпорации, которая не тождественна государству и находится с последним в сложных, противоречивых отношениях.

В последние полтора десятилетия коррупционная солидарность агентов власти оказывается сильнее солидарности корпоративной; но главное, что коррупционная солидарность с некоторых пор стала составной частью корпоративной солидарности. Другими словами,

власть, которая действует подобным образом, т.е. в интересах агентов власти, ее составляющих и представляющих, полностью переродилась и перестает быть социально необходимым элементом общественной организации, превращаясь во вредоносное паразитическое образование на теле общества.

Подобная ситуация предполагает элиминацию последовательно действия технологий любого рода, изменение любых правил игры в процессе осуществления властного воздействия и является сильнейшим фактором дезорганизации и, потенциально, распада социума.

В отличие от ситуации потребительского дефицита, дающей возможность людям-у-власти распоряжаться ширпотребом и продуктами питания, сегодня аналогом продовольственного и товарного дефицита, подлежащего распределению и присвоению, оказываются ресурсы всей страны.

Другим относительно новым модусом властного взаимодействия стал так называемый беспредел. Это понятие, заимствованное из уголовного жаргона, прочно вошло в языковую ткань постсоветской эпохи. Не вступая в дискуссию по поводу того, допустимо или недопустимо проникновение подобного рода терминов в используемый обществом язык и превращение его из маргинального понятия в общепотребительное, попытаемся определить явление, стоящее за понятием, в точки зрения отношений власти. Очевидно, беспредел — это избыточное, часто немотивированное насилие, разрушающее нормативный/нормальный для данного пространства модус действия власти по инициативе, прихоти и в интересах агентов власти или тех, кто присваивает себе функции таковых агентов. Хрестоматийным примером «беспредела» последнего времени стала знаменитая милицмейская зачистка в башкирском Благовещенске.

Другая черта беспредела как формы властного насилия — его определенная, с точки зрения «нормального» сознания, иррациональность. Действительно, когда нормальное сознание пытается понять мотивы жестокого преступления, которое не имело рациональной цели, оно становится в тупик.

Однако проблема заключается в том, насколько коррупция и беспредел являются закономерными следствиями ломки прежнего механизма власти и политических и профессиональных просчетов тех, кто управлял страной с начала 1990-х и управляет ею сейчас, и насколько эти явления суть звенья в цепи сознательных усилий по доведению общества до определенной критической черты, за которой оно может потребовать наведения порядка любыми средствами и посредством использования любых властных инструментов.

Социокультурное сопротивление в постсоветской России. В современном плюралистическом обществе, где существует возможность социального, политического, идеологического протеста, значение социокультурного сопротивления, очевидно, не столь высоко, как в тоталитарной и авторитарной системе. Правда, если посмотреть на проблему иначе, то можно констатировать, что в значительной степени подход к ее решению зависит от понимания того, что такое социокультурное сопротивление и сопротивление вообще.

Помимо сказанного выше, можно идентифицировать ряд новых способов социокультурного сопротивления, возникших в современном российском обществе, от сознательного отказа смотреть (а часто и покупать) телевизор (что является в полной мере социальным действием в веберовском смысле термина, а также полновесным проявлением *персональности* и *дистанцирования*) до нанесения при помощи баллонов — распылителей краски цветных «граффити» на бетонные ограждения вдоль линий пригородных электричек. Эти культурные формы порой как бы заигрывают с властью и даже имитируют стремление войти во властные структуры (наиболее колоритный пример такого рода — Партия любителей пива, однажды даже принимавшая участие в парламентских выборах). Отметим и некоторые новые формы социокультурного сопротивления, адекватные постмодернистскому миру, хотя бы парады и карнавалы сексуальных меньшинств.

Если социокультурное сопротивление ориентированных на бульшую свободу самовыражения индивидов и групп в процессе перехода к плюралистической, полистилистической ситуации в современном обществе как бы отодвигается на второй план, то, напротив, усиливается социокультурное сопротивление традиционалистских структур и субъектов — носителей традиционалистского сознания. «Плюралистическая ситуация приходит вместе с условиями быстрого социального изменения, — вполне резонно констатируют Бергер и Лукман, — и сам плюрализм является фактором ускорения именно потому, что способствует подрыву традиционных определений реальности, сопротивляющихся эффективному изменению. Плюрализм способствует как скептицизму, так и нововведениям, по сути своей он имеет подрывной характер для само собой разумеющейся реальности традиционного *status quo*»¹⁷⁹. И традиционалистское сопротивление направлено как раз против плюрализма, полистилизма и большей части социальных инноваций.

И все же следует отметить возросшую терпимость общества к проявлениям социокультурного сопротивления и, шире, альтернативным способом существования. Разного рода поведенческие вызовы в

современной России уже не вызывают того единодушного культурного шока, который вызывали в свое время одежда так называемых «стиляг», курение женщин в общественных местах или накрашенные губы мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Где-то срабатывают механизмы нормализации, переопределения ситуации, когда непонятное индивиду явление переосмысливается в понятной, привычной для него системе координат. Пределы и возможности нормализации сегодня стали, безусловно, шире.

Где-то власть интегрирует их, вбирает, всасывает их в себя. Бергер и Лукман пишут: «Непроблематичные сектора повседневной реальности являются таковыми лишь до тех пор, пока нет свидетельств об обратном, т.е. до тех пор, пока с возникновением проблемы не прерывается их последовательное функционирование. Когда это происходит, реальность повседневной жизни стремится интегрировать проблематичный сектор в тот, который уже непроблематичен. Повседневное знание содержит множество рекомендаций по поводу того, как это следует делать»¹⁸⁰.

Типы сознания в пространстве повседневной жизни. В повседневности действует и реализует себя множество индивидуальных и коллективных субъектов, обладающих определенного рода сознанием и соответствующей ментальностью. Можно выделить три типа культуры, три типа сознания, три типа ментальности, существующие в социальном океане современной российской повседневности (и существовавшие в советский период) и в то же время трансформируемые этой повседневностью.

1) *Традиционалистская социокультурная ориентация.* Для нее характерна приверженность к статическому социальному идеалу, синкретизм, негативное отношение к социальным новациям, стремление по мере возможностей противостоять пришествию новых идеалов и форм жизни и препятствовать эрозии старых идеалов и старых социальных практик.

Традиционализм — отшлифованный тысячелетиями способ выживания и воспроизводства социума. Именно поэтому он столь устойчив и, по большому историческому счету, оправдан. Хотя историческая оправданность и закономерность существования не означает, что традиционалистские алгоритмы отношения к социальной реальности истинны и должны доминировать в современном обществе, которое должно развиваться. В конкретной исторической ситуации баланс между инновацией и традиционализмом труднодостижим, поскольку «почва» традиционализма практически всегда более прочная и широкая, чем почва инноваторства. А длительное смещение

баланса в пользу традиционалистской ригидности чревато накоплением элементов отставания, а затем вынужденным резким — и весьма болезненным для общества именно в силу своей резкости — инновационным скачком.

2) *Утилитарная, прагматическая ориентация.* Утилитарное сознание — реалистично и почвенно, оно не живет представлениями о прошлом, ему присущ определенный динамизм. Его носители готовы формально признать набор транслируемых властью ценностей, даже сознавая их фиктивность, и до известной степени следовать требованиям властной дисциплинарной системы. Причем речь идет как о ситуации, когда социальные отношения меняются быстрее, нежели культура, так и об обратной ситуации, когда архаическая скорлупа социальных отношений противостоит «переросшей» ее культуре, давит на нее, сдерживает ее развитие. Утилитаризм — это адаптация, приспособление, коррекция, выработка навыка пользования вновь возникающими благами и возможностями. Наконец, утилитаризм, как правило, неидеологичен и, соответственно, имеет больше пространства для жизненного маневра и приспособления.

3) *«Продвинутое» либеральное, прогрессистское, постмодернистское и т.п. (не в терминах суть) сознание.* Если говорить о взаимоотношениях с властью, то носители этой ментальности способны как адаптироваться к власти, так и жестко конфронтровать с ней и, наконец, «жить мимо системы». Их культурный и образовательный уровень в целом выше среднего. В отсутствие жесткого идеологического давления, как это было в эпоху СССР, и минимизации контроля повседневной жизни со стороны власти высокая и востребованная на рынке квалификация и вытекающая из нее материальная независимость дают им возможность вполне уверенно плыть в океане повседневности.

Невозможно адекватно обозначить вектор эволюции постсоветской повседневности, если не обратить внимание на динамику и механизмы преобразования российского традиционализма и не высветить пределы его движения в сторону большей утилитарности.

Утилитарный механизм отношения к повседневности, когда индивид осознает фиктивность декларированной (в России, как правило, властью) черты нормальности и в то же время формально принимает комплекс установленных норм и дисциплинарных ограничений, напротив, является одним из социальных амортизаторов, предотвращающих социальные коллизии и конфликты.

Равным образом повседневность является амортизатором конфликта модернизируемой социальности и традиционалистской культуры. Нынешняя российская власть, например, демонстрирует ува-

жение к традиционалистским компонентам ментальности и выстраивает близкие традиционалистскому сознанию схему повседневной теоретизации.

Лучшее, что может ожидать общество при подобной стратегии власти — это адаптация общества к социокультурному противоречию ценой снижения эффективности его функционирования¹⁸¹, что, очевидно, и происходит в современной, постсоветской России.

Типизации в постсоветском обществе: разрушение, обновление, рождение. Очевидно, нам следует обозначить не феноменологическое, а социально-философское понимание проблематики типизаций, в том числе и характерных для постсоветского российского общества. Типизации и создаваемые с их помощью повторяющиеся образцы взаимодействия — если рассматривать феномен не в социально-феноменологическом, а в более широком социально-философском контексте, — это средство преодоления социального дискомфорта, проистекающего из существующих в окружающей индивида действительности и преломляемых его сознанием социокультурных противоречий, Выработка и модификация типизаций как способов классификации объектов и явлений реального мира и образцов, моделей поведения — это, в таком случае, способ адаптации индивида, социальной группы, человеческих множеств к ситуации высокого социального напряжения, порождаемой комплексом длящихся, неразрешенных социокультурных противоречий, форма преодоления социального дискомфорта. Если же посмотреть на типизации с иной позиции видения, проанализировать их в контексте отношений власти, то они являются формами адаптации индивида и социальных групп к дисциплинарным и макротехнологическим воздействиям («вызовам») власти.

Думается, что нуждается в более детальном рассмотрении концепт «разрушения типизации» в постсоветское время, используемый в работах отечественных социальных философов¹⁸². Думается, что воздействие социальных трансформаций 1990-х — начала 2000 гг. на механизмы типизации носит значительно более сложный характер и не сводится к столь односторонним оценкам. В частности, одна из особенностей типизации постсоветского времени заключается не в утрате карлшмиттовской типизации «друг — враг», а напротив, в усилении, в ситуации социальной ломки, неопределенности, негарантированности существования индивида, явлений негативной типизации, т.е. образцов социального поведения, связанных с агрессивностью, нетерпимостью, ксенофобией и т.п., и формирования специфического, адекватного ей ряда обыденных теоретизаций. Иными словами, матрица «друг — враг» не утрачивается, а транслируется в новые сегменты социальных отношений.

Этот процесс, как и степень воздействия на него власти, можно проследить на примерах присущего ментальности значительной части российского общества антиамериканизма, невероятно усилившихся в последнее время антикавказских настроений (установок, типизаций) и типизаций откровенно расистского толка, результирующихся в преступлениях на почве расовой ненависти как в образцах действия (последнее было абсолютно чуждо советскому обществу). Избиения и убийства иностранцев – учащихся российских вузов, особенно с темным цветом кожи, продолжают, более того, их число подобных случаев стремительно увеличивается.

Достаточно очевидно, что антиамериканизм, преобладание негативного образа США в рамках типологии «друг – враг» в ситуации, когда «холодная война» и ядерное противостояние остались в далеком прошлом, сегодня имеет гораздо меньше оснований для существования, чем тридцать-сорок лет назад. Тем не менее интенсивность его не уменьшается, а временами резко возрастает. Видимо, в постсоветском обществе существует своеобразный феномен типизационной инерции, особенно сильной в российской ситуации, одним из параметров которой остается преобладание традиционалистской социокультурной среды, хотя нельзя сбрасывать со счетов воздействие той *концептуальной машинерии*, о которой пишут Бергер и Лукман¹⁸³. С другой стороны, воспроизводство подобного рода типизаций носит, очевидно, компенсационный характер, в них проявляются некоторые индивидуальные и социальные комплексы и реальность, связанная с утратой идентичности. В то же время, на фоне постоянного и непрерывного воспроизводства антиамериканских типизаций, нельзя не заметить несформированности жесткой негативной типизации в отношении современного, международного и внутреннего, терроризма (на что уже обращалось внимание в литературе¹⁸⁴). Однако необходимо проследить истоки и причины этой несформированности. Типизации – это не конъюнктурно-политические схемы, а глубоко укорененные стереотипы восприятия и действия, формировавшиеся иногда годами и десятилетиями. Сегодня руководство России и эксперты по антитеррористическим действиям постоянно апеллируют к длительному позитивному опыту борьбы израильских спецслужб с терроризмом, однако советские типизации «хорошего террориста» и «плохого террориста» живут как благодаря их соотнесенности с определенными матрицами сознания, так и элементарной типизационной инерции.

Антикавказские настроения в России, очевидно, в основном, не инерционны и связаны с изменением социальной реальности после 1991 г.

Наконец, расистские типизации и образцы поведения не являются инерционными ни в какой мере; не являются они в подавляющем большинстве случаев и прямым порождением конкуренции на социальном поле. Расизм является плодом прежде всего социокультурной нетерпимости, а не следствием экономических процессов.

Вместе с тем после 1991 г. возникли совершенно новые для постсоветского человека типизации, повседневные теоретизации, образцы поведения, призванные адаптировать его к новым социальным реальностям, — работе в крупных корпорациях и западных фирмах, частных малых предприятиях — и помочь ему преодолеть культурный шок, связанный с погружением в незнакомую ему социокультурную среду. Не менее острой, хотя и не столь заметной для общества проблемой стала адаптация новых русских бизнесменов к реальностям своего нового существования (анекдоты про «новых русских» стали одним из симптомов процесса типизации и в то же время маркерами социокультурного конфликта: культура акторов нового российского бизнеса никак не соответствовала социальным отношениям, в которые они оказались включены, и все эти анекдоты — о трагикомических попытках преодолеть этот разрыв, адаптироваться — и в то же время о непонимании возможности существования самого этого конфликта)¹⁸⁵. Столь же новыми являются типизации, возникшие в самом конце 80–90-х гг. XX века в сфере бизнеса (в том числе типизированные, а затем объективированные образцы взаимоотношений бизнеса с чиновничеством). Наконец, типизации, укоренившиеся в повседневной жизни постсоветской элиты, — принципиально иные, чем типизации советской номенклатуры.

При этом следует иметь в виду проявление и появление, в условиях рыночной экономики, «новых» типизаций, способствующих адаптации индивидов в «старых», но весьма существенно изменившихся микроструктурах: школе, вузе, поликлинике, больнице, органах государственной и местной власти.

Фундаментальной проблемой (которой мы здесь не будем касаться, лишь отметим ее значение) является формирование в постсоветском обществе типизаций и обыденных теоретизаций, безотносительных действию структур и технологий власти, не являющихся непосредственным «ответом» на вызовы власти, самостоятельно вырабатываемых гражданским обществом, — процесс, вне которого немислима эмансипация гражданского общества от власти и даже движение в этом направлении.

Новая, постсоветская эпоха, безусловно, демонтировала некоторые из прежних типизаций, прежних механизмов адаптации, прежних образцов поведения, ушедших, атрофировавшихся прежде всего

в силу их несоответствия новой реальности и неэффективности при решении проблем социокультурной адаптации и выживания (в самом широком смысле слова, в том числе выживания в качестве фигуры, имеющей определенный социальный статус) индивида.

Типизация любого рода не является универсальным, всеохватывающим образцом действия. Индивид имеет возможность выбора между несколькими укорененными и институционализированными типизациями, представляющими абсолютно различные образцы поведения. И выбор осуществляется на основе и в рамках той матрицы (типа) сознания, носителем которого является тот или иной субъект (традиционалистского, утилитаристского, «идеологического» и т.д.) и с учетом его социальной и интеллектуальной зрелости (скажем, безбилетный проезд в общественном транспорте – распространенный образец поведения для школьников или студентов, но куда реже – для их родителей).

Очевидно, что воспроизводство типизаций не разрешает социокультурных противоречий, представляя собой в основном механизмы вписывания индивидов и групп в ситуацию конфликтной, раздражаемой противоречиями изменяющейся действительности, адаптации к воздействиям власти или ускользания от нее. Тем не менее внедрение новых типизаций, их мультипликация, создание веера возможностей выбора образцов поведения для индивида оказывает влияние как на общую социокультурную ситуацию в обществе, так и на эволюцию механизмов дисциплинарного, властного воздействия.

Более того, акт типизации несет в себе потенциальную конфликтность и часто является началом конструирования социокультурных противоречий того или иного рода. Например, какое-то явление (действие чиновников, инспекторов ГИБДД и т.д.) типизируется индивидом как вымогательство взятки. Однако, как уже говорилось выше, между актом типизации и неким поведенческим актом (который может и, по идее, должен стать образцом действия) существует еще акт повседневной теоретизации. В нашем случае повседневная теоретизация индивида может носить, к примеру, такой характер: доказать я ничего не смогу официальным путем. Единственно разумное – откупиться от представителя власти, как это делают все остальные...

Индивидом с утилитаристским сознанием подобная теоретизация, подводящая к определенным поведенческим образцам, дается легко, традиционалистам и особенно традиционалистам-идеалистам встать на этот путь значительно сложнее (как и приверженцам правовых принципов и идеи прав человека), для них глубокий внутренний конфликт гораздо более вероятен.

Типизация, таким образом, в указанном случае базируется на определенных принципах, презумпции значимости закона. Поведение продиктовано утилитаризмом, представлениями о целесообразности, презумпцией недействия закона и является образчиком жизни «по понятиям».

Постсоветская хабиитуализация. Другой проблемой являются специфические формы осуществления рутинизации (по терминологии М.Вебера) или, что близко, хабиитуализации (в терминах феноменологической социологии).

Хабиитуализация (по Бергеру и Лукману) и веберовская рутинизация – понятия, лежащие в одной плоскости; при этом, однако, веберовское понятие лежит *более чем* в одной плоскости. Бергер и Лукман выстраивают теоретическую схему повседневного мира, которая освобождена от анализа содержательных оснований этого мира – в отличие от Вебера. У Бергера и Лукмана опривычивается некое действие, действие вообще. У Вебера это действие, помещенное в глобальный социокультурный контекст. Например, восприятие протестантской этики как фактор становления классического капитализма.

Рутинизации подвергаются действия, имеющие конкретно-историческую социокультурную составляющую, – у Бергера и Лукмана она, в целях достижения определенных исследовательских задач выведена за скобки. Поэтому по работам Вебера можно изучать историю человечества, а в книге «Конструирование социальной реальности» выстроена лишь предельно четкая внеисторическая схема, в которую одинаково успешно укладывается все, от отношения к инцесту у древних племен до отношений вполне современных сексуальных меньшинств.

Чтобы понять постсоветскую рутинизацию, следует, во-первых, рассмотреть специфику хабиитуализации/рутинизации на поздних этапах развития советского общества, опираясь, в частности, на веберовские идеи и понятия. По Веберу, харизматические идеи превращаются в обычный рутинный порядок вещей после некоего скачка, который прерывает плавное течение повседневности, нарушает непрерывность ее (само)воспроизводства. Если следовать логике Вебера, то последовательная и адекватная рутинизация харизматического начала способна привести к созданию достаточно гармоничной и социальную действительности и имеющего значительный потенциал саморазвития общества. Так, протестантская этика «создала» классический капитализм. При этом веберовское «оповседневнивание» не означает автоматического, линейного, неконфликтного и адекватного восприятия и ассимиляции новаций. Это, скорее, переварива-

ние их, ломание, трансформация, видоизменение, «разбавление» старыми представлениями и предрассудками, обострение или смягчение конфликтов. Во всяком случае, в ничуть не меньшей степени, чем гармонизация жизни.

Достаточно очевидно, что в советском обществе последних двух-трех (во всяком случае) десятилетий его существования, и в частности, в эпоху так называемого «развитого социализма» не было харизматических идей. Вообще, харизматические идеи, способные к диффузии в сферу повседневного бытия людей, к рутинизации, значительно легче обнаруживаются на религиозном поле, чем на светском. А если они вырастают на нерелигиозной основе, то чаще всего принимают форму революционной утопии, воздействие которой на социум выдыхается по мере термидорианской трансформации революции и превращения идеального проекта в материальную, часто консервативную, реальность.

Трансплантация в повседневность псевдохаризматических, псевдомобилизующих идей излета советского периода вела, по сути дела, к их фиктивной рутинизации и псевдолегитимации. Нормальный механизм рутинизации, призванный элиминировать или ослабить остроту социокультурных противоречий в социуме, в позднем СССР уже не действовал. Груз социокультурных противоречий в советском обществе был таков, что породил жесточайший системный кризис и отчаянные, не всегда выверенные и адекватные попытки выйти из него («ускорение», «перестройка» и т.д.).

В этом отношении ситуация не изменилась радикально и в настоящее время. Только цикл, открываемый актуализацией харизматической идеи, продолжаемый ее прорастанием если не в самую толщу повседневности, то в сознание граждан, и завершаемый полной ее девальвацией и отторжением большинством общества, стал значительно короче и потребовал не нескольких десятилетий (как было после 1917 г.), а нескольких лет (скажем, с 1989–1991-го по 1999 г.). В современной России также нет харизматической идеи, которая могла бы быть рутинизирована (тщетные попытки сформулировать сколь-либо значимое подобие национальной идеи лишь подчеркивают это обстоятельство. Зато есть множество не вполне харизматических и совсем не харизматических идей, которые адаптируются и рутинизируются в различных секторах общества. Причем в ситуации социокультурного раскола эта фрагментарная, дисперсная рутинизация не смягчает, а часто усиливает имеющиеся социокультурные противоречия.

Однако если вывести за скобки драматический фактор длящегося столетия социокультурного противостояния, следует признать, что все прочее — отсутствие харизматических идей и фрагментарная, «плюралистическая» рутинизация — присуще в конце XX — начале XXI в. и другим развитым странам, отнюдь не только России. Поэтому социально-философская мысль, как представляется, должна искать не пути возврата к классического типа рутинизации, описанной М.Вебером, а исходя из реальностей XXI в. искать пути и способы тонкого и непростого регулирования тех социокультурных процессов, которые стали реальностью сегодня.

Всякая человеческая деятельность, полагают Бергер и Лукман, подвергается хабиитуализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом и впоследствии может быть воспроизведено с экономией усилий и осознано как образец его исполнителем. Важным психологическим последствием хабиитуализации, по Бергеру и Лукману, оказывается уменьшение различных выборов. Это в большой степени освобождает индивида от бремени принятии, создает стабильную основу для протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени и освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо¹⁸⁶.

В силу каких причин происходит кризис хабиитуализации в современной России? Очевидно, в немалой степени в силу того, что в постсоветской повседневности веер возможных выборов увеличивается. Раньше рабочий был привязан к одному предприятию, где он состоял в очереди на получение квартиры, почти пожизненно или, во всяком случае, до получения жилплощади и не имел возможности менять место работы. Выпускник вуза получал распределение и на три года также был освобожден от мук глобального, жизненно важного выбора. Сегодня нет распределения и нет (за редкими исключениями, например, Москвы) очередей за получение квартир. Траектория человеческой жизни становится более сложной, и на каждом уровне, в том числе и в конечном счете на уровне повседневности, на «самом “дне” общественных отношений»¹⁸⁷, и обрастает множеством разноуровневых и разнозначимых выборов.

Ученый в советское время мог наряду с основным местом работы работать на полставки в другой организации и в качестве почасовика — в третьей. Даже незначительный выход за эти жестко установленные рамки (например, два совместительства) вел к неприятностям, вплоть до наказания по партийной линии. Сегодня тот же самый ученый может работать в НИИ, в двух-трех местах — по совмести-

тельству и еще в трех-четыре преподавать, в одном из них к тому же заведя кафедрой. В каждом из учреждений он является частичкой того или иного микрокосма власти, разделяя с другими его членами повседневность этого микромира. И при этом ученый может писать книги и осуществлять исследования по грантам, так или иначе вписываясь в повседневную жизнь издательств и редакций. Возможности приложения своих сил и способностей расширились. Но обострилась и проблема выбора. Действительно, надо ли сокращать время отдыха и общения с семьей за счет увеличения рабочей нагрузки? Бремя принятия решений, сведенное к минимуму возможностью следовать образцам, возрастает. Осуществление выбора и принятие решений требуют усилий, к которым индивид не готов. Психологическое облегчение уходит, приходит психологическое напряжение и фрустрация. Речь здесь не идет об идеологическом измерении проблемы — какое общество и какая повседневность были «лучше», какие «хуже». Речь идет об изменении параметров социума, которые повлияли на порядок habituализации. Рутинизация изменилась потому, что появился и легитимно существует значительный корпус различных идей; habituализация изменилась в связи с тем, что перед индивидом открылось пространство различных конкурирующих способов действия, в котором завоевать и удержать статус «образца» значительно труднее, чем ранее.

Социокультурное регулирование. Социокультурное регулирование повседневности — это способ если не предотвращения, то определенного смягчения противоречий, проецирующихся в сферу повседневного существования людей, основанный не на насилии власти, на применении властных технологий того или иного рода, не принудительности, не на властном предписании, а прежде всего на использовании интересов и стимулов, создании мотивации, культурной конкуренции, наконец, на управлении социальной составляющей социокультурных противоречий.

Процесс социокультурного регулирования включает воздействие на процессы повседневной типизации и механизмы социальной идентификации, контроль над вектором изменения социальной структуры, стимулирование обыденной теоретизации определенного, приемлемого для власти рода, создание адекватных предлагаемым типизациям поведенческих моделей, смещение грани между повседневным и внеповседневным, вплоть до социокультурной инверсии, поддержка и усиление религиозной составляющей в социокультурном пространстве, внедрение в повседневное, обыденное сознание тех или иных нарративов, воздействие на механизм «норма-

лизации» событий (термин А.Шюца), включение их в знаковую систему повседневности, создание материальных и нематериальных стимулов для определенного рода повседневного поведения (от поощрения некурящих до стимулирования способов демонстрации политического конформизма среди молодежи на повседневном уровне), регулирование структуры интересов, особенно потребительских и т.д.

Социокультурное регулирование может быть связано (а) с растягиванием периода социальных новаций и снижением интенсивности их потока; (б) с попытками воздействия на индивидуальное и групповое сознание с целью приспособить его или помочь ему приспособиться к происходящим социальным трансформациям; (в) с предотвращением нежелательных изменений этого сознания; (г) с предотвращением проникновения нежелательных социальных новаций. Социокультурное регулирование может осуществляться и посредством нахождения некоей меры между дозированием нежелательных социокультурных воздействий и интенсификацией воздействий желательных.

Определенные способы и формы (социо)культурного регулирования вступают в противоречие с технологиями власти, отчасти нивелируют, смягчают их действие. Иначе говоря, акцент на социокультурном регулировании может привести к тому, что станет менее эффективным воздействие технологическое.

Весьма интересная проблема – соотношение и взаимосвязь социокультурного регулирования и культурных инсценировок. Согласно Л.Г.Ионину, нормальный процесс становления культурных форм начинается с формирования социального интереса. Затем происходит его осознание, потом происходит доктринальное оформление этого интереса. Однако в ситуации, когда у подавляющего большинства членов общества утрачена идентификация и, следовательно, более или менее осознанное представление о собственном интересе, этот процесс становления и развертывания культурных форм неизбежно становится иным. Некие культурные формы, существующие в обществе в зародышевом состоянии в условиях отсутствия соответствующего социального интереса, или «свободно парящие формы», предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности. Процесс, таким образом, не начинается формированием социального интереса, и завершается им. Это процесс Ионин и называет процессом культурного инсценирования, или культурной инсценировкой¹⁸⁸.

Прежде всего отметим, что даже идентификация культурных инсценировок в окружающем нас культурном пространстве является порой непростой задачей. Скажем, стилиги – инсценировка или нет?

Л. Г. Ионин характеризует стилияг как носителей некоторой новой стилистики жизни, противостоящей официальной¹⁸⁹, и это, конечно, вполне справедливо. При этом практические все параметры движения стилияг (форма одежды, постоянность траекторий перемещения и привязка к определенным точкам в топографии города и т.п.) соответствуют параметром «культурной инсценировки», которое известный культуролог, социолог и философ весьма подробно раскрывает в своей книге «Социология культуры»¹⁹⁰.

В контексте нашего анализа нас интересуют, прежде всего, культурные инсценировки власти и их место в практиках социокультурного регулирования как определенной альтернативы макротехнологическим воздействиям и дисциплинарным практикам власти. Как представляется, власть располагает практически неограниченными возможностями для вбрасывания в социум культурных форм, за которыми, в момент их представления социуму, не стоит никакого оформленного социального интереса (не говоря уже о *коллективном* интересе) и осуществления тем самым программ культурного инсценирования.

И здесь крайне важно определить: а собственно, *чей социальный интерес* заложен и реализуется в предлагаемых и продвигаемых властью посредством социокультурных инсценировок формах? Неких социальных групп, мятущихся в отсутствии осознанных интересов и нуждающихся лишь в форме, чтобы их институционализировать? Или же неких акторов власти, предлагающих эти формы? Скажем, такая форма, как комсомольская свадьба, — это «свободно парящая» форма, призванная ответить на какие-то интересы социальных групп? Или это нечто, отвечающего интересу власти, а для тех-кто-под властью — это своеобразная культурная ловушка? Безалкогольная свадьба, мертворожденное дитя горбачевской антиалкогольной кампании, — это форма, которая улавливает коллективные интересы, растворенные в ткани социальности, не оформленные, но потенциально оформляемые? Или некая культурная фикция власти? Собственно, мы лишь пытаемся аргументировать мысль, что за некоей культурной формой, предлагаемой социуму в процессе инсценировки, вполне может стоять только интерес власти и никакой иной (при том, что специфика нашей проблематики просто обязывает нас жестко дифференцировать властный интерес и интерес социальный). И что в данном случае есть основания говорить об инсценировках в самом прямом смысле слова, поскольку во властных проектах культурного инсценирования можно идентифицировать авторов идеи, дирижеров и участников акта инсценировки, ее, так сказать, субъектов.

Наконец, следует заметить, что в контексте ионинского понимания инсценировки культурной формы как попытки поиска идентичности, составной части процесса обнаружения и осознания индивидов собственного интереса как индивида и как члена группы¹⁹¹ вполне возможно использование той или иной маргинальной культурной формы именно для самоидентификации индивида в качестве человека сопротивляющегося, нон-конформиста, индивида, независимого от власти и ее эманаций. Это, безусловно, может рассматриваться и как идентификация, и как социальный интерес — и как акт социокультурного сопротивления.

При всей разумности вектора движения от жестких макротехнологических способов воздействия на повседневность к социокультурному контролю и регулированию надо осознавать, что смягчение ограничений означало эрозию технологий запрета и потенциальный подрыв властью неких оснований собственного существования. Иными словами, если власть делает ставку на социокультурное регулирование, она должна меняться сама, становясь все менее «макротехнологичной». Меняться таким образом, чтобы основой ее воспроизводства и условием ее выживания становились не жесткие макротехнологии, а действие более сложных многоуровневых дисциплинарных и регулятивных механизмов. Способна ли власть на подобное самообновление — большой вопрос.

Для поздней советской и российской власти обращение к тем или иным элементам стратегии социокультурного регулирования было не осознанным, а реактивным актом. Социокультурное регулирование возникает как реакция на неэффективность жестких ограничительных и запретительных технологий в сфере культуры и повседневности — и как следствие осознания властью этой неэффективности. В свою очередь, рецидивные обращения к жестким технологиям власти, вторжения в повседневность с теми или иными императивами, претендующими на элиминирование или реструктуризацию тех или параметров повседневного существования людей, являются результатом неудовлетворенности власти результатами стратегии регулирования. К подобным рецидивам можно, в частности, отнести антиалкогольную кампанию 1985 г. и, что главное, методы и технологические инструменты, при помощи которых осуществлялись постулированные цели.

Существенной проблемой является определение адекватных и реалистичных пределов социокультурного регулирования, в частности, сферы повседневного существования людей, в современном обществе с развитой социальной инфраструктурой и обладающими про-

мадными возможностями воздействия на сознание людей электронными СМИ. Чрезвычайно важно наметить пути выработки механизмов культурной интеграции российского общества (рассматривая последнее не столько как достижимую в обозримом будущем цель, сколько в качестве необходимого для сохранения страны процесса). Наконец, следует обеспечить возвращение власти в повседневность там, где ее присутствие необходимо и откуда она ушла, и элиминации дезорганизующих эффектов властного вмешательства там, где это вмешательство пагубно для социума. Столь же необходимо осовременивание способов и механизмов властного дисциплинирования, без чего сложно представить себе переход от общества авторитарного к демократически выстроенному гражданскому обществу.

Глава 2. Трудкоммуна. Фабрика автоматической дисциплины

Проблемы нынешней, постсоветской России, ее фундаментальные отличия от западного и, в более широком смысле, от так называемого цивилизованного мира обусловлены многими факторами. Один из них — генетика механизмов власти и особенности российского властного пространства. Если взглянуть на исторические судьбы России с этой точки зрения, то можно заметить, что Россия или практически не прошла, или прошла в очень специфических формах фазу формирования дисциплины как типа власти и, естественно, не сформировала дисциплинарного общества, в котором преобладает не власть-насилие, а власть, опирающаяся в первую очередь на систему многообразных, переплетающихся дисциплинарных практик. Однако ограниченность сферы действия дисциплинарных технологий в российском пространстве не означает их отсутствия, в том числе и в послеоктябрьский, советский период. Данная статья посвящена анализу одного из наиболее значимых постреволюционных экспериментов в этой области.

Ячейка общества

Двум учреждениям, руководимым в свое время известным педагогом А.С.Макаренко, — колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского — в советское время было посвящено огромное количество исследований и публикаций. Однако в них созданные Макаренко

структуры, как правило, исследовались в педагогическом аспекте, с точки зрения средств и методов воспитания и «перевоспитания», педагогической теории или с точки зрения идеологической («воспитание нового человека»). Между тем, если изменить позицию видения и рассмотреть эти воспитательные учреждения с точки зрения сформировавших их и воплощенных в них реальных технологий власти, можно идентифицировать и описать некую архетипическую, адекватную постреволюционной эпохе техноструктуру, своего рода идеальную модель определенного технологического, т.е. властного механизма.

Далее речь пойдет в основном о трудкоммуне им. Дзержинского (Харьковская детская трудовая коммуна им. Ф.Э.Дзержинского, созданная в 1927 г. как Первая коммуна ГПУ УССР), поскольку сложившиеся в ней технологические практики подробно описаны в теоретических работах А.С.Макаренко, прежде всего в лекциях «Проблемы школьного советского воспитания». Кроме того, именно коммуна им. Дзержинского в максимальной степени воплотила социальный идеал Макаренко, все то, к чему он стремился и чего он сумел достичь в течение 16 лет работы.

Коммуна им. Дзержинского, как и созданная Макаренко ранее колония им. Горького, была именно ячейкой *общества*, вполне нормальным социумом, а не *исправительным заведением*, местом отбывания наказания для малолетних правонарушителей или беспризорных, *изолированных* от общества. Достаточно сказать, что в ситуации, когда совместное (юношей и девушек) воспитание в колониях для правонарушителей было повсеместно запрещено, колония им. Горького была единственной в Союзе, где проводился опыт именно совместного воспитания. Наконец, жизнь в коммуне была многомерной, она (в отличие от школы, завода, воинской части) охватывала все основные стороны жизни, по цепочке: школьное обучение — воспитание — производство — «культурный досуг».

Как стало возможно появление в унифицирующем советском пространстве власти такого действительно уникального (не с точки зрения идеала и намерений, а с точки зрения реального результата) феномена, как трудкоммуна им. Дзержинского? Очевидно, что создание микросоциума «типа коммуны» могло стать реальностью только в ситуации, когда у ее руководителя были развязаны руки и имелась определенная свобода для эксперимента (хотя, возможно, не абсолютная, ибо руководитель был в определенной степени ограничен формальными инстанциями типа Наркомпроса и легитимированной властью педагогическими принципами и практиками). Коммуна им. Дзержинского по сравнению с иными подобными учрежде-

ниями была на особом положении: она не являлась, как сказали бы сегодня, бюджетной организацией (в отличие от колонии им. Горького, где, как отмечает Макаренко, «все-таки была смета»). Коммуна, как дипломатично пишет сам Макаренко, «была организована в несколько благотворительном стиле»¹⁹². Для нее было выстроено новое, замечательное по тем временам, здание, где были классные комнаты, спальни, ванны, душевые и т.д. (хотя не было предусмотрено серьезной производственной базы, не было участка земли, где можно было бы устроить огород, и не было *сметы*). В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили сотрудники украинского НКВД (*украинские чекисты*, как пишет Макаренко) из своей зарплаты в размере 0,5% в месяц. Это давало около половины средств, необходимых для нормального ее функционирования, — вторую половину следовало заработать. Но даже в этих условиях чекисты не обращались в Наркомпрос с просьбой дать им средства и помочь содержать коммуны¹⁹³.

Очевидно, что финансовая независимость коммуны им. Дзержинского от Наркомпроса и, что не менее важно, поддержка украинского (и, вероятно, центрального, союзного) НКВД давали Макаренко известную свободу маневра и возможности для радикальных педагогических и социальных, «жизнеустроительных» экспериментов, ибо многое из того, что он делал (в частности, существовавшая в коммуне система наказаний), коренным образом противоречило канонам тогдашней педагогической науки. И именно этот поддерживаемый и патронируемый НКВД социум стал, как это ни покажется парадоксальным, прообразом идеального социалистического микросоциума, можно сказать, идеальной ячейки идеального общества будущего.

Иными словами, процесс воспитания в коммуне определялся не набором советских/коммунистических идеологических догм; скорее, выстраивание дисциплинарной модели коммуны было, говоря словами Мишеля Фуко, одновременно и техникой власти, и процедурой познания: это была именно та ситуация, где требовалось и организовать множество, и обеспечить себя инструментом для его отслеживания и обуздания¹⁹⁴.

Прежде всего следует отметить, что в силу возраста коммунаров (от 8 до 18) и в отличие, например, от Болшевской трудкоммуны в этом микросоциуме отсутствовала семья как «ячейка общества», проникновение в которую извне в любом социуме, в любой технологической системе, при любом политическом режиме ограничено. Правда, эта черта была в равной мере присуща всем учреждениям подобного типа.

Коммуна формировалась на основе принципа принудительной концентрации. Факты волонтаристского приема, т.е. включения индивида в микросоциум без направления органов образования, волевым решением руководителей или коллектива, были редким исключением. Хотя некоторые возможности влиять на качество/характер контингента, коллектив и руководство коммуны имели место, например, в ходе облавы, где участвовали коммунары, они могли снять с крыши поездов стоящих, *боевых* «пацанов», а не слюнявых и сопливых¹⁹⁵.

Равным образом неоднозначным был механизм выхода или исключения из коммуны. Нередко (в учреждениях, возглавлявшихся Макаренко, гораздо реже, чем в других колониях или коммунах) колонисты/коммунары просто бежали из воспитательного учреждения¹⁹⁶; однако даже в этой ситуации исключение из колонии/коммуны было самым суровым наказанием, которое имели право наложить на коммунара (или воспитанника) общее собрание или начальник коммуны. Подвергнутый подобному наказанию человек, как это явствует из текстов Макаренко, мог быть либо отправлен из коммуны «на все четыре стороны», либо переведен в другое воспитательное учреждение.

Оценка тяжести проступков, в том числе проступков, за которые коммунары мог быть исключен, была достаточно своеобразной: за такое преступление, как мелкое воровство, в коммуне вообще не наказывали, а за первый же случай пьянства следовало немедленно исключение (хотя употребление вина и пива было разрешено в «увольнительных», не на территории коммуны)¹⁹⁷.

Право решения судьбы коммунара принадлежало коллективу, его общему собранию (которое оказывалось таким образом одновременно и объектом и *коллективным агентом* власти). Культ коллектива, презумпция того, что коллектив неизмеримо выше личности, идет от новой политической власти, он *идеологичен*. (Примечательно, что презумпция непогрешимости коллектива оставалась неизменной даже тогда, когда последнее слово на общем собрании оставалось за «старшим вором», как было, судя по документам, в Саровской коммуне¹⁹⁸.) Но коллектив здесь – псевдоним общества, общество – псевдоним государства, государство («диктатура пролетариата») – не более, чем деликатное наименование существующего политического режима, последний же камуфлирует вполне определенную систему технологий властвования. Поэтому сознательное выступление против коллектива, отказ личности подчиниться коллективу расцениваются как *самый* тяжелый проступок, ибо это по сути своей – бунт против власти¹⁹⁹.

В коммуне был введен принцип коллективной ответственности, который мы находим еще в монгольском войске, поработившем Русь, и в особенности в русской сельской общине, коллективно отвечающей за каждого из своих членов по части уплаты податей, осуществления рекрутской повинности и т.п.: отряд несет ответственность как целое за проступки каждого из своих членов («отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл»). В то же время действовал принцип индивидуальной ответственности за коллектив: если отряд плохо производил уборку, садился под арест только командир отряда. (Здесь следует напомнить, что «арест» был в значительной степени условным, символическим наказанием: «арестованный» отбывал наказание, занимаясь в кабинете начальника коммуны²⁰⁰.) Таким образом, принцип индивидуальной ответственности вытеснялся на периферию социальности. Ответственность как матрица сознания коммунара воспитывалась жестко, под сильным прессом «первичного» и «общего» коллектива, но при этом индивидуальное наказание далеко не всегда было следствием индивидуального проступка, и наоборот.

На примере коммуны им. Дзержинского отчетливо видно, как некий локальный закон, некий *правовой* — во всяком случае, в контексте организации жизни в коммуне — принцип (коллективная ответственность), а также определенные форма и способ наказания реинтерпретируются таким образом, что утрачивают рациональную связь с актом нарушения, не являются уже (во всяком случае, в первую очередь) ни способом непосредственного воздействия на преступившего закон и определенный свод норм общежития, ни способом его воспитания как субъекта, индивида, в конце концов, как объекта воздействия власти — они служат созданию и воспроизведению определенной технологической структуры, определенной системы властных технологий, все более сложному, многомерному упорядочиванию индивидов, производству все более совершенных «единиц» власти. Наказание командира отряда за мусор в спальне, который оставил на полу кто-то другой, и оставление без наказания этого другого создает и воспроизводит технологическую структуру, которая обеспечивает воздействие на *всех*, причем более жесткое и эффективное, чем это могло бы быть достигнуто суммой воздействий на *каждого* в связи с огромной совокупностью частных конкретных проступков.

Это значит, помимо всего прочего, что предметом упорядочивания служат не только индивиды, но специфическим образом организованные группы индивидов, именуемые *коллективами*. Это, помимо всего прочего, отличает попытки создания нового типа дисциплинарного пространства, адекватного идеальному обществу, где нет

частной собственности. И в этом — одно из наиболее существенных отличий дисциплинарной структуры, созданной Макаренко, от «классических» дисциплинарных моделей, описанных, в частности, Фуко, в этом проявляется и ее революционность, и утопизм.

Цель воспитания

Любопытны суждения Макаренко о целях воспитания — действительно, зачем, ради чего выстраивается весь этот сложный, порой изощренный, порой циничный механизм управления и контроля? Целью, как это следует из теоретических работ Макаренко, является не формирование сознания, убеждений, подготовки квалифицированных трудовых кадров и т.д. Вернее, все это имеет место, но главным является иное: «*Результатом воспитания является именно дисциплина*»²⁰¹ (курсив наш. — *Авт.*). Именно так — не средством воспитания, а результатом. Коммуна производит именно *дисциплину*, создает дисциплинарное пространство, которое научает индивида существовать в *любом этого типа* дисциплинарном пространстве и приспособливаться в глобальном дисциплинарному пространству (хотя и у Макаренко можно найти немало «правильных» и достаточно стандартных высказываний о том, что целью воспитания является «программа человеческой личности», убеждений и т.д.). Ведь глобальное пространство власти, созданное после революции, — это пространство предельно авторитарное, с детально регламентированными правилами пребывания в нем, с весьма жесткой дисциплиной, и не столько с дисциплиной сознательной, сколько с дисциплиной принуждения; это пространство, где может существовать и где может чего-то добиваться только сурово дисциплинированный индивид: «Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории (речь здесь идет уже об истории страны, а не трудкоммуны. — *Авт.*) связаны с великолепным блеском дисциплины»²⁰², — пишет Макаренко. Проблема, однако, заключается в том, что дисциплина и присущее авторитарным системам подчинение включенных в них индивидов — далеко не одно и то же, и авторитаризм требует не столько тщательно проработанные дисциплинарные пространства «типа коммуны», сколько совершенно по-иному организованное (и имеющее принципиально иную генетику) *гулаговое пространство* (использую здесь термин В.А.Подороги).

Коммуна им. Дзержинского — это своего рода фабрика по производству дисциплины, или, если хотите, дисциплинарных технологий. И эти технологии, по идее, должны целиком соответствовать тех-

нологической структуре, сформировавшейся в глобальном пространстве власти, в макропространстве. При такой интерпретации дисциплины не удивительно, что в повседневная жизнь в коммуне напоминала ежедневный быт милитарных социумов. «Мой коллектив был военизирован до некоторой степени»²⁰³, — замечает Макаренко. Прежде всего, в коммуне вводится присущее армейской жизни единоначалие: «В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие»²⁰⁴ — и принцип *безусловности приказов*. Распоряжения коммунара, облеченного в данный момент теми или иными полномочиями, не обсуждались и не ставились под сомнение независимо от возраста, статуса этого коммунара или правомерности, «справедливости» приказов. (Ср.: «Тщательно рассчитанное соединение сил требует четкой системы командования. Вся деятельность дисциплинированного индивида должна перемежаться и подкрепляться приказами, эффективность которых определяется краткостью и ясностью. Приказ не надо ни объяснять, ни даже формулировать: достаточно того, чтобы он вызывал требуемое поведение»²⁰⁵).

Макаренко считал необходимым заимствовать нечто из военного быта, особенно из быта Красной Армии, считая *эстетику* военизации чрезвычайно полезной для детского коллектива. При этом он делает чрезвычайно любопытное, в контексте наших попыток установить некое реальное, а не мифическое, соотношение между идеологией и технологиями власти, признание: оказывается, на протяжении 16 лет работы он, игнорируя упреки в использовании антипедагогических приемов и даже то, что его называли жандармом и Аракчеевым, не отказывался от «военизации». «Только на 16-м году я нашел у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация. И когда я показал это людям, которые называли меня жандармом, они просто онемели»²⁰⁶. Иными словами, в отличие от доктринеров, которые шли в решении воспитательных проблем «от идеи», Макаренко шел, так сказать, от реальности, стремился обеспечить создание и воспроизводство эффективно действующего технологического механизма, проверяя его эффективность на практике и лишь для нейтрализации идеологически ангажированных оппонентов ссылаясь на классиков марксизма.

Военизация проявлялась также в использовании военной терминологии: «командир отряда», а не «бригадир» и т.д. — и милитарного типа ритуалов. Отчет командира или дежурного именовался рапортом. Когда командир отдает рапорт, он должен салютовать, начальник коммуны не имеет принимать рапорт сидя и должен встать, и все присутствующие должны салютовать. Никто также не имел права раз-

говаривать сидя с дежурным командиром, и никто не имел права возражать ему в какой-либо форме. Для общего собрания сигнал давался на трубе. После этого оркестр на балконе играл три марша. Когда кончался третий марш, начальник коммуны должен был быть в зале и скомандовать: «Встать под знамя! Смирно!» — и после этого вносили знамя. Все встают, оркестр играет специальный знаменный салют и т.д. При этом знамя должно быть *богатым* и прекрасным.

По существовавшей в коммуне традиции *знаменщик* и его ассистенты выбирались общим собранием из лучших колонистов, выбирались «до конца жизни» в коммуне; знаменщика нельзя было наказывать никакими наказаниями, знаменщики имели отдельную комнату, лишний парадный костюм, и когда они стояли со знаменем, их нельзя было называть на «ты». Если в комнате, где стоит знамя, надо было сделать ремонт и перенести знамя в другое помещение, то это нельзя было сделать иначе, как построив весь коллектив и под оркестр торжественно перенеся знамя. Наконец, когда коммунары совершали походы или поездки по стране и останавливались на ночлег, у знамени, днем и ночью, устанавливался караул... Точно так же караульный, с настоящей, исправной, хотя и не заряженной винтовкой стоял при входе в коммуну, приводя в ужас инспектирующих учреждение дам из Наркомпроса.

Очевидно, что Макаренко, интуитивно или опытным путем, вычленил и отработал те механизмы военной дисциплины, которые являются универсальными для любого высокоорганизованного дисциплинарного пространства. Фуко, между прочим, констатировал, что, наряду с военной стратегией, понимающей войну как метод ведения межгосударственной политики, существует тщательно разработанная военная и политическая тактика, в соответствии с которой государства осуществляют контроль над индивидуальными телами и силами. Наряду с мечтами историков и юристов о совершенном обществе, приписываемыми обычно историкам и юристам, пишет Фуко, была и военная мечта об обществе: она была связана не столько с естественным состоянием, сколько с детально подчиненным и прилаженными колесиками машины, не с первоначальным договором, а с постоянными принуждениями, не с основополагающими правами, а с бесконечно возрастающей муштрой, не с общей волей, а с автоматическим послушанием²⁰⁷.

Макаренко придавал большое значение такому элементу военной культуры, как форма, причем форма, предназначенная для детей, должна быть очень красивой. («Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шел по этому направлению, но меня

подстригали»²⁰⁸.) В коммуне была введена форма с золотыми и серебряными вензелями и расшитыми тубетейками. И наконец примечательное резюме соображений по поводу формы: «Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50% у вас в руках»²⁰⁹.

Роль наказания. Дисциплинарная запись. Ранжирование

Во многих отношениях практика А.С.Макаренко с его техникой беспощадности²¹⁰ и твердым, выработанным долгим педагогическим и административным опытом представлением о том, что без наказания процесс воспитания вообще невозможен (не будем здесь говорить о том, правильно это представление или ложно, — данный педагогический сюжет явно находится за пределами проблематики настоящего исследования), как это ни покажется парадоксальным, близка к идеологии «Домостроя», где наказание за провинность интерпретируется как долг домохозяина (разумеется, у Макаренко речь идет о беспощадности педагогической и дисциплинарной логики, а не физической беспощадности — в отличие от «Домостроя», где последовательная логика наказания ведет к разной по строгости «учебе», вплоть до «сокрушения ребер»). Протицируем один из основополагающих с этой точки зрения тезисов: «Нужно установить, что такое наказание. Я лично убежден, что наказание — не такое большое благо. Но я убежден в следующем, что *там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать* (выделено нами. — Авт.). Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т.е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждения говорят, что он должен наказать, он не имеет право отказаться от наказания»²¹¹. Еще раз подчеркнем: такая позиция находится совершенно в традиции «Домостроя», т.е. в традиции технологической организации русского микрокосма (в данном случае это простая констатация, а не оценка), что свидетельствует об определенной преемственности созданного Макаренко идеального дисциплинарного пространства с некоторыми традиционными для России микропространствами власти. Кроме того, заметим, что макаренковская техника беспощадности предполагает ту же самую технологическую предельность, доведение логики технологической акции или логики технологического (суб)пространства до конца, которая была присуща российской тюрьме.

Самый тяжелый проступок в коммуне им. Дзержинского — отказ подчиниться коллективу, восстание против коллектива, когда «личность сознательно выступает против коллектива, отрицая... его власть»²¹². Это куда более тяжкий грех, чем воровство и вообще что угодно. Такое *неподчинение* исключало «мелкое наказание». И здесь мы можем констатировать сходство принципиальных технологических посылок образцового социалистического социума с «Домостроем» — вспомним постулируемую им ценность индивидуального раскаяния и общеизвестное «повинну главу и меч не сечет».

Не следует думать, что в коммуне им. Дзержинского дисциплина была лишь *средством* выполнения производственных задач или воспитания. При всей прагматической полезности дисциплины она была ценностью независимо от посторонних целей, она была ценностью *сама по себе* и сама по себе была *целью*. Не случайно в дисциплинарном пространстве коммуны был столь слаб момент рациональный и столь силен момент ритуальный, и не случайно Макаренко столь настойчиво подчеркивал значение «способов чисто механических» в укреплении дисциплины²¹³. «Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что на первых порах не могу убедить их ни в чем. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы»²¹⁴.

Одним из самых характерных способов такого механического дисциплинирования является постоянная, пунктуальная письменная фиксация проступков коммунаров, даже самых незначительных (если мальчик ходил по классу, в его карточке будет отмечено, что он такого-то числа ходил по классу). Приведу еще одно характерное высказывание Макаренко: «...Для дисциплины огромное значение имеет учет, а я ни у одного директора (в школах, которые он посетил. — *Авт.*) в кабинете не нашел картотеки. Как можно руководить тысячей двумястами детей, если нет картотеки!... У нас должны быть карточки, учет»²¹⁵. Эта картотека велась Макаренко скрупулезно и педантично.

Все это заставляет вспомнить известный тезис Фуко о «власти записи» как существенно важной детали механизмов дисциплины: «превращение реальных жизней в запись более не является процедурой создания героев; оно оказывается процедурой объективации и подчинения»²¹⁶.

Кроме того, у Макаренко было образцово налажено соревнование между отрядами по множеству формальных показателей, что являлось уже не только формой учета, но и формой оценки, причем формальной, официальной, и также *письменной*. В сущности, *соре-*

нование — это специфический способ ранжирования, которое, по Фуко, является одной из основ дисциплинарной структуры. «Дисциплина, — пишет Фуко, — искусство ранга и техника преобразования размещений. Она индивидуализирует тела посредством локализации, которая означает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений»²¹⁷.

Вера в эффективность подобного «искусства ранжирования» была присуща для власти на протяжении всего советского периода, может быть, за исключением первого послеоктябрьского десятилетия, хотя на излете этого типа власти соревнование как тип ранжирования превратилось в основном в формальную и малоэффективную с точки зрения отправления власти технологию.

Дисциплинарная утопия

То, что Макаренко пытался создать именно идеальное *дисциплинарное* пространство, подтверждается и бросающейся в глаза (особенно в СССР 1930-х годов) неидеологизированностью этого пространства; коммуна им. Дзержинского — это своего рода пространство чистой дисциплины. В теоретических трудах Макаренко (в отличие от его газетных статей) очень непросто найти какие-то выходы из педагогики в идеологию и политику (за исключением ничего не значащих банальностей), какие-либо свидетельства того, что идеологическая индоктринация занимала сколь-либо существенное место в жизни коммуны. В этом, кстати, ее сходство со старой гимназией и со студенческим общежитием советских времен. Дисциплинирование при помощи машин власти достигается принципиально иными средствами, чем идеологическая обработка, «формирование коммунистических убеждений» и т.д.

И если, по Фуко, дисциплина не имеет никакой другой цели, кроме создания для власти пространства бесконечных операций с человеческим телом, то в коммуне им. Дзержинского была достигнута именно эта цель.

Дисциплинарная утопия Макаренко могла быть осуществлена лишь в условиях бесплатного труда (колоссальные затраты времени на поддержание идеальной чистоты, стирание пылинок, огромные оранжереи, дающие возможность постоянно иметь в коридорах и на лестницах свежие цветы, и т.д.). Коммунары не получали заработной платы и, по убеждению Макаренко, не должны были ее получать.

Лишь в последние годы работы Макаренко в коммуне им. Дзержинского под сильным давлением педагогических кругов для коммунаров была введена заработная плата.

При этом Макаренко прекрасно понимал роль материальных стимулов: «Деньги в Советской стране могут быть прекрасным воспитателем, прекрасным педагогом»²¹⁸ — данный афоризм принадлежит, как это ни парадоксально, ему. Но способ надления (другое слово трудно подобрать) коммунаров деньгами должен был соответствовать не общепринятой советской практике, не догмам, в значительной степени идеологическим, педагогической наукой того времени — он должен был органически вписываться в дисциплинарную модель. И зарплату коммунаров переводили на сберкнижку, только часть ее выдавая на руки в виде карманных денег перед выходом в город или посещением театров. Это делалось втайне от контролирующей деятельности коммуны инстанций, согласно которым воспитанники подобных заведений карманных денег иметь не должны в принципе. Причем, вполне в духе всепроникающей дисциплинарной утопии, возле автобуса, на котором очередная группа отправлялась в городской театр, стоял дежурный, проверявший наличие трех вещей: билета, выходного костюма и одного рубля денег. Отсутствие одного из этих трех компонентов автоматически закрывало коммунару возможность выхода за пределы коммуны.

Тотальность микрокосма

Чрезвычайно важно отметить, что в трудкоммуне Макаренко в полной мере проявляется *тотальность* российского микрокосма, вполне обозначенная уже в нормах «Домостроя»: микросоциум стремится заместить, заменить собой целый мир, обеспечить полноту локализации индивида самым прямым, простым путем, т.е. привязав его к себе и максимально ограничив связи с внешним миром. Это дает возможность предельно жестко контролировать его повседневное существование из одного «центра» (не случайно понятие «центр» употребляется Макаренко даже по отношению к первичному коллективу — производственной бригаде; естественно, это бригадир²¹⁹).

Макаренко с глубоким осуждением описывает практику, когда в одном районе города существует районный пионерский городок в парке культуры и отдыха, «отдельный дом» имени Павлика Морозова и этом же районе — 13 школ. Эти три учреждения, пишет Макаренко, «растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет кол-

лектива. В школе он в одном коллективе, в семье — в другом, в пионергородке — в третьем, в доме Павлика Морозова — в четвертом. Он бродит между коллективами и может выбирать утром один, вечером другой, в обед — третий»²²⁰.

Против такой практики Макаренко восстает, он обозначает ее как «очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные»²²¹; по его глубочайшему убеждению, ребенок *должен быть лишен возможности выбирать*. Комсорг одной из школ заявил: «Мы не будем пускать наших девочек в ритмический кружок» (пионерского городка), и, по Макаренко, этот комсорг совершенно прав. Когда одного из коммунаров, посещавшего кружок арктических исследований в Харьковском дворце пионеров, дворец премировал поездкой в Мурманск, общее собрание коммуны им. Держинского не отпустило его, и опять-таки, согласно педагогической теории Макаренко, поступило абсолютно правильно. Наконец, Макаренко, побывавший в нескольких оздоровительных детских лагерях под Москвой и нашедший, что это прекрасные учреждения, высказал недоумение тем, что здесь собираются дети из разных школ: «Мальчик состоит в определенном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе»²²².

Правильное воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Таким коллективом должна быть школа, но не такая школа, которая как бы распадается на отдельные классы, а школа — единый коллектив, где каждый член коллектива чувствует свою зависимость от *целого*. Школа должна стать таким коллективом, который, не отменяя, например, дворцов пионеров или детских клубов, осуществляет в них организацию работы (и следовательно, контролирует учащегося постоянно, даже вне ее стен).

Тотальность микрокосма власти «типа коммуны» обеспечивалась и другим способом, а именно созданием первичных, малых коллективов как уменьшенной копии большого коллектива. Первичные коллективы не должны иметь никаких интересов, отличных от интересов целого. На протяжении длительного времени Макаренко экспериментальным путем искал ту первичную ячейку, которая может стать изначальным «кирпичиком» микросоциума. Работая в школе и посещая многие другие школы, он установил, что «в некоторых школах... класс завершает коллектив школы, и целого коллектива школы иногда и не наблюдается»²²³. Поначалу у Макаренко не было такого «естественного первичного коллектива», каким является класс. Затем, когда в коммуне было развернуто десятилетнее образование, Макаренко получил возможность, как он сам пишет, «основываться на первичном коллективе типа класса». Но он не пошел по этому пути,

поскольку «класс объединяет детей в постоянной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от общего коллектива в границах отдельных классовых интересов»²²⁴. Равным образом Макаренко отказался от возможности построить коммуну по принципу производственной бригады. Как и класс, бригада «всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, *уединиться* (Макаренко широко использует это словечко, причем придает ему негативный оттенок. — *Авт.*) в своих интересах первичного коллектива»²²⁵ (курсив наш. — *Авт.*). Первичный коллектив как бы *поглощает* интересы общего коллектива. Даже увлечения, такие, как, скажем, катание на коньках, замыкает увлекающихся «в чем-то отдельном, обособленном». В новом же социуме должны быть ликвидированы все частные, групповые интересы, даже если это не индивидуальные, а коллективные частные интересы.

Вот почему Макаренко в конце концов остановился на *отряде* как на форме первичного коллектива, базовой ячейке микросоциума, формируя при этом отряд из школьников разных классов (и, следовательно, разного возраста) и работников разных производственных бригад. В попытке достигнуть однородности микросоциума на всех уровнях была отвергнута даже попытка формировать отряд из ребят одного возраста. «Коллектив, составленный из ребят одного возраста, — констатирует Макаренко, — всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива»²²⁶. В коммуне им. Дзержинского, как уже было сказано, были дети от 8 до 18 лет, ученики классов от первого до десятого, и аналогичной должна была быть и возрастная структура каждого отряда.

В сущности, все это вполне соотносимо с классическими, отфильтрованными историей методами создания совершенной дисциплинарной структуры, гибкой и тонкой проработки социального пространства. Фуко заметил, что создание совершенной дисциплины побуждает избегать распределения по группам, не допускать укоренения коллективных образований, раздроблять смутные, массовые или ускользающие множества²²⁷. Пределом осуществления этого императива является, по Фуко, монашеская келья. Но там, где этот идеал заведомо не достижим (как в коммуне им. Дзержинского), решением могло быть только создание наиболее аморфных, неспецифированных и универсальных групп-общностей — типа макаренковского отряда.

Еще Руссо представлял себе совершенное общество как социальный организм, совершенно прозрачный для его членов. Макаренко, в сущности, удалось добиться этого – естественно, на микроуровне, ибо никакой, самый обстоятельный и скрупулезный доклад дежурного на общем собрании не мог сделать прозрачными для членов коммуны то, что происходило в окружающем макропространстве. Вся дисциплинарная система Макаренко была ориентирована на то, чтобы сделать микросоциум прозрачным. Примечательно его мнение о том, кто в созданном им социальном пространстве представляет наибольшую опасность. В начале своей педагогической работы, Макаренко совершал, как он полагал позже, «обычную ошибку», обращая особое внимание на тех, кто выпадает из коллектива, тех, кто крадет, хулиганит, идет против коллектива, стремится убежать и т.п. Но затем он изменил стратегию, сделав вывод, что «наиболее опасным элементом» в его воспитательной работе является не тот, кто обращает на себя внимание, а тот, кто от воспитателя *прячется*²²⁸. Прячущиеся – это те, кто стремится ускользнуть из поля зрения власти, сделать свою жизнь непрозрачной. И именно это, а не грубые и очевидные всем нарушения дисциплины служит поводом для беспокойства того, кто персонализирует собой «центр дисциплинарного пространства», этого alter ego *наблюдателя-в-башне* из бентамовского паноптикума: «в дисциплине именно субъекты должны быть видимыми»²²⁹.

Изолят в макропространстве

Технологическая жесткость макропространства не воспроизводится в структуре коммуны непосредственно, а сохраняется в социальном опыте ее членов как своего рода *imprinting*, как потенциальная угроза и внешний фактор дисциплинирования. Именно в контексте этого опыта чистое дисциплинарное пространство, созданное Макаренко и формально открытое для выхода из него, оказывается для включенных в него индивидов привлекательнее, чем «большое пространство», пронизанное технологиями насилия и принуждения.

Коммуна им. Дзержинского существовала в относительно изолированном пространстве! Для определения ее статуса вполне можно использовать применяемый Ф.Броделем в контексте выстроенной им иерархии пространства-территории термин «изолят»²³⁰.

Фуко отмечал, что дисциплина требует *отгораживания*, спецификации места, отличного от всех других и замкнутого в самом себе²³¹. Опыт Макаренко, очевидно, привел его к аналогичным выводам. В от-

крытом социальном пространстве, например в городе, где неизбежно переплетение и своего рода «взаимонейтрализация» различного вида технологий, дисциплинарная система типа коммуны им. Дзержинского вряд ли могла бы существовать. И вполне логично, что почти столь же знаменитая в свое время, как коммуна им. Дзержинского, большевская трудкоммуна, расположенная в 25 км от Москвы, не могла сформироваться как *микрокосм* власти и являла собой иной тип организации пространства власти, связанного со стратификацией *локального* пространства.

Таким образом, колонист или коммунар не изолируются внутри колонии/коммуны, подобно политическим заключенным в Шлиссельбурге или во внутренних тюрьмах советской эпохи, — но создается сложная дисциплинарная система барьеров между микрокосмом и окружающим его локальным пространством, чему способствует прежде всего то обстоятельство, что коммунары, принадлежащие к социальной общности нового типа, не сохраняют реальных социальных связей за рамками коммуны, например, связей семейных. Это позволяет сделать коммуну единственным социальным пространством, в которое допущен ее воспитанник, *абсолютным* — для данного индивида — социальным пространством²³².

***

Макаренко эмпирически отработал технику организации и поддержания того самого идеального дисциплинарного пространства, особенности и параметры которого Фуко определил в процессе исторического, «генеалогического» анализа.

Впрочем, каждый из субъектов, которые в том или ином историческом контексте обустроивали тот или иной тип микропространств власти, ставших впоследствии объектом внимания и анализа Фуко, действовал в значительной степени эмпирически, налаживая и переналаживая микромашины власти в процессе их функционирования.

Иными словами, Макаренко не был доктринером: все режимы воспитательной и «перевоспитательной» работы были определены им эмпирически, методом проб и ошибок. Впрочем, если вспомнить то, что говорил Фуко по сходному поводу, выстраивание Макаренко дисциплинарной модели коммуны *было одновременно и техникой власти, и процедурой познания*: это именно та ситуация, когда требуется и организовать множество, и обеспечить себя инструментом для его отслеживания и обуздания²³³.

Макаренко конструировал универсальную машину формирования человека (именно этот термин, если говорить об опыте Макаренко, я предпочитаю термину *воспитание*; именно он, как представляется, позволяет акцентировать существовавший у Макаренко акцент не на сознании, а на тренинге, повторяемости жестких и универсальных дисциплинирующих процедур). Иными словами, трудкоммуна была не столько *фабрикой людей* (как называлась одна из книг руководителя болшевской коммуны Погребинского, вышедшая 1929 г.), сколько *фабрикой автоматической дисциплины*. Но для формируемых/воспитуемых подобная дисциплинарная машина не должна была выглядеть таковой, т.е. совокупностью механизмов, производящих дисциплину. Впрочем, выживание этого типа микросоциума было едва ли возможно без серьезно налаженного производства, результаты которого реализовались бы точно так же, как результаты работы любого другого советского предприятия; на чисто *воспитывающем* труде коммуна не могла бы выжить.

В СССР власть очень быстро утратила интерес к формированию дисциплинарных пространств, даже к экспериментам в этой области. Выяснилось, что насаждение формальной дисциплины не ведет к изменению сущности человека и не становится столь эффективным средством манипулирования его поступками, как, скажем, массовая индоктринация населения, «воспитание страхом», прежде всего страхом массового, порой стохастического насилия. Для власти дисциплина стала ритуалом, лишенным смысла, профанацией *дела власти*. Модель коммуны им. Дзержинского, как и модель существенно πιοному организованной болшевской трудкоммуны, были сметены экспансией ГУЛАГа.

Если дисциплина предполагает одновременное увеличение как послушности, так и полезности всех элементов социальной системы, оптимизирует ее, создает новые экономии времени и ресурсов (как указывал на то Фуко²³⁴), то ГУЛАГ основан на безудержной растрате человеческих и природных ресурсов и ни в какой экономии (как и полезности входящих в него элементов) не нуждается. Что же касается послушания, то оно достигается прямым и предельно жестким воздействием на человеческое тело. Если дисциплина — это стратегия нормализации, но ГУЛАГ — это унификация за гранью нормы.

Власть-насилие как определенный тип властвования, соответствующая генетика и властные механизмы, в которых роль дисциплинарных составляющих ничтожна, выстраивает свое общество, по-своему формирует историю, именно ту историю, из которой наша страна пытается вырваться в последние полтора десятилетия. И все же —

что делать сегодня: попытаться заполнить генетические лакуны, взрастить то, что история пропустила, имея в виду и собственный, хотя и весьма ограниченный опыт (коему посвящена настоящая публикация), ускороженным образом пробежать тот путь формирования дисциплинарных технологий, который Запад проходил на протяжении столетий, — или же, если это возможно, попытаться заимствовать некую совокупность результатов и последствий, венчающих движение по этому пути? Или, как это было заведено в России во все времена, дерзнуть перепрыгнуть через этапы и сделать ставку на методы дисциплинирования, соответствующие уже не Новому времени, а компьютерному XXI веку? А может, стоит задуматься — не являются ли упомянутые дисциплинарные механизмы анахронизмом в мире, где все говорят о правах человека и международном терроризме? Все это очень непростые вопросы. Но прежде, чем браться за их решение, надо *осознать проблему* и понять, что очень трудно строить новую, современную Россию, реформировать общество без учета генетики и особенностей российской власти, власти, понимаемой гораздо шире, чем тот или иной политический — советский, горбачевский, ельцинский, любой другой — режим.

Глава 3. Феномен жизни и человеческое развитие: в поисках новой парадигмы социально-философского исследования

Социальная философия сегодня в большей мере, чем прежде, сознает специфику общества как связанную с культурой и особенностями человека. В определенной мере в ней наметился антропологический поворот.

Антропологический поворот в социальной философии

Феномен человеческой жизни и развитие человека в современном социокультурном и историческом контексте проблематизируются таким образом, что можно вести речь об антропологическом повороте в социально-философском анализе. Наиболее важные направления, в которых отчетливо просматривается антропологический поворот, связаны с пониманием значимости человеческих качеств в процессах социальных трансформаций, рассмотренных с позиций накопления и эффективного применения человеческого и социаль-

ного капитала, возрастанием роли капитала интеллектуального и символического (ценностей и норм социального и индивидуального развития). Взаимные корреляции человеческого капитала и качества социальной и индивидуальной жизни становятся определяющими при переходе от индустриального типа социального развития к постиндустриальному, к наступающему «обществу знаний».

Другим направлением антропологического поворота является совокупность проблем, связанных с влиянием экологии и наук о жизни, прежде всего генетики и молекулярной биологии, на ценности социального бытия. Биотехнологии, базирующиеся на расшифровке генома человека, способны повлиять на социальные процессы воспроизводства человека, его индивидуальную и даже, возможно, видовую идентичность, тогда как прежде традиционной социализации мыслилась исключительно на основе социальных, культурных и исторических влияний, не учитывая биологических. Для социальной философии эта ситуация вызывает необходимость рассмотрения новых проблем, связанных с социальным воспроизводством человека как субъекта собственного жизненного процесса, способного осуществлять свободный и автономный выбор хода собственного развития и несущего за него ответственность.

Общественный резонанс, требующий социально-философского и антропологического анализа, приобретают социально-значимые вопросы о статусе человеческой жизни, в том числе и на эмбриональной стадии развития, и соответствующие ему моральные, нормативные, ценностные и правовые аспекты регулирования. Анализ оправданных и недопустимых пределов манипулирования с человеческой жизнью, социальные способы регуляции и понимание рисков подобных манипуляций (эвтания, медицинский эксперимент с позиций «информированного согласия», либеральная евгеника и т.п.) требуют формирования новых социальных институтов, способных решать эти проблемы с позиции социально-гуманитарного знания и антропологической экспертизы. Все более значимой и тесно связанной с проблемой социального воспроизводства человека становится проблематика трансформации интимности в современных обществах и отход от доминирования модели традиционной формы брака.

Антропологический поворот в социальной философии актуализирует проблему ценности жизни²³⁵, в том числе в различных социокультурных контекстах и на различных этапах развития общества, ставит вопрос о трансформации образа человека: от детерминированного процессами персональной модернизации, вызванной необходимостью индустриального развития до нового образа человека, в котором чело-

веческое развитие выступает как цель и самоценность, получает признание значимость жизни индивидуального эмпирического субъекта, разнообразие способов его повседневного существования.

Эти, и ряд других направлений, в которых выражается антропологический поворот в философии, требуют поисков новых методологических подходов и средств исследования реальных проблем микроистории и повседневности, введение и обоснование таких категорий социально-философского анализа и исследовательских программ, которые адекватны изменившейся социальной реальности.

В рамках философии науки выделяются в качестве основных, системообразующих исследовательских программ социально-гуманитарных наук натуралистическая и культурцентристская программы. Натуралистическая программа формирует идеалы и нормы научности по образу естественных наук, ставит целью объяснение, превращает исследуемый объект в вещь. Культурцентристская имеет иные основания. «Главная идея программы есть отличная от природы самостоятельная реальность — культура, не позволяющая уподобить многие явления социального мира вещам. Теории культуры могут обеспечить солидную основу для научного анализа общества. Они включают в науки об обществе правила и структуры сознания повседневности, что требует специальных методов — индивидуализации, понимания, интерпретации. С позиции этой программы явления не самотождественны, они всегда другие... *В отличие от уподобления социального мира вещам, теперь он уподобляется человеку, субъекту*»²³⁶.

Именно по этой причине, если иметь в виду методологическую и теоретико-познавательную интенции антропологического поворота, знание о человеке, субъекте деятельности, в том числе и познавательной, становятся важнейшей регулятивной идеей социально-философского дискурса. Поэтому важна и интеграция знания о человеке, и философский анализ образа человека в меняющемся мире, в определенном социокультурном и природном контексте. Для современных подходов к вопросу о методологии социально-гуманитарного знания характерно стремление преодолеть противоположности натурализма и культурцентризма, построить интегративные модели исследуемых объектов. Это преодоление достигается «при совместной работе двух программ, при обсуждении практических проблем», одна программа анализирует цели и ценности субъекта, другая — выделяет закономерности, которые могли бы привести к достижению этих целей»²³⁷.

Такой важнейшей практической проблемой является человеческая жизнь в контексте исторических и социокультурных трансформаций. Именно она, а не только вопрос о сущности человека, или его

природе, традиционно анализируемый в философской антропологии, является онтологическим фундаментом социального познания человека. Являясь многообразным, сложным, многоуровневым феноменом, связанным с другими формами жизни, человеческая жизнь как предмет социально-философского исследования и как практическая проблема дает возможность органичного сочетания натуралистической и культурцентристской исследовательских программ, интеграции естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Жизнь как категория наук об обществе и культуре становится все более востребованной для социально-гуманитарного познания. Феномен жизни имеет глубокое культурноисторическое и гуманитарное содержание, и поэтому он является широкой информационной основой для познавательного процесса (как и понятие развития) и базовым понятием для самых различных социальных и гуманитарных исследований. Именно понятие жизни «при всей многозначности и неопределенности, дает возможность ввести в философию представление об историческом человеке, существующим среди людей в единстве с окружающим миром, позволить преодолеть субъектно-объектный подход, существенно дополнить его “жизненным историческим разумом”, выйти к новым формам рациональности»²³⁸.

Поскольку речь идет об антропологическом повороте в социальной философии, она должна опираться на знания, сложившиеся в антропологической традиции анализа человека, в частности в философской антропологии, обращаться особенно к тем концепциям, где понятие «жизни» является основой теоретических моделей – концепциям И.Канта, В.Дильтея, М.Шелера, Х.Плеснера, Ю.Хабермаса, интегрировать в социально-философский дискурс ее наработки. Но и с другой стороны, теоретический потенциал социальной философии мог бы способствовать преодолению «абстрактного антропализма», описанию индивида как некоего абстрактного, внеисторического субъекта, сущность и природа которого представляется неким специфическим для человека вневременным инвариантом. Поэтому, как нам представляется, феномен жизни и понимание, интерпретация человеческого развития могли бы служить тем своеобразным мостом, соединяющим различные виды знаний и быть онтологическим фундаментом социально-философского дискурса. С развитием методологии наук о духе и культуре представляется перспективной позиция о том, что «потребность в понятии жизни как социокультурной жизнедеятельности будет возрастать, поскольку, являясь базовым, оно успешно сочетает как единичное, индивидуальное, так и всеобщее, представленное в науках об обществе и культуре»²³⁹.

Не претендуя на раскрытие всех обозначенных аспектов антропологического поворота, мы хотим обосновать роль и значение феномена жизни и человеческого развития для современного социально-философского дискурса и решения практических проблем, связанных с жизнью рядового эмпирического субъекта. Под дискурсом мы понимаем взаимосвязь и взаимопроникновение различных аспектов знания, в данном случае социально-философского, антропологического и повседневного.

Роль социальной философии в междисциплинарном синтезе наук о человеке

Предметом социальной философии является исследование общества, истории и человека как субъекта деятельности и социокультурных взаимодействий. «Общество (лат. *societas* – социум, социальность, социальное) – в широком смысле: совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле: генетически и/или структурно определенный тип – род, вид, подвид и т.п. *общения*, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности»²⁴⁰. Взаимодействие (связи между индивидами) и общение являются ключевыми словами определения социальности (см. Вместо введения). Историческая трансформация многообразия способов взаимодействия людей, их форм объединения нашла отражение в смене и конкуренции теорий, объясняющих общество, и в изменении парадигм самой социальной философии. Она акцентирует свое предметное поле, учитывая контекст развития человека и его историческое изменение. Развитие представлений об обществе, и тем самым, о понимании способов взаимодействия и общения людей варьировалось между полюсами парадигмы социологического реализма с его идей безусловного приоритета конкретно – всеобщего перед единичным (единственным, уникальным) и парадигмы социологического номинализма, который впервые отчетливо звучит уже в эллинистических теориях общества. Вклад социальной философии в междисциплинарный синтез наук о человеке проявляется прежде всего в том, что она описывает конкретику социальности, т.е. связи и взаимодействия человека в постоянно изменяющемся историческом контексте. Трактовка человека как социального существа постоянно подвергается той или иной интерпретации, и истолкование чаще всего

определяется двумя доминирующими сюжетами — положением человека по отношению к обществу и государству, и сменой исходных определяющих взаимодействие доминант — индивид или надындивидуальная целостность.

Не вдаваясь в исторический экскурс развития этих доминирующих сюжетов, по-разному обосновывающих взаимоотношения человека с обществом и государством, представленного именами Платона и Аристотеля, Цицерона и Августина, Гоббса и Юма, а также Смита, Гегеля, Маркса и Канта и классиками социологии XIX—XX вв., важно акцентировать итог длительного пути, важный для понимания социальности в современном мире и рефлексии о дальнейшем пути развития социальной философии: «В целом “одиссея” понимания общества в XX в. отмечена не только противоборством двух его толкований в рамках социологического реализма марксистского, с одной стороны, и позитивистского органицистски-функционалистского, системного — структурного и т.д.) — с другой, но и все более усугубляющейся и заостряющейся борьбой между социологическим реализмом и социологическим номинализмом, которая была лишь временно приостановлена в период наступления структурного функционализма Т. Парсонса, пытавшегося соединить дюркгеймовский социологизм с веберовским подходом, основанным на утверждении приоритета “социального действия”, предпринимаемого каждым индивидом на свой страх и риск»²⁴¹. Редукционизм этих теоретических крайностей и неудачные попытки их примирения свидетельствуют, на наш взгляд, как и в ситуации поиска синтеза философского антропологического знания, об ограниченной базе построения социально-философской и философского — антропологической теории.

Изменившийся характер взаимодействия и общения людей на рубеже XX и XXI вв., связанный с модернизацией и глобализацией, новой ролью СМИ, позволяющий осуществлять высокоскоростные контакты, новой ролью наук о жизни, открывающих недоступные ранее возможности вмешательства в генофонд человечества с помощью биотехнологий, возникновение «общества знаний», более усиливающееся расслоение и неравенство людей в мире, эскалация насилия вопреки декларациям о диалоге и толерантности, изменение статуса суверенности государств и многие другие проблемы. Все они — новые вызовы, на которые социально-философская мысль и гуманитарная наука, должна дать адекватные изменившемуся социальному контексту, ответы. *Все эти изменения характеризуют жизнь в ее многообразных формах и проявлениях, жизнь экономическую, духовную, сознательную, политическую, и конечно же человеческую жизнь. Кон-*

центр «жизни» является более широким информационным базисом, на основе которого уже формируются, как нам представляется, новые концептуализации, объясняющие сложность, системный и самоорганизующийся характер развития как человека, так и общества.

Поэтому, учитывая изменившийся социокультурный контекст, социальной философии необходимо интегрировать наработки философской антропологии и других социально-гуманитарных наук уже с мировоззренческих позиций витациентризма²⁴² (от лат. *vita* – жизнь). Кроме того, необходимо проанализировать смысл и проблематику человеческой жизни в социально-этическом ключе, учитывая проблему изменения человеческой идентичности под влиянием биотехнологий. Важно также обратиться к традициям философии жизни (В. Дильтей) и оценить ее потенциал для возможностей дальнейшего развития современной философии жизни.

Биотехнологии и проблема антропологической идентичности

Проблематика человеческой жизни в современном мире актуализируется с совершенно непредвиденной ранее стороны – в связи с успехами биотехнологий, расшифровкой генома человека и амбициями геной инженерии. Радикальность вопроса состоит в следующем: как повлияет необратимое вмешательство в человеческий генофонд на этическое самопонимание человеческого вида, какова будет его антропологическая идентичность и, главное, в какой степени человек сохранит свободу быть автономным автором своей собственной жизни?

Прогресс биологических наук и биотехнологий позволяет осуществлять новый тип вмешательства в человеческую жизнь, который ставит под угрозу с таким усилием завоеванный исторически в ходе социальных трансформаций образ человека, который имеет «возможность быть самим собой», т.е. использовать свободу для самостоятельного формирования проекта собственной жизни, ее реализации и ответственности за последствия этой свободы. В этой связи возможный сценарий свободной реализации жизненного проекта деформируется с далеко идущими последствиями как на уровне индивидуальной жизни, так и на уровне жизни человеческого рода. *Эту ситуацию можно обозначить как инструментализацию и овеществление человеческой природы.*

Во-первых, изначально до сих пор генофонд новорожденного как исходные органические условия его будущей истории жизни исключался из сферы программирования и манипулирования другими ли-

цами. Теперь в результате генетической манипуляции возникнет такой «тип управления, который вторгнется в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности; этот тип управления, как представлялось прежде, допустим лишь по отношению к вещам, но не по отношению к другим людям»²⁴³. Вследствие этого возникает совершенно другая структура ответственности, например, за неудавшуюся жизнь, когда потомки всегда могут возложить ответственность за реализацию истории своей жизни на создателей своих геномов.

Во-вторых, изменится характер межличностных отношений. На место эгалитарного типа отношений «взаимного признания», описанного в работах Ж.Ж.Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Эмиле», а в современных исследованиях, у Ф.Фукуямы в работе «Конец истории и последний человек», наблюдается доминирование одного индивида над другим (вследствие принятия относительно его жизни необратимого решения). И если ранее в истории несвобода связывалась прежде всего с несправедливыми социально-экономическими условиями жизни людей и всегда инициировала теоретические поиски переустройства общества, что приводило к расширению границ свободы, то теперь эта «несвобода» может появиться на органическом уровне, а последствия могут оказаться фатальными.

В-третьих, необходимость «морализации человеческой природы», т.е. понимание особенной важности проблемы этического самопонимания человеческого рода; Ее суть формулируется Хабермасом следующим образом: «Сможем ли мы рассматривать самих себя как ответственных авторов истории своей жизни и уважать других лиц как “равных нам по происхождению” — это в известной степени зависит от того, *как мы понимаем себя антропологически в качестве видовых всех существ*. Сможем ли мы рассматривать генетическую самотрансформацию вида как путь к росту автономии отдельного человека — или мы подорвем на этом пути нормативное самопонимание личностей, ведущих свою собственную жизнь и оказывающих друг другу равное уважение?»²⁴⁴.

Реализация второй альтернативы основывается на сохранении человеческой природы и основанного на ней достоинства, она требует распространения императивов экологической этики и на саму человеческую жизнь. Речь идет о пределах допустимых вмешательств в другую человеческую жизнь, и такими пределами выступает неприкосновенное право каждого человека на уважение его достоинства, в частности неприкосновенность не только телесную, защищенную

законодательством, но и моральную — быть автономным субъектом морального, и потому ответственного за свой поступок, выбора. В современном контексте ответы на эти вопросы связаны с поисками универсальных ценностей и норм социального взаимодействия.

Следует также подчеркнуть, что этическое понимание человека как видового существа образует контекст наших правовых и моральных воззрений. В итоге, следует согласиться с тем, что «изначальный философский вопрос о “правильной жизни” сегодня, по-видимому, обновляется в своей антропологической всеобщности. Новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленным научной фантастикой инженеров»²⁴⁵.

Современная наука и философия накопила обширные знания о человеке. Человек изучается как объект с присущими ему свойствами и качествами, как динамическая открытая система, способная к развитию и самоорганизации, как исторически эволюционирующее существо. Все это важные и необходимые исследовательские парадигмы, воссоздающие полноту феномена человеческой реальности. Но вместе с тем суть в них, которая как бы ускользает. Речь идет о нормативном, этическом самосознании, «морализации человеческой природы», о *понимании связи между видовым основанием нашего существования с нашим моральным самопониманием*. Концепт «жизни» поэтому является более широким основанием для понимания человеческой ситуации, т.к. он рассматривает суть человека не только с позиций сугубо рационального основания (*Homo sapiens*), но и эмоционального, чувствующего начала, а также и волевого, желающего. Антропологическая идентичность — это те основания, на которых «мы идентифицируем себя в *качестве людей* и отличаем себя от других живых существ. Иначе говоря, они затрагивают проблему самопонимания нами самих себя как видовых существ. Речь идет не о культуре, повсюду разной, но *об образе человека*, рисующего себя для различных культур, человека, который в своей антропологической всеобщности везде является одним и тем же»²⁴⁶. Именно ответ на этот вопрос, вопрос о том, с чем мы себя идентифицируем в качестве людей, как нам представляется, дал Руссо, которого выдающийся ученый К.Леви-Стросс назвал совсем не случайно отцом антропологии. Этот ответ был в силу определенных причин смещен на периферию антропологической мысли. Руссо связывал антропологическую идентичность человека как видового

существа со *способностью к отождествлению с другим, способностью к состраданию*. «Эта способность, как неоднократно указывал Руссо, есть сострадание, вытекающее из отождествления себя с другим — не родственным, не близким, не соотечественником, а просто с любым человеком, поскольку тот является человеком, более того, с любым живым существом, поскольку оно живое»²⁴⁷.

К.Леви-Стросс считал, что именно Руссо дал теоретическое обоснование антропологии, определил точное ее место в комплексе человеческих знаний, сформулировал основополагающие методологические принципы, а *единение чувственного и разумного в человеке считал естественным состоянием человека*. «Для того, чтобы человек снова увидел свой собственный образ, отраженный в других людях — это и составляет единственную задачу антропологии при изучении человека, — ему необходимо сначала отрешиться от своего собственного представления о самом себе... Именно Руссо мы обязаны открытием этого основополагающего принципа — единственного принципа, на который смогла бы опираться наука о человеке. Однако этот принцип оставался недостаточным и непонятным, поскольку общепринятая философия основывалась на декартовской доктрине ... за счет отрицания социологии и даже биологии»²⁴⁸. Между внутренним миром человека и внешним миром стоит общество, цивилизация, миры, состоящие из людей. Забвение участи Другого, подавление естественного состояния — отождествления себя с Другим, оказывается тем открытым пространством, через которое уходит человечность. Уважение к другим возникает в человеке непроизвольно, и доказательство *присущей человеку отзывчивости Руссо* находит «во врожденном отвращении к виду страдания себе подобного». Это открытие заставляет видеть в каждом страдающем существе, подобное себе и наделенное, следовательно, неотъемлемым правом на сострадание. Без этой особенности, без воспитания способности к состраданию в обществе не может быть ни закона, ни нравственности, ни добродетели.

Этическое самопонимание человеческого рода, за которое сегодня предлагает бороться Хабермас, актуализируют эти идеи Руссо, т.к. они указывают на неоправданно забытые (или сознательно игнорируемые) основы уважения к жизни другого человека, чувствующего, так же как и ты, боль и страдание, имеющего право быть защищенным нормами права, морали, коллективными представлениями о достойном и недостойном, допустимом или неоправданно лишаящим его быть автономным, свободным автором своего жизненного проекта. Технизация и инструментализация человеческой природы —

это логически последовательный шаг господства над природой, который столь дальновидно критиковал уже Руссо, указывая на пороки, которые мы уже можем видеть на себе и в самих себе. «Мы начали с того, что отделили человека от природы и поставили его над ней. Таким образом мы думали уничтожить самое неотъемлемое свойство человека, а именно то, что он прежде всего является живым существом. Тем же, что мы закрывали глаза на это общее свойство, дана была свобода для всяких злоупотреблений.

Никогда на протяжении последних четырех веков своего существования западный человек не имел лучшей возможности, чем сейчас, чтобы, понять, что присваивал себе право устанавливать преграды между человеческим и животным миром, представлял первому все то, что отнимает у второго — он опускается в некий адский круг. Ибо эта преграда становится все более непроницаемой, используется для отделения одних людей от других и для оправдания в глазах все более сокращающегося меньшинства его претензии быть единственной человеческой цивилизацией»²⁴⁹.

Таким образом, из принципа отождествления со всеми формами жизни природными и человеческими — вызывающими сочувствие, сострадание — вытекает и важнейшая, как нам представляется, идея. Во-первых, способность на основе моральных норм и этического самопонимания быть автономными авторами собственного жизненного проекта и допускать подобную позицию признания по отношению к другим. Во-вторых, *отождествление с другим* в различных формах своей репрезентации *есть основа жизни социальности*, социальной связи между Я и Ты, основа сохранения жизнеспособности полного противоречий мира. «Конец социального» (Ж.Бодрийяр), о котором уже шла речь во введении, — это синдром нарушенной способности к идентификации с другим, одной части людей с другими. Поэтому роль социальной философии, социально-философского дискурса о человеке, поставленного сегодня в ситуацию жизни в глобализирующемся мире, где все связаны друг с другом и одновременно в определенном отношении разобщены, возрастает признание ценности жизни и развития человека становится условием динамического равновесия, безопасности и относительной стабильности всех. «Качество социальности», т.е. взаимной связи и взаимного признания, взаимного уважения начинает играть все более важную роль, позволяющую людям жить вместе и строить гармоничное будущее. Поэтому не случайно проблемы социальной философии, философии совместной жизни стали предметом анализа и решений, предложенных к обсуждению в работах Э.Гидденса, У.Бека, З.Баумана.

Жизненные ресурсы и развитие человека

Познание, ориентированное на исторический и практический характер человеческой жизни с необходимостью приводит к ряду важных вопросов: в чем сущность и проявление человеческого развития, каковы его социальные и индивидуальные условия, что входит в понятие жизненных ресурсов человеческого развития. Современная философия жизни, опираясь на идеи классической концепции философии жизни, разрабатывает свой понятийный концептуальный аппарат, способный описывать человеческую жизнь в современном социокультурном контексте. К таким понятиям можно отнести трактовку различных видов капитала как жизненных ресурсов человека и общества – природный капитал, интеллектуальный капитал, человеческий капитал, социальный капитал, символический капитал; к понятиям, характеризующим человеческую жизнь в современном мире, можно отнести: качество жизни, индекс развития человеческого потенциала, жизнеспособность и образ *Homo vitalitabilis* (человека жизнеспособного), культуру жизненного поведения и императивы экологической этики, человеческое развитие. В главах, посвященных общественному богатству, социальному порядку, экономике было введено понятие социального, человеческого и пр. капитала и рассмотрены некоторые его виды. Избегая повторений, попытаемся развить некоторые из этих понятий, подчеркивая их экономическую значимость в отличие и в дополнение к прежде данным трактовкам их как внеэкономического капитала. Используя эти и другие понятия, характеризующие жизнеосуществление, жизненный опыт, жизнеотношения (понятия Дильтея), можно познавать «историчность» как основной модус опыта жизни, опирающийся на всю полноту ее возможных проявлений, привлекая для анализа и те социологические социально-философские и философско-антропологические концепции, которые уже успешно анализируют различные пласты жизненного опыта человека в современном мире²⁵⁰.

Интеллектуальный капитал. «Историчность» как основной модус опыта жизни обращает наше внимание сегодня к таким общественным трансформациям, при которых «человеческие качества» становятся решающими в исторически наступающем «обществе знаний». При переходе от доиндустриальной и индустриальной стадии развития общества к постиндустриальной изменяются конкурентные преимущества. На смену природным факторам, которые в индустриальном обществе выступают в качестве доминирующих факторов производства, таких как труд и вещественный капитал, приходят в

современном обществе знания и интеллектуальный капитал. Экономика, основанная на знаниях, или экономика знаний, — это экономика, которая создает, распространяет и использует знания для обеспечения своего роста и конкурентоспособности. В современной конкуренции решающую роль играет не столько население, как в доиндустриальном обществе (хотя для России эта задача остается в связи с депопуляцией), и не столько доступ к рынкам, как в индустриальном, сколько качество и интенсивность обучения людей и организаций. При этом доминирующей сферой становится не столько сфера сельского хозяйства или промышленности, сколько сфера услуг, прежде всего интеллектуальных.

Одна из первых коммерческих организаций, которая на практике применила концепцию интеллектуального капитала и предприняла попытку измерить отдельные ее составляющие, стала шведская компания Скандия (1996 г.). В ее интерпретации²⁵¹ интеллектуальный капитал состоит из человеческого, организационного и потребительского капитала.

Человеческий капитал является той составной частью интеллектуального капитала, которая имеет непосредственное отношение к человеку. Он состоит из знаний, практических навыков, творческих и мыслительных способностей людей, их моральных ценностей, культуры труда. Человеческий капитал важен при проведении инноваций и любого обновления. *Организационный капитал* — это организационные возможности фирмы ответить на требования рынка: это технологии, системы управления, техническое и программное обеспечение (культура организаций, патенты, товарные знаки и т.д.). Он отвечает за то, как человеческий капитал используется в организационных системах.

Потребительский капитал — это капитал, который складывается из связей и устойчивых отношений с клиентами и потребителями: это информация о клиентах, история взаимоотношений с клиентами, торговая марка (бренд). Эти виды капитала взаимодействуют друг с другом; недостаточно инвестировать в каждый из них по отдельности, они должны поддерживать друг друга, создавая синергетический эффект.

Конечно, на данной интерпретации человеческого капитала сделан экономический акцент, т.е. методы конкуренции в экономике затрагивают все более активно человеческий и интеллектуальный капитал в целом. Вместе с тем сам человеческий капитал, т.е. человеческие качества и его невещественные составляющие, способны приносить не только доход и способствовать успешной конкурентоспособности предприятия, но и выступать в ином качестве — служить

важным ресурсом в реализации индивидуального жизненного проекта, быть основой самоуважения и высокой самооценки, профессионального достоинства и психологической устойчивости, служить в целом основой жизнеспособности человека, умению противостоять жизненным трудностям. «По оценкам Всемирного банка, в середине 1990-х гг. 64% мирового богатства составлял человеческий капитал, 21% — физический, 15% — природные ресурсы, тогда как за столетие до этого соотношения составляющих было прямо противоположным. В таких странах, как США, Китай, Германия, Великобритания на долю человеческих ресурсов приходится 75–80% национального богатства, тогда как в России (главным образом благодаря высочайшей обеспеченности природными ресурсами) — лишь 50%»²⁵². Именно эффективное использование и развитие человеческого капитала, способность создавать и осваивать новейшие технологии становятся не только критическими условиями устойчивого повышения уровня жизни, но и главными качественными критериями, отличающими передовые страны от отстающих. Для интегральной оценки интеллектуального капитала в целом часто применяется коэффициент Тобина²⁵³.

Помимо структурных элементов входящих в человеческий капитал — знаний, навыков, творческих способностей, моральных ценностей, культуры труда, *сама человеческая жизнь, ее продолжительность, качество (состояние здоровья) является человеческим капиталом и ценностью не поддающейся стоимостному выражению* (в философском, а не экономическом смысле).

Для оценки *экономических* параметров человеческого капитала могут быть использованы такие показатели: состав человеческих ресурсов организации и управления ими, степень удовлетворенности персонала, образование персонала, его опыт (количество лет в рамках данной профессии), затраты на обучение в расчете на одного занятого, текучесть персонала, добавленная стоимость в расчете на одного занятого и т.д.

Для оценки человеческого капитала в России в *целом* можно воспользоваться стандартными показателями и индикаторами, применяемых в Докладах ПРООН (Программа развития ООН). Прежде всего, это продолжительность жизни. В Докладе ПРООН 2002/2003 предполагаемая при рождении продолжительность жизни россиян составляет 66,6. Это один из самых низких показателей современного мира.

Человеческий потенциал, которым обладают конкретные люди, иногда оценивают путем капитализации их зарплаты, при этом зарплата (доход) может рассматриваться как аналог процентов на их человеческий капитал. Именно на этой методике базируются оценки

оттока человеческого капитала из России: «Если средний годовой отток специалистов в 1990-х годах составлял 50 тыс. человек в год, а средняя зарплата высокооплачиваемого специалиста на Западе составляет 50 тыс. долларов США в год, что каждый специалист оценивается в 0,5 млн долларов. Тогда примерная экономическая оценка утечки мозгов из России составляет 25 млн долларов в год, что сравнимо с суммой оттока из страны денежного капитала»²⁵⁴. В целом же для оценки интеллектуального капитала весьма показателен такой индикатор, как затраты на НИОКР в % от ВВП. В 2000 г. В России он составляет 1%, в то время как в Швеции – 3,8, Японии – 2% или 3%, в Финляндии – 3,4%, в Израиле – 3,6%²⁵⁵.

В определенных границах интегральным показателем, способным отразить тенденции развития человека, поддающимся операционализации и сравнению во временной и пространственной динамике (другие страны), является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он представлен на основе статистических данных и математических расчетов во Всемирных докладах о развитии человека, начиная с 1990 г., а в России – с 1995 г. Индекс развития человеческого потенциала является более точным критерием прогресса, чем, например, общепринятые критерии ВВП или национального дохода.

ИРЧП – это попытка измерить и сравнить достижения стран в повышении *качества жизни* населения. Он состоит из трех базовых показателей: ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), душевого дохода в реальном исчислении и доступности образования.

Для России базовый ИРЧП представляет собой сложный индекс, включающий: 1) ожидаемую продолжительность жизни на момент рождения; 2) уровень грамотности взрослого населения; общую численность учащихся начальной, средней и высшей школы; общий показатель числа учащихся измеряется как отношение численности обучающихся в начальной, средней и высшей школе к населению от 6 до 24 лет; 3) ВВП в расчете на душу населения. Итоговый ИРЧП для Российской Федерации рассчитан как среднее арифметическое от трех вышеназванных показателей. ИРЧП постоянно совершенствуется, в него вводятся помимо базовых параметров и другие измерения: например, ИРЧП с учетом гендерного измерения, ИНН – индекс нищеты населения и другие показатели, но базовые параметры остаются определяющими.

В 1995 г. ИРЧП для Российской Федерации составил 0,760 (единица составляет 100%). В 1993 г. он имел более высокий уровень – 0,804. Тогда в рейтинге стран по этому показателю Россия оказалась на 57 месте среди 174 стран, представивших данные для расчета²⁵⁶.

Падение индекса (ИРЧП) означало, что она перешла из разряда стран с «высоким показателем» (среди которых она, впрочем, занимала последнее место, учитывая на тот момент высокий уровень доступа к образованию) в разряд стран со «средним уровнем развития».

Сравнительный анализ статистических данных²⁵⁷ по годам позволяет выявить динамику развития человека по базовым параметрам и по суммарному индексу – ИРЧП (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Динамика ИРЧП в России
(1992–1996)**

Год	Индекс с ОПЖ	Индекс образования	Индекс ВВП	ИРЧП
1992	0,710	0,890	0,945	0,848
1993	0,668	0,889	0,942	0,833
1995	0,667	0,889	0,816	0,790
1996	0,686	0,889	0,766	0,780

Региональные различия таковы: самый высокий ИРЧП в Москве равен 0,867, самый низкий – в Туве равен 0,520.

Из таблиц № 1 и № 2, в которых представлены данные Всемирных докладов о развитии человека и Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, видно, что в 90-е гг. XX в. ИРЧП в России как в абсолютном выражении, так и относительно многих других стран имел *устойчивую тенденцию к снижению*. Это касается не только дохода (ВВП на душу населения), но и ожидаемой продолжительности жизни, и хотя показатели, связанные с образованием были относительно стабильными, вопрос о качестве образования и его доступности должен стать предметом специального анализа, обусловленного современными требованиями. *За двадцать лет (1980–2000 гг.) динамика ИРЧП в России эволюционировала от показателя 0,809 в 1980 г. – к 0,763 в 2000 г., а динамика ОПЖ и выживаемости при рождении в годах за 30 лет от 69,7 в 1970-м – к 65,3 в 2000 г.* Такая динамика развития человеческого потенциала свидетельствует о снижении качества человеческого и физического капитала, влияет

**Динамика ИРЧП в России
(1997–2000)**

№	Годы	1997	1998	1999	2000
1	Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ)	66,6	66,7	66,1	65,3
2	Уровень грамотности взрослого населения (%)	99,0	99,5	99,5	
3	Совокупная доля учащихся (%)	77	79	78	75
4	Индекс уровня образования	0,92	0,92	0,92	0,913
5	Реальный ВВП на душу населения (паритет покупательной способности в долларах США) [10]	4370	6460	7473	6744
6	Индекс ОПЖ	0,69	0,69	0,69	0,671
7	Индекс ВВП		0,7	0,72	0,703
8	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	0,747	0,771	0,775	0,763

на состояние человеческих ресурсов России и несет в себе проблемы, связанные с качеством человеческого капитала в будущем. Что касается тенденций развития человеческого потенциала по регионам Российской Федерации²⁵⁸, рассчитанных на 2000 г., то они выглядят таким образом.

Только в трех регионах России ИРЧП соответствует уровню развитых стран – более чем 0,800. Это Москва, Тюменская область, Татарстан. В Москве ИРЧП равен 0,864 и таким образом близок к Словении и опережает Венгрию и Чехию.

Очень низкий уровень ИРЧП в республиках и автономных округах Сибири и Дальнего Востока. Особенно это касается Тувы: бедность и низкая продолжительность жизни.

Большинство регионов имеют показатель ИРЧП — 0,730 — 0,760.

Основная причина диспропорции по регионам — экономическое неравенство. В 2000 г. на долю двух субъектов РФ приходилось 28% ВВП (Москва — 21,4% и Ханты-Мансийский автономный округ — 7,0%).

При анализе человеческого потенциала в России особенную тревогу вызывает проблема сохранения человеческой жизни, и в частности, в ее гендерном измерении. Например, вероятность того, что при рождении ОПЖ составит 65 лет в соответствующих возрастных когортах в интервале 1995—2000 гг. у женщин составляет 77%, а у мужчин всего лишь 46,5%.

На наших глазах сегодня в России разрушаются природные основы человеческой индивидуальности, появляются нежизнеспособные поколения молодых людей. Все большее распространение получают такие угрожающие жизни девиации, как наркомания, алкоголизм, убийства и самоубийства. «К 1994 г. Россия вышла на одно из первых мест в мире по уровню самоубийств. По официальным данным в 1994 г. добровольно ушли из жизни 62 тысячи, а в 1995 и 1996 — 60 тысяч человек. Уровень самоубийств вырос в 2 раза за 5 лет (1993—1998 гг.), а это интегральный показатель социальной патологии. Рост наркотизации населения только с 1985 по 1994 годы увеличился в 2,3 раза. Отмечается рост алкоголизации в среде детей и подростков»²⁵⁹. Сама человеческая жизнь, ее природные и биологические основы подвергаются разрушению и деградации с вытекающими отсюда деформациями на социальном, культурном и духовном уровнях становления человеческого потенциала.

Представление о том, как обстоят дела с человеческой жизнью в России, дает Доклад Уполномоченного по правам человека²⁶⁰. Конституционное право на жизнь подвергается испытаниям. Приведем некоторые факты из этого доклада: за последние десять лет жертвами убийц стали 300 тысяч человек; по числу умышленных убийств на 100 тысяч населения страна занимает второе место в мире. Только за 2002 г. совершено 32 тысячи умышленных убийств и 58,5 тысяч преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью; из всех заключенных (сотни тысяч) треть женщины и пятая часть мужчин отбывают наказание за незаконный оборот наркотиков. В последнем докладе Уполномоченного по правам человека приводятся такие данные: «В год Россия теряет до 100 тысяч человек, из которых 38 тыс. — жертвы убийц, более 60 тыс. — пропавшие

без вести. По количеству совершаемых убийств Россия занимает второе место в мире после Колумбии: 221 на 100 000 взрослого населения»²⁶¹. Кроме этих официальных данных, количественные показатели и их динамика отражены в Докладах ПР ООН «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации», начиная с 1995 г. Необходим системный анализ ситуации – анализ социальных, экономических, правовых, антропологических процессов с учетом их синергетического эффекта и наложения контекста, в которых они развиваются.

Для образовательной сферы эта проблема приобретает особый смысл. Приводимые данные, динамика ИРЧП и отчетливая негативная тенденция в ее базисном показателе – сохранении жизни, предполагают в процессе социализации, образования и воспитания ориентацию на культуру жизненного поведения, сохранение жизнеспособности человека, повышение его адаптационных возможностей, выбор жизнеспособных, а не саморазрушающих стратегий поведения. Сохранение полноценной жизни как базисного условия показателя развития человеческого потенциала даст возможность решать и другие социальные проблемы. Сохранение жизненного ресурса и состояния здоровья людей – основа успешных образовательных технологий и реформирования образования. Таким образом, приоритет в социально-экономическом развитии России мы видим в сохранении человеческой жизни и жизнеспособности населения. Кого мы будем учить на всех трех уровнях образования (начальное, среднее и высшее), если ситуация с состоянием здоровья и уровнем жизнеспособности среди детей, подростков и молодежи критическая, чреватая множеством рисков? По всем показателям заболеваемости отмечается ее рост: по детской заболеваемости, инвалидности, распространению наркомании, СПИДа, алкоголизма, снижению уровня физического развития, роста психологических проблем и дезадаптивных форм поведения. В Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации (2002–2003 гг.) на этот счет приводятся тревожные факты: за пять лет (1996–2000 гг.) заболеваемость детей в возрасте до 15 лет увеличилась на 22%, с 15 до 18 – на 24%. Алкоголизация детей и подростков в три раза выше аналогичных показателей для всего населения (827 на 100 тыс. чел.). Стремительно распространяется наркомания: с 1995 г. ежегодный показатель прироста наркотиков составляет 30% от предыдущего года. Если в ближайшие 5–7 лет темпы наркобизнеса сохранятся, то число тяжелых наркоманов достигнет 10 млн человек, большая часть из кото-

рых составят подростки и молодежь. В ходе объявленной в 2002 г. всероссийской диспансеризации детей из 93% осмотренных 60% оказались с различными отклонениями в состоянии здоровья.

На фоне этих данных недвусмысленно вырисовывается приоритетная задача для всех ступеней социализации и уровней образования — *сохранение человеческой природы; сохранение уникальной, естественной, данной по факту рождения человеческой жизни; сохранение жизнеспособности российского человеческого ресурса; формирование посредством обучения и воспитания жизнесохраняющих практик, способствующих реализации человеческого потенциала.*

Социальный капитал. В последнее время стала осознаться значимость социального капитала как жизненного ресурса развития общества и индивида, как в экономическом так и социально-философском аспекте. Устойчивое развитие связывается с процессами, при которых будущие поколения получают на душу населения совокупного капитала не меньше, чем им располагают настоящие поколения. Традиционно в совокупный капитал включают природный капитал, физический капитал (произведенные активы) и человеческий капитал. Вместе они составляют богатство народов. Природный капитал будет истощаться и преобразовываться в физический, физический будет амортизироваться (обесцениваться), и технология будет искать ему замену. Человеческий капитал будет интенсивно накапливаться, что уже видно на примере XX в. Вместе с тем становится все более ясным, что *условием взаимодействия всех видов капитала является социальный капитал*, отсутствие или недостаточная развитость которого сказывается на всем процессе развития в целом. Истоки концепции социального капитала существовали давно под разными названиями, но сам термин «социальный капитал» введен в экономический анализ недавно, в связи с акцентом на институциональной экономике. В политической, социологической, антропологической литературе *к социальному капиталу вообще относится набор норм, систем и организаций, посредством которых люди получают доступ к власти и ресурсам и которые участвуют в принятии решения и формировании политики*²⁶². Ряд авторов — Р. Патнэм, Дж. Коулмен, К. Норт, Л. Олсон, Ф. Фукуяма содержательно развивают данное понятие применительно к анализу исторической и современной жизни, предлагая способы оптимизации социального капитала для решения насущных проблем современности — искоренения бедности, нищеты, решения демографических проблем, становление новых норм и ценностей современной жизни в *глоба-*

лизирующем мире. Узкая концепция социального капитала связана с Патнэмом. Он рассматривает социальный капитал как набор «горизонтальных связей между людьми: социальный капитал состоит из социальных сетей (“сетей гражданских обязательств”) и связанных с ними норм, которые влияют на производительность всего общества»²⁶³. В основе этой концепции два эмпирических предположения: 1) сети и нормы эмпирически связаны; 2) они имеют важные экономические последствия. Эта концепция социального капитала была ограничена ассоциациями, оказывающими только положительное влияние на развитие (но не отрицательное, например мафия). Ключевая особенность социального капитала в указанном определении в том, что оно акцентирует взаимовыгодное сотрудничество и координацию членов ассоциации.

Более широкая концепция социального капитала выдвинута Коулменом и Г.Лоури. Лоури ввел концепцию социального капитала в экономику в 1977 г. при анализе расового неравенства для социальных ресурсов этнических сообществ. Коулмен ввел термин «социальный капитал» в социологическую литературу. Он определяет социальный капитал как «ряд различных объектов с двумя общими элементами: все они состоят из некоторого аспекта социальной структуры и облегчают некоторые действия участников – в пределах структуры»²⁶⁴. Такая позиция расширяет концепцию, т.к. «включает наряду с горизонтальными ассоциациями и вертикальные, а также поведение среди других объединений, например фирм. Широкий диапазон ассоциаций может включать и более широкий диапазон целей, как положительных, так и отрицательных, данная форма социального капитала, ценная в облегчении некоторых действий, может быть бесполезной и даже вредной для других»²⁶⁵. Т.е. такое представление о социальном капитале учитывает социальную структуру в целом, а также ансамбль норм, управляющий личностным поведением.

Существует также точка зрения на социальный капитал, включающая в него социальную и политическую среды, которые дают возможность развитию норм и формированию социальной структуры. В дополнение к структурным элементам первых двух концепций, к горизонтальным и иерархическим социальным отношениям Норт²⁶⁶ и Олсон²⁶⁷ считают необходимым включать также формализованные установленные отношения и структуры, такие как правительство, политический режим, судебная система, гражданские и политические привилегии, которые оказывают важное влияние на развитие.

Общие черты этих трех точек зрения на социальный капитал заключаются в том, что они — связывают между собой экономическую, социальную и политическую сферы, которые характеризуют общественную жизнь в ее полноте, считая, что социальные отношения и экономические оказывают взаимное влияние;

— обращают внимание на то, как формальные и неформальные взаимодействия и взаимоотношения могут улучшать экономическое и социальное развитие;

— признают потенциал, созданный социальными отношениями, важным для результатов развития, и признают опасность отрицательных эффектов, что в немалой степени регулируется законодательным и политическим контекстом;

— социальный капитал, как и природный, физический и человеческий имеет ограниченное значение, если не объединен с другими формами капитала. Вместе с другими формами капитала он является ресурсом для процессов развития.

Социальный капитал расширяет выгоды от инвестиций в физический и человеческий капитал.

Акцентирование социокультурных и психологических характеристик социального капитала предлагается в концепции Ф.Фукуямы. «Великий Разрыв» в социальных ценностях и нормах, связанный с переходом от индустриализма к информационному обществу с середины XX в. и появлением культуры «неограниченного индивидуализма», серьезно ставит в центр внимания *вопрос о разделяемых обществом ценностях как социальном капитале*. Он является предпосылкой всех форм совместного предпринимательства. Люди расширяют свои собственные возможности и способности, следуя правилам сотрудничества, которые хотя и стесняют в определенной степени их свободу выбора, но позволяют вступать во взаимодействия с другими и координировать действия. Социальные ценности — такие как честность, взаимность, выполнение обязательств — не являются предметом выбора, как этические ценности. Они имеют осязаемые экономические показатели, отражающиеся на эффективности деятельности. Кроме того, истинную общность образует не просто взаимодействие, а ее скрепляют ценности, опыт и нормы, которые члены данной общности разделяют.

Социальный капитал можно определить как набор неформальных ценностей и норм, которые делают возможным сотрудничество внутри группы. Если члены группы могут рассчитывать на то, что другие будут вести себя достаточно честно и на них можно положиться, то они смогут доверять друг другу. Следовательно, работа группы будет более эффективной.

«Нормы, которые производит социальный капитал, должны включать в себя такие ценности, как честность, выполнение обязательств, сотрудничество с другими людьми»²⁶⁸. Социальный капитал дает преимущества, которые распространяются далеко за пределы экономической сферы. Он является условием создания здорового гражданского общества, т.е. множества групп и организаций, занимающих место между семьей и государством.

Для оценки роли социального капитала в обществе, ориентированном на развитие, важно разрабатывать как качественные, концептуальные характеристики социального капитала, так и количественные показатели, которые подлежат операционализации, измерению. Выбор и развитие показателей для социального капитала может идти несколькими взаимодополняющими друг друга путями.

Во-первых, по широте задействованных отношений и институтов; во-вторых, согласно типам воздействия социального капитала на процесс развития, в котором ключевыми измерениями являются рост качества жизни, справедливость, облегчение бедности; в-третьих, вместо измерения социального капитала как позитивной ценности измерение его отсутствия через традиционное измерение нарушений, таких как уровень преступности и наркомании, количество судебных разбирательств, самоубийств, распавшихся семей и случаев уклонения от уплаты налогов. Такая стратегия была применена Национальной комиссией по гражданскому обновлению для того, чтобы оценить степень гражданской свободы²⁶⁹.

Обобщая сказанное, следует отметить, что накопление жизненных ресурсов не является самодостаточной целью. Интеллектуальный, человеческий, социальный и другие виды капиталов являются условием динамичного и эффективного экономического развития, столь значимого еще просто для элементарного выживания большей части человечества, но и одновременно создающего основы для более высокой цели — человеческого развития, развития личности, способной и имеющей социальные условия для реализации своего уникального и потому незаменимого жизненного проекта. «Достаточно ли признания роли «человеческого капитала» для понимания важного значения того, что называется “человеческим развитием”, другими словами, развитием способностей людей совершать то, что их разум позволяет им оценить и выбрать...? Чтобы восполнить те элементы, которые отсутствуют в ограниченной концепции “человеческого капитала” и “развития людских ресурсов” нам необходима более широкая концепция развития, которая бы уделяла основное внима-

ние улучшению жизни и укреплению свободы человека, вне зависимости от того, опосредованно ли это улучшение расширением товарного производства»²⁷⁰.

Человеческое развитие или «последний человек»?

Человеческий потенциал — концепт, который сегодня имеет достаточно вероятную структуру и востребованное практическое приложение. Более того, операциональная модель человеческого потенциала получила статус официальных документов ООН.

«Доклады» о развитии человеческого потенциала возникли не на пустом месте. Они пришли на смену системе индикаторов качества жизни — в 1980-е гг. соответствующие документы имели статус официальных международных. Этот проект был, в свою очередь, продолжением ежегодных докладов, посвященных образу жизни. Менялись времена, экономические и социально-культурные условия. Соответственно, углублялись, расширялись и обогащались представления о человеке и его жизненном мире. Концепт человеческого потенциала как система показателей вобрал в себя предшествующие наработки.

У концепции человеческого потенциала есть и солидные теоретические источники. Есть также теории и идеи, обращение к которым может (или должно) придать модели новое звучание.

Хотелось бы в данной связи подчеркнуть одно обстоятельство. Концепция человеческого потенциала наряду с концепцией биоэтики представляет собой успешный, на мой взгляд, ответ на упреки в адрес социально-философской мысли: мол, построения о человеке умозрительны, плохо согласуются с реальностью и т.д. Человеческий потенциал — работающая концепция.

Одним из источников концепции развития человеческого потенциала (развития человека) являются взгляды выдающегося ученого Махбуб уль-Хака, инициировавшего подготовку докладов о развитии человека в рамках Программы развития ООН (ПРООН), начиная с 1990 г. В самом первом из них была обозначена идея: смысл и цели экономического и в целом общественного развития состоят в расширении возможностей каждого человека реализовать свои потенции и устремления, вести здоровую, полноценную, творческую жизнь. При таком подходе человек рассматривается не только как фактор социального развития, но и как главный субъект, пользующийся его результатами. *Под развитием человека понимается расширение спектра и возможностей интеллектуального, социального, экономического, политического и морального выбора каждого члена общества.*

В качестве исторических истоков концепции человеческого потенциала можно назвать взгляды А.Смита, считающего человека частью общественного богатства, а также признание его целью общественного производства.

В этом же русле работал А.Маршал, связывая напрямую накопление богатства с развитием человека: «Производство богатства — это лишь средство поддержания жизни человека, удовлетворение его потребностей и развитие его сил — физических, умственных и нравственных. Но сам человек — главное средство производства этого богатства, он же служит конечной целью богатства»²⁷¹.

Важный вклад в появление концепции человеческого развития внесла концепция «человеческого капитала» в экономической мысли. У ее истоков в 50–60 гг. XX в. стоял американский ученый Т.Шульц. Под человеческим капиталом понималась совокупность знаний, комплектаций, квалификаций, играющих важнейшую роль в качестве средства производства. Это дало возможность просчитать экономический вклад образования, науки, здравоохранения в создании человеческого капитала и рассматривать их как источник экономического роста.

Позднее в сфере международного экономического сотрудничества оформилось направление, связанное с теорией «человеческого капитала», — направление, обозначенное как «развитие человеческих ресурсов». Оно предполагало максимизацию человеческого потенциала и его эффективное использование в целях экономического и социального развития. Проблематика «развития человеческих ресурсов» включает в себя демографические проблемы, проблемы занятости, здравоохранения, питания, жилья, урбанизации, окружающей среды, образования, подготовки кадров. В рамках этой теории сложилось представление, что вложение в человеческий капитал имеют высокую экономическую эффективность. Например, в США доля расходов на образование в ВВП за последнюю треть XX в. почти удвоилась. По своим абсолютным размерам она превышает расходы на оборону; 55% молодежи от 17 до 23 лет (в Японии до 60%) — получают высшее образование, что является важнейшим фактором будущего экономического процветания этих стран в XXI в.²⁷².

Значительное влияние на оформление концепции человеческого потенциала оказали взгляды лауреата Нобелевской премии по экономике (1998) Амаратия Сена. Он трактует *процесс развития человека как процесс расширения возможностей людей*, а не только как возрастание материального или экономического благосостояния. А.Сен считает, что цель общественного развития не в беспредельном увели-

чении производства, а в создании людям возможностей для расширения выбора. Выбор предполагает участие в большем количестве дел, наличие стремления жить долго, не болеть, иметь доступ к знаниям. Ученый подчеркивает, что возможность и выбор тесно связаны между собой, а также со свободой, как негативной (свободой от голода), так и позитивной (свободной осуществлять свои жизненные устремления). А. Сен прямо заявляет, что, в конечном счете, *развитие — это вопрос свободы*. В подобной трактовке развитие человеческого потенциала невозможно вне демократической, ориентированной на личностные приоритеты и ценности общественной системы.

Каковы основные слагаемые концепции человеческого потенциала? Обратимся к первому опубликованному в рамках ПРООН в 1990 году докладу о человеческом развитии. Здесь выдвигаются следующие важные идеи²⁷³.

— Человеческое развитие есть процесс расширения возможностей выбора. В принципе, выбор может быть беспредельным, а его параметры меняются со временем. Но на всех уровнях развития наиболее значимой для человека является возможность вести долгую, здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного существования. Без этого многие другие возможности остаются не реализованными.

— Этим человеческое развитие не ограничивается. Существуют другие, высоко ценимые многими возможности, начиная с политической, экономической и общественной свобод и кончая условиями, благоприятными для творчества и созидания, самоуважения и гарантированных прав человека.

— У человеческого развития есть две стороны: формирование физических возможностей человека, таких как обеспечение здоровья, накопление знаний и навыков, и та польза, которую люди могут из этого извлечь для досуга, продуктивной деятельности и активной культурной, социальной и политической жизни. Если равновесие между двумя этими сторонами не обеспечено, может возникнуть заметная напряженность.

В соответствии с такой концепцией человеческого развития доход — хотя и важное, но не единственное направление индивидуальных притязаний. Поэтому развитие не может быть ограничено только ростом дохода и благосостояния. В его центре — человек.

Концепция развития человека представляет собой социальную и политическую альтернативу возникшим в XX в. моделям взаимодействия общества и личности: моделям тоталитарных систем правого и левого толка, где человек рассматривается только как инстру-

мент реализации глобальных идеологических доктрин. Вместе с тем концепция человеческого развития стремится ассимилировать уже известные теоретические подходы, связанные с двумя важными идеями. Одна из них — идея удовлетворения «базовых потребностей» и вытекающая отсюда патерналистская ответственность государства. Другая — доктрина экономического развития, где экономический рост — средство, позволяющее увеличить расходы на развитие. *Однако в рамках концепции существенно меняются акценты: именно сами люди являются центральным звеном динамического процесса изменений.* Об этом совершенно определенно говорится в Докладе по Европе и СНГ. «Развитие должно удовлетворять не только их (людей) физические желания, но также духовные и другие потребности и ожидания. Вложение ресурсов в обеспечение образования, здоровья, питания и материального благосостояния является ключевым элементом развития человека... Развитие человека означает гарантированное соблюдение прав человека — прав граждан демократического общества, могущих участвовать в принятии решений... как представителей меньшинств, имеющих право исповедовать свойственные им религиозные убеждения и следовать своим обычаям; как экономических субъектов, способных реализовать коммерческие инициативы (в результате благоприятной для бизнеса экономической среды); как потребителей, использующих доступ к информации о вредных продуктах и неадекватных услугах и защищенных от этого. Развитие человека включает в себя также обеспечение права на безопасность личности и безопасную окружающую среду»²⁷⁴.

Все отмеченные направления развития человека значимы, но и они не исчерпывают перечень его возможных изменений. Для развития человека также важны возможности реализации его субъективности, творческая самореализация, общение, сохранение свой индивидуальности и т.д. Все эти формы развития человека носят социально-исторический характер, осуществляются неравномерно и имеют социокультурные и природные границы.

Современная ситуация человека — мир расколотых возможностей

В начале XXI в. мы живем в разделенном мире. Масштабы этого раздела определяют собой фундаментальный вызов, брошенный мировому человеческому сообществу. Этот вызов имеет отчасти морально-этический характер и смертельно опасен. Массовая бедность и

постыдное неравенство являются столь ужасающими бедствиями нашего времени — времени, когда мир гордится головокружительными достижениями в науке, технике, промышленности и накопления богатства, — что стоят в одном ряду с такими проявлениями социального зла, как рабство и апартеид. «Совокупные доходы пятисот самых богатых людей мира превышают совокупный доход беднейшей части населения земного шара, которая насчитывает 416 млн человек. Между этими двумя полюсами находятся 2,5 млрд человек, живущих менее чем на 2 доллара в день, и 40% населения мира, на долю которых приходится 5% мирового дохода. Для сравнения: на долю богатейших 10%, из которых почти все проживают в странах с высоким доходом, приходится 54%²⁷⁵. Это крайнее неравенство выражено в статистических показателях, но за этой статистикой — жизни и надежды людей. Каждый час более 1,2 тысячи детей умирает, не привлекая внимания СМИ, из-за бедности, которую можно при наличии соответствующих условий и программ, в отличие от природных катаклизмов, преодолеть. С момента публикации первого Доклада о развитии человека (1990) прошло 15 лет. За это время положительные результаты достигнуты, но они еще незначительны по сравнению с масштабом проблем, который предстоит решать. В среднем жители развивающихся стран стали более здоровыми, лучше образованными и менее бедными, а вероятность жизни в условиях многопартийной системы повысилась. С 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 2 года. Ежегодно в этих странах умирает на 3 млн детей меньше, и на 30 млн детей больше посещает школу. Свыше 130 млн человек избежали крайней нищеты. Вместе с тем, в 2003 г. в 18 странах с совокупной численностью населения 460 млн человек был зарегистрирован более низкий, чем в 1990 г., ИРЧП, что свидетельствует о беспрецедентном регрессе. В условиях все большего процветания мировой экономики каждый год 10,7 млн детей не доживает до пяти лет, а более 1 млрд человек живет в условиях ужасающей бедности — менее чем на 1 доллар в день. На этот масштабный регресс в развитии человека оказала влияние пандемия ВИЧ/СПИДа. В 2003 г. она унесла 3 млн жизней, еще 5 млн человек инфицированы²⁷⁶. Если сохранятся подобные тенденции до 2015 г., то цели ООН в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, не будут реализованы, а мир по всем признакам движется к провалу в области развития человека. И это не только констатация современной ситуации человека в мире, но *риск масштабного, цивилизационного характера*. Возможные последствия такого раскола возможностей, когда большая часть населения планеты бедствует и лишена воз-

возможностей развития, и существует на грани физического выживания, а другая имеет проблемы с перепотреблением и обладает всеми возможностями для решения проблем, в том числе и при переходе от «общества труда» к «обществу знания», могут оказаться непредсказуемыми для всех. Что касается России, то согласно последним данным, «в Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни мужчин снизилась с 70 лет в середине 1980-х до 59 лет на сегодняшний день, что ниже, чем в Индии... Если показатели смертности останутся на том же уровне, около 40% сегодняшних пятнадцатилетних мужчин умрут до достижения ими 60 лет»²⁷⁷.

Есть ли альтернатива «последнему человеку»?

Ценность человеческой жизни — это не просто вопрос о физическом выживании, хотя без него трудно говорить об иных возможностях. Ценность человеческой жизни — в зарезервированной за ней возможностью создать уникальный жизненный проект развития своей личности, творческой индивидуальности, способной стать автономным субъектом морального выбора, индивидуальности, способной к идентификации с Другим, имеющей сострадание и уважение к Другому. Человеческая жизнь — это социальное пространство и время реализации личности в соответствии с определенными ценностями. Какими ценностями будет руководствоваться современный человек и какова будет их иерархия — вот проблема нашего времени²⁷⁸. Может быть, понимание другого как самого себя, тоже желающего реализовать свой жизненный проект — ценность, способная нас объединить всех, как людей? Конечно, она не единственная, но фундаментальная. «Людам демократического общества становится особенно трудно принимать всерьез вопросы общественной жизни, имеющие истинное моральное содержание. Мораль требует различать лучшее и худшее, добро и зло, а это видимым образом нарушает демократический принцип толерантности. По этой причине “последний человек” более всего начинает заботиться о собственном здоровье и безопасности, поскольку здесь нет противоречий»²⁷⁹.

Идею «последнего человека» выдвинул Ф.Ницше, и его озабоченность его приземленностью и ограниченностью горизонта жизни разделялась и повторялась многими мыслителями нового времени (А.Токвиль, Г.Тард, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Согласно Ницше, живое существо не может быть здоровым, сильным или продуктивным, если не живет в определенных горизонтах, в определенной системе

ценностей. «Ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит своей победы, ни один народ не завоюет своей свободы» без таких горизонтов, без любви к работе, которую они любят «в бесконечно большей степени, чем она этого заслуживает»²⁸⁰.

Современное образование стимулирует тенденции к релятивизму, при котором все горизонты и все системы ценностей относительны. Оно утверждает, что нет привилегированных точек зрения, и таким образом посредственному стыдится нечего, т.к. его образ жизни не лучше и не хуже других.

«Последний человек» в конце истории *знает*, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди дрались друг с другом, решая, следует быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком, немцем или французом. Верность флагу, которая вела людей на отчаянные акты храбрости и самопожертвования, последующей историей была квалифицирована как глупый предрассудок. Современный образованный человек вполне удовлетворен сидением дома и одобрением самого себя за широкие взгляды и отсутствие фанатизма. Как сказал о таких людях Заратустра у Ницше: «Ибо так говорите вы: “Мы всецело действительность, и притом без веры и суеверия”; так выпячиваете вы грудь — ах, даже и не имея груди!»²⁸¹. И весь вопрос в том, согласны ли мы быть «последними людьми»? Наш выбор одновременно и есть выбор общества, в котором мы хотели бы жить.

Глава 4. Утопия как эпифеномен реформаторства

Об утопии как специфическом способе моделирования в соответствии с определенным общественным идеалом написано немало — и философами, и футурологами, и социологами, и политиками. Но интерес к проблеме не ослабевает, о чем свидетельствует обширная современная литература, в том числе и отечественная, по данной теме.

Этот интерес к теме утопии (к ее природе, связи с общественной практикой, роли и значимости в духовном опыте человечества) объясним: в ситуации быстрой трансформации, да и просто ломки общественных структур, в условиях изменения ценностных ориентаций и мотивации группового поведения, когда жизнь социума часто вырывается из-под контроля желающих упорядочить ее политиков, утопия более непосредственно и значимо, чем в условиях стабильности,

включается в общественное сознание и общественную практику на правах структурообразующего элемента, определяя порой и способы, и общий вектор осуществляемых преобразований, при этом позволяя человеку удерживаться «на высоте мысли и чувства» (Свентовский) в вихре порой мало объяснимых, а когда и не принимаемых им событий.

Проблема утопии в современном социально-философском знании

Прогностическое содержание утопии всегда так или иначе воздействовало на реальный ход общественного развития, ведь активизация утопического сознания, как замечает Е. Шацкий, свидетельствует (и инициирует, добавим), с одной стороны, о появлении социально-политического кризиса, а с другой стороны, о наличии силы, способной выйти из этого кризиса, приняв новые ценностные ориентации, в том числе и ценности, утвердившиеся в массовом сознании в форме утопического идеала. Вот почему в наше время обращение социально-философского знания к проблемам утопии как способу переоценки ценностей исторического субъекта и поиска моделей общественного устройства, отвечающего требованиям времени и ожиданиям, закономерно как с точки зрения потребностей самого знания, так и с точки зрения запросов социальной практики. Более того, оно приобретает особую значимость и актуальность.

Естественно, утопическое сознание с той поры, как выявило себя, изменилось и по форме, и по содержанию: сегодня оно не лишено сциентистского флера, связано с иными ценностными ориентациями, выражает совсем другой уровень критической рефлексии. Но при всем этом оно остается утопическим сознанием, подтверждая истинность высказывания: «пока человечество живо, будет жить и утопия». И дело не только в природной склонности человека к фантазиям, в извечном стремлении жить в соответствии с собственными представлениями о должном и совершенном — дело еще и в том, что к утопии приводит каждый раз своеобразная *логика самой мысли*. Утопических выводов, как замечает А. Валицкий, требует какая-то «изначальная аксиома». Последняя связана со стремлением человека увидеть (и объяснить) в потоке исторических событий скрытую от его глаза цель, позволяющую связать воедино свое настоящее с прошлым и будущим человеческих поколений. Эта познавательная потребность соотносится в равной степени как с жаждой совершенствования существую-

щих форм жизни, так и с желанием «заглянуть в будущее», «навести мосты» между последним и собственным бытием. Можно сказать, что эта черта человеческого сознания составляет его родовую сущность, входит в не разрушаемый временем его архетип. Поэтому утопия есть «вечный спутник» социально-философского познания, а ее концептуальная разработка — непреходящий объект историософского осмысления и интерпретаций, предмет философии истории как знания о ценностях и смысле истории. Недооценивать этот факт — значит недооценивать конструктивную роль историософского знания в целом.

В разное историческое время утопическое сознание по-разному влияет на архитектонику последнего, но каждый раз сохраняет свое место в его структуре. Конечно, немаловажное значение для факта сохранения утопии (напомним, внеучной формы познания) в наш прагматический век имеет то обстоятельство, что повседневная жизнь людей, порой чаще, чем прежде, подтверждает невозможность полной рационализации их бытия, демонстрирует непреходящее стремление к формам жизнедеятельности, соответствующим идеалам, к некоему трансцендентному по отношению к действительности образцу. Нельзя не согласиться с Э.Я. Баталовым, который, отстаивая «право на жизнь» утопии, пишет: «Утопия — “искаженное”, «перевернутое» отражение социальной реальности, но в полифоническом сознании эпохи утопия всегда оказывалась исторически необходимым элементом и условием: она помогала “высветить истину”». И сегодня, когда наука завладела многими ключевыми высотами в области культуры, утопия сохраняет за собой *социально-познавательную функцию*²⁸².

В качестве социокультурного феномена и, соответственно, *предмета* философско-исторического анализа утопия предстает:

1) как специфический способ мироощущения, образ мышления коллективного субъекта, т.е. как сложный социокультурный процесс детерминации духовными факторами жизнедеятельности социума, важнейшим из которых является критическое восприятие существующих способов организации последнего;

2) как воплощение (в сознании) идеала общественного устройства, в качестве альтернативы существующему порядку вещей и в этом смысле как особый способ осмысления окружающего мира, результатом которого является вполне конкретная, хотя и умозрительная, модель общественного устройства;

3) как компонент целеполагания, связанный с проективной деятельностью сознания, и в этом смысле «генератор высших идеалов» (В.Д. Бакулов), социальных норм и образцов в наиболее рафинированной форме;

4) как специфическая форма ценностного освоения реальности, включенная в социально-историческую практику и влияющая на трансформацию (перестройку, замену, ломку, уничтожение) существующего строя, образа жизни, моделей социального поведения.

Ниже внимание будет уделено последнему проявлению утопии, которое предполагается рассмотреть как *эпифеномен реформаторства*. Самой существенной характеристикой утопии в этом виде выступает практическая направленность: она, по образному выражению Мэмфорда, есть «утопия реконструкции», которая выполняет роль своеобразного «консультанта» в осуществляемых преобразованиях, в «строительстве дома, который соответствует нашим потребностям и запросам». В качестве таковой она сопрягается с существующей идеологией, представляя, условно говоря, ее другой полюс и по этой причине, с одной стороны, испытывает со стороны последней постоянное влияние, вернее, давление. «Те метаморфозы и превращения, которые происходят в идеологической сфере целеполагания, самым непосредственным образом обуславливают особенности метаморфоз и превращений, связанных с утопией, выступают своеобразной матрицей ее видообразований и форм»²⁸³. Нередко это влияние провоцирует превращение утопии в *утопизм*. Явления гораздо уже по содержанию и смыслу феномена утопии, но в некоторых условиях определяющего характер и направленность утопического сознания в целом.

Смысл утопизма в убежденности возможного и непосредственного воплощения идеала в земных реалиях, в конкретно-исторической модели общественного устройства. Утопизм, как отмечает Е.Л.Чертова, есть преобразование утопии в «практический материализм, в котором *идеальные абсолютные ценности становятся конечными практическими целями*»²⁸⁴. Если давать совсем краткое определение утопизму, то следует повторить Г.В.Флоровского: утопизм есть отождествление идеала и факта, абсолютных ценностей и реалий действительности. С другой стороны, сопряжение утопии с идеологией «провоцирует» ее на активное включение в практику осуществляемых социально-политических преобразований. Эта сторона утопического сознания, как известно, акцентирована в концепции К.Манхейма, а ее оценка, по сути, стала исходной посылкой для рассмотрения утопии как способа не только осмысления, но и преобразования действительности²⁸⁵.

Обращение к обозначенной теме включает вопрос: какие характеристики утопического сознания определяют его место в практике реформирования «на правах» компонента социального проектирования и элемента реформаторства? Именно он и предлагается к рассмотрению и обсуждению.

Критическая рефлексия и утопический идеал

Самая общая предпосылка любой реформы — интеллектуальный прорыв к реальности как к предмету критики и объекту социальных преобразований, сближение сознания и практической деятельности в «точке исторического выбора», ставящей общество перед необходимостью определения направления и способов трансформации бытия в соответствии с поставленной целью. Это есть общее условие успешности реформаторской деятельности, ее соответствия перспективам развития социума. Но «прорыв» к реальности может быть различным с точки зрения адекватности его действительности. Условием этой адекватности является не просто критика, а «*критическая рефлексия*», интенцией которой как «инструмента очищения и развития сознания»²⁸⁶ до уровня, свободного от интеллектуальной невменяемости, становятся поиски выхода из осознаваемого тупика на основе позитивного знания. Она и ее «результаты» (рекомендуемые формы жизни и предлагаемые на этой основе модели социальных преобразований) начинают играть роль «движущего фактора» общественной жизни. «Рост рефлексии, — как справедливо отмечает А.С.Ахиезер, — означает усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей озабоченности, своей критики»²⁸⁷.

Критическая рефлексия — это такая форма осмысления действительности, в которой *момент отрицания подчинен продуктивному конструированию объекта* (мыслимого или реального). Если сознание не достигло ее уровня, остановилось на простом неприятии бытия, то не следует рассчитывать на успех реформаторства. Об этом свидетельствует вся его история, и в частности российская. Так, предложенная декабристами модель развития России не была принята и понята общественным мнением в том числе и потому, что оппозиция не учитывала исторических реалий (неготовность дворянства к принятию конституционного правления и отмене крепостного права, низкий уровень экономического развития страны, отсутствие социально-экономических и юридических основ для свободного предпринимательства в деревне, жесткая сословная структура, сковывавшая развитие буржуазных отношений в обществе), их влияние на возможности и способы реализации предложенной модели. По сути, это была попытка «*контрафактического моделирования*» (Экштут), что в немалой степени и стало причиной неудачи восстания, быстрой расправы самодержавия с оппозицией, когда в короткий срок были раздавлены

ны лучшие интеллектуальные и нравственные силы нации. Даже если бы восставшие на какое-то время смогли одержать верх над правящей династией, их дело, т.е. программа преобразования российского общества, было обречено на неудачу: контрафактическое моделирование, не учитывающее существующей социально-политической «фактуры», в которой живет социум, не имеет жизненных сил, необходимых для осуществления реформ²⁸⁸.

Переломный момент наступил в 40-е гг. XIX в., когда критика, утвердившись в качестве принципа философствования и отношения к действительности, начала перерастать в критическую рефлексию. С этого времени составляющей национального самосознания становится проектирование будущего, исходя из существующего положения вещей. Именно соотнесение с реальностью (состоянием и объективным вектором общественной жизни) определило пафос прогностических изысканий того времени и вызвало к жизни целый ряд моделей возможной перестройки российского общества. Каждая из них имела свой «код» расшифровки будущего страны — славянофильский (модель самодержавной власти и отношения России к Западу на основе развития собственной самобытности — И.К.Аксаков, И.В.Киреевский, А.С.Хомяков), социалистический («русский социализм» — А.И.Герцен, Н.П.Огарев), либеральный, в центре которого было требование создания правового государства и гражданского общества (К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин), натурфилософский с обоснованием идеи культурной перспективности славянского этноса (Н.Я.Данилевский, Н.К.Леонтьев) и др. При всем своеобразии каждой их объединяла бесспорная ориентация на решение больших вопросов российского общества и обращенность к российской культуре и ее истокам, т.е. выход за пределы умозрительных схем, попытка конструирования будущего с опорой на анализ исторических тенденций и фактов.

С этого момента эмоционально-оценочное отношение к жизни общества дополняется убеждением: «все, что было в прошлом, и все, что произойдет в будущем, образует один ряд», на отказе от мысли о возможности неподготовленного историей «идеального общества» в пользу идеи «прорастания» будущего «здесь и сейчас», в недрах существующего строя, на признании закономерностей, естественной связи между всеми этапами социальной (экономической, политической, духовной) истории, между целью человечества (если таковая есть) и его конкретным историческим бытием. Развитие самосознания до уровня критической рефлексии обозначило поворот к интерпретации социальных реалий с позиций мировоззрения, обращенного

к авторитету Знания, свидетельствовало об интеллектуальном прорыве к социальной реальности. Субъектом такого самосознания являлась прогрессивно настроенная часть общества, уже не ограничивающаяся созерцательной критикой. Начавшееся в сфере знания о природе «научное расколдовывание» мира распространяется на сферу социального познания и, соответственно, на исходный элемент социального моделирования — общественный идеал, с которым теперь соотносится не только религиозная Вера и просвещенный Разум, а и научное Знание.

Пафос социальной критики определила ориентация на позитивное преобразование бытия в соответствии с критериями утвердившегося в сознании общественного идеала. Таковой связывался с развитой формой *социального порядка* (общественного строя) — именно этот критерий вошел в проективную работу общественного сознания и содержание утопических изысканий на правах ее структурообразующего элемента. Социальный порядок мыслился как некоторая константа, входящая в генофонд социума, сохраняющая при всех переменах времени (если эти перемены не разрушают исторически сложившуюся общность) и фиксирующая главное направление движения по пути совершенствования — достижения справедливого, благополучного, свободного, т.е. «хорошего общества», если давать определение на современном языке социально-философского знания, — общества, стремящегося «к объединению свободы и благ, свободы и справедливости»²⁸⁹. Ссылкой на современную идеологию мы подчеркиваем тот важный для нашего рассмотрения проблемы факт, что общественный идеал фиксирует те желаемые изменения, которые конструируются массовым сознанием, что он уходит своими корнями в повседневное бытие, в реальную жизнь людей²⁹⁰. Именно поэтому он становится *общественным* идеалом, с одной стороны, и *фактором* предлагаемых «сверху» преобразований, с другой стороны²⁹¹.

Общественный идеал есть обязательный спутник всякой критики, поскольку критическое отношение к действительности предполагает, что ее субъект дистанцируется от последней в форме оценочного отношения к ней. За спиной каждого идеала всегда кроется неудовлетворенность настоящим. Но на уровне критической рефлексии общественный идеал перестает быть догматом веры в возможность прыжка в «лучший мир» — туда, «где розы без шипов растут» (Державин), позволяющей перерыв временной необходимости истории. Он, оставаясь моделью будущего (желаемого) общества, начинает восприниматься в соотнесенности с ходом истории, с пониманием, что в процессе развития всякое сущее *не преобразуется, а преобразуется*.

Характеризуя должное, общественный идеал находит место в структуре массового сознания как средство ориентации в действительности, как регулятивный принцип человеческой деятельности и одновременно как критерий ее оценки. На уровне критической рефлексии общественный идеал обосновывает идею бесконечного развития, приобретая значение, как писал П.И.Новгородцев, критерия для различения «вечный святынь от временных идолов и кумиров», для определения пути, по которому не просто должно, а следует идти²⁹².

В этом качестве он всякий раз выступает не отвлеченной нормой, «предносящейся» человеческому уму, а результатом интеллектуального творчества. Он вырастает из идеи (одновременно обосновывая ее), что историческая жизнь всегда будет областью бесконечных исканий (в этом смысле «дурной бесконечностью»), способных, однако, через их практическое осуществление приближать человеческую жизнь к совершенным формам. Иными словами, на уровне критической рефлексии основным определением идеала в его отношении к миру эмпирической жизни становится «понятие о нем как о требовании вечного совершенствования»²⁹³, не имеющего «логического конца», но в своем временном, поэтапном осуществлении коррелирующего с социальным бытием, которое формирует его исторически-конкретное содержание. Такой идеал, снова вспомним Новгородцева, не может быть ни бескрылым, ни бестелесным: включая элемент неосуществимости, он вместе с тем оказывается достаточно «заземленным». Деля критику соизмеримой с запросами и нуждами социальной практики, он в силу своей недостижимости в мире вещей выводит ее за границы трансцендентного, что и определяет меру ее практической целесообразности.

Безусловно, ориентация всякого идеала на абсолютное «таит в себе опасность нежелательного преодоления некоей рациональной грани, за которой благо может перейти в свою противоположность», т.е. в идол²⁹⁴. С этим связан один из основных парадоксов общественного идеала. Вот почему для него важна включенность в реформаторскую практику в качестве идеального конструкта для оценки действительности с точки зрения меры долженствования. Ибо только практика полагает реальные границы, отделяющие его от грез и фантазий, от превращения цели исторического движения в идол, подчиняющий себе жизнь поколений. Идеал — руководство к действию и цель этого действия.

Другими словами, на этапе критической рефлексии общественный идеал, уходящий своими корнями в утопию, фиксирует единство идеального и материального (практического), предлагая оценить

действительность, как писал С.Н.Булгаков, «по двойственному критерию: при свете временной целесообразности, преследования очерченных задач истории, и при свете религиозного сознания, чувства вечности, живущего в душе». Ибо «равнодействующая истории идет по диагонали, определяющейся этими двумя перпендикулярами и более приближающейся то к тому, то к другому»²⁹⁵.

И еще одно существенное для нашего рассмотрения проблемы замечание. Способность сознания сформулировать идеал, пригодный к реализации в ходе реформаторской практики, свидетельствует не только о необходимом уровне критики, но и о достигнутом уровне развития самой действительности, ставшей объектом критики. Этот уровень связан с ее готовностью войти в новый исторический цикл и принять связанную с ним форму бытия. В этот период на первый план выдвигаются проблемы цели и смысла человеческого существования и, соответственно, проблемы социального идеала и социальной критики. Поэтому критическая рефлексия всякий раз инициируется кризисным состоянием общества, когда у возможности выявляются векторы ее реализации, а исторический выбор становится требованием времени, когда история бросает «Challenge» (вызов) существующему, а общество переводит свой «Response» (ответ) на уровень практических действий.

Это тот этап в развитии действительности, с которым связано не только «брожение умов», но «брожение общественных форм», которое убеждает людей в целесообразности и правомерности вмешательства в исторический процесс. В такой ситуации абсолютное в идеале приобретает значение мотива человеческой деятельности, что, в свою очередь, делает его и связанную с ним критическую силу ума «двигателем» реформации. В свою очередь апробация (хотя бы частичная и поэтапная) идеала, включение его в практику социальных преобразований открывает историческую перспективу и для самого идеала: его содержание корректируется, наполняется новым, соответствующим требованиям времени, смыслом.

Я не случайно так много внимания уделила природе общественного идеала. Дело в том, что утопия, а современная особенно, именно через общественный идеал, формирующийся в массовом сознании, без участия которых сегодня невозможны никакие социальные преобразования, внутренне связана с социальным моделированием и часто именно она выражает уровень критической рефлексии как предвестницы реформ. Общественный идеал — это стержень любой утопии, и эта связь неразрывна, она заложена в структуре утопического сознания. Критическая рефлексия и общественный идеал — это

два столпа, на которых стоит современная утопия, через которые исторический субъект «перекидывает» тот «мост», что соединяет настоящее с будущим — и в практике реформирования, и на уровне ее осознания как интеллектуальной (или правящей) элитой, так в равной степени и массами.

Какие черты утопического сознания обеспечивают жесткость этой «конструкции»? Этот вопрос и есть главный в проблеме связи утопии с практикой реформаторства.

Утопия и практика реформаторства

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо обозначить те общие критерии, которые характеризуют утопическое сознание как «перевернутое» отражение действительности, вместе с тем позволяют рассматривать его с точки зрения практического, действительного воздействия на реальность.

Во-первых, любая утопия «строится» вокруг определенного общественного идеала, играющего роль *мерки*, в соответствии с которой предлагается осуществить изменения. Утопист, как правило, не знает средств воплощения в жизнь предлагаемой модели, он может ошибаться в вынесенном им диагнозе, в определении причин «социального недуга», но он знает тот главный критерий, которым следует руководствоваться, дабы не идти «против течения» масс, вопреки их представлениям о должном и желаемом. Он «прикладывает» его к реальности, предполагая, что он не только не идет вразрез с исторической целесообразностью, но и отвечает ее сближению с процессом совершенствования форм общественной жизни. С этой установкой связан позитивный, конструктивный смысл утопии. Утопия тем и отличается от мечты, что в ее основании лежат некоторые общие (нравственные, политические, эстетические, социальные) *нормативные принципы* «построения» мира. В этом смысле утопическое сознание — телеологично по своей природе. «Утопист обязан мыслить и толковать историю, — писал Г.В.Флоровский, — в категориях телеологических — как развитие, как развертывание врожденных и предзаложенных задатков, как прорастание и созревание зерна, как самоосуществление некоего “плана” или “энтелехии”»²⁹⁶.

Опираясь на защищаемый общественный идеал, утопическое сознание постулирует расхождение «должного» и «действительного», но одновременно как бы и снимает его «приравниванием» общественного идеала факту эмпирического будущего. Прочитированный

выше Флоровский, обращая внимание на этот момент утопизма, обвинял его в недозволённом «этическом натурализме», утверждающем веру в самоценность и преобразующую силу социальных форм. И был прав, хотя, наверное, отчасти. Но он же признавал, что включённость идеала в эмпирическую действительность свидетельствует о предельной действенности добра как силы. «Этический натурализм хочет быть этикой воли, а не только регистрирующей этикой оценки»²⁹⁷. В этом, по его мнению, состоит самый большой соблазн утопии и ее притягательная сила. Именно эта черта утопического сознания объясняет живучесть утопии как способа социального моделирования и ее очевидной связи с практикой реформирования, если последнее не реализуется в откровенном и циничном противостоянии к массам.

Правда, с «этическим натурализмом» связана и другая составляющая утопического сознания — его консерватизм. Ведь, разлагая мир на «позитивные» и «негативные» элементы, оно всякий раз испытывает потребность проделать обратную работу, замещая вытесненные «негативные элементы» сконструированными «позитивными», желает вернуться, условно говоря, к некоторой «статике». В этой связи возникает вопрос, не раз волновавший исследователей утопии и самих утопистов: а не убивает ли утопия саму идею будущего? «Самая ужасная тирания никогда не стремилась к такому безусловному задержанию прогресса, как многие утопии, намеревавшиеся стереть всякую тиранию с лица земли», — не сомневался А.Свентоховский²⁹⁸. «Общественный утопизм есть выражение веры в завершенность, в конец прогресса», — был уверен Г.В.Флоровский²⁹⁹. Думается, однако, что позитивное содержание утопии как выражение надежд человека на будущее, всечеловеческой установки на лучшее (то, что Э.Блох назвал «принципом надежды» в утопии) сильнее этих негативных моментов. К тому же у утопического сознания есть «защитные механизмы»: заземляя общественный идеал в конкретное общественное устройство, оно одновременно «поднимает» человека над повседневностью и ее целями — сытостью, благополучием, богатством, рождающими социальное мешанство. Неприятие последнего как сопутствующая сторона «этического натурализма», есть его интенция (хотя и не всегда реализующаяся)? и потому все-таки не статика, а динамика является сутью утопии.

Наиболее яркий пример тому из истории утопий дает так называемый «русский социализм» А.И. Герцена и Н.П. Огарева с его критикой капиталистической цивилизации — ее системы ценностей, образа жизни, стандартов социального поведения при понимании, что

именно она обеспечивает тот плацдарм, из которого «прорастают» ростки ожидаемого будущего, которое, в свою очередь, будет двигаться к новым общественным формам³⁰⁰.

Во-вторых, всякая утопия — это предвосхищение будущего, основанием которого является идея целесообразности истории. Как разновидность ценностного подхода к действительности, реализующегося в конструировании желаемого мира «по образцу», утопия, как и реформа, «объективно всегда ориентирована на опережающее отражение социальной жизни»³⁰¹. С одной стороны, это ведет к своеобразному логическому провиденциализму, но, с другой стороны, именно в силу этого утопия вполне может оказаться «преждевременной истиной». Ведь любая утопия своими корнями уходит в существующую реальность — и потому, что ее содержание определяется критикуемым «социальным материалом», и потому, что она всегда выражает чьи-то интересы и устремления, отражая структуру сложившихся в обществе приоритетов (культурных, экономических, политических), и потому, что лежащие в ее основании социальные «нормативы», несмотря на их всеобщность, всегда исторически-конкретны, поскольку детерминированы, в конечном счете, реальными потребностями живущих людей. Хотя порой заимствуя свой материал из действительности, утопия придает им до неузнаваемости причудливые формы. В этом смысле она подобна «кривому зеркалу», в котором мир отражается в «перевернутом виде». Но как бы зеркало ни искажало реальность, оно все-таки отражает те объекты, которые находятся перед ним.

Иными словами, утопические модели всегда несут черты исторически определенной ступени развития бытия, и то, что было утопией сегодня, может стать действительностью завтра. Напомню, что этот момент отмечал еще Ф.Энгельс, признававший, что утописты прошлого «гениально предвосхитили множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»³⁰².

В-третьих, поскольку утопическое моделирование — это всегда своеобразное «интеллектуальное обновление» существующего (в нем усиливается или отрицается то, что имеется в реальной жизни), любая социальная утопия «есть обратная проекция настоящего в прошлом или будущем. Утопия как бы удваивает мир, надстраивая над реальным миром ирреальный мир мечты»³⁰³. Правда, смоделированная все-таки по логике «интеллектуального произвола», утопия начинает жить по своим собственным (порой иррациональным) законам, становясь неадекватным, своеобразным «дублем» действительности. Но и в этом случае утопия входит в ткань общественного сознания в качестве одного из тех его элементов, которые мо-

гут стать на какое-то время его структурообразующей составляющей. (Например, идея коммунизма и ее роль в развитии общественного и индивидуального сознания в социалистический период истории нашей страны.)

Поэтому утопия может обладать немалой конструктивной силой. Несогласие человека принимать мир таким, каким он для него существует, «подкрепленное» картинами возможного и желаемого будущего, будоражит мысль, вводит в состояние эмоционального напряжения, порождает чувство дискомфорта и решимость к переменам, провоцирует на акции гражданского неповиновения. Биполярное напряжение между реальностью и желаемым формирует сознание, в соответствии с которым люди начинают понимать, что вполне могут перестроить мир в соответствии со своими представлениями о должном.

Эта черта утопического сознания есть один из главных критериев, отличающих его от простой фантазии. С утопией связана *следующая* после нее ступень интеллектуального освоения социальной реальности. «В первой фазе люди, сказавшие “нет” обществу, в котором они живут, ожидают изменения существующего порядка в результате внезапного, сверхприродного и внешнего воздействия; во второй фазе люди полагают, что сами способны установить новый общественный порядок. ...Вторая фаза требует человеческого действия»³⁰⁴. Последнее и есть то самое главное, что характеризует утопию на современном этапе. Не случайно автор наиболее популярной сегодня концепции утопии К.Манхейм, придерживающийся, правда, наиболее радикальной оценки природы и роли утопии, выделяет ее действенный характер как сущностную характеристику утопического сознания вообще. Таковым он называет только то, трансцендентное по отношению к бытию, сознание, которое, «переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»³⁰⁵. Можно сказать, что способность оказывать воздействие на сознание и поведение людей в направлении развития их критической рефлексии (самосознания) и роста социальной активности, — это «родовая» характеристика утопического сознания. Вспомним, что на идеях уже упоминавшегося «русского социализма» сформировалось не одно поколение людей, вошедших в отечественную историю как не просто несогласных с самодержавием, но активно участвующих во всех акциях по его устранению — начиная от террора, кончая организацией массовых революционных действий по его низложению.

Названные характеристики утопического сознания делают его своеобразным *эпифеноменом реформаторства*: его критический компонент порождает недовольство существующим, а образ совершенного устройства — жажду созидания нового. «Утопия — мать всех реформ, всех усовершенствований в истории общественной жизни», — считал А.Свентоховский³⁰⁶. «Во всех реформаторских действиях заключен элемент утопизма, без него они даже немыслимы», — отмечал А.Фогт³⁰⁷. Утопия — «это интерпретация существующего порядка и — в большинстве случаев — программы его изменения», — уверен М.Ласки³⁰⁸. «Утопия и реформизм» называет свою работу Х.Маравалль. Не исключая, что в приведенных оценках содержится преувеличение, нельзя не согласиться, что, погружая человека в состояние неудовлетворенности и поиска лучших форм социальной организации, побуждая (а точнее, вынуждая) к отысканию способов преобразования, реконструкции действительности, утопия, несомненно, становится в какой-то момент из предвестницы будущих реформ их *спутником*, входя в практику реформирования в качестве ее структурного компонента. Она не только подготавливает общественное сознание к социальным преобразованиям (что само по себе чрезвычайно важно, ибо ни одна реформа не может рассчитывать на успех, если общественность, массы к ним не готовы), но и выявляет в реальности «точки роста» ее возможной перестройки.

И это объяснимо: утопия своими корнями уходит в ту особенность человеческого сознания, которая связана с его склонностью и способностью строить планы. А это свойство соотносится с жаждой совершенства жизненных форм, с потребностью преобразования мира в «направлении к лучшему». «Утопия — принцип всего прогресса; без утопистов далекого прошлого люди продолжали бы нищенскую жизнь в пещерах», — писал Анатолий Франс. «Прогресс — это реализация утопии», — был уверен О.Уайльд. Людям свойственно приближать будущее к собственному бытию, хотя бы в фантастических грезах. Поэтому, даже в случае, когда утопический проект очень далек от действительности, он выступает как поиск путей решения существующих социальных задач. И.Кант, определяя значение утопии Платона, писал: «Хотя этого совершенного строя никогда не будет, тем не менее следует считать правильной идею, которая выставляет этот “*maximum*” в качестве прообраза, чтобы, руководствуясь им, постепенно приближать законосообразное общественное устройство к возможно большему совершенству»³⁰⁹. И, наверное, не случайно Томас Мор, создав свою «Утопию», в поисках ответа на вопрос, «как приближать законосообразное устройство», включился в политику (в

деятельность, наиболее соответствующую его статусу), стал членом Королевского совета, а затем лорд-канцлером. Правда, руководствуясь предложенным максимумом, плохо кончил — через 18 лет был обезглавлен, что, видимо, тоже не было случайным. Но, наверное, есть все же основания говорить о его «Утопии» как об интеллектуальном прорыве к реформам XVI в. и к революции в XVIII в. Во всяком случае, фантазирующие утописты и практикующие реформаторы связаны в истории какой-то таинственной логикой.

Любой реформаторский проект содержит элемент желаемого, а моделирование социальной реальности с необходимостью сопряжено с идеализацией, отрывом от действительности и потому с погружением, в той или иной степени, сознательно или бессознательно для его субъекта, в утопию. Но в этом несоответствии планируемых изменений результатам реформаторской деятельности кроется «своя правда»: силу инерции быстрее преодолевает не разум, а желание получить скорейший результат, подсознательное стремление человека выдавать желаемое за действительное. Опыт показывает, что чаще всего именно утопический элемент реформ мобилизует массы, «обворожающая» иллюзией близости их результатов. «Перед людьми, одушевленными общим стремлением к каким-нибудь практическим целям, всегда должно быть знамя, девизом которого являлось бы нечто, лежащее за пределами действительно осуществимого, утопическим, — писал А. Фогт. — Сила инерции, стремление к косности могут быть побеждены не тем, что осуществимо, а лишь неосуществимым, и лишь там, где стремятся не к одним только практическим, эгоистическим целям. Это одно из удивительнейших свойств человеческой природы»³¹⁰.

Поэтому реформаторы часто «превращаются» в утопистов, сознательно выбирая утопическую конструкцию: в противном случае, не имея в запасе привлекательных фантазий, они имеют «шанс» не получить поддержки даже у вполне умеренно («разумно») настроенной части населения. Вспомним пережитые нами 1990-е гг.: разве не сознательно наши реформаторы (и мы все сами) обманывались возможностью скорого достижения успехов на попроще перестройки социализма в капитализм за 100, 300, 500 и т.д. дней, а в качестве гарантии верности выбранного пути могли признать готовность президента «положить свою голову на рельсы»? Во многом сознательно, потому что в противном случае было бы «не раскатать маятник истории» и не мобилизовать всех на активное включение в перестройку. Сегодня подобные обращения к «обворожительной» и мобилизую-

щей силе утопии называют «черным пиаром». Правда, последний предполагает уж совсем откровенную, циничную спекуляцию на умонастроениях масс.

Но утописты — это, конечно, не реформаторы, ибо несогласие утописта с действительностью носит тотальный характер, чаще всего он думает не о замене каких-то «плохих» элементов действительности «хорошими», а о коренной перемене всего положения вещей, при этом сразу и бесповоротно. «Убежденный утопист всегда нетерпелив, — писал Фогт. — Он требует, чтобы переустройство государства и экономических условий жизни совершилось бы сейчас же и едва соглашается на самое короткое или переходное к реформам время. Возможность *немедленного* изменения общественных отношений — один из основных принципов утопической веры»³¹¹. Именно в практике реформаторства утопия принимает форму утопизма, о котором была речь выше. Ибо, включаясь в общественную практику *непосредственно*, она начинает испытывать давление официальной идеологии, господствующего политического интереса, борьбы социальных групп за власть, иными словами, из факта «социологического воображения» «становится важным компонентом социально-политического целеполагания, практической деятельности субъектов, первоосновой политических программ и идеологических построений»³¹².

Конечно, утопизм далеко не всегда является *«преднамеренным результатом»*, но его утверждение всегда является закономерным, ибо он внутренне связан с утопией, «латентно» (Бакулов) присутствует в ней. В утопизме вскрывается та черта утопического сознания, которая не лежит «на его поверхности», а с одной стороны, проявляется лишь при некоторых условиях, а с другой стороны, скрыта для обывательского взгляда, а именно: всякая утопия есть по своей сущности бунт и, как всякий бунт, бескомпромиссна. Или все, или ничего. Утопист — это максималист и по натуре «разрушитель», он лучше знает, как (и что) следует разрушать, нежели как и что создавать. При этом разрушать он предпочитает «до основания», потому что так легче, по его мнению, создавать новое, строить совершенный мир, свободный от пороков старого. Это приближает его порой к фигуре не реформатора, а революционера. В нашей отечественной истории часто эти две фигуры сосуществовали в одном лице. Может, осознание такой интимной близости утопии с утопизмом позволит более успешно корректировать сегодняшнюю ситуацию нашим реформаторам?

РАЗДЕЛ IV. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

Две главы данного раздела посвящены истории России – характерному для нее управлению и проблемам моделирования истории. Две другие – сегодняшним процессам вхождения в информационное общество и анализу демографических проблем как самих по себе, так и под углом зрения создания в России подобающего развития социального, человеческого и культурного капитала. В этом контексте данные понятия становятся важными характеристиками качества населения.

Глава 1. Ритмокаскады истории России

Моделирование истории занятие деликатное, ведь история не терпит сослагательного наклонения, но именно это мы многократно проделываем, создавая модель, подбирая ее параметры, сверяясь с ходом реального прошлого. Исторические модели автоматически являются и футурологическими, момент «сейчас» в них не выделен. Их предсказания в будущем тем надежнее, чем больше ретросказаний – совпадений с предсказаниями модели в прошлом, поэтому желательно иметь доказательное совпадение модели с историей на десятилетия, лучше на века. Здесь верификация модели через активный, физический, планируемый, воспроизводимый эксперимент невозможна, модельные гипотезы проверяются за счет «экспериментов» самой истории, за счет богатства неповторимого событийного материала. Причем концептуальная модель проверяется на моделях историй многих обществ.

Проблемы моделирования истории

Говоря на языке физического моделирования, мы восстанавливаем модель по известному временному ряду экспериментальных данных, а потом согласно этой модели продолжаем его построение в будущее. Решение такой задачи всегда неоднозначно, и сначала следует выбрать тип модели, что зависит от вкусов модельеров, но и после этого мы обычно попадаем в класс, так называемых некорректных обратных задач, требующих априорной информации.

Существует еще одна принципиальная проблема моделирования в истории, да и вообще в гуманитарном знании – отсутствие строгих, количественных критериев при описании культурно-исторических событий. Точнее, относительно надежные критерии существуют лишь для временных и географических данных событий, для экономических, демографических и социологических они быстро обесцениваются по мере погружения в прошлые века. О культурологических, социально-психологических критериях допустимо говорить только на полуколичественном языке тенденций, мнений и экспертных оценок.

Исторических моделей пока совсем немного. Помимо организмических классических моделей О.Шпенглера, А.Тойнби и Л.Гумилева, которые могут служить лишь первыми приближениями в реальных прогнозах, используются также циклические подходы, основанные на эмпирически наблюдаемых свойствах периодичности некоторых аспектов общественного развития (В.Хлебников, П.Сорокин, А.Чижевский, Н.Кондратьев, В.Маслов, С.Яковец, Г.Кваша). Однако в циклистике существуют свои непреодолимые проблемы: нет рождения, нет смерти, нет развития системы вне цикла. Кроме того, начиная с работ Римского клуба на основе ресурсного подхода строятся экономические модели развития стран, регионов и мира в целом, но при этом, как правило, в глобалистском подходе не учитываются культурно-исторические факторы развития.

В последнее десятилетие активно развивается математическое моделирование истории, основанное на синергетическом, целостном описании общества как нелинейной развивающейся системы (С.Курдюмов, С.Капица, Г.Малинецкий, Д.Чернавский, В.Белавин, С.Малков, А.Малков, В.Коротеев). Именно этот подход, на наш взгляд, сегодня наиболее перспективен.

Ритмокаскадный подход в истории

Одна из таких синергетических моделей истории России обсуждается ниже, причем моделируется развитие именно плохо формализуемых социокультурных и социопсихологических структур. Отметим сразу, что социально-экономический и геополитический аспекты в нашем подходе не являются доминирующими. Они скорее создают контекст, моделирование которого является отдельной задачей, исследуемой, в частности, в работах Д.Чернавского, С.Малкова и А.Малкова. Модель имеет горизонт ретросказаний в прошлое около 400 лет. Совпадение подавляющего большинства значительных исторических событий с моделью дает, на наш взгляд, весомые аргументы в пользу ее применимости к прогнозированию будущего России.

Модель не дает ответов на вопросы «что делать?», свободу воли она не отрицает, но помогает ответить на вопрос «мы где?», без понимания которого и делать то нечего. Ответ звучит теперь не привычной односложной метафорой, но разворачивается в целостном историческом контексте с генетическими программами взаимосвязей событий на десятилетия и даже века, как в прошлое, так и в будущее.

Еще раз подчеркнем, что наш подход отнюдь не отрицает также необходимость социально-экономического моделирования, но, скорее, дополняет его культурно-историческим прогнозом, без которого картина будущего вряд ли может быть представлена адекватно.

Хочется надеяться, что модель поможет повысить надежность стратегического планирования, понять природу нашего прошлого и настоящего.

В основу нашего подхода к моделированию истории положены три гипотезы: предположение о существовании социально-исторических архетипов, обусловленность архетипов нелокальным социальным полем, ритмокаскадная природа развития архетипов.

Гипотеза социально-исторических архетипов. Поведение целостной социально-исторической системы определяется небольшим числом *социально-исторических архетипов*, задающих базовые характеристики истории общества, его параметры порядка, если говорить синергетическим языком. Фактически речь идет о социальной генетике, об обращении к молчаливому знанию социума, его *социальному бессознательному*, воспроизводимому в культурных образцах, навыках, привычках, стилях мышления и поведения, тому, что прорастает из глубины времен в сегодняшний день и что неизменно проявится в будущем. Термин социальное бессознательное используется нами в

отношении социальной целостности в том же смысле, в каком индивидуальное бессознательное понимается в отношении личности или коллективное бессознательное — в отношении человечества.

Сценарии разворачивания социальных архетипов, их взаимодействия и трансформации определяют канву, стиль исторического развития общества. Значимые масштабные исторические события так же описываются на языке социальных архетипов, разлагаются по их базису.

Приведем теперь группы основных социально-исторических архетипов, которые мы выделяем в нашем подходе. Исходя из синергических представлений, удобно предложить следующую общую систему комплексных социально-исторических архетипов.

1. *Ценностно-целевые* (социокультурные аттракторы): религиозные, светские, личные, общественные ...

2. *Властные* (способы управления): корпоративные, либеральные, авторитарные, абсолютистские...

3. *Трансформационные* (положительные обратные связи): индивидуальные, пассионарные, коллективно-стихийные, протестные.

4. *Структурные* (иерархия, самоорганизация): бюрократические, элитарные, коллективные, соборные, сетевые.

5. *Адаптивно-синтезирующие* (типы гомеостаза и структура взаимосвязей социально-исторических архетипов): монархические, республиканские, либеральные, демократические, коммунистические, тоталитарные.

6. *Региональных напряжений* (фрактальность): локальные социальные напряжения, конфликты, акции гражданского неповиновения.

7. *Метасистемные* (сопряжение со средой, внешние управляющие параметры): межгосударственные войны, глобальные изменения культурных ценностей, мировоззрений, идеологий, международной и геополитической обстановки, масштабные стихийные и техногенные бедствия и катастрофы.

Не трудно понять, что первые четыре архетипа являются базовыми, их временной ландшафт задает исторический портрет общества. Кроме того, они являются составными, как минимум парными. В них явно прослеживаются оппозиции «коллективное — индивидуальное» и «вертикаль — горизонталь». Тем самым существуют не четыре, а по крайней мере, восемь базовых архетипов. Синтетический мультиархетип 5 определяет действующий в данный момент способ сборки базовых архетипов в конкретный тип общества, формации. Он также определяет и возможный спектр потенциальных альтернатив общественного уклада. Архетип 6 является маркером скрытых

болезней и проблем данного общества, его болевых точек. Мы специально выделяем его из пятого архетипа, для такой большой неоднородной территории как Россия. Последний архетип 7 описывает развитие общества в контексте глобально-исторического процесса, что предполагает знание цивилизационных архетипов и способов реакции на них данного общества.

Гипотеза нелокального социального поля

Социально-исторические архетипы являются событийными проявлениями относительно устойчивых развивающихся структур социального поля, по сути, это *социально-полевые* архетипы. Действие социального поля опосредуется: с одной стороны, культурной традицией, событийной средой, практиками и сознанием людей, с другой – феноменами бессознательного полевого обменного взаимодействия людей, которое не обязательно связано с прямой коммуникацией индивидов.

Поскольку идеи социального поля не так уж популярны, в отличие от идей контактной коммуникации, материальной, в частности экономической детерминации социальной жизни, сделаем несколько пояснений.

Напомним, что феномены когерентного социального поля каждому хорошо знакомы. В простейшей, локальной форме они ярко проявляются, например, в поведении возбужденной толпы, болельщиков на стадионе, аплодирующих зрителей, солдат, идущих в атаку. Человек как бы «захватывается» состоянием и поведением коллектива, обычно этот феномен и ассоциируют с социальным, или групповым полем, локализованным на месте событий. Такой «захват» никогда не остается без последствий для личности: от фобий, стрессов и вытесненных комплексов, до неизбежного желания вновь пережить это пьянящее состояние единения, впечатление того момента. Таким образом, раз возникнув, социальное поле живет в нас, часто помимо нашего желания и знания о нем, тем самым делокализуясь во времени. Социальное поле укореняется через множественные повторения культурных образцов в традиции, воспитании, либо мощью разовой прививки-инициации-потрясения.

В архаических, традиционных обществах социальные архетипы были тонко гармонизированы в ритуалах праздников и повседневности, направленно инициируя, трансформируя человека, но не меняя общество, в нашем мире они творят историю.

Вот почему регулярные многотысячные митинги, народные празднества, активные военные действия, массовые молебны создают чрезвычайно мощные структуры социального поля, спланивающие либо трансформирующие общество, пробуждая в нем различные стороны человеческой природы, начиная от природы животной до высшей духовной. Наличие именно этих полевых структур позволяют стихии социального хаоса стать обществом.

Эти структуры тысячелетиями используются идеологами элит для управления обществом: в протестных формах для демонтажа старого, в утопических формах для строительства нового мира. Однако элита сама представляет один из социальных архетипов, живущий, как и другие архетипы, по законам самоорганизации. Элита может, если способна, поняв тенденции исторического развития, использовать, перенаправить энергию социального поля других архетипов, но не создавать ее, во всяком случае, в пределах времени своей жизни.

Ярким примером такой социальной инженерии является использование протестной стихийной энергии крестьянской России большевиками для успеха революции, свержения монархии, победы в гражданской войне, энтузиазма первой пятилетки; а на ее излете-трансформации для коллективизации, превращения единоличника в пролетария города и деревни.

Может возникнуть ощущение, что социальные архетипы несут в себе только мощные аффективные состояния и локализованы в области событийного проявления. Действительно, их впервые наблюдали именно так, через эти состояния (К.Левин). На самом деле феномен социального поля намного более тонок и впечатляющ. Он носит глобальный характер и не локализован в пространстве и времени. Последние, так называемые эффекты синхронистичности К.Г.Юнга, формируют и обнаруживают социальное коллективное бессознательное на уровне не локализованных в пространстве социальных систем. Они наблюдаются и в животном мире, это так называемый, внутривидовой феномен «сотой обезьяны», когда навык, условный рефлекс может передаваться без прямого контакта особей на любом расстоянии. В культуре, например, они проявляются в феноменах возникновения одинаковых стилей в искусстве в разных частях мира, в синхронном совершении одинаковых научных открытий, в явлениях сверх устойчивости традиций и религий в диаспорах в разных уголках планеты. А догоняющая модернизация народов третьего мира, которые как бы «считывают» западную культуру, хотя и на свой лад, преодолевая целые эпохи исторического развития? В частности, загадку возникновения планетарного

Осевого времени можно пытаться объяснить единым для всего человечества социополевым переходом к общим духовным ценностям: мировым религиям, философиям.

Современная физика, начиная с В.Паули и Д.Бома, строит пока предварительные квантово-полевые модели объяснения феномена синхронистичности. Сегодня нелокальные корреляции (эффект Эйнштейна-Подольского-Розена) в физике надежно экспериментально установлены, вполне возможно, что они отвечают и за нелокальные социальные поля. Как здесь не вспомнить, наряду с феноменами массового сознания и культурных традиций, идеи ноосферы Вернадского, третий мир Поппера или идеальные миры эйдосов Платона.

Ритмокаскадная природа социально-исторических архетипов

Базовые социально-исторические архетипы развиваются во времени относительно автономно друг от друга. Развитие каждого социально-исторического архетипа можно описать в кодах растущего *дерева ритмокаскадов*.

Далее используется подход моделирования эволюционирующих систем, созданный автором в 1996 г. и названный в работах [1–4] *методом ритмокаскадов*. Метод с успехом применялся к описанию сложных развивающихся систем, как живой, так и неживой природы. Речь пойдет о системах, формирующихся под действием некоторого фиксированного базового ритма-водителя. В исторических системах естественным ритмом является год. *Основные постулаты метода ритмокаскадов*.

1. *«Принцип максимума темпа роста ритмокаскадов»: сразу по завершении очередного периода происходит бифуркация его удвоения. Так последовательно образуется временной ритмокаскад— самый быстрый каскад Фейгенбаума.*

2. *«Принцип иерархической синхронизации ритмокаскадов»: в момент бифуркации в некотором ритмокаскаде все параллельно развивающиеся в системе младшие ритмокаскады (т.е. имеющие в данный момент меньший период) обрываются и стартуют, т.е. синхронизируются вновь от точки бифуркации по старшинству. Так возникают классы эквивалентностей ритмокаскадов— иерархические уровни.*

3. *«Принцип фрактальности — масштабной полноты ритмокаскадов»: в системе одновременно существуют все ритмокаскады, не противоречащие постулатам 1 и 2.*

В реальной системе фрактальный рост обрывается, например, из-за конечности числа иерархических уровней, исчерпываемости структурного потенциала. Так возникает собственное время жизни системы. Легко заметить, что ни на одном из уровней не существует сколь угодно долгого периодического процесса, всегда он рано или поздно обрывается, а затем возрождается вновь, и лишь на первом уровне не существует ни одного периода.

Следующим специфическим свойством дерева ритмокаскадов является наличие зон трансформаций-кризисов, или структурных резонансов – резких структурных перестроек системы, очередей бифуркаций от младших уровней к старшим. Максимальные трансформации предшествуют моментам последовательного удвоения базового периода на старшем уровне. Этой бурной, быстрой фазе предшествует «полуволна» вхождения в кризис и симметричная «полуволна» выхода из кризиса относительно среднего уровня, предваряемая предкризисным замедлением характерных ритмов в духе теории катастроф.

В частности, в работах В.Буданова, Л.Гумилева также показано, что временная фрактальность процессов является универсальным свойством систем, обладающих структурной иерархией доступа к обобщенному ресурсу. Замечательно то, что максимальная скорость фрактального роста, протекания ресурса на последующие уровни обеспечивается при последовательном удвоении размеров окон пассивности и точечных окнах активности в порождающей функции потребления, которая и реализуется в методе ритмокаскадов. Закон роста дерева ритмокаскадов реализует максимальную скорость эволюции системы и, вероятно поэтому, эволюционно предпочтителен, отобран природой. При анализе временных рядов сложных целостных систем методом ритмокаскадов необходимо аппроксимировать экспериментальную кривую деревом ритмокаскадов (одним или суммой нескольких), причем свободными параметрами являются лишь период ритма водителя и момент старта дерева ритмокаскадов.

Дерево ритмокаскадов – это матрица структурно-функциональных состояний системы, в данном случае социальной, которая растет, заполняется и изменяется со временем, с годичным шагом, по специфическому закону, увеличивая свою сложность и количество структурных уровней по самоподобному фрактальному принципу.

Строки ритмокаскадной матрицы отвечают следующим уровням системы, по старшинству, т.е. по очередности возникновения: 1 – субстанциальный; 2 – энергетический; 3 – реактивно-эмоциональный; 4 – рефлекторно-логический; 5 – информационно-интуитив-

ный; 6 – когерентный; 7 – волевой. Уровни с 8 по 14 повторяют назначения 1–7 уровней, но на следующем метауровне системы и т.д. Столбцы ритмокаскадной матрицы отвечают дискретным, качественным оценкам состояний уровней, например активности или пассивности.

Моменты активации-запуска дерева ритмокаскадов, отвечающих конкретным социально-историческим архетипам в далеком прошлом, в частности, задают кризисные ландшафты и очередность трансформаций состояний социума в эпохах перемен. Момент активации связан с мощным всплеском социального поля, например с войной или пассионарным толчком в смысле Гумилева, но не только. Это может быть любой яркий взлет когерентности состояния умов и желаний многих тысяч людей. Важно отметить, что фрактальная природа ритмокаскада позволяет нам писать историю не с «чистого листа». Это, обычно, требуется в физических моделях. Мы полагаем, что исторический момент активации архетипа есть его манифестация в одной из наиболее мощных зон трансформации (за минимальное время трансформируется максимальное число уровней), которых может быть неопределенно много как в далеком прошлом, так и в будущем. Сам же момент первоорождения ритмокаскада, скорее всего, восходит к архаическим эпохам и его распознать крайне трудно. Таким образом, могут существовать ритмокаскады более древние, чем государства, этносы и цивилизации, они уходят корнями в доисторическое прошлое человечества.

Специфическим свойством дерева ритмокаскадов является наличие зон трансформаций-кризисов, или структурных резонансов – резких структурных перестроек системы, очередей перестроек, начиная с младших «духовно-идеологических» уровней, к старшим эмоционально-энергетическим, субстанциальным уровням. Максимальные трансформации предшествуют моментам последовательного удвоения базового периода на старшем, первом уровне. Этой бурной, быстрой фазе предшествует «полуволна» вхождения в кризис и симметричная «полуволна» выхода из кризиса относительно среднего уровня, предваряемая предкризисным замедлением характерных ритмов в духе теории катастроф. Потенциальная история конкретного государства на предлагаемом языке представляется совокупностью социокультурных ритмокаскадов разного возраста, точнее архетипическим ритмокаскадным ценозом, задающим возможные предпочтения, стили и доминанты развития в каждый период времени. Реальная, событийная история может проявить эти потенциалы, и чем они выше, тем больше вероятность их проявления-реализации. Подчеркнем, что истории разных государств, конечно, зависят как от возра-

стной структуры архетипического ценноза, так и от национальных типов взаимодействия и весов архетипов, а также внешних вмешательств в систему архетипов.

Ритмокаскадная модель истории России

В приложении к России экспертный анализ показывает, что исторически значимые этапы и события за 400 лет укладываются на сеть из десяти ритмокаскадных деревьев, задающих своеобразную архетипическую систему координат. Сохраняя нумерацию и смысл, описанный ранее для ритмокаскадов произвольного общества, имеем следующий перечень ритмокаскадов для России:

1. *Духовно-религиозный*. Стартует от крещения Руси, особо значим в жизни государства вплоть до Елизаветинской эпохи, затем теряет энергетику, и проявляется в превращенных формах в XX в., особенно с конца Отечественной войны до наших дней, сейчас испытывает *крупнейшую трансформацию 2002–2010 гг.* Закладывает духовно-эмоциональный метауровень общества на последующие столетия. В период перестройки и по сей день является одним из основных «гарантов» ее мягкого бескровного сценария.

2. *Духовно-идеологический*. Стартует от Куликова поля, консолидирует общие цели власти светской, духовной и народа, рождает архетип национальной идеи. Многократно утрачивал энергию, период перестройки – один из таких периодов. Его возрождение, *обретение подлинной национальной идеи происходит с 2012–2018 гг.* Сегодня, к сожалению, можно довольствоваться лишь брежневским паллиативом «о дальнейшем повышении благосостояния». Пока народ не осознает настоящих исторических вызовов.

3. *Властно-корпоративный*. Стартует от Рюрика, дает образ коллегиального принятия решений на уровне элиты. Значим для России вплоть до Ивана III, затем теряет энергию. Возрождается в Екатерининскую эпоху вплоть до победы над Наполеоном, смягчая царский абсолютизм. Манифестирует в правление Александра II, а также в 1900–1914 гг. И в советский период с послевоенного времени. Его энергетика исчерпывается к 2012 г. Непосредственно перед перестройкой и во время нее испытывает спад.

4. *Властно-авторитарный*. Берет начало от признания легитимности царской власти Ивана Грозного патриархом Константинопольским. Манифестирует в эпоху от Елизаветы до Александра I, с 1942-го его энергия неизменна, яркие манифестации вплоть до 1970-х, сей-

час происходит его укрепление, завершающееся к 2006 г. Далее до 2060 г. этот архетип входит в максимум своих проявлений. В период перестройки он подавлен.

5. *Коллективно-соборный*. Стартует от Великого стояния на Угре, после которого Русь освободилась от порабощения. Когерентное чувство единства этноса. Манифестировал во время изгнания поляков, призвания Романовых, во времена правления Петра I, после отмены крепостного права. Его апофеоз в советское время, максимум манифестации – «советский народ» – 1970-е. Это был становой хребет Советского Союза, и он исчезает, точнее, трансформируется в 1982–1991 гг., переводя свою энергию на метауровень подсознания, в период перед исчезновением он обладает удвоенной энергией. Именно это первая истинная причина перестройки, именно это не позволило сохранить Союз. Его энергетика проявляется затем в 1998–2006-м, затем в 2020–2050-м.

6. *Элитно-бюрократический*. Стартует от основания дома Романовых. Находится в противофазе с коллективно-соборным архетипом, манифестирует от правления Елизаветы до отмены крепостного права, затем 1900–1956 гг. В перестройку переживал глубочайший кризис. Начало возрождения элиты 1989–1995 гг., именно ее манифестацию, только ее манифестацию мы и наблюдали до недавнего времени.

7. *Трансформационно-пассионарный*. Стартует от возникновения Запорожской сечи. Описывает жизнь пассионарного субэтноса в России: энергичных людей, склонных жить в условиях повышенного риска, начиная от беглых, казаков и кончая диссидентами и предпринимателями. Манифестирует почти во все войны и переходные периоды: во времена становления дома Романовых, особенно с эпохи Петра и до середины царствования Елизаветы, в конце царствования Екатерины, с 80-х гг. XIX в. по 1910-й, с начала Отечественной войны и далее с нарастанием, начиная с 1975 г. Пик манифестации пройден два года назад, трансформация 2003–2010 гг. переводит его энергию на метауровень подсознания социума, яркие манифестации в двадцатые годы и в середине XXI в.

8 и 9. *Трансформационно-коллективные*. Стартуют от крестьянского восстания С.Разина и дополняются ритмокаскадом восстания Е.Пугачева. В этих двух социально-исторических архетипах присутствует не только протестное начало, но также в стихийной форме заложены идеи либерализма, самоуправления и гражданского общества. Это «наш ответ» просвещенной Европе. Если крестьянская стихия антифеодалного протеста связана с именем Разина, то линия

вечевых республик Новгорода, Пскова и казацкого вольного самоуправления связана с выступлением Пугачева. Это действительно можно проследить, достраивая ритмокаскады в прошлое, так что Россия имела и имеет свой исторический путь к демократии, не менее древний, чем в Европе.

Интерференция максимально мощных зон манифестации этих ритмокаскадов, начиная с 1890-го по 1930-й, просто перепахала российскую государственность и культуру. Такого периода в России никогда не будет, такая интерференция уникальна, с ней, видимо, и связана возможность прививки двух европейских революционных течений, противостоящих друг другу и оседлавших эти архетипы: социал-либерализм и социал-коммунизм. Тогда, в 1917-м победил социал-коммунизм – превращенная разинская стихия крестьянского протеста «за всех опальных и кабальных», его могучая манифестация завершилась 1918–1925-м. Энергия проявлялась также в 1932–1940-м и 1956–1986-м так, что в перестройку она была уже на излете. Новая мощная манифестация ожидается только в середине века, видимо с возможностью возрождения и Советского Союза, хотя некоторое оживление этого процесса наблюдается в 2003–2018 гг.

Вторая линия реформ, идущих, как ни нелепо это звучит, от Пугачева, точнее, уроков пугачевщины, привела к Февральской революции. Так была использована энергия этого либерально-протестного архетипа. Большевики, видимо, извлекли свои уроки из Французской революции и решили не раскачивать маятник, не смешивать идеологии, они «срезали» либеральную часть политического спектра в стране, кого в эмиграцию, кого в лагерь. Однако пугачевский архетип на сто лет моложе разинского, он быстрее восстанавливается, кроме того, социальное поле нельзя уничтожить в подсознании людей, даже если нет лидеров.

И действительно, энергия либеральных реформ этого архетипа проявлялась уже в пору юности А.Пушкина (не случайно он хотел писать историю пугачевского бунта) и победы над Наполеоном 1812–1820-м, далее в 1852–1868-м. Мощная трансформация-пробуждение начинается 1895–1901-м, далее непрерывная манифестация вплоть до 1931-го. Возрождение энергии с 1964-го, в перестройку в 1984–1988-м вновь не надолго подключается когерентный уровень надежды, который «светил» ранее строителям коммунизма 1960–1975-го, а после, в 1990–1992-м окрылял реформаторов-радикалов, – он и окрашивает перестройку в романтические тона. Волевые начала проявляются с 1991-го по 2008-й, далее его манифестация максимальна в 2010–2025-м и к 2030-му переходит в режим строительства новых

форм проявлений. Таким образом, 1991 г. действительно был реваншем Февральской революции, несмотря на то, что ее буржуазные корни десятилетиями вытаптывались.

10. *Синтетические архетипы.* В XX в. эти 9 базовых социально-исторических архетипов России поочередно объединяют синтетические адаптивные архетипы: монархический, социалистический, демократический. В монархическом архетипе сборки доминирует авторитарный архетип, в социал-коммунистическом советском варианте доминирует трансформационно-коллективный архетип общинного типа, сегодня в демократическом архетипе России доминирует трансформационно-коллективный архетип социал-либерального толка. Соответствующие ритмокаскады, стартовавшие в 1922 и 1991 гг. сегодня существуют не виртуально, но проявлены как архетипы СНГ и молодой России.

О России сегодня

Демократический архетип российской государственности совсем молод, 14 лет – это подростковый возраст самоидентификации, выбора пути, идеалов, пробы сил, осознания ответственности и начала самостоятельной жизни. Все болезни переходного возраста налицо, в частности неуважение к предыдущей общественной традиции, пренебрежение ценностями культуры, подражательство и желание сиюминутного успеха.

Здесь нечему удивляться, ведь в формировании демократии сегодня в первую очередь участвует энергия двух архетипов: социал-либерального, трансформационно-пассионарного, которые и обновили элитно-бюрократический архетип, также ярко манифестирующий. Эти архетипы в советское время были не только не востребованы, но их носители подавлялись и частично уничтожались. Грех братоубийственной Гражданской войны не был осознан и искуплен в примирении всех слоев общества до наших дней. Социально-полевая целостность нации была разорвана в 1920-е гг. революционными экспериментами, которые на первых порах приносили ошеломляющие успехи. Этот разрыв удерживался 70 лет колоссальными напряжениями пропагандистской машины. Не приходится удивляться, что через два поколения такая система начала самодестраиваться, трансформироваться, восстанавливая полноту социального спектра и свою адаптивность.

О перестройке. Перестройка, которую начал М.С. Горбачева только заложила тридцатилетнюю череду бурных трансформаций, смутной эпохи перемен. Хотя, как мы видели выше, признаки начала будущей перестройки явно осознавались с 1982 г., а на уровне тонкой экспертизы можно было понять, к чему мы идем, уже с 1976 г. Скажу об опасности прямых исторических аналогий, которыми иногда увлекаются. Отметим, что 250 лет назад мы имели такое же ритмокаскадное расписание трансформаций общества. От смерти Петра I до воцарения Екатерины II трансформировались все 8 социальных архетипов, в том же порядке, с тем же темпом, в тех же фазах. Однако ритмокаскады были помоложе, энергетики было больше и перераспределена она была иначе. Энергетическую роль социал-либерального архетипа выполнял духовно-религиозный архетип. Пассионарную энергию легко гасили в победоносных войнах с Турцией и Европой. И действительно, Петр не Брежнев, а «дщери петровы» не клуб либеральных президентов, но время социальной молодости прошло и мы сейчас строим общество XXI в.

С чем связаны иллюзии перестройки? В первую очередь с тем, что никто не предвидел распада СССР. Хотя Бжезинский и западные спецслужбы говорят, что знали; на самом деле, хотели и готовили его распад, но ничего не знали в 1985-м, просто сейчас цену себе набивают. Более того, энергия социал-либерального и пассионарного архетипа набирала силы, пробивалась через идеологические заслоны. Идеологический архетип был бесплоден, резко ослаблен, элитно-бюрократический архетип испытывал глубочайший кризис. Остальные архетипы также не имели ресурса. И только коллективно-соборный архетип когерентного общего дела, единства устремлений обладал удвоенной энергетикой трансформации в 1982–1989 гг., перед переходом в латентное состояние. Видимо М.С. Горбачев, да и многие другие полагали, что это надолго, это и есть конструктивный социальный ресурс перестройки, которая должна соединить преимущества социализма и рынка, поставить интересы общего планетарного дома над интересами национальными. Этого нельзя было не чувствовать, я помню этот энтузиазм 1985–1987 гг. Объявленная идеологизация поставила в относительно равные условия конкуренции все три энергонесущих архетипа. Но один из них неожиданно для всех самоликвидировался, его энергия иссякла, и программа социал-демократического синтеза Горбачева не состоялась. После этого несбалансированная государственная система быстро хаотизировалась и развивалась уже по законам самоорганизации. Винить Горбачева в этом нельзя, т.к. других стратегий и ресурсов в России просто

не было, мы не Китай, который сохранял свою социально-полевую целостность тысячелетия и для которого распад нации — просто непредставимая трагедия. Советская империя имела в своем составе метрополию — центральную Россию со времен Московской Руси возраста 600 лет и территории, заселенные русскими в Сибири. Украине в составе России менее 350 лет, а в западных областях много меньше (это проблема целостности уже Украины). Остальным территориальным приобретениям России, республикам Средней Азии, Кавказа от 200 до 100 лет. Естественно, что удержать в этих условиях неуправляемую страну, да еще когда «помогают» западные доброты, было можно только на уровне метрополии. Я думаю, что в ближайшие годы возможна, и уже началась, повторная сборка постсоветского пространства на базе общности стратегических геополитических интересов его субъектов.

Это не значит, что программа Михаила Горбачева невозможна в другой стране или даже в России XXI в. Условия ее реализации, а также возможность возрождения Союза вполне допустимы в середине века. Скорее всего, программа Горбачева — это «воспоминание о будущем», именно в этом его основная заслуга перед потомками. Будущее не строится сразу набело, дается несколько попыток, пока архетип не окрепнет и не станет доминировать, первая попытка сделана Горбачевым. Эта программа будет важна для сценариев глобализации в третьем мире, да и модернизации Запада в условиях мобилизационной кризисной эпохи перемены.

Два слова относительно ритмокаскадных архетипов западной социал-демократии. Первый интернационал образуется одновременно с возникновением Германии в 1871-м. Можно определенно сказать, что ее возрождение, следуя ритмокаскадной теории, должно было состояться в 1992—1998 гг., что в точности совпало с периодом объединения Германии, и не случайно Горбачев был повитухой этого процесса.

О метаархетипах. В заключение перечислим некоторые архетипы западной цивилизации и их ритмокаскадные трансформации для всего глобализирующегося мира.

Христианство — крупнейшая трансформация от Рождества Христова произойдет в середине XXI в. Это будет христианский Ренессанс, рождение духовно-рационального ноосферного метауровня, «антропологический поворот» человечества к духовности.

Идеалы Великой Французской революции: их первая трансформация — наполеоновские войны; вторая трансформация — революции и мировые войны первой половины XX в.; третья трансформация — войны и революции середины XXI в.

Синтез и усвоение миром духовных архетипов Осеевого времени как феноменов мирового Ренессанса.

По-видимому, XXI в. есть время ритмокаскадных трансформаций многих государств, среди которых Россия первая завершит такую трансформацию к 20-м гг., и будет способна решать сверхсложные проблемы цивилизационного кризиса. Другие участники мирового процесса только войдут в кризисные режимы. Важно понять, что происходит интерференция трансформаций многих архетипов цивилизационного масштаба. Кроме перечисленных выше изменений цивилизационных архетипов в середине века, происходит усиление протестантского и исламского архетипов, выход на сцену мировой истории великих восточных цивилизаций Китая и Индии и т.д.

Помимо сказанного, хорошо известны проблемы глобального экономического, экологического кризисов и великого демографического перехода в XXI в.. Намного меньше говорят о прогнозируемых резких геофизических изменениях на планете в ближайшие десятилетия, вовсе не связанных с техногенной деятельностью человека, которые просто перекроют географическую карту и смешают народы.

Все это свидетельствует об особой ценности, того краткого момента истории, когда в мире воцарилось доверие между бывшими врагами, и начал строиться общий дом народов Европы. Действительно можно сказать, что российская перестройка дала больше миру, в частности Европе, чем нам, россиянам, более отдаленные результаты еще могут оказаться благоприятными.

В заключение отмечу, что я умышленно не говорил о многих других причинах перестройки и распада Союза, в частности, об экономических причинах, о проигрыше в холодной войне, о инновационно-технологической неэффективности, о вековой мечте и усилиях соседей и великих держав ослабить и расчленить Россию и т.д. Об этом скажут другие. Я хотел показать, что даже вне этих причин существуют глубинные мотивы происходящего, которые лежат в сферах социального бессознательного, в сферах истории государственности России, которые живут и развиваются в своем фрактальном ритме, настигая нас, как цунами в спокойном море, в эпохах перемен.

Глава 2. Информация как фактор социального развития

XX век передал в наследство веку XXI имидж *постиндустриального и /или/ информационного общества*³¹³. И хотя следует согласиться с О.Тоффлером, что все определения нового социума не являются удачными, мы попытаемся все же определить роль информации в развитии цивилизации, в том числе «постиндустриального» общества.

К определению понятия информация

В повседневном общении *информацию* обычно связывают с получением новых, данных об объекте, событиях, поступающих по материальным каналам, средствам коммуникации, как правило, в закодированном, лингвистическом или математическом, виде, требующем *раскодирования*, т.е. преобразования ее на язык повседневности или специализированный язык применительно к области знания или практики, которым она адресована, и принятия решения. Любая информация предполагает *выбор* одного из вариантов вероятностного развития системы. Если выбор указан или подсказан, то говорят о *получении* (рецепции) информации. Если выбор произведен самостоятельно или случайно, это означает *возникновение* информации. Отсюда вырастает характеристика *ценности* информации, т.е. ее способности повлиять на результаты выбора. При этом ценность может быть как положительной, обеспечивающей позитивное развитие событий, так и отрицательной, т.е. сознательной или стихийной *дезинформацией*.

Но хотя понятие *информации* давно вошло в интеллектуальный лексикон, оно отсутствует в БСЭ 1935 года издания, под ред. О.Ю.Шмидта. Во втором издании БСЭ понятие *информации* ограничивается исключительно содержанием прессы. При этом упор делается на «правильную» и «ложную» информацию. В Словаре С.И.Ожегова 1981 г. *информация* употребляется уже в двух значениях: 1) сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемых человеком или специальными устройствами (*Теория информации*); 2) сообщение, осведомляющее о положении дел, о состоянии чего-нибудь. Напр. *газетная информация*. Второе определение приближается к понятию социальной информации, однако оно ограничено по своему объему и содержанию.

Более развернутое определение информации мы находим в статье Г.П.Смоляна в Новой философской энциклопедии³¹⁴. Однако упор в ней сделан на математическую *теорию информации*, что, безусловно, необходимо, но недостаточно. Действительно, *теория информации* сложилась в недрах математики как раздел кибернетики, анализирующий математические аспекты сбора, передачи с помощью технических средств, обработки и хранения информации и управления этим процессом. Теорию информации обычно связывают с именем К.Шеннона, который в 1948 г. предложил решение задачи определения оптимальной скорости передачи информации через технические средства, при которой вероятность ошибки будет сколь угодно мала. Он же ввел понятие количества информации

как уменьшения неопределенности знаний об объекте и положение об управляемости этого процесса, т.е. возможности влияния на один из вероятных его исходов.

С учетом этого момента одной из важных характеристик процесса информации является введенное Г.Кастлером качество *запоминаемости выбора* одного из вариантов, что определяет его преимущество по отношению к другим вариантам. Даже если выбор заранее не предопределен, т.е. начальные условия симметричны, то система сама, по воле случая, выбирает одно из вероятных состояний процесса и «запоминает» его. Так происходит *генерация информации*, вследствие чего она приобретает *ценность*³¹⁵. При этом информация системы может не совпадать и, как правило, не совпадает по качеству с информацией отдельных, входящих в нее элементов. Однако в процессе их отбора и запоминания происходит *генерация информации*, т.е. ее преобразование в соответствии с целью системы в целом. Под целью может быть понята такая интеграция информации, которая обеспечивает стабильность системы в будущем, либо имеется в виду ее распространение на метасистему. При этом различные элементы системы могут сохранять и свою собственную, приватную цель.

Информация имеет метасистемный характер, т.е. информационная значимость одной системы предполагает ответную реакцию аналогичной или контрсистемы. Их взаимодействие и объединяет их в метасистему со сложной информацией.

О плодотворности математического подхода к информации свидетельствуют достижения в области ядерной физики и астрофизики. В качестве примера сошлемся на обоснование на этой основа происхождения Вселенной³¹⁶.

Однако в рамках математического подхода сложились и другие направления и методы: определения информации, как формы представления *идеального объекта и адекватной передачи информации о нем* (знания, художественных образов, религиозных символов и проч.) (Л.Бриллюэн, В.Налимов, А.Моль). И хотя, как утверждает автор НФЭ, это не дало существенного продвижения самой теории, но свидетельствует о назревшей потребности расширения такого рода исследований с целью распространения их на *социально-культурную сферу*, что нашло отражения в трудах Д.Белла, М.Гелбрайга, П.Дракера, Дж.Маклюэна, Ю.Масуда, М.Пората, О.Тоффлера, Б.Есина, Л.Земляновой, В.Иноземцева, Н.Козловой, В.Розина, В.Федотовой, Е.Фейнберга и др.

Расширительная трактовка *информации* дает основание для объяснения ее роли и специфики проявления в социально-культурных процессах развития общества. Так, информация в обществе приоб-

ретает *коммуникативный* характер. Информация – это прежде всего *коммуникация, общение* между отправителем информации и ее получателем, что связано с наличием материальных средств коммуникации. И, во-вторых, полученная информация предполагает ее социальную реализацию потребителем, т.е. вовлечение в нее «других», иначе она утратит свое значение, и может быть оценена как шум. В связи с этим в сферу научного интереса социальной теории информации попадают не только ее содержание, но и технические средства коммуникации, их пропускная способность и конвертируемость.

По своему уровню универсальности теория информации может быть приравнена к теории экономического развития общества Марксом. При том что обоснование экономической теории происходило в период становления промышленного капитала, тогда как обоснование теории информации совпало с развитием постиндустриального общества. И подобно марксистской теории, обладающей познавательным потенциалом не только по отношению к современной ей эпохе, но и к прошлому и к прогнозированию будущего, теория информации по мере своего развития обретает также универсальный познавательный статус, как по отношению к настоящему, так и прошлому и будущему. В отличие от экономической теории, ориентированной на объяснение материально-экономического развития общества, теория информации имеет универсальный характер, а в расширительном смысле может быть ориентирована на анализ и характеристику социально-культурного развития общества. И хотя об информации как социальном феномене исследователи заговорили в условиях индустриального общества, бесспорно, что как элемент социально-культурного общения информация сопутствовала развитию человеческой цивилизации в целом, обретая на каждом ее этапе свойственные ей черты и функции.

Информация как фактор социально-исторического развития

На ранних стадиях развития традиционного общества информация может заявлять о себе в оральной, или визуально образной, либо, наконец, в символически закодированной (пиктография, иероглифы), доступной пониманию лишь посвященным) форме. Возникновение и развитие информации как социально-общедоступного явления стало возможно только с возникновением и распространением азбуки и счета. 25 или 30 знаков алфавита позволяют создать десятки тысяч содержащих информацию текстов, доступных пони-

манию всех, овладевших этим весьма ограниченным набором знаков. Изобретение десятичного счета позволяет оперировать количественными значениями (и, следовательно, информацией) сколь угодно больших величин³¹⁷.

Отметим здесь, что М.Маклюэн, один из ведущих теоретиков информационного общества в изобретении алфавита и счета видел недостаток европейской культуры, которая стала на путь замкнутого индивидуализма, ибо новые тексты позволяли «читателю» обособиться в своем восприятии информации, в отличие от визуальной информации древних народов и культур, предполагающей совместное, эмоциональное напряженное ее восприятие³¹⁸.

Изобретение алфавита и десятичного счета быстро стало универсальным кодом социальной информации: запись летописей, финансовых документов, священных текстов, дипломатической почты, школьных учебников и, наконец, частных сочинений, в состав которых вошли философские и риторические труды античности и сочинения европейских авторов. Однако изобретение алфавитного письма и десятичного счета порождало свои противоречия и трудности, отмеченные Маклюэном. В частности, использование азбучного письма и счета вело к размежеванию значения и смыслов, в том числе в священных текстах. Это ставило под сомнение некоторые значения «абсолютной истины» Священного Писания или по смыслам выходило за его пределы, что побуждало его блюстителей подвергать остракизму тексты, расходящиеся освященными религиозной традицией и их авторов³¹⁹.

Знаковая информация, как наиболее закодированная и требующая специального знания для ее декодирования, первоначально предназначалась для деятелей культуры, служителей культа и государства (перепись священных книг и интерпретация священных текстов, перепись населения и налогов, дипломатическая почта и т.п.). Для народных масс оставалась в силе наглядная информация, увязанная в основном с религиозными текстами. Этой цели служили великолепное убранство готических храмов, русская иконопись и пышная обрядовость церковных ритуалов. Не отличаясь однозначностью смыслов, они обладали огромным эмоциональным воздействием, тем более что их интерпретация осуществлялась служителями церкви, — в лучшем случае, вооруженными знанием источников, в худшем, — истолковывающими житие Божие и святых угодников по памяти. На этой почве стали возникать социально-культурные противоречия, раскол между благородным и «подлым» сословиями. Первое стремилось держать народные массы в неведении относительно скрытых

смыслов религиозных текстов, подлинных ценностей античной культуры и нарождающейся новой литературы³²⁰. Дороговизна папируса и пергамента, как материалов, пригодных для письма, и самого труда переписчика усугубляло это противоречие, что ускоряло процесс разделения знаковой и наглядной информации. Вместе с тем замена визуально-образной информации алфавитно-знаковой, с одной стороны, вела к образованию национальных языков и национальной культуры, но вместе с этим способствовала и развитию национализма и одновременно усугублению социально-культурного неравенства.

На Руси начало рукописной книжности положили в IX в. св. Кирилл и Мефодий своими переводами греческой, в основном церковной письменности, на старославянский (церковнославянский) язык, чему предшествовало создание славянского алфавита, осуществленное Кириллом³²¹. Это, с одной стороны, способствовало лучшему пониманию народными массами богослужений, но вместе с тем вело к обытовлению философского смысла греческой письменности, надолго отлучая русских книжников от сокровищ античной культуры. К тому же церковнославянский язык скоро был забыт не только мирянами, но и церковниками, осуществляющими службу по памяти и допускавшими бесконечные повторы и смысловые ошибки, со временем в изобилии накопившиеся в св. книгах при их переписке. Попытки патриарха Никона исправить накопившиеся в рукописных церковных книгах ошибки на основе сличения их с греческими первоисточниками, как известно, закончились трагическим расколом Русской Православной церкви. И только по повелению Петра и при его личном участии старославянская азбука была заменена новым современным алфавитом.

Начало массовой информации обычно связывают с техническим изобретением Гутенбергом печатного станка с наборным шрифтом, и распространением печати, примерно в 1440–1450 гг. Действительно, изобретение печати, совпавшее с развитием дешевого бумажного производства, вытеснило, наконец, многотиражными изданиями дорогую рукописную книгу, за которой сохранился в основном лишь значение раритета. Это существенно изменило статус информации и способы ее участия в социальной жизни. Не случайно Гутенберг признан самой выдающейся личностью II тысячелетия³²². Однако Маклюэн, относившийся весьма критически к алфавитному письму и всей связанной с ним культуре, увидел в печати глобальное изобретение, положившее начало европейской цивилизации с ее национализмом, и, подчеркивая универсальность этого события, определил его как «Галактику Гутенберга»³²³.

И все же отметим здесь, что изобретение Гутенбергом наборного шрифта и печатного стана отнюдь не было единичным явлением. Как свидетельствует Ф.Бродель, подобные изобретения с небольшими сдвигами во времени отмечены во многих городах Европы, что свидетельствовало о назревшей социальной потребности, исходившей от университетов и городских магистратов³²⁴. Первая печатная книга появляется на родине Гутенберга в 1452 г.; в 1564 г. первопечатник Иван Федоров совместно с П.Мстиславцем издали в Москве первую русскую книгу «Апостол», позднее, в 1574 г. уже во Львове вышла в свет первая славянская «Азбука»; в 1631 г. во Франции вышел первый номер еженедельной газеты; в 1665-м появился первый журнал. По мере развития полиграфии резко возрастают тиражи книг, что свидетельствует о росте общественной потребности в информации. Так, если до 1500 г. их общий тираж достигал 20 млн экземпляров, то в XVI в. счет шел уже на тираж изданий: в Париже 25 тыс., в Германии 45 тыс., в Англии 10 тыс. и т.д. Всего на 140–200 тыс. изд. В Европе, насчитывающей тогда около 70 млн жителей, приходилось до 200 млн экземпляров книг.

Некоторое время печатная книга оставалась в плену традиций рукописной книги, но очень скоро статус ее изменился. От издания в начале священных книг книгопечатание вскоре обращается к публикации научных трудов античной классики. На языке подлинников (латинский, греческий) появляются труды Евклида, Архимеда, Платона, Аристотеля и др. Их издание послужило прологом культуры Возрождения.

Постепенно книгопечатание обращается и к изданию научных, публицистических и литературных сочинений отечественных авторов, ставших информационной базой идей гуманизма и реформации. Сочинения Эразма Роттердамского, Н.Макиавелли, Т.Мора, М.Лютера, Ж.Кальвина, Т.Кампанеллы, Ф.Рабле, Мигеля де Сервантеса, В.Шекспира издавались сотнями тысяч экземпляров. Событием стало анонимное издание в 1515-м и 1517 гг. острой сатиры – «Письма темных людей», направленной против схоластики и клерикализма официальной церкви. Популярность «Писем» свидетельствовала о растущей гражданской зрелости радикальной части германского общества. Так критический дух нации, во многом сформированный книгой, переносится на социальные институты и общественные отношения. Эта трансформация книжной сатиры хорошо представлена Сервантесом в его ставшим классическим романе «Дон Кихот Ламанчский».

В 1644 г. в Англии Джон Мильтон в своей «Ареопагитике» выдвинул идею свободы мысли и свободы печати, осудив папство за его нетерпимость. Вслед за этим в результате «славной революции», за-

вершившейся реставрацией ограниченной монархии, в 1689 г. был принят Билль о правах, который провозгласил свободу слова как право, независимое от церкви и короля. С этого времени набирает темпы, развивается английская журналистика, так что XVII в. стал веком английских журналов. Требование свободы слова, совести и печати было провозглашено и в «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г., в которой, однако, были сделаны оговорки о необходимости преодоления злоупотреблений печатным словом. Знаменитая поправка, принятая американским Конгрессом к «Декларации прав», отделила прессу от государства. Это оказало огромное влияние на развитие прессы, открыв ей доступ к социальной и политической информации для широких масс населения.

Укрепление экономических и технологических возможностей печати в капиталистической Европе способствовало распространению наряду с книгой других средств информации: от воззваний, листовок до газет, привлекая массы к публичной деятельности. Так послания Кальвина, обращенные ко всем гражданам Женевы, во многом определили успех Реформации и откол протестантизма от Римско-католической церкви, что и определило самостоятельное государственное развитие протестантизма в Европе. Но решающую роль в развитии массовой информации в Европе сыграла все же газета.

К идее газеты печатники и издатели пришли достаточно скоро. Однако издание газеты требовало больших капиталовложений, и потому оно сразу попало под контроль власти или капитала. Так, первая газета национального масштаба («Gasett») была создана во Франции в 1631 г. кардиналом Ришелье с ведома Людовика XIII, интересы которого она и выражала. В 1703 г. по личному указу Петра в Санкт-Петербурге начала издаться первая российская газета — «Ведомости», печатавшая указы императора и другую полезную информацию. В «Ведомостях» Петра I главную роль в газете играл все же фактор политический, одновременно она носила и просветительный характер. Газета содержала много перепечаток из иностранной прессы, отдельные номера печатались на немецком и голландском языках. Это тоже было своеобразное «окно в Европу». Высоко ценил прессу Наполеон, считавший, что газеты по своей действенности равны полкам и дивизиям. В соответствии с этим он установил жесткий контроль над печатью. Потом Бисмарк вложил не мало средств в издание газет. В свих интересах он стал подкупать прессу и создал целую систему официозных, подкупленных изданий. Впрочем, эта практика распространена и в настоящее время.

По своему характеру пресса ориентирована на публичность. Так, еще в XVIII в. в Англии появляются ежедневные газеты и еженедельные журналы. И хотя и те, и другие были слишком дороги для индивидуального потребления, они становятся принадлежностью кофеев. С целью преодоления этого противоречия французский издатель Э.Жиарден убавил розничную цену своей газеты «Press» и в целях снижения ее себестоимости начал помещать в ней рекламу. За счет рекламы газета продавалась даже дешевле себестоимости. В целях коммерциализации прессы газетчики привлекали читателей рекламой романов Дюма и Ж.Санд. На этой почве формируется пресса для «обывателей». В 1770–80-х гг. возникают издательские концерны в США, Англии, Германии, России. Освобождение прессы из-под контроля политической власти не делает ее свободной. Печать демократизируется, но одновременно она коммерциализируется, обретая независимость от государства, она оказалась ангажированной капиталом. Вследствие постоянной экономической подпитки США обогнали все европейские страны по количеству газет и журналов. Конкуренция между монополиями за влияние на прессу приводит к тому, что наиболее дальновидные компании идут на предоставление курируемой им прессе относительной свободы. В итоге американская пресса стала претендовать и по настоящее время претендует на роль «четвертой власти».

Газета придала прессе массовый характер. Именно распространение газет позволяет говорить о mass media, или СМИ. Однако газета не заменяет книги. Если книга освещает вещи и самого человека «изнутри личности», т.е. служит ее самопознанию, то газета освещает социальные события «изнутри общества». Поэтому специфика газеты — показать изнанку общества. Вот почему для газеты «настоящие новости» — это «плохие новости», связанные с разоблачением всевозможных правонарушений. Газета, таким образом, становится в буквальном смысле средством массовой информации. Интерес к переменам, без которых нет информации, покрывается здесь также спортивными новостями, которые обретают национальное значение, и рекламой.

В XX в. на этой почве складывается разнообразие газет от относительно объективных, официозных и оппозиционных, до бульварной, «желтой» прессы. В целом же, по определению Ю.Хабермаса, пресса в индустриальную эпоху представляла собой, с одной стороны, ту публичную сферу, в недрах которой вырабатывалось общественное мнение, способствующее созданию гражданского общества, с другой, — она становится мощным средством манипуляции сознанием масс в интересах союза власти и капитала³²⁵.

Роль СМИ в социокультурном развитии общества

В качестве предпосылки к этому параграфу можно было бы взять известный афоризм М.Маклюэна – исследователя, поэта и пророка средств массовой коммуникации – «Medium is the Message», *средство есть само содержание*, и расшифровку его в специальной статье³²⁶.

Действительно, изобретение печатного станка, заложившего основы развития прессы, *послужило своеобразным прологом прорыва в индустриальную эпоху*, чему, по выражению Д.Белла, человечество обязано, «талантливым механикам», прекрасно разбиравшимся в технике, но имевшим слабое представление о современной им науке и не интересовавшимся ею. «Сэр Генри Бессемер, который открыл конверторный способ перевода чугуна в сталь, позволяющий снизить количество примесей и выплавить более прочный металл, имел очень малое представление об исследовании свойств металлов естествоиспытателем Г.Сорби. А Белл, один из изобретателей телефонов, будучи по профессии преподавателем ораторского искусства, искал способ передачи по проводам усиленного голоса, чтобы помочь глухим людям. Т.Эдисон, один из величайших гениев изобретательства (создавший лампу накаливания, фонограф и кино), был математически безграмотен и его мало волновали работы Дж.Максвелла, который вывел уравнения электродинамики в результате теоретического обобщения электрических и магнитных явлений. Точно так же и Г.Маркони, изобретатель беспроволочной связи, не был знаком с работами Герца о радиоволнах»³²⁷.

В результате изобретения и развития радиовещания, телевидения, кино наряду с дальнейшим развитием печати (книги, газеты, журналы) информационные коммуникации приняли массовый характер СМИ, или, используя англоязычную кальку – паблик рилейшнз, масс-медиа. С 60-х гг. прошлого века проектирование новой, в том числе информационной техники стало уделом самой техники. Это ускорило процесс развития СМИ с заранее проектируемыми свойствами. Естественно, этому сопутствовал переходный период.

Когда появилось радио и телевидение, Маклюэн сгоряча провозгласил конец «Галактики Гутенберга» и начало новой эры, которую позже он охарактеризует как «мировую деревню», в которой все будут поставлены в равные условия по отношению к информации, касающейся всех. Однако телефон, радиовещание, кино, телевидение не выходят за пределы средств коммуникации *индустриальной эпохи*. По существу, даже становясь массовыми, они остаются односторонними средствами коммуникации, по которым информация пере-

дается в одном направлении: от информатора к потребителю. И потому первый всегда сохраняет идейную власть над вторым, в результате информация принимает порой формы идеологии или откровенной дезинформации.

При советской власти распространение социальной и политической информации носило также строго вертикальный характер: от «Правды» до «Пионерской правды» и пр. Столь же однонаправленный характер имело и радиовещание.

Во время Второй мировой войны и особенно после нее, во время «холодной войны» со вчерашними союзниками в радио эфире развернулись настоящие информационно политические баталии. Попытки поставить «глушилки» способствовали лишь пробуждению любопытства и изобретательности умельцев.

Преодолеть информационную однонаправленность радиовещания в определенном смысле помогло телевидение, Маклюэн разделял средства коммуникации на «горячие» и «холодные». «Горячие» — это такие, которые оставляют потребителю минимум возможностей для домысливания. К ним он относил радиовещание. «Холодные» средства требуют соучастия потребителя. К ним относятся прямая речь, телевидение. Картинка телевидения, воспроизводящая наш повседневный опыт, сопровождается разговорным текстом, который в аналогичной ситуации мог бы быть и нашей речью³²⁸. Маклюэн связывал с телевидением и кино начало новой информационной эры. Телевидение, безусловно, демократизировало СМИ. Однако и оно остается в плену монополий и политических партий, которые, отдавая на потребу масс развлекательные и спортивные шоу, оставляют под своим контролем серьезные аналитические передачи.

WWW как технологическая основа информационного общества

Маклюэн не дожид до промышленного производства индивидуальных компьютеров и образования на их основе Сети Интернет. Но именно с этого начинается *новая информационная эпоха*, соответствующая постиндустриальному этапу развития общества. Именно с этого времени «основными ресурсами общества становятся не труд и капитал, а знание и информация». При этом, как отмечают специалисты, распространение и потребление информации как специфического ресурса производства не обладает большинством характеристик, типичных для обычных ресурсов. «Среди прочего было отмечено, что распространение информации тождественно ее са-

мовозрастанию, что исключает применения к этому феномену понятия *редкости*, а ее потребление не вызывает ее *исчерпаемости* как производственного ресурса»³²⁹.

Ряд исследователей рассматривает новые информационные технологии, формирующиеся на базе компьютерной техники, как специфический вид символической реальности. Так В.М.Розин определяет их как инженерно-семиотические. Их отличительной особенностью является возможность для человека не только наблюдать, но и активно в них участвовать в форме реализации в них традиционных культурных практик (наука, искусство, религия, мистика) и в форме *виртуальной реальности*, позволяющей решать противоречия между отдельным человеком и культурой³³⁰.

Одновременно происходят и другие сдвиги в производстве и потреблении информационно-технологических средств. Так, развитие электронных средств коммуникации, в частности электронно-вычислительных машин и на их основе персональных компьютеров, позволило математизировать и тем самым идентифицировать циркулирующую по их каналам информацию, что способствует внедрению ее результатов в сферу научного, промышленного, социального и собственно информационного проектирования. На этой основе и произошло самопорождение *Интернет-Системы*, или *Всемирной Паутины* — *WWW* как технологической основы информационного общества.

Таким образом, Интернет был востребован мировой общественностью, вступившей в фазу постиндустриального развития. Согласно изысканиям А.Г.Ваганова, датой его официального рождения принято считать 5 декабря 1969 г., когда в Америке три компьютера в штате Калифорния были объединены их владельцами друг с другом и с одним компьютером из штата Юта. Так возникла предтеча компьютерной сети. В 1989 г. американский ученый — компьютерщик Тим Бернерс-Ли изобрел способ свободного доступа в компьютерную сеть, превратив ее тем самым во Всемирную Паутину (WWW), или сеть Интернет. В 1990 г. Интернет включал в себя более 200 тыс. компьютеров, объединенных в 3 тыс. активных сетей, или серверов. К концу 1995 г. функционировало уже более 100 тыс. серверов, а к 2000 г. более 2 млн³³¹. В частности, появление компьютеров пятого поколения, и особенно Интернета, вызывает радикальные изменения в информационной сфере: открывает средства коммуникации для производства и снятия информации *любому человеку*, имеющему доступ к компьютерам и овладевшим их языком. Проблема информации, таким образом, перерастает, с одной стороны, в проблему компьютеризации страны, с другой, — информационного образования общества.

Но главное, проблемой проблем остается информатизация самого проектирования. Это обусловлено рядом обстоятельств: развитие современного производства приобретает все более наукоемкий характер, так что решающая роль в нем переносится на фазу ее проектирования, т.е. в исследовательские институты и специализированные лаборатории, оснащенные новейшей информационной техникой, доступной узкому кругу специалистов. Вытекающая отсюда информация в виде проектов, расчетов, будучи собственностью фирм, курирующих лаборатории, является по возможности хорошо засекреченной, т.к. от этого зависит ее конкурентоспособность на мировом рынке, ибо технологическое воспроизведение разработанных проектов — дело техники, т.е. вторичное. На этой основе вновь была востребована математическая теория информации и приняты на вооружение новыми направлениями технического проектирования. Простота его разработок способствует переводу всех программ на информационно-цифровую основу, что обеспечивает их проективную экономность и в случае необходимости — засекреченность.

Преимущество электронной информации как матрицы технического моделирования с передачей воспроизводства моделей собственным техническим системам было воспринято различными отраслями производства. Это привело к резкому сокращению рабочей силы — «синих воротничков», большинство которых перешло в сферу обслуживания или переучивается на специалистов по информатике. Одновременно в обществе увеличилось «досуговое время». Однако и организация «досугового времени» (ресторации, спорт, туризм и пр.) скоро стала предметом самостоятельного моделирования с учетом возможностей самих электронных СМИ.

Распространение электронных средств информации и их подключенность к сети Интернет наложило свой отпечаток и на традиционные средства информации, в частности печать, а также радио и телевидение: компьютерный набор сменил в печати традиционный, машинно-ручной. Радио транслирует свои передачи преимущественно с электронных записей. Программы телевидения «верстаются» на компьютере. Их общий растущий объем и память создают возможность организации вариативного набора информации, удовлетворяющего потребительские запросы зрителей с учетом их социально-культурного уровня. Тем самым закрепляется статусное предпочтение программ. В результате развитие разнообразия гражданского общества получает информационное подкрепление. Однако вместе с тем растет и информационная закодированность определенных социальных групп населения. В связи с этим встала про-

блема возрождения вариантности традиционных СМИ и одновременно специализация Интернет-программ с сохранением их собственной идентичности.

Целенаправленному развитию технических возможностей компьютеризации сопутствует процесс стихийно-сознательного расширения *Сети* — «Мировой паутины» — WWW. Ее характеризует пересечение различных каналов связи или потоков информации, обуславливающее хаотическое их переплетение, что и характеризует своеобразие Сети как «мировой паутины». В результате наряду с возрастанием роли Сети в системе проектирования новых средств информации она приобретает самостоятельное значение в качестве мощнейшего источника и коммуникатора информации. Мы не оговорились, характеризуя Интернет в качестве не только средства, но и источника информации. В нем присутствуют элементы деловой, публичной информации, межличностного общения, игровые и виртуальные тренды. Но одновременно он открыт и для дезинформации, дискредитационных и даже нецензурных. Это соотношение полезной информации и сопровождающих ее шлаков вызывает большие дискуссии о культурной значимости Интернета. Существует мнение о необходимости жесткой цензуры всего объема информации в Сети. Однако это невыполнимая задача. Ее осуществление убило бы Интернет. И даже если она отчасти выполнима, остается открытым вопрос, кто станет этим «цензором», или, по выражению У.Эко, «Старшим Братом». Мы усматриваем преодоление негативных сторон Интернета только за счет подъема общей культуры общества, в том числе собственных ресурсов Интернета.

Существующие в Интернете собственные ресурсы информации можно разделить на две категории: профессиональные и любительские. Достаточно распространенный случай — создание специалистами разных профилей высокопрофессиональных программ массовой информации. Это могут быть специальные программы, выполненные по заданию частных кампаний, интересы, которых в Интернете выражает наемный менеджер. Но это могут быть и авторские сайты, разрабатываемые отдельными любителями «для души».

Одновременно, так сказать, естественным путем, происходит размежевание, хотя и не явное, между элитарной и массовой информацией, что, в частности, находит выражение в тенденции возврата первой к классическим формам духовных ценностей, в том числе к книге, которые баррикадируются от «непросвещенной» публики «заумным» содержанием и «заоблачными» ценами», недоступными

«непосвященным»³³². Накопление социального потенциала этого противоречия чревато не только противостоянием элитарной и массовой культуры, но и духовным расколом общества.

Распространение электронных средств информации и их подключенность к Сети наложило свой отпечаток и на традиционные средства информации, в частности печать, а также радио и телевидение: компьютерный набор сменил в печати традиционный, машинно-ручной. Радио транслирует свои передачи преимущественно с электронных записей. Программы телевидения «верстаются» на компьютере. Их общий растущий объем и память создают возможность организации вариативного набора информации, удовлетворяющего потребительские запросы зрителей с учетом их социально-культурного уровня. Тем самым закрепляется статусное предпочтение программ. В результате развитие разнообразия гражданского общества получает информационное подкрепление. Однако вместе с тем растет и информационная закодированность определенных социальных групп населения. В связи с этим встала проблема возрождения вариантности традиционных СМИ и одновременно специализация интернет-программ с сохранением их собственной идентичности.

Переход к информационному обществу требует больших экономических вливаний на разработку фундаментальных информационных проектов, на развитие информационной инфраструктуры, на совершенствование массовой Интернет-продукции, в частности усовершенствованных компьютеров индивидуального пользования, наконец, на развитие информационного образования и переквалификацию его. «Современному обществу необходима новая система образования человека в течение всей его жизни, — констатирует Т.Стоуньер. — При быстрых изменениях информационной среды люди должны иметь возможность время от времени получать новое образование. В будущем периоды рабочей деятельности человека будут чередоваться с периодами его переподготовки»³³³. И как бы велики ни были затраты на это, ныне они становятся важнейшим фактором экономического, социального и культурного развития общества.

Уже в настоящее время Интернет становится мощным рычагом экономического функционирования, социального и культурного развития. Под Сетью сформировался новый пласт виртуальной социальности, объединяющий экономику, науку, философию, высокое и массовое искусство, религию, эзотерику, интимную сферу человеческих отношений и беспредельные игры. Можно согласиться П.Треанором, который оценивает это явление как *гиперлиберализм*, в котором наряду с достоинствами либерализма проясняются его дефекты. Так,

одной из ключевых структур либерализма является свободный рынок. Интернет, выступая как «рынок идей», обнажает и усиливает парадоксы либерализма и, в частности, саму идею свободного рынка. Однако в отличие от обнаженности социально-экономического либерализма, Интернет подвержен действию культурных и лингвистических барьеров, которые удерживают его на уровне консерватизма³³⁴.

Хотя идеология Сети, как уже отмечалось, предполагает ее равно открытый для всех характер, неравенство доступа к функционирующей в ней информации не подлежит сомнению. С одной стороны, информация есть *наиболее демократичный источник власти*, ибо все имеют к ней доступ. Однако в то же самое время информация является и *наименее демократичным фактором производства*, т.к. доступ к ней отнюдь не означает *обладания ею*³³⁵.

Постоянными его пользователями становятся наиболее образованные и наиболее оплачиваемые представители привилегированных слоев англоязычного общества. И даже по мере выхода Интернета за эти пределы остается существенное различие в уровне пользования — массовой, и в определенном смысле публичной информацией, на чем останавливаются малообразованные слои населения, и наиболее продвинутыми программами, которые являются уделом высоколобых спецов Интернет-информации, поставленной на службу бизнес корпораций или политических институтов. Они получают несомненные преимущества от использования информации, которая еще не стала предметом общественного достояния. Таким образом, остается в силе проблема доступа к новейшей информации. Таковы парадоксы *ги-перлиберализма Интернета*.

Россия на пути к информационному обществу

Перед Россией стоит задача всемерного развития Интернета как информационной сферы, оказывающей исключительно большое влияние на технологическое, экономическое, политическое, культурное развитие общества. Наряду с массовой компьютеризацией страны, открывающей широкий доступ к Интернету, особенно для молодежи, ей надлежит заложить *свое* пространство в Сети, перейти из стадии— WWW.ru на стадию ru.net'a, т.е. самостоятельной русскоязычной сферы, пересекающейся по принципу сообщающихся связей с англоязычной сферой, с тем чтобы воспрепятствовать превращению ее во все более американизированную и унифицированную Сеть, а также создания адекватной информационной среды

внутри страны. Только таким путем Россия сможет войти в информационное общество, что позволит обеспечить ее свободное развитие в мировом социуме.

Необходимость перехода Российской Федерации к информационному обществу тесно связана с изменением характера воздействия научно-технического прогресса на жизнь людей. В конце XX века скорость смены процессов технологических укладов в производстве, технологиях предоставления продукции и услуг и в управлении существенно увеличилась. Если в начале и даже в середине века такие смены происходили в периоды времени, значительно превышающие длительность жизни одного-двух поколений, то сегодня такая смена технологического уклада происходит за значительно более короткий срок. За это время кардинально меняется образ жизни большей части населения, социально-психологическая модель поведения людей и общества в целом. Особенно существенно начинают отличаться модели поведения нынешнего и растущего поколений – известная проблема «отцов и детей». Очевидно, что одним из факторов, способных в определенной степени ослабить давление на психику человека подобных изменений в образе жизни, является уровень информационной обеспеченности и подготовленности человека к грядущим изменениям.

Становление и развитие постиндустриального и, в частности, информационного общества в нашей стране становится предметом научных исследований, результаты которых внедряются в государственные программы и научные комплексы с целью их перепроверки, дальнейшего развития и реализации. В этой связи нельзя пройти мимо «Концепции формирования информационного общества в России»³³⁶. 6 лет, протекшие с момента ее подготовки (1999–2005) – время, казавшееся достаточным для накопления и осмысления инноваций в сфере информационно-технологических процессов, а также открытых ими новых технологических возможностей. Однако названная Концепция остается слабо знакомой широкой публике и по сей день нереализованной. Это и побудило нас к определенной ее реинтерпретации в контексте общей теории информации и в свете ее современных данных.

Цель Концепции, как ее поставили разработчики, – определение российского пути перехода к информационному обществу, основных условий, положений и приоритетов государственной информационной политики, обеспечивающих его реализацию. В Концепции формулируются политические, экономические, социально-культурные и технологические предпосылки и условия этого перехода и обосновы-

вается специфика российского пути к информационному обществу. Развитие в направлении к информационному обществу имеет глобальный характер. Отсюда очевидно неизбежное вхождение нашей страны в мировое информационное сообщество. Использование материальных и духовных благ информационной цивилизации может обеспечить населению России равенство в стартовых условиях для свободного развития общества и личности. Но Россия должна войти в семью экономически и информационно развитых стран на правах полноценного участника мирового цивилизационного развития с сохранением политической независимости, национальной самобытности ее культурных традиций, с развитым гражданским обществом и правовым государством.

Однако развитие России, вследствие долгого переходного этапа от постсоветского к современному постиндустриальному обществу, несколько затянулось и, главное, произошло смешение некоторых существенных экономических, социальных и культурных ориентиров. Это требует определенной реориентации России в современном мире и, главное, определения своих собственных приоритетов развития. Как убеждает современное развитие мира, Россия не может просто вписаться в существующий западный мир, завершивший стадию индустриального развития и перехода в постиндустриальное общество в нормальных условиях. Не приемлем для нас и путь «догоняющего развития», ибо он обрекает страну на повторение пройденного и определенную зависимость от лидирующих в этом движении стран.

Российский путь к информационному обществу определяется, впрочем, как и для других стран, ее собственными политическими, экономическими и социально-культурными особенностями, противоречиями и перспективами развития.

Среди них вслед за разработчиками Концепции отметим следующие: преодоление периода, не позволявшие государству быстро и эффективно решать экономические и организационные проблемы обеспечения перехода к информационному обществу; преодоление последствий регионализации страны, ограничивающих уровень и возможности централизованного управления экономическими и социально-культурными процессами; отсутствие свободных инвестиций для финансирования программ и проектов, реализующих стратегию перехода к информационному обществу; недостаточно высокий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и промышленного производства информационных средств, товаров и услуг; недопустимо высокий уровень монополиза-

ции средств массовой информации, слабая подконтрольность обществу СМИ как системы формирования общественного сознания; не востребованность независимой информации в государственном секторе экономики и одновременно рост информационных потребностей населения, молодежи в особенности.

Но одновременно с этим мы имеем: опережающее, сравнимое по темпам роста с развитыми странами, создание различных систем связи — каналов передачи информации и т.д. наличие, высокого образовательного, научного и культурного потенциала, созданного еще в СССР и сохраняющегося в современной России. Однако он начинает отставать от требований информационного общества; сравнительно дешевая интеллектуальная рабочая сила, которая еще способна ставить и решать сложные научно-технические проблемы движима лишь энтузиазмом.

Таким образом, наряду с трудностями существуют и определенные предпосылки перехода России к информационному обществу и, более того, по мере развития нашего общества ускоренными темпами вызревают новые предпосылки. *К ним могут быть отнесены следующие:* информация становится общественным ресурсом развития, масштабы ее использования стали сопоставимыми с традиционными (капитал, энергия, труд сырье и т.д.) ресурсами; в значительной степени информатизированы многие отрасли хозяйства, банковская сфера и сфера государственного управления в частности; в целом в стране, несмотря на экономические трудности, растет парк ЭВМ, ускоренными темпами идет развитие систем и средств телекоммуникации. Растет количество корпоративных информационных сетей и непрерывно увеличивается число абонентов открытой интернет-сети. Стремительно растет рынок средств мобильной связи с использованием SMS, особенно среди молодежи; в общественном мнении складывается понимание актуальности задачи перехода к информационному обществу с социально-политической и культурной точек зрения. Об этом свидетельствует и само появление Концепции государственной информационной политики, которая может рассматриваться как политика обеспечения начального этапа перехода России к информационному обществу.

Исходя из этого, *первичными стратегическими задачам перехода России к информационному обществу* в нынешних условиях являются: ее интеграция в мировое информационное сообщество на основе организации мощной русскоязычной Сети в Интернете — Рунета, ее наполнение духовным содержанием, отвечающим российским культурно-историческим традициям и ценностям, подключение к

ней национальных и региональных субъектов федерации и приобщение их культурными и лингвистическими особенностями единой Сети Интернета – Рунета. информатизация всей политической жизни страны с целью придания ей прозрачности, доступности общественному мнению; опережающее развитие информационных технологий, для чего в обществе имеются необходимые интеллектуальные ресурсы, и ускорение на этой основе темпов развития обновленной информационной инфраструктуры; информатизация всей системы общего и специального образования – от детского сада до высшей школы и последующих форм переподготовки специалистов; повышение роли профессионализма и способностей к информационному творчеству как важнейших характеристик человеческого потенциала.

Переход к информационному обществу полностью отвечает концепции устойчивого развития страны по типу постиндустриализма: формирование экономики, основанное *на знаниях*, а не на расширяющемся потреблении ограниченных природных ресурсов, на сокращении отходов производства путем их утилизации, и за счет этого решение глобально-экологических проблем. Переход к информационному обществу предполагает также повышение информационного уровня всего трудоспособного населения страны. Этот процесс должен быть обеспечен развитием системы информационных коммуникаций от домашнего компьютера до интернет-сети. Решающую роль в обеспечении процесса перехода к информационному обществу призвано сыграть *государство* в качестве координатора деятельности различных участников этого процесса и гаранта правовых механизмов, регламентирующих «равные правила игры» в Интернете для всех его участников. При этом государство выступает не только гарантом, но и катализатором происходящих перемен в интересах развития общества и личности: оно призвано вести борьбу с монополизмом и осуществлять контроль за концентрацией собственности в СМИ и телекоммуникационном бизнесе; гарантировать гражданам свободу слова в Интернете и других СМИ, независимо от их отношения к средствам массовой информации; осуществлять целенаправленное использование информационных и коммуникационных технологий для расширения диалога власти и представителей гражданского общества.

В итоге, вследствие реализации поставленных задач, Россия может выступить как носитель специфической цивилизационно-информационной модели развития, во многом корректирующей западные эталоны.

Глава 3. Современная демографическая ситуация в России как объект социальной философии

Как показывают многочисленные демографические исследования, численность населения Земли в целом, взятая на протяжении значительных промежутков времени, несмотря на отдельные колебания и спады, систематически возрастала, как и темп ее роста. Так, для того чтобы население земного шара достигло 1 млрд человек, потребовался почти миллион лет. Когда человечество стало переходить к оседлому образу жизни и занятию земледелием около 8000 лет назад, численность нашей планеты составляла 5–10 млн. Как уже отмечалось (в гл. 4), экономический рост способствовал росту населения. Совершенствование социальной структуры общества создавало условия жизни для большего числа людей, и примерно 2000 лет назад население планеты возросло уже до 200–400 млн. К 1800 г. оно насчитывало 1 млрд человек, спустя 130 лет – 2 млрд, всего лишь через 30 лет – 3 млрд, в 1970-е гг. оно составляло около 4 млрд, в 1980-е гг. достигло 5 млрд человек, к началу 1990-х гг. численность населения планеты, по данным Международной конференции народонаселения и развития (Каир, 1994 г.) составляла 5,7 млрд человек, в конце XX столетия достигла 6 миллиардной отметки. В настоящее время население мира растет только за счет роста населения развивающихся стран. По данным польских ученых, уже сейчас на Земле 57% живут в Азии, 21% – в Европе, 14% – в Америке и 8% – в Африке; при этом 30% – белого и 70% цветного населения³³⁷.

Демографический кризис и проблемы народонаселения в XX и XXI в.

Демографическая проблема в XX в. приобрела глобальный характер. Однако поиски единой приемлемой теории народонаселения, создание которой способствовало бы более глубокому проникновению в сущность процессов развития и могло бы стать основой политики и планирования развития, до сих пор остаются безуспешными. По проблемам народонаселения существует целый калейдоскоп взглядов, критериев оценок и норм, которые неизбежно влияют на демографическую политику той или иной страны.

Следует отметить, что в 1970–80-е гг. теории народонаселения развивались в основном под влиянием двух главных факторов: резкого роста населения (особенно в слаборазвитых странах), что по-

требовало более пристального изучения условий, влияющих на рост населения; всеобщей озабоченности проблемами развития, которая со всей остротой поставила вопрос о необходимости серьезного теоретического осмысления взаимосвязи между ростом населения и социально-экономическим развитием. В 1970-е гг. попытки осмысления и поиски причин экологического кризиса, нависшего над цивилизацией, привели многих исследователей на Западе к выводу о том, что главнейшей причиной конфликта во взаимоотношениях общества с природой является демографический взрыв³³⁸. Большинство из них указывало на жизненную необходимость для мировой цивилизации достижения нулевого прироста населения на планете. Для решения проблемы замедления темпов роста населения предлагалось два одинаково значимых варианта. Первый связан с правительственной политикой в пользу уменьшения размеров семьи. Второй — это изменение всего образа жизни людей в условиях высокого уровня образования, эмансипации женщин, быстрой индустриализации, модернизации сельского хозяйства и господства городского уклада жизни. Эффективная политика в области демографии предполагала, прежде всего, эффективную политику развития общества в целом. Часть демографов развитых стран считала достаточным для преодоления возникшей опасности сократить рост населения преимущественно в слаборазвитых странах, в частности путем программ «планирования семьи», в которых должна учитываться система ценностей, существующая в обществе.

Примечательно, что представители некоторых слаборазвитых стран резко выступали против программы контроля над рождаемостью, называя «демографический взрыв» надуманной проблемой. Часть отсталых стран занимала по демографическим вопросам нейтральную позицию, полагая, что проблема народонаселения в конечном счете будет разрешена общим ходом социально-экономического развития. В то же время значительным числом стран этого региона, серьезно озабоченных ростом населения, были предприняты определенные шаги к тому, чтобы сократить уровень рождаемости посредством демографической политики.

Кроме этих двух диаметрально противоположных точек зрения по проблемам народонаселения, многие специалисты, в том числе советские ученые, считали, что возможное в обозримом будущем изменение социальных и экономических условий сможет обеспечить сокращение рождаемости само по себе, без принятия каких-либо специальных мер в глобальном порядке. Т.е., темпы роста народонаселения на планете постепенно будут снижаться, в результате чего чис-

ленность населения стабилизируется (рождаемость будет соответствовать смертности). Поэтому считалось, что вопрос о численности населения на планете следует оставить открытым³³⁹. Некоторые советские философы указывали на бесконечный характер роста населения (в виду потенциальной бесконечности производственного прогресса), связывая эту идею с идеей расширенного воспроизводства общественных разумных существ, расселения их в бесконечной Вселенной, увеличения объема общества, с идеей космической экспансии человечества. Сторонники этой позиции утверждали, что стремление раз и навсегда «окончить» человечество чревато опасностью деградации и, в конце концов, исчезновением производства и общества³⁴⁰.

В 1980–90-е гг. рост народонаселения рассматривался уже «как один из факторов, не только препятствующий удовлетворению материальных потребностей человека (когда демографические процессы не соответствуют “доходам”), но и угрожающих самому выживанию цивилизации, которая может не выдержать демографического давления»³⁴¹. В конце XX в. в связи с обострением глобальной экологической ситуации встал вопрос о необходимости решения проблем народонаселения в общепланетарном масштабе, кардинальных изменений в мировой демографической стратегии человечества.

В XXI в. нельзя уже отрицать тот факт, что безграничный рост населения мира чреват беспрецедентными последствиями. Как известно, в свое время Ф.Энгельс в письме к К.Каутскому (1881 г.) писал: «Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует»³⁴². Фактически в новом столетии эта «абстрактная возможность» превратилась в жесткую «конкретную необходимость».

По некоторым оценкам, оптимальное для Земли население, емкость планеты оценивается в 1 млрд человек. «Это ограничение рассчитано не по возможности элементарного прокормления, а из энергетических параметров, водопотребления, максимума промышленного развития, допустимого ресурсного цикла, в том числе рекреационного, сохранения экологического баланса на планете, с учетом возможности достижения теоретически вероятного максимума средней продолжительности жизни человека (89 ± 5 лет) и минимума заболеваемости людей»³⁴³. Некоторые специалисты полагают, что при условии введения в XXI в. энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий можно будет увеличить насыщенность планеты до 2 млрд человек. Но это уже якобы предельный рост. При стремительном росте населения на планете трудно надеяться на возможность обеспечения «устойчивого развития» для всех. Земной «пирог»

слишком мал. Сложность мировой демографической ситуации в том, экономически большинство слаборазвитых стран заинтересовано в росте, а потому омоложения населения (средний возраст населения мира около 24 лет). Поэтому, вероятнее всего, рост населения и далее будет продолжаться. А значит, наиболее драматические события для человечества ожидаются именно в области демографии.

Так называемый «демографический переход» начала снижения числа землян, по мнению специалистов, произойдет не ранее середины XXI века, когда популяция людей может достигнуть 12 млрд человек. Предполагается, что значительное превышение оптимума численности населения в соответствии с емкостью Земли чревато включением экологических факторов, зависящих от плотности населения.

Т.Мальтусом была выдвинута гипотеза, согласно которой механизмом регуляции популяции людей станут эпидемии, т.е. факторы, непосредственно зависящие от плотности населения. В настоящее время высказываются опасения, что сложение неблагоприятных экологических и социально-экономических факторов может оказаться настолько опасным, что вместо «демографического перехода» возникнет «демографический катаклизм». Думается, что справиться с экологическими факторами, зависящими от плотности населения, человечеству будет не по плечу: не хватит не только реального времени, но и средств. Человечество не может рассчитывать на автоматическую регуляцию мировых демографических процессов.

Сегодня в мировой практике можно выделить по крайней мере четыре пути, ориентированных на разрешение демографической проблемы.

Первый путь непосредственно связан со стратегией «планирования семьи», в рамках которой довольно жестко регулируются количественные показатели деторождения (например, в Китае, в Индии, во Вьетнаме и т.д.). На практике он весьма эффективен, хоть противоречит нормам демократического государства, связанным со свободой выбора каждого индивида.

Согласно второму варианту, считается, что экономический рост (как в развитом мире) автоматически приведет к снижению демографических показателей в отсталых странах (с высокой рождаемостью). Однако он не может быть принят из-за большой временной растянутости.

Третий путь предполагает, что развитый мир будет способствовать экономическому прогрессу в слаборазвитых странах, что повлечет за собой, в конечном счете, стабилизацию демографических процессов. К сожалению, подобная помощь («зеленая революция», перенос технологий и т.д.) оказалась малоэффективной и не дала ожидаемых результатов.

И, наконец, после Форума в Рио-де-Жанейро—92 в рамках «*концепции устойчивого*» развития наметилась программа не только взаимосвязи экономических и демографических процессов, но и выявления их широкого социокультурного контекста (повышение культурного и образовательного уровня населения, и прежде всего женщин, высокая их занятость в общественной жизни, включая социальное страхование — наличие и возможности использования компенсаторных механизмов, в том числе рекреации в природе для снятия стрессов от малой детности, специальная система экономического контроля и социального регулирования и т.д.)³⁴⁴.

В то же время следует констатировать, что в новом столетии перед разными странами стоят совершенно разные демографические проблемы.

Роль социальной философии в осмыслении демографической ситуации в современной России

Как уже упоминалось, Саммит тысячелетия в 2000 г. утвердил для всех стран и народов цели, достижение которых определено к 2015 г. на основе Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), который является составным показателем, оценивающим уровень средних достижений страны по трем основным направлениям в области развития человека: долголетия на основе здорового образа жизни, определяемого с точки зрения уровня продолжительности жизни при рождении; знаний, измеряемых уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения; достойного уровня жизни, оцениваемого ВВП на душу населения при Паритете покупательной способности (ППС) доллара США. С помощью ИРЧП определяется уровень развития страны в области ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уровень образования и скорректированного реального дохода. В Докладе ООН о развитии человека (2004 г.) Россия (как страна со средним уровнем развития человеческого потенциала) в рейтинге по ИРЧП занимает 57 место (в 2003 г. — 63 место).

Примечательно, что отечественными исследователями, представителями социальной философии также предпринимаются попытки выделить объективные факторы, по которым можно судить о качестве жизни и состоянии того или иного общества. В частности, в книге «Хорошее общество. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества» к числу таких факторов относятся: продолжитель-

ность жизни; показатели смертности и рождаемости; количество самоубийств, убийств и криминального насилия; экономическое положение (уровень безработицы, доход на душу населения, наличие или отсутствие бедности, голода и т.д.); стоимость образования; стоимость медицины; размер пенсий и пособий; обеспеченность жильем; роль страхования; медицинское и социальное вспомоществование и пр.; качество социума (доступ к образованию, наличие вертикальной и горизонтальной мобильности, социальной политики, правовой защиты, должного качества окружающей среды и др.); качество населения (отношение к наркотикам и алкоголю, трудовые мотивации, наличие позитивных устремлений молодежи, отсутствие аномии в масштабах общества, т.е. исчезновения ценностей или их конфликта, особенно в подростковой среде). Причем авторы исходят из двух путей улучшения жизни – изменения общества, которое поможет человеку стать лучше, и изменения человека, которое может улучшить общество³⁴⁵. Анализ российской действительности показывает, что в нашей стране за последние пятнадцать лет практически не наблюдается никакого движения ни в сторону «хорошего общества», ни в сторону «хорошего человека». Скорее наоборот. И в первую очередь это касается сложившейся демографической ситуации в России. Причем поскольку процессы, связанные с депопуляцией и резким сокращением населения, носят особый, фактически катастрофический характер, необходимы новые подходы к их осмыслению.

Вместе с тем следует признать, что весь круг вопросов, связанных с происходящими демографическими процессами в России, несмотря на широкое обсуждение данной проблематики в середине 1990-х гг., до сих пор не имеет однозначного толкования. Более того, остается по существу вне поля зрения представителей социальной философии. Философское осмысление беспрецедентной демографической ситуации в России представляет одну из актуальнейших задач социальной философии.

Как известно, воспроизводство численности населения является условием выживания рода человеческого. Демографические процессы представляют собой важнейшую составную часть социально-экономического, научно-технического и социокультурного развития современной цивилизации. Наряду с природными условиями, народонаселение составляет материальную основу существования и деятельности любого общества. Поэтому тенденции в области народонаселения «отнюдь не являются пассивными составляющими общего процесса социально-экономического, научно-технического и социокультурного развития цивилизации, – подчеркивают О.К.Дрей-

ер и В.А.Лось, — ибо именно численность и состав населения, направленность демографических изменений и определяют, в конечном счете, объем, структуру и динамику материального и духовного производства»³⁴⁶. В XXI в. положение страны в мировом сообществе в значительной степени определяет человеческий, в частности интеллектуальный, потенциал. Нация же, не способная реализовать творческий потенциал, имеет тенденцию к разрушению и деградации. Поскольку интеллект нации становится, по существу, основным двигателем и определяющим фактором прогресса, в развитых странах резко возрастает роль населения как носителя интеллектуально-го потенциала.

Надо сказать, что в свое время многие выдающиеся умы России главным богатством нашей страны считали именно человеческий потенциал и особый демографический генофонд, связывая ее будущее с ростом численности народонаселения и развитием высоких интеллектуальных и духовных качеств. Одним из первых на проблему сохранения нации обратил внимание М.В.Ломоносов в своей работе «О размножении и сохранении российского народа» (1761). Ученый считал, что именно в размножении, физическом и нравственном здоровье «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности тщетной без обитателей»³⁴⁷.

В начале века, анализируя итоги первой Всероссийской переписи населения 1897 г. и сравнивая ее с переписями населения других стран, эти мысли развивал Д.И.Менделеев: «Естественный прирост человечества, т.е. годовой перевес рождения против смертности, в разных странах различен, и для жителей всей земли в среднем его можно принять ныне в 1%, т.е. в год прибавляется на 100 человек по 1 человеку. В России этот прирост выше, чем в остальных частях Европы, именно никак не менее 1,4%»³⁴⁸. Исходя из этого, он определил вероятную численность народонаселения Российской империи в 2000 г. в 594,3 млн человек. Основываясь на демографических показателях начала века, Д.И.Менделеев писал: «Когда годовой прирост 1,5%, тогда удвоение числа жителей происходит в 46,5 лет, а через 155 лет число жителей в современной России будет 1282 млн, если до этого времени сохранится прирост в 1,5%»³⁴⁹.

К сожалению, демографическая история России сложилась иначе. Ее демографическое развитие дважды было прервано — войной с Японией (1904—1905 гг.) и участием в Первой мировой войне (1914—1917 гг.).

Формирование советского государства также происходило в условиях иностранной интервенции, жесточайшей трехлетней гражданской войны, что повлекло за собой не только миллионы убитых,

но и вынужденных эмигрантов, распавшихся и несостоявшихся браков, значительное увеличение смертности, резкое сокращение рождаемости и т.д.

Введение в 1921 г. нэпа почти восстановило традиционное для России демографическое развитие, на ход которого, однако, существенно повлияли радикальные меры проведения индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, а также массовые политические репрессии. По Всесоюзной переписи 1937 г. численность народонаселения СССР составляла 162 млн человек (что оказалось меньше, чем ожидалось), в результате чего она была признана дефектной. В 1939 г. была проведена новая перепись, на основе которой руководством страны был сделан ряд выводов и выработан комплекс мер, направленных на стимулирование роста народонаселения. Они носили жесткий, административный, идеологический и экономический характер (включая запрет аборт, усложнение процедуры расторжения брака, ужесточение алиментных отношений в пользу женщины, а также выплату семье с ребенком пособия в 2000 рублей, введение государственных наград и почетных званий за многолетнее материнство). Однако это в значительной степени позволило увеличить темпы прироста народонаселения.

До начала Великой Отечественной войны народонаселение Советского Союза насчитывало 194,1 млн человек. Однако за годы войны (1941—1945 гг.) демографические потери составили около 27 млн человек, в результате чего возникла реальная угроза национальной безопасности. Хорошо осознавая эту угрозу, руководство страны приняло чрезвычайные меры по стимулированию рождаемости с учетом значительной послевоенной диспропорции в половом составе населения, численность которого «в начале 1950 года составила 178,5 млн, т.е. по прошествии пяти лет после окончания войны была меньше довоенной примерно на 10 млн человек. Но через 10 лет, в начале 1960 года она была равна 212,4 млн. В то же время обозначилась значительная неравномерность демографического роста народов страны»³⁵⁰.

В дальнейшем в период так называемой «хрущевской оттепели» вместо продуманной дифференцированной демографической политики последовали свертывание мероприятий по укреплению семьи, отмена всех запретов на аборты и т.д., что повлекло за собой быстрое сокращение рождаемости и прироста народонаселения. Если в 1960 г. в СССР родилось 5341 детей, то в 1970 г. только 4226 тысячи. В РСФСР за это же время число родившихся в расчете на 1000 населения со-

кратилось с 24,9 до 17,4. При этом в Киргизской, Узбекской и Таджикской республике эти показатели оставались высокими, соответственно 32,6, 37,8 и 42,0³⁵¹.

Значительное ухудшение демографической ситуации в СССР началось с середины 1980-х гг. После крушения СССР в России (бывшей РСФСР) в результате разрушительного воздействия курса «реформ» демографическая ситуация резко обострилась. Ухудшение здоровья и беспрецедентный рост смертности населения (особенно трудоспособного возраста), стремительное снижение числа рождений, уменьшение ожидаемой продолжительности жизни до крайне низкого уровня, высокая младенческая смертность, рост общей и по возрастной заболеваемости на фоне увеличения масштабов вынужденной миграции и абсолютного сокращения численности населения Российской Федерации – такова общая характеристика демографической ситуации в стране за последние годы.

По существу, с начала 1990-х гг. демографическое развитие России приняло кризисную форму. Демографический кризис тесно связан с кризисом экономики, социальных и политических институтов, межнациональных отношений, а также экологическими факторами в ряде регионов страны (в частности, долговременными и отдаленными последствиями чернобыльской катастрофы, которые, до сих пор в достаточной степени не принимаются во внимание при анализе состояния здоровья населения)³⁵². Причем данный кризис выразился в таких формах, которые не имеют аналогов в послевоенной истории ни европейских, ни других развитых стран. «Парадоксально, но современная Россия демонстрирует эвристичность мальтузианских прогнозов, – пишут О.К.Дрейер и В.А.Лось. – Опыт России показывает, что экономический кризис и политическая неустойчивость фатально сказываются на демографической ситуации, невольно “регулируя” численность населения страны»³⁵³.

Статистические данные свидетельствуют о том, что с середины 1990-х гг. в России усиливается тенденция к ухудшению как качественных, так и количественных характеристик населения, что представляет непосредственную угрозу национальной безопасности России. Опасность данных процессов состоит в том, что они имеют долговременный характер, и вероятнее всего, несколько последующих поколений будут испытывать их на себе. Показательно, что снижение качества человеческих ресурсов происходит по всем направлениям и связано с резким ухудшением физического, психического и социального здоровья, а также с невозполнимыми потерями в генофонде нации.

Здоровье нации — показатель состояния российского общества

Известно, что на социально-экономическое развитие любой страны, в том числе и России, существенное влияние оказывает состояние здоровья (взрослого) населения, динамика которого, в свою очередь, отражает существующие социально-экономические проблемы. В нашей стране за годы проводимых «реформ» состояние здоровья населения, являющееся основой национальной безопасности, катастрофически ухудшилось.

В России наблюдается стремительный рост сердечно-сосудистых, онкологических, психических, токсических, аллергических и других заболеваний, а также новорожденных с генетическими дефектами. Увеличивается общая смертность, а детская продолжает оставаться на высоком уровне.

Обесценивание человеческой жизни приводит к росту убийств — около 40 тысяч, зарегистрированных только в 2001 г. Это более чем в два раза превышает число убитых советских военнослужащих (13 тысяч) в Афганистане за 10 лет. Это превышает число убитых российских военных в Чечне³⁵⁴. Деструктивные процессы в обществе способствуют увеличению количества самоубийств. Рост суицида вывел Россию фактически на одно из первых мест, что позволило ВОЗ признать ее страной, находящейся в состоянии вялотекущей чрезвычайной ситуации. Причем Россия вышла на первое место по числу самоубийств среди подростков.

В России наблюдается рост алкоголизма. Согласно экспертам ВОЗ, критическим индикатором является 8 литров на душу населения, после чего наступают необратимые генетические изменения. В России употребление алкоголя в расчете на душу населения достигло 19 л, что превысило уровень, определяемый ВОЗ как опасный. Думается, что происходящие процессы свидетельствуют об алкоголизации российского общества, что ведет к подрыву генофонда нации.

Еще большую тревогу вызывает распространение наркомании в России, которая из «страны-транзита» стремительно превращается в «страну-потребителя» наркотиков как растительного, так и синтетического происхождения. По нормам ВОЗ, если доля наркоманов в общей структуре населения той или иной страны достигает 7 и более процентов, то в данной стране возникают необратимые процессы деградации и дегенерации населения. Несмотря на то, что официальная статистика реальной вовлеченности в наркоманию существенно занижена, даже по имеющейся информации в России цифры нарко-

мании приближаются к 7%. Это считается чертой, за которой искажается генофонд³⁵⁵. Разрушающее воздействие наркомании и наркотизма распространяется на все слои общества: «Бедные пытаются с помощью наркотиков преодолеть безысходность своего бытия; для представителей средних слоев наркомания наиболее губительна для молодежи, которая не способна выполнить роль потенциальных наследников; в сфере элиты наркомания подрывает деловой дух, столь необходимый в конкурентной борьбе, а также порождает корысть, коррумпированность и безвластие. Т.е. наркомания и наркотизм разрушает социальную структуру на всех уровнях»³⁵⁶. Таким образом, наркомания становится привычной чертой образа жизни россиян, представляя новую глобальную угрозу национальной безопасности России.

Самые серьезные опасения в России вызывает ситуация в области рождаемости. Фактически уже с 1970-х г. в мире в целом наблюдается снижение коэффициента рождаемости. При этом, правда, в различных странах существовал значительный разрыв между наиболее высокими и наиболее низкими коэффициентами рождаемости. В то же время характерной чертой демографической ситуации в развитом мире является «неуклонное снижение рождаемости, отрицательный прирост населения»; одновременно снижение показателей смертности.

Показательно, что уровень рождаемости в России (несмотря на некоторый рост его за последние четыре года), является самым низким в Европе и почти на 40% ниже для простого численного замещения поколений родителей их детьми (около 1/3 детей в среднем на одну женщину). Причем в нашей стране рождается менее 30% здоровых детей (т.е. лишь один ребенок из 1000 — абсолютно здоровый, а, по прогнозам, их доля к 2015 г. может сократиться до 15–20%). Т.е., наблюдается понижение полноценности новорожденных. Фактически проблемы здоровья перемещаются с группы престарелых в группу детей, что противоречит естественному процессу жизни. Неудивительно, что среди детей школьного возраста более 40% страдают хроническими заболеваниями. Специалисты констатируют, что происходит снижение здоровья каждого последующего поколения, что чревато снижением качества человеческого потенциала всей нации на длительной перспективе. «Самое неприятное то, — пишет директор Института проблем народонаселения Н.М.Римашевская, — что мы попадаем в некоторую “социальную воронку”. Она возникает в связи с тем, что больные матери рожают больных детей, а эти больные дети рожают своих больных детей. И так далее»³⁵⁷. т.е. возникает своеобразная «воронка» ухудшения состояния здоровья нации, из которой непросто выбраться даже через несколько поколений.

В настоящее время, по данным ООН, Россия (наряду с такими странами, как Бельгия, Болгария, Голландия, Германия, Испания, Италия) занимает одно из последних мест по показателю естественного прироста и входит в десятку стран с самой низкой рождаемостью. Причем младенческая смертность, являющаяся важнейшим социальным индикатором, продолжает оставаться на очень высоком уровне. Детская смертность в стране примерно в два раза выше, чем в развитых странах.

Наиболее наглядно ухудшение состояния человеческого потенциала и здоровья нации выражается в сокращении продолжительности жизни. Как известно, средняя продолжительность жизни является важнейшим интегральным показателем, рекомендованным ВОЗ в качестве критерия состояния здоровья и уровня жизни населения. По данным ООН, в начале 1980-х гг. средняя продолжительность жизни в развитых странах составляла 73 года, а в наименее развитых — около 50 лет. Причем средняя продолжительность жизни женщин была гораздо выше, чем мужчин, и составляла соответственно: для мужчин около 70 лет, для женщин — 78 лет. Для слаборазвитых стран в той или иной степени были характерны те же пропорции, хотя их абсолютные величины, конечно, были значительно меньше.

В целом в мире продолжительность жизни продолжает возрастать, что влечет за собой, с одной стороны, усиление тенденции к постарению населения, с другой — увеличение в его структуре доли детских и молодых возрастов. Если для развитого мира ныне более характерна первая тенденция, то для слаборазвитых стран, напротив, наблюдается процесс омоложения населения. Продолжительность жизни россиян в 1990-е гг. составила 69 лет, в том числе у мужчин — 64,2 года, у женщин — 73,8 года.

Сегодня в России она составляет: для мужчин 58,5 лет (что «естественным» образом снимает проблему пенсионного обеспечения мужской части населения), для женщин 72 года. В Центральном, Северном, Северо-Западном регионах, во многих областях Сибири и Дальнего Востока продолжительность жизни еще меньше: для мужчин 49—55 лет, для женщин 62—68 лет. А в целом по населению 55—63 года. Таким образом, Россия отстает по продолжительности жизни от развитых стран на 12—15 лет. Специалисты считают, что в случае принятия Закона о повышении в России пенсионного возраста, до пенсии не будут доживать не только мужчины, но и женщины.

Надо сказать, что в 1980—90-е гг. в результате процесса постарения населения возникло множество проблем перед государствами многих стран мира. Это объясняется тем, что рост населения, состо-

ящего из лиц пожилого возраста, усиливает нагрузку на институты социального обеспечения. Особенно остро это ощущается сегодня в странах Западной Европы, где государственные расходы на содержание лиц престарелого возраста увеличиваются, ставя под угрозу само существование социального государства.

В России наблюдаются аналогичные тенденции, но социально-экономические условия в большинстве ее регионов гораздо хуже. С каждым годом увеличивающийся процент нетрудоспособного населения, инвалидов, рост безработицы и т.д. требуют все большего внимания к системе защиты населения, области здравоохранения. Однако хорошо известно, что уже с середины 1990-х гг. в стране большинство социальных программ было практически свернуто.

Процесс старения населения в конечном счете неразрывно связан с депопуляцией, к которой Россия шла довольно долго. Так, если в 1970-е гг. депопуляция имела место только в одной области, а в 1980-е гг. — в трех, то с начала 1990-х гг. тенденция к сокращению населения приняла устойчивый характер. Убыль населения охватывает 2/3 регионов страны (прежде всего в Центральной России). Катастрофическое превышение смертности над рождаемостью (в 2–3 раза) зафиксировано в Новгородской, Рязанской, Ярославской, Ивановской, Тверской, Тульской и Псковской областях. Почти на 45 территориях страны она превысила миграционный прирост. Естественный прирост населения сохранился лишь в Калмыкии, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, на Алтае, в Тыве, Саха (Якутия), Тюменской области и Чукотском автономном округе. Самый максимальный прирост населения дает разоренная за годы многолетних военных действий Чечня.

Фактически с 1991 г. в результате сложения неблагоприятных социально-экономических и экологических факторов и принятия курса, известного под названием «шоковой терапии», в стране наблюдается устойчивая тенденция депопуляции (выражающаяся в постоянном превышении числа умерших над числом родившихся в 1,5–1,7 раза). Согласно «Демографическому энциклопедическому словарю», депопуляция определяется как «уменьшение абсолютной численности населения какой-либо страны или территории либо суженное его воспроизводство...»³⁵⁸. В энциклопедии «Глобалистика» дается такое определение: депопуляция — это «уменьшение численности населения людей... вследствие вымирания, т.е. устойчивого превышения смертности над рождаемостью»³⁵⁹.

Как известно, в середине XX в. депопуляция стала «достоянием» большинства развитых стран Европы, т.к. уменьшение рождаемости при переходе на одно-двуухдетную семью не компенсируется снижением уровня смертности и в перспективе не обеспечивает даже простого воспроизводства численности населения.

В России же (т.е. на территории, соответствующей бывшей РСФСР) после распада СССР сложилась совершенно особая кризисная демографическая ситуация. «Попытки объяснить это явление, принявшее характер подлинной демографической катастрофы, — справедливо пишет М.Н.Руткевич, — некими общими тенденциями сокращения рождаемости и депопуляции, имеющими место в развитых странах Запада, не выдерживают критики, поскольку авторы этих гипотез абстрагируются от социально-экономических и психологических изменений, происшедших в ходе реставрации капитализма в России»³⁶⁰. Думается, не случайно в документах ООН говорится не о депопуляции, а о «демографической катастрофе» в России.

В чем же отличие демографической катастрофы от депопуляции? Представляется, что демографическая катастрофа, прежде всего, не сводится только к сокращению рождаемости и растущей естественной убыли населения. Ее составными элементами являются также резкое ухудшение физического и психического здоровья населения, что приводит к невосполнимым потерям в генофонде нации. Именно это происходит ныне в России.

Депопуляция или демографическая катастрофа в России? Два подхода к проблеме

Несмотря на существование различных оценок сложившейся демографической ситуации в России, можно выделить две основные точки зрения по данному вопросу.

Первый подход к демографическим проблемам стран в условиях депопуляции и активного старения населения появился фактически в структурах ООН и направлен, прежде всего, на решение «глобальных проблем народонаселения». т.е. на достаточно универсальные нужды стран, которые находятся лишь на стадии так называемого «демографического перехода» (с высокой рождаемостью, быстрым ростом населения при недостаточных жизненных ресурсах и социально-экономическом развитии и т.д.).

Согласно энциклопедии «Глобалистика» демографический переход — это «процесс стабилизации народонаселения, переход численности населения Земли в целом или какой-либо страны в отдельнос-

ти от экспоненциального роста (демографического взрыва) к сокращению (депопуляции). Население практически всех стран (Франция, Швеция, Россия, США, Германия, Маврикий и др.) сначала растет, проходит через максимум и затем начинает неуклонно снижаться. При этом максимумы у разных стран наблюдаются в разное время. У России самый резкий прирост (2%) был в начале XX века»³⁶¹.

Представляется, однако, что теория «*демографического перехода*», прежде всего, не учитывает существующих цивилизационных различий в демографическом развитии различных народов, возводя в абсолют западные варианты истории цивилизации (переход от высокой рождаемости и высокой смертности к низкой смертности и низкой рождаемости, а значит, к более высокой средней продолжительности жизни человека). Причем данный подход в принципе отрицает какой-либо учет национально-государственных особенностей (истории, традиций, менталитета и т.д.). Поэтому практически не принимается во внимание и особенность демографического развития России, ее статус, геополитическое положение и интересы в мире, как в настоящем, так и в будущем. Представители данной позиции оценивают депопуляцию, по существу, как следствие объективного хода демографической эволюции, не усматривая серьезной проблемы в сокращении численности населения. Некоторые опасения вызывает лишь динамика смертности, и то считается, что это временное явление.

Сторонники данной точки зрения исходят из следующих основных положений.

Во-первых, депопуляция представляет собой своеобразную плату за прогресс, т.к. «демографический переход», который приводит к снижению рождаемости до депопуляционного уровня, является якобы прямым следствием поступательного социально-экономического развития.

Во-вторых, депопуляция не является катастрофой для развитого общества, поскольку его экономический рост достигается не за счет экстенсивного наращивания числа лиц, занятых в производстве, а за счет новейших технологий, развития науки и пр., что подтверждает опыт наиболее передовых стран.

В-третьих, отсутствие роста населения и сокращение его численности предоставляет возможность сконцентрировать имеющиеся социальные ресурсы на улучшении его качественных параметров (здоровье, образование и т.д.). При этом как бы признается, что депопуляция влечет за собой некоторые отрицательные социально-экономические и демографические последствия, такие как старение населения, сокращение численности трудоспособного населения при активном его по-

старении, сужение воспроизводственной базы (численности населения в основных репродуктивных возрастах) и т.д. В качестве генерального направления государственной стратегии в этом случае предлагается приспособление к выживанию в условиях малого количества высококачественного населения, а наиболее радикальным решением проблемы дефицита населения считается иммиграция, которая влечет, однако (как свидетельствует опыт таких стран, как Германия, Франция и др.) за собой целую цепь негативных социальных последствий.

Неудивительно поэтому, что в нашей литературе, особенно с 1990-х гг., доминирует достаточно спокойная оценка происходящих в России демографических процессов: снижение рождаемости объясняется преимущественно демографическим эхом войны 1941–1945 гг.; повышение смертности называется временным явлением; в отношении численности населения утверждается, что в будущем оно не претерпит значительных изменений и т.д.³⁶². Причем при анализе демографической ситуации не ставится вопрос о социальных причинах ее возникновения, прямой зависимости демографического кризиса от социально-экономической и экологической ситуации в стране, от поражения СССР в холодной войне, от сильнейшего экономического и политического давления, которое испытывает сегодня Россия после утраты своего исторического места в системе геополитических отношений в регионе и в мире и т.д.

Второй подход основан на оценке сложившейся демографической ситуации с точки зрения *геополитического положения и национальных интересов России*. Принципиальное отличие второй позиции от первой – в ином критерии оценки сформировавшейся стратегической тенденции демографического развития. «В качестве такого выступает не большая или меньшая степень соответствия мировым тенденциям демографического перехода, – считают О.Д.Захарова и Л.Л.Рыбаковский, – а совокупность геополитических интересов конкретной страны, осуществление которых тесно связано с ее демографическим благополучием»³⁶³. Представители данной точки зрения считают, что депопуляция в России обладает особыми чертами, имеющими принципиальный характер с точки зрения геополитических интересов страны не только в настоящее время, но и в обозримом будущем³⁶⁴.

Во-первых, депопуляция носит всероссийский характер и обусловлена кардинальными изменениями параметров воспроизводства населения – уровней рождаемости и смертности, приведших (начиная с 1992 г.) к устойчиво отрицательным значениям естественного

прироста. Современная демографическая ситуация характеризуется как депопуляционную, т.е. имеющая устойчивое сокращение населения в общенациональном, а не региональном масштабе.

Во-вторых, это в значительной степени этническая проблема, затрагивающая, в первую очередь, основной государствообразующий этнос — русских (хотя и другие народы России имеют аналогичные показатели воспроизводства населения).

В-третьих, депопуляция в нашей стране представляет собой долгосрочное явление, поэтому расчеты на быстрый выход из нее по мере устранения действия конъюнктурных социально-экономических, политических и демографических факторов совершенно несостоятельны.

И, наконец, депопуляция в России происходит под двойным давлением: с одной стороны, за счет очень низких (даже по меркам развитых стран) уровней рождаемости; с другой стороны, при чрезвычайно высоких уровнях смертности (аналоги которых можно найти лишь среди наиболее отсталых стран).

На наш взгляд, все это позволяет оценивать демографическую ситуацию в России не только как депопуляционную, но как катастрофическую. К сожалению, приходится констатировать, что за прошедшие полтора десятилетия демография оказалась неспособной проникнуть в социальную сущность причин демографического кризиса, а также дать объективную оценку того, к чему может привести подобное демографическое развитие России, если общество вовремя не осознает значения нависшей над ним угрозы.

Демографический кризис в России и его возможные негативные социальные последствия

Думается, что социально-философский анализ происходящих депопуляционных процессов в России в условиях глобализации с точки зрения национальной безопасности позволяет понять сущность социальных причин острейшего демографического кризиса в современной России, а также всю цепь возможных негативных социальных последствий, представляющих непосредственную угрозу самому существованию российского общества в настоящем и будущем.

Во-первых, в условиях происходящих демографических процессов России как правопреемнице бывшего СССР в XXI в. сложно будет поддерживать статус великой державы, вытекающий из ее геополитического положения, прежде всего в силу экономических факторов. Как известно, динамика валового внутреннего продукта (ВВП)

является одной из наиболее важных характеристик, по которой можно судить не только об эффективности существующей модели экономики, но и о дальнейших перспективах развития того или иного общества. Стабильный рост ВВП показывает, что в стране действует эффективная модель экономики, в результате чего увеличивается национальное богатство, происходит улучшение жизненных условий населения. Как известно, президентом Путиным поставлена задача — удвоить ВВП за десять лет. Возможно ли осуществление этой задачи? Специалисты считают, что для этого ежегодный темп роста должен составлять 7%. В России в 2003 г. он достиг только 5,2% (и то только благодаря высоким ценам на нефть). Однако не следует забывать, что в условиях конъюнктуры мирового рынка «нефтяной вклад» крайне неустойчив. Поэтому в том случае, если он превратится в отрицательную величину, темпы роста упадут до 3–4% в год. Пока ВВП России в пять раз ниже, чем у семи ведущих индустриальных стран (5 тыс. долларов на душу населения против 25 тыс. долларов в этих странах)³⁶⁵.

Совокупные экономические возможности России составляют лишь треть от потенциала бывшего СССР, не говоря уже о доле в мировом хозяйстве, и величине валового внутреннего продукта в расчете на душу населения. К тому же, если в развитых странах Запада через бюджет проходит почти 50% ВВП и государство вместе с частным капиталом вкладывают средства в наиболее конкурентоспособные отрасли, которые дают выход на мировой рынок с технически передовой продукцией, то наше государство (федеральный и региональные бюджеты вместе), — справедливо отмечает М.Н.Руткевич, — пропускает через бюджет только 30% ВВП и поэтому, конечно, не имеет средств ни на экономическое развитие страны, ни на социальные цели»³⁶⁶. Никто не собирается отменять в России и так называемый налог с личных доходов всех граждан в размере 13%, невиданный ни в одной развитой стране мира, где путем этого же налога в пользу государства забирается более половины дохода у самых богатых (например, в Италии до 66%). Только это позволило бы восстановить старые и развить новые отрасли экономики, но и на социальные цели, например, «повысить хотя бы в три раза оплату труда, покончить с бедностью и нищетой значительной части населения, обеспечить вознаграждение за квалифицированный умственный труд “бюджетников”, достаточное для приемлемого уровня жизни и квалифицированного выполнения профессиональных обязанностей»³⁶⁷.

Отсюда закономерно следует вывод о том, что экономический подъем в России (о котором так много говорят отечественные политики и экономисты) невозможен в условиях проводимого социаль-

но-экономического курса, являющегося фактически основной причиной быстрого вымирания населения. Для этого необходимы не только кардинальное изменение социально-экономического развития в соответствии с общенациональными интересами, а не частными интересами олигархических кланов и международного капитала, но и чрезвычайные меры в области демографии, пока еще депопуляционные процессы в России не стали необратимыми.

Во-вторых, не менее проблематична ситуация в условиях демографического кризиса в области научно-технического прогресса. Как показали исследования, проведенные английским центром проблем политики в области науки (Сассекский университет), развитие научно-технического прогресса и реализация его результатов в мире, как, впрочем, и в любой отдельно взятой стране, идет «волнами» с интервалом примерно в 50 лет. И от того, насколько прочно «заложен» фундамент «волны», будет зависеть дальнейшее развитие, результаты и всплеск «волны» в части приращения новых научных знаний и научно-технического прогресса в той или иной стране.

И напротив, если та или иная нация вовремя не позаботится о так называемой «закладке» дополнительных возможностей для своего интеллектуального потенциала, то вместо увеличения мощности «волны» научно-технического прогресса она в последующие 50 лет будет получать на выходе лишь «мертвую зыбь». В России момент такой, к несчастью, негативной «закладки» приходится на конец 1980-х – начало 90-х гг. Именно тогда, фактически под давлением Запада, в России начался процесс саморазрушения отечественной науки и образования.

Вместе с тем в новом столетии в большинстве развитых стран, а также в Китае такие непроизводственные сферы экономики как образование и наука объявлены высшим приоритетом государства. В России же образование по существу становится платным, в результате возможности получить бесплатное образование лишаются дети большей части населения. Более того, России навязана фактически система обеспечения подготовки кадров не для собственной страны, а для зарубежных государств.

В России же расчеты, проведенные по методике ООН, показывают, что ежегодно «утечка» отечественных «мозгов» за рубеж оборачивается для нас ущербом в 60–70 млрд долларов, грозящая России в ближайшем будущем настоящей интеллектуальной катастрофой. Начиная с «перестройки», в другие страны выехала фактически интеллектуальная элита России. Только в США находится более 10 тысяч российских специалистов. Численность работающих в науке со-

кратилась более чем на треть. Около 30% специалистов ушло из науки вообще, в частности в коммерческие структуры. Многие из тех, кто остался, работают по контрактам с зарубежными фирмами. По данным, оглашенным на заседании Совета при Президенте, два года назад за рубеж выехало 1200 тыс. специалистов, из них 20% кандидаты наук. Причем, в отличие от Китая, «который требует для эмигрантов полного возмещения расходов на обучение в вузе, российское государство готовит для заграницы кадры бесплатно»³⁶⁸.

Опасность состоит в том, что в то время, когда в мире ныне совершается перегруппировка стран на индустриальное развитие (около 40 стран) и информационно отсталые (около 160 стран), к которым сегодня относится и наша страна, в России явная и скрытая «утечка мозгов» наносит не только огромный ущерб отечественной науке, технике и экономике, но главное — с катастрофическим сокращением населения теряется всякая надежда на возможность научно-технического рывка в новом столетии и преодоление растущего научно-технического отставания от Запада.

В-третьих, в связи с неизбежной утратой населения в новом столетии особым аспектом национальных интересов России являются взаимоотношения со странами СНГ (как ближайшими соседями), интерес к которым обусловлен, прежде всего тем, что в них проживает значительное число этнических россиян (около 25 млн, в том числе приблизительно 22 млн русских), а также со славянским миром (в России славянские этносы составляют свыше 85%)³⁶⁹. Специалисты считают, что приток русскоязычных из нового зарубежья в нынешнем десятилетии может составить несколько миллионов человек, что существенно замедлит сокращение численности населения России. «В последующие годы миграционный потенциал может быть полностью исчерпан, — считает Л.Л.Рыбаковский, — т.к. постаревшее и перешедшее в разряд пенсионеров население и то, которое родится и пройдет социализацию вне исторической родины, вряд ли будут эмигрировать в Россию»³⁷⁰.

Разумеется, реальные масштабы миграционных процессов будут зависеть от политики государств нового зарубежья в отношении русскоязычного населения и от миграционной политики России в отношении русских и соотечественников, оставшихся в бывших республиках Союза. Высказывается мнение, что более сдержанная миграционная политика должна проводиться в отношении иммигрантов из старого зарубежья. При этом, однако, следует учитывать, что Россия обладает значительной, но в среднем слабо заселенной террито-

рией, чрезвычайно различной по качеству, доступности для хозяйственного освоения, а также возможности людей к адаптации к климатическим условиям.

В то же время следует констатировать, что после крушения СССР наблюдается массивованная нелегальная «ползучая» миграция в Россию. В частности, речь идет о наплыве китайцев, которые мирно «окупируют» территорию российского Дальнего Востока, «натурализуясь» посредством браков с представителями коренного населения. Существует угроза, что в скором времени их численность будет превышать численность проживающих там российских граждан.

Не меньшую озабоченность вызывает иммиграция в Россию граждан преимущественно мусульманского вероисповедания Центральноазиатских и Закавказских государств (речь идет о трудовой миграции населения из стран, испытывающих серьезный экономический кризис). Думается, что при сохранении таких же высоких темпов миграционных потоков и роста населения в этих странах, демографический прессинг на Россию, и ее рынок труда в XXI в. будет неуклонно возрастать, в результате чего на фоне сокращения численности собственного населения Россия рискует оказаться перед лицом необратимых изменений его этнического состава.

В-третьих, в связи с ускоренным вымиранием населения серьезную озабоченность вызывают многочисленные территориальные претензии, предъявляемые сегодня к России со стороны различных стран, поскольку при сохранении существующих демографических тенденций Россия уже в первой четверти XXI в. «окажется не способной контролировать свои обширные территории»³⁷¹.

Так, хорошо известны территориальные претензии Китая на российские территории, которые относятся не к заполярным, а к южным регионам Дальнего Востока и представляют наиболее перспективные сельскохозяйственные районы с богатейшими природными ресурсами. Другим объектом территориальных претензий к России является Калининградская область, которую еще в начале 1990-х гг. предполагалось «перераспределить» между Германией, Польшей и Литвой. Калининградская область по этому плану вместе со странами Балтии должна была стать «неотъемлемой частью Европы». Однако признание правомерности подобных территориальных претензий означало бы для нашей страны не только ревизию итогов Второй мировой войны, пересмотр ее внешних границ, но и полный политический крах России. Следует учитывать, что демографическая экспансия в будущем вероятна и в районе южных границ России, за пределами которых формируется мощное сооб-

шество исламских государств. В его состав могут быть втянуты и бывшие союзные республики СССР, где численность населения к середине столетия, по прогнозам ООН, достигнет одного миллиарда человек, а условия занятости ограничены из-за малоземелья и аграрной направленности экономики.

Конечно, Россия обладает значительной, но в среднем слабо заселенной территорией, чрезвычайно различной по качеству, доступности для хозяйственного освоения, а также возможности людей к адаптации к климатическим условиям. Поэтому в новом столетии, несмотря на кардинальные изменения международных отношений, не следует забывать исторический опыт, который показывает, что страна не может сохранить свои территории, если они слабо заселены и не защищены. Это означает, что в целях сохранения своих территорий Россия должна мобилизовать в XXI в. все возможные источники и факторы стабилизации численности населения.

В-четвертых, как известно, досрочное погашение иностранных кредитов и внутреннего долга объявлено Правительством России в качестве одной из приоритетных задач. Причем на эти цели, включая обслуживание как внешнего, так и внутреннего долга, уходит более 30–40% бюджетных и иных средств. Иначе как перекачкой средств банковским олигархам эту «операцию» не назовешь. А если учесть, что большая часть долга связана с иностранными займами, то «жирный кусок» достался и иностранному капиталу³⁷². К сожалению, наша страна продолжает брать новые кредиты под 30%, в то время как 130 млрд долларов Стабилизационного фонда России хранятся в американских банках, работая на американскую экономику. Представляется, что в условиях неизбежной потери трудовых ресурсов в XXI в., России не следует брать новые иностранные кредиты, но целесообразно выплачивать внешние долги, чтобы в результате сокращения населения сумма задолженности в расчете на душу населения страны с годами не возрастала и не стала непосильным бременем для будущих поколений.

В-пятых, происходящие демографические процессы серьезнейшим образом отражаются и на обороноспособности страны. Их последствием является существенное сокращение объемов призывных контингентов в обстановке, когда распался Варшавский Договор, а НАТО вплотную приблизилось к границам России, которые по протяженности превышают границы СССР, в то время как ситуация с их охраной значительно осложнилась. России уже в начале нового столетия придется столкнуться с серьезными военно-стратегическими проблемами. Отсюда становится понятным, почему в России речь

зашла о необходимости формирования «контрактной армии». К сожалению, в последние годы проблема здорового пополнения армии и флота приобретает в России первостепенное государственное значение. В то же время Минобороны и Генштаб ВС РФ серьезно озабочены социально-психологическими и медицинскими характеристиками призывников. Приходится констатировать, что алкоголизм, наркомания и половая распущенность сделали значительную часть молодых людей, по существу, совершенно непригодными к военной службе³⁷³.

К сожалению, в новых социально-экономических условиях практически перестала существовать система лечебно-оздоровительной работы среди подростков. В то же время с каждым годом возрастает количество призывников с психическими заболеваниями, а также страдающих алкоголизмом и наркоманией, которые освобождаются или получают отсрочку от призыва на военную службу по состоянию здоровья. Очевидно, что постоянный дефицит призывников и вообще лиц, способных нести службу в Вооруженных Силах РФ, не только ограничивает возможности реального реформирования армии, но наносит сильнейший удар по обороноспособности страны, что представляет прямую угрозу национальной безопасности России.

Демографическая катастрофа – угроза будущему России

К сожалению, исследования показывают, что население России будет дальше продолжать сокращаться в XXI в. Даже по самому оптимистическому варианту, российское население к 2010 г. не достигнет численности 1990 г. До 2015 г. официальный прогноз Госкомстата – это 120–134 млн, т.е. потеря 10 млн человек³⁷⁴. К 2040 г. население России составит, по разным вариантам 80–90 млн, а к 2050 г. ополовинится. Согласно данным ООН, Россия к 2050 г. должна выйти на первое место по убыли населения³⁷⁵. Причем если естественная убыль достигнет 10 человек на 1000 населения (а это более чем реально), то при «сохранении существующих кризисных тенденций, к середине следующего столетия русских в России может остаться около 25 млн человек»³⁷⁶.

Показательно, что еще в начале 1990-х гг. американский демограф-экономист М.Бернштам (бывший советник Б.Ельцина) в своей статье «Сколько жить русскому народу?», считая демографические изменения в России необратимыми, прямо писал, что темпы вымирания русских не только не сократятся, но, напротив, уско-

рятся. В результате к середине XXI в. их останется менее 50 млн человек, а к концу столетия русские как этнос могут вообще сойти с исторической арены³⁷⁷.

Имеющиеся демографические прогнозы позволяют говорить о «периоде полураспада» нации (то есть двукратного сокращения численности населения страны) в 60–80 лет. По оценке специалистов, такой тип воспроизводства населения (когда каждое поколение родившихся количественно меньше поколений своих родителей и не может возместить убыль населения) сложился ныне только в России и характеризуется большой устойчивостью. Все это свидетельствует не только о катастрофическом состоянии демографической ситуации в России, но о вымирании государствообразующего этноса — русских. При численности русского населения около 120 млн человек ежегодная убыль составляет более одного миллиона в год. «Это означает не “депопуляцию” в принятом у многих наших статистиков смысле этого термина, — подчеркивает М.Н.Руткевич, — а вымирание русского народа с невиданной скоростью. Уменьшение доли русских в населении Российской Федерации приобретает характер постоянно действующей тенденции. Более того, этот процесс будет в ближайшее время прогрессировать»³⁷⁸.

Из мировой истории известно, что в прошлом нередко многочисленные для своего времени и, казалось бы, непобедимые народы бесследно исчезали в результате их завоевания и истребления, ассимиляции среди победителей или просто изгнания из мест исторического обитания. В новом тысячелетии Россия «создает исторический прецедент, когда большие народы в мирное время... могут исчезнуть только потому, — считает Л.Л.Рыбаковский, — что воспроизводство населения “сузилось” до уровня, не гарантирующего его выживания»³⁷⁹. Очевидно, что стабилизация демографической обстановки в стране невозможна без преодоления социально-экономического и политического кризиса, подъема экономики и значительного повышения уровня жизни населения.

В то же время США, которые втянули в депопуляционную политику практически весь мир, к 2050 г. запланировали себе огромный прирост — около 75 млн человек. Если сравнить ожидаемую численность населения России и Америки, то следует признать, что к середине столетия американцев должно стать почти в три раза больше. Причем Америка останется на третьем месте в мире по численности народонаселения, в то время как Россия с 4 места опустится на 18.

Приходится констатировать, что в то время как численность населения соседних стран (в сочетании с увеличением их экономической мощи и боеспособности их армий) быстро возрастает, руковод-

ство нашей страны не предпринимает никаких адекватных мер по преодолению демографического кризиса. И это, несмотря на то, что в 1997—1998 гг., когда стали очевидны масштабы грядущей катастрофы, специалистами был предложен целый комплекс мер по ее преодолению: придание демографической проблеме статуса приоритетного направления в работе органов законодательной и исполнительной власти; проведение государственной политики по стимулированию рождаемости до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения (в частности, выплату семье с ребенком пособия в размере 10 тысяч рублей, установление многодетной матери зарплаты с зачетом времени воспитания ребенка в трудовой стаж для пенсии, возможность многодетной матери досрочного выхода на пенсию после воспитания законодательно определенного числа детей и др.); осуществление программ в области развития медицины, здравоохранения, оздоровления окружающей среды, условий труда и т.д., с целью снижения смертности (т.е. минимизация издержек процесса воспроизводства населения); создание при Федеральном Собрании РФ комиссии по мониторингу качества жизни в России с приданием ей функций по проведению демографической экспертизы государственных программ, проектов и законов, реализация которых связана с демографическими последствиями; использование миграционного потенциала стран нового зарубежья (возвращение русских на родину) для компенсации депопуляционных потерь; создание новых субъектов федерации в Сибири и на Дальнем Востоке и др.

В XXI столетии Россия ускоренно вымирает и, если не произойдет кардинальной смены политического и социально-экономического курса, не будут приняты чрезвычайные меры в области демографии, то она уже в ближайшем будущем может стать государством без граждан, обществом без народа...

Примечания

Вместо введения

- ¹ Ячин С.Е. Социальная философия как самореферентная аналитика опыта совместного бытия // *Личность, Культура, Общество*. 20003. Т. V. Вып. 1–2 (15–16). С. 70.
- ² Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. Изданию его книги, насчитывающей 1281 страницу большого формата, на русском языке мы обязаны Н.С.Розову.
- ³ Там же. С. 1016.
- ⁴ Упомяну статью В.Пантина «Сможет ли российская наука понять, что происходит в России?», в которой автор не назвал никого, кроме Н.Бердяева, Г.Федотова, Н.Кондратьева. Здесь нет людей, заслуживших признание своими работами по проблемам России, — Т.А.Алексеевой, А.С.Ахиезера, Ю.Н.Давыдова, О.В.Гаман, А.А.Гусейнова, Н.Н.Зарубиной, В.Л.Иноземцева, Б.Г.Капустина, И.М.Клямкина, В.А.Красильщикова, В.М.Межуева, А.М.Миграняна, Л.А.Микешинной, А.И.Неклессы, С.А.Никольского, Л.И.Новиковой, А.С.Панарина, И.К.Пантина, Ю.Пивоварова, Ю.К.Плетникова, Е.Г.Плимака, Н.Е.Покровского, Ю.М.Резника, И.Н.Сиземской, А.И.Уткина, А.Ф.Филиппова, А.И.Фурсова, В.Г.Хороса, А.С.Ципко, В.Л.Цимбурского, В.А.Ядова и многих, многих других, не говоря уже об ученых из провинции. Нет полемики с ними, если нет согласия, нет упоминания никаких журналов, где бы на высоком уровне обсуждалась эта проблематика. Высказывается разочарование в молодом поколении ученых, полностью игнорируется среднее поколение, забыто старшее поколение. По иронии судьбы, я выступила экспертом одного из российских фондов и рекомендовала книгу В.Пантина к изданию. Глава его книги посвящена теории модернизации. Не так уж много авторов в нашей стране пишет на эту тему. Имелась ссылка только на тезисы в никому неведомой брошюре. Если бы речь шла о несогласии, это было бы другим делом. Речь идет о клановости. Эта моральная оценка в конечном итоге может стать не имеющей значения для будущего, как (в лучшем случае) не имеет значение то, что М.Вебер и Э.Дюркгейм игнорировали друг друга, а в худшем — как не имеющие значения коллизии не сохраненных социально-философских поисков, забытых талантливых людей, которые несомненно были.
- ⁵ Есть другие мнения. Например, Н.Греков сомневается в творческом потенциале российского сообщества, работающего в социально-гуманитарных науках. Возможно, его жесткие оценки могут быть отнесены к некоторому, возможно и небольшому, числу российских ученых, но наука не является массовой профессией. И оценки ее состояния лучше делать по значимым образцам. См.: *Греков Н.* «Методологический кризис» или скрытая деградация // *Pro et Contra*. Зима-весна 2001. Т. 6, № 1–2. С. 178–182.
- ⁶ *Gsepely G., Orkeny A., Scheppele K.L.* Acquired Immune Deficiency Syndrome in Social Science in Eastern Europe // *Social Research*. Summer 1996. Vol. 63, № 2. P. 489–509.
- ⁷ *Багатуров А.* Десять лет парадигмы освоения // *Pro et Contra*. Зима 2000. Т. 5, № 1. С. 195–201.
- ⁸ Современная социальная философия. Предмет и пути развития (материалы заочного обсуждения) // *Личность, Культура, Общество*. 2002. Т. IV. Вып. 3–4 (13–14). С. 503–506; Современная социальная теория // *Личность, Культура, Общество*. 2003. Т. V. Вып. 1, 2 (15, 16). С. 33, 83.

- ⁹ Коллинз Р. Указ. соч. С. 801.
- ¹⁰ Степин В.С. Выступление на круглом столе по книге Т.И.Ойзермана «Оправдание ревизионизма» // *Вопр. философии*. 2006. № 6.
- ¹¹ Дюркгейм Э. Метод социологии // *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1991. С. 394.
- ¹² Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001. С. 8.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ См.: Левин Г.Д. Проблема универсалий: Совр. Взгляд. М., 2005. С. 69.
- ¹⁶ Latour B. Gabriel Tard and the End of Social // *The Social in Question: New Bearing in History* /Ed. by P.Joyce. L., 2002. P. 117–133.
- ¹⁷ Штомпка П. Социология. М., 2005. С. 41–241.
- ¹⁸ Toews D. The New Tarde. *Sociology after the End of Social. Theory, Culture*. Vol. 20 (5). L., 2003. P. 81–98.
- ¹⁹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 19.
- ²⁰ Там же. С. 14.
- ²¹ Там же. С. 15.
- ²² Wernik A. From Comte to Baudrillard. *Soci-Theology after the End of the Social* // *Theory, Culture and Society*. 2000. Vol. 17 (6). P. 55–75.
- ²³ Ibid. P. 59.
- ²⁴ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 324.

РАЗДЕЛ I

Глава 1

- ²⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
- ²⁶ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 234.
- ²⁷ Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2003. С. 709.
- ²⁸ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Российские ритмы социальной истории М., 2004.
- ²⁹ «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества /Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2003; Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.
- ³⁰ Рябова М.Э. Иноязычие как психологический фактор формирования субъекта усложняющегося общества (дуальная оппозиция и ситуация конфликта) // *Мир психологии*. М., 2005. № 2. С. 136–141.
- ³¹ Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // *Вопр. философии*. 2005. № 3. С. 10.
- ³² Ахиезер А.С. Социокультурные механизмы циклов культуры // *Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинар. аспекты исслед. худ. лит. в переходных процессах*. М., 2002. С. 120.
- ³³ Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исслед. по совр. рус. яз. и лит. и социолингвистике. М., 2004.
- ³⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 25.
- ³⁵ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М., 1991. С. 85.
- ³⁶ Степин В.С. Указ. соч. С. 709.
- ³⁷ Там же. С. 710.
- ³⁸ Автономов А.С. Системность как свойство категорий конституционного права // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 146.

- 39 *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 235.
- 40 *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003. С. 11.
- 41 *Бергсон А.* Смех. М., 1992. С. 14.
- 42 См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990; *Пропи В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1999; *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Смех: социофилософский анализ. М., 2005. См.: оппозиция «смех – серьезность» в работе: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: В 3 т. Т. 3. М., 1991; См.: «смех – стыд» в работе: *Карасев Л.В.* Философия смеха. М., 1996.
- 43 *Кант И.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 216.

Глава 2

- 44 Таковы, например. «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» и «Экономические рукописи 1857–1859 гг.».
- 45 *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. С. 6.
- 46 *Вильчек В.М.* Алгоритмы истории. М., 1989. С. 12.
- 47 «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 189).
- 48 *Вильчек В.М.* Указ. соч. С. 13.
- 49 Там же. С. 14.
- 50 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 92.
- 51 Там же. С. 93.
- 52 Там же. С. 94.
- 53 Там же. Т. 46. Ч. I. С. 189 (подчеркнуто мною. – *В.В.*)
- 54 Особенно очевиден этот факт в рамках разделенного труда.
- 55 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 35.
- 56 Там же. Т. 46. Ч. I. С. 476.
- 57 Там же.
- 58 Определение истории развития общества как альтернативного процесса подразумевает, что свободная воля его субъекта ограничивается только тем обстоятельством, что проблемы, которые ему приходится решать, заданы изначально не им самим, а предшествующим историческим поколением, действовавшим также свободно и тоже в рамках собственного культурного горизонта.
- 59 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222.
- 60 Там же. С. 35.
- 61 «Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 100).
- 62 Здесь важно подчеркнуть, что сказанное вовсе не умаляет ценности этих предсказаний в конце XIX – первой половине XX столетия, поскольку, с одной стороны, реальные перспективы предсказанных Марксом тенденций общественно-исторического процесса мы во многом ощутили на себе, а с другой стороны, история пошла в конце концов иными путями, во многом благодаря тому, что человечество ушло объективную связь предсказанных Марксом революционных событий с закономерностями тех форм общественного (капиталистического) хозяйства и

политического устройства общества, которые были характерны для середины XIX в., и постаралось (вполне в согласии с материалистическими рекомендациями марксизма) изменить эти формы, насколько это было возможно и необходимо.

⁶³ См.: *Habermas J. Philosophische Diskurs der Moderne. Fr./M.*, 1985; *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая индустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 296–308.

⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 101.

⁶⁵ Там же. Т. 3. С. 70.

⁶⁶ Там же. С. 101; Т. 3. С. 70.

Раздел II

Глава I

⁶⁷ В рамках буржуазной политической экономии первые определения богатства относятся еще к XVII–XVIII вв. С ними связаны представления о том, что богатство создается только для государства и что мощь государства зависит от богатства, но последнее мыслилось весьма неопределенно – как «благополучие», «благополучие» и т.п. По мере развития экономической мысли шел процесс теоретического осмысления феномена и категории общественного богатства. Первым шагом на этом пути были воззрения меркантилистов, которые считали, что деньги и драгоценные металлы, накопленные в стране, составляют богатство. На смену меркантилистам пришли физиократы, которые сущность богатства стали мыслить в виде ежегодно воспроизводимого потока продуктов производства. В классической политической экономии общественное богатство рассматривалось как результат, выраженный в потребительных стоимостях, при этом различные виды труда – земледелие, судоходство, торговля и т.д. – объявлялись источником богатства. Позже А.Смит провозгласил труд вообще, и притом в его общественной совокупности, единственным источником общественного богатства. Эту мысль Смита развил дальше Д.Рикардо, различивший стоимость и богатство. И наконец, Маркс предложил рассматривать вопрос об источниках богатств с учетом его социокультурных факторов – как универсальное развитие всеобщих производительных сил, включающее научное знание и развитие человека. См.: *Сиземская И.Н.* Проблема общественного богатства // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: диалектика современной эпохи / Отв. ред. Ю.К.Плетников. М., 1987. С. 81–100.

⁶⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222.

⁶⁹ Обратимся еще раз к Марксу: «Если отбросить ограниченную буржуазную форму (капитал как всеобщую форму богатства. – *Авт.*), чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д., индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 44). Можно напомнить, что предметный указатель 46 тома собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса включа-

- ет 36 подзаголовков к понятию общественного богатства: общественное богатство — и производительные силы, и формы сознания, и государство, и производственные отношения и т.д.
- 70 Этот очевидный для общественной мысли XIX в. факт почему-то оставался долгое время забытым. Во всяком случае, до 60-х гг. XX в. «общественное богатство» в отечественной литературе интерпретировалось как категория сугубо экономического знания, более того, трактовалась как совокупность материальных благ, которыми располагает общество для расширенного воспроизводства. Позже была выдвинута концепция, исходящая из признания, что общественное богатство создается как в материальном, так и в духовном производстве, соответственно — как производительным, так и непроизводительным трудом (См.: *Глязер С.* Богатство общественное // *Экономическая энциклопедия*. М., 1972. Ч. I; *Агабабян Э.М.* Экономические основы воспроизводства нематериальных благ при социализме. М., 1983). В это же время в связи с активизацией исследовательского интереса к «Экономическим рукописям 1867–1869 гг.» Маркса была сделана попытка выявить социально-философский смысл категории общественного богатства и ввести его в контекст теории исторического процесса (См.: *Ватин И.В., Тищенко Ю.Р.* Исторический процесс как становление человеческой индивидуальности // *Проблема человека в «Экономических рукописях 1867–1869 гг.» К.Маркса*. Ростов н/Д., 1977; *Сиземская И.Н.* Человек и труд: условия гармонии и развития: Социально-филос. анализ общественного производства. М., 1981; *Духовное производство: Социально-филос. аспект пробл. духовной деятельности*. М., 1981; *Марксистско-ленинская теория исторического процесса*. М., 1987. Разд. 1. Гл. 3).
- 71 *Антипина О.Н., Иноземцев В.Л.* Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // *Иноземцев В.Л.* За десять лет. Концепции постэкономического общества. М., 1998. С. 443.
- 72 Маркс писал: «Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное отношение которого состоит в том, что производители здесь относятся к своим продуктам труда, как к товарам, следовательно, как к стоимости, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и др.» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 89).
- 73 Категорией общественного богатства Маркс фиксировал исходное основание общественной жизнедеятельности. В его концепции капитализма товар в качестве формы общественного богатства представляет собой такое общественное отношение, из которого развиваются и на котором покоятся все другие, более сложные виды общественных отношений капитализма. Категория «общественное богатство», таким образом, в Марксовом анализе несет методологическую нагрузку, позволяя объяснить источники, движущие силы и векторы развития капиталистического общества.
- 74 В такой интерпретации источника общественного богатства важно было признание обусловленности объективной природы стоимости субъективными факторами обмена («данное состояние общественного производства», «уровень развития общественной практики и запросов»). Именно эта интерпретация стала «точкой роста» современных теорий «постэкономического общества», обосновывающих реальность преодоления стоимостных отношений и сложившихся в их рамках

- общественной формы богатства. См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество (1973); *Дракер П.* Конец экономического человека (1999); *Он же:* Посткапиталистическое общество (1993); *Гэлбрейт Д.К.* Новое индустриальное общество (1967); *Он же:* Справедливое общество. Гуманистический взгляд (1996); *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе (1990); Модернизация и постмодернизация: культурные, экономические и политические изменения в 43 обществах (1997); *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний (1996); *Кастельс М.* Информационная эра: экономика, общество и культура (1996–1998); *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества (1998).
- 75 *Антипина О.Н., Иноземцев В.Л.* Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. С. 443.
- 76 По данным американских социологов лишь каждое 20-е исследование заканчивается внедрением. Правда, прибыль, полученная от него, намного превосходит затраты на проведение всех двадцати исследований.
- 77 *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 250.
- 78 *Сакайя Т.* Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Там же. С. 346.
- 79 См.: *Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал // Там же. С. 381.
- 80 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 207–208.
- 81 См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005; «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества / Отв. ред. *В.Г.Федотова.* М., 2003.
- 82 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 125.

Глава 2

- 83 *Maddison A.* Phases of Capitalist Development. Oxford, 1982.
- 84 *Смит А.* Теория нравственных чувств. СПб., 1868. С. 17.
- 85 Там же. С. 13.
- 86 *Рикардо Д.* Начала политической экономии // Антология экономической классики: В 2 т. Т. 1 / Сост. и ред. И.А.Столяров. М., 1993. С. 402.
- 87 *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народа // Классика экономической мысли. М., 2000. С. 86.
- 88 Там же. С. 88.
- 89 Там же. С. 94.
- 90 Там же. С. 87.
- 91 Там же. С. 88.
- 92 Там же. С. 77.
- 93 Там же. С. 144.
- 94 *Landreth H., Colander D.* History of Economic Thought. Boston–Toronto, 2002. P. 76–81.
- 95 *Hume D.* The Philosophical Works in IV Volumes. Darmstadt, 1964. Vol. III. P. 348.
- 96 *Поланьи К.* Великая трансформации. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 46.
- 97 *Смит А.* Исследование о причинах богатства народа. Т. 1. С. 306.
- 98 Там же.
- 99 *Макс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 383.
- 100 *Румянцев А.М., Альтер Л.Б.* А.Г.Милейковский. Вступительная статья // *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 7.

- ¹⁰¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 96.
¹⁰² Там же. С. 164.
¹⁰³ Селигмен Б. Указ. соч. С. 175–176.
¹⁰⁴ Sil R. The Foundation of Eclecticism. The Epistemological Status of Agency, Culture, and Structure in Social Theory // Journal of Theoretical Politics. L., 2002. № 12(3). P. 361.
¹⁰⁵ Использваны результаты анализа ситуации в экономической науке, приводимые в работе: Блауг М. Методология экономической науки. М., 2004. С. 31–34.
¹⁰⁶ Кейнс Дж. М. Конец Laissez-faire // Истоки. Вып. 3. М., 2001. С. 266.
¹⁰⁷ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 175.
¹⁰⁸ Там же. С. 176.
¹⁰⁹ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 307, 430, 469–471, 481, 482, 485.
¹¹⁰ Там же. С. 493.

Глава 3

- ¹¹¹ См.: Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопр. философии. 2000. № 4.
¹¹² См.: Давыдов Ю. Н. Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) // Вопр. философии. 1994. № 2.
¹¹³ См.: Weber M. Zur Lage der Bürgerlichen Democratic in Russland. Archiv Sozialwissenschaft und Sozial Politik. Bd. 12. 1906; Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и буржуазной демократии. Киев, 1906; Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. Зима 1998. Т. I. № 1. С. 211–266; Весна 1998. Т. I. № 2. С. 261–315.
¹¹⁴ См.: Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. Весна 1998. Т. I. № 2. С. 296–300.
¹¹⁵ Там же. С. 297.
¹¹⁶ Зомбарт В. Буржуа: Этюд // Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2000. С. 248–249.
¹¹⁷ Там же. С. 237.
¹¹⁸ См.: Berger P. The Global Picture // J. of Democracy. April 2004. Vol. 15. № 2. P. 78.
¹¹⁹ См.: Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 50–62.
¹²⁰ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма.
¹²¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 300.
¹²² См.: Philport D. The Catholic Wave // J. of Democracy. April 2004. Vol. 15. № 2.
¹²³ Berger P. Op. cit. P. 77–78.
¹²⁴ См.: Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. С. 282–308.
¹²⁵ См.: Булгаков С. Философия хозяйства: В 2 т. М., 1995; Он же. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
¹²⁶ Булгаков С. Народное хозяйство и религиозная личность. СПб., 1997. С. 125.
¹²⁷ См.: Munch R. Understanding Modernity. Toward the New Perspective Going beyond Durkheim and Weber. L.–N.Y., 1988.
¹²⁸ См.: Ritzer G. Macdonaldization of Society. An Investigation into a Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks. L.–N.Y., 1996.
¹²⁹ См.: Heilbroner R. Economics as Universal Sciences // Social Research An International Quaterly of the Social Sciences. Fall 2004. Vol. 71. № 3. P. 617–618.

- ¹³⁰ См.: *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004; *Kolpakov V.* On Economic Rationality // International symposium «Philosophy and Society in 21st Century». Gunsan. The Republic of Korea. 2004. P. 126–131.
- ¹³¹ *Фукуяма Ф.* Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 129.
- ¹³² *Denis A.* Was Adam Smith an Individualist? // History of the Human Science. 1999. Vol. 12. № 1. P. 78. Я излагаю Смита по обширным цитатам, приводимым в этом источнике.
- ¹³³ Ibid. P. 80.
- ¹³⁴ Ibid. P. 73.
- ¹³⁵ Ibid. P. 75.

Глава 4

- ¹³⁶ *Фурсов А.И.* Колокола истории. Ч. 1. М., 1996. С. 27.
- ¹³⁷ *Blankley T.* The West's Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations? Washington, 2005.
- ¹³⁸ *Remaking the Chinese Leviathan: Market Tranzition and the Politic of Governance in China.* Stanford, 2004.
- ¹³⁹ *Fishman T.* China, Inc. How the Rise of the Next Superpower Callenges America and the World. N. Y. etc., 2005. P. 1–2.
- ¹⁴⁰ *Мамот М.* Китайский синдром. Американская политика накануне последней ошибки // Прогнозис. 2005. Осень. № 3(4).
- ¹⁴¹ *Fishman T.* Op. cit. P. 303.
- ¹⁴² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 106.
- ¹⁴³ *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remarking World Order. N. Y., 1996.

Глава 5

- ¹⁴⁴ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005.
- ¹⁴⁵ *Пригожин А.* Что с лидерством у нас? // Россия XXI. 1994. № 9–10. С. 63.
- ¹⁴⁶ *Буровский А.* Короткоживущие // Знание – сила. 1994. № 5. С. 72–73.
- ¹⁴⁷ *Львов Д.* Пробелы и науке _ провалы в экономике // Независ. газ. 1995. 22 марта.
- ¹⁴⁸ *Хорос В.Г.* Русская истории в сравнительном освещении. М., 1994. С. 55, 57.
- ¹⁴⁹ *Хок Л.С.* Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993. С. 168.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 174.
- ¹⁵¹ Там же. С. 163.
- ¹⁵² Там же. С. 161.
- ¹⁵³ См.: *Здравомыслов А.Г.* Социологии конфликта. Россия на путях преодоления кризиса. М., 1994.
- ¹⁵⁴ См., например: *Конфликт ценностей и модернизация в России.* М., 1994. С. 96.
- ¹⁵⁵ См., например: *Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // *Вопр. философии.* 1993. № 1.
- ¹⁵⁶ *Васильчук Е.* Тень непредсказуемой политики омрачает светлое будущее стабилизации // *Финансовые известия.* 1995. 30 марта.

Глава 6

- ¹⁵⁷ См.: *Гоббс Г.* Избр. произведения: В 2 т. Т. I. М., 1965.
- ¹⁵⁸ *Кант И.* Соч. Т. 5. М., 1963. С. 395, 401; Т. 4. С. 270, 282.

- 159 См.: Гегель. Философия права // Гегель. Соч. Т. 7. М.—Л., 1934. Т. VI. 1937. С. 205.
- 160 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 306.
- 161 Там же. Т. 23. С. 189.
- 162 См.: Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923; Экономика и общество: Протестантская этика и дух капитализма. Мюнхен, 1965.
- 163 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.
- 164 Тоунбея А. Study of History. L., 1955. Vol. V. P. 414.
- 165 См.: Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1933. С. 255.
- 166 Цит. по: Наш современник. 2000. № 10. С. 168.
- 167 Цит. по: Лихачев Д.С. Размышления о России. СПб., 1999. С. 461.
- 168 Гегель. Соч. Т. IV. М., 1959. С. 2.
- 169 Клаузевиц К. О войне. Т. I. М., 1936. С. 151, 157.
- 170 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 65.
- 171 Cooley Ch. Human Nature and Social Order. N. Y., 1997. P. 42.
- 172 Pettit Ph. An Introduction to Contemporary Political Philosophy. N. Y., 1990. P. 71.
- 173 Milliband R. The State in Capitalist Society. L., 1985. P. 272.
- 174 Бердяев Н. Новое средневековье. М., 1991. С. 65, 74, 80.
- 175 Гуцин В. Демократия приказала долго жить // Независ. газ. 2000. 17 авг.
- 176 Иноземцев В. Бремя белого человека // Независ. газ. 2003. 25 нояб.
- 177 Чехов А.П. Избранное. Т. 2. М., 1997. С. 417.

Раздел III

Глава I

- 178 Моск. комсомолец. 2005. 13 окт.
- 179 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 204.
- 180 Там же. С. 45—46.
- 181 См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). Т. III. М., 1991. С. 267.
- 182 В современной России «типизация не осуществлена и полностью расстроена», — говорится, в частности, в коллективной монографии «Хорошее общество» (см.: «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества /Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2003. С. 23, 28).
- 183 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 183.
- 184 См.: «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. С. 24.
- 185 Анекдот: «Я этот галстук купил за двести долларов... — Чудак! За углом такой же продается за триста!..».
- 186 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 90.
- 187 Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Социемы. № 9 // www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/ rus/texts/sociemy/9/kasavin.html.
- 188 См.: Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С. 215—216.
- 189 Более того, Л.Г.Ионин полагает, что стилисты, бросив вызов советской серости, сделали попытку революции «снизу», причем не политической революции, а революции стиля (Там же. С. 165).
- 190 Там же. С. 216—218.
- 191 Там же. С. 224.

Глава 2

- 192 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания (лекции) // *Макаренко А.С.* Педагог. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1984. С. 182. Напомню, что М.Фуко указывал на симбиоз благотворительной и репрессивной функций еще в изолирующих учреждениях типа Общего госпиталя (см.: *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 69).
- 193 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 183. Замечу в скобках, что известные лоберецкая и болшевская трудкоммуны также находились в системе ОГПУ – НКВД, а Саровская трудкоммуна им. В.В.Шмидта, первоначально подчинявшаяся Наркомату труда, была передана в подчинение ОГПУ в 1931 г. В то же время знаменитая макаренковская Куражская колония им. М.Горького находилась в ведении Харьковского окрнаробраза.
- 194 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999, С. 217.
- 195 См.: *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 195.
- 196 В то время как из Саровской трудкоммуны в конце 20-х годов, по некоторым данным, ежемесячно бежали 200–300 человек (в это время в учреждении находилось всего около 4 тыс. человек). См.: *Подурец А.* Дети комиссара Шмидта. // [http:// sougtier.sarov.ru](http://sougtier.sarov.ru).
- 197 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 155, 170.
- 198 См.: *Подурец А.* Указ. соч.
- 199 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 156–157.
- 200 Иными словами, в коммуне существовала описанная *Фуко* система инфранаказаний, микронаказаний, наказаний нормализующих, наказаний, каждым своим пунктом противостоящих судебному наказанию (см.: *Фуко М.* Указ. соч. С. 260, 268).
- 201 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 140. Именно так – не средством воспитания, а результатом.
- 202 Там же. С. 50.
- 203 Там же. С. 137.
- 204 Там же.
- 205 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 242.
- 206 *Макаренко А.С.* Из опыта работы // *Макаренко А.С.* Педагог. соч. Т. 4. С. 371–372.
- 207 См.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 246–247.
- 208 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 139.
- 209 Там же.
- 210 Там же. С. 147.
- 211 Там же. С. 157.
- 212 Там же. С. 156–157.
- 213 *Макаренко А.С.* Мои педагогические воззрения // *Макаренко А.С.* Педагог. соч. Т. 3. С. 356.
- 214 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 151.
- 215 Там же. С. 356.
- 216 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 277, 280–281.
- 217 Там же. С. 213.
- 218 *Макаренко А.С.* Из опыта работы. С. 368.
- 219 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 195.
- 220 Там же. С. 131.
- 221 Там же.

- 222 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 132.
223 Там же. С. 161.
224 Там же. С. 162.
225 Там же. С. 162 (выделено мной. — *С.К.*).
226 Там же. С. 163.
227 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 208.
228 *Макаренко А.С.* Проблемы школьного советского воспитания. С. 168.
229 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 274.
230 *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. М., 1992. С. 283.
231 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 206.
232 Примечательно, что Макаренко совершенно искренне полагал, что дети, имеющие родителей, труднее беспризорных. «У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого — папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги» (*Макаренко А.С.* Из опыта работы. С. 375).
233 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 217.
234 Там же. С. 308, 320.

Глава 3

- 235 См.: Жизнь как ценность. М., 2000.
236 *Федотова В.Г.* Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под ред. *В.В.Миронова*. М., 2006. С. 548.
237 Там же. С. 557.
238 *Микешина Л.А.* Жизнь как категория наук об обществе и культуре // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под ред. *В.В.Миронова*. М., 2006. С. 506.
239 *Микешина Л.А.* Указ. соч. С. 506—507.
240 *Давыдов Ю.Н.* Общество. Новая философская энциклопедия. М., 2001. С. 132.
241 Там же. С. 134.
242 *Гирусов Э.В.* Экологические императивы современной культуры // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006. С. 310. *Веряскина В.П.* Императивы экологической этики и новый образ человека // Наука. Общество. Человек / Отв. ред. *В.С.Степин*. М., 2004.
243 *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 24.
244 *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 26.
245 Там же. С. 26.
246 Там же. С. 52.
247 *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 22.
248 *Леви-Строс К.* Указ. соч. С. 22.
249 Там же. С. 26.
250 *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб., 2004; *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. *В.Л.Иноземцева*. М., 2002; *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.

- 251 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004. На пути к обществу, основанному на знаниях. М., 2004. С. 116.
- 252 Там же. С. 107.
- 253 Назван по имени американского экономиста Тобина. Определяется отношением рыночной цены кампании к цене замещения ее реальных активов: зданий, сооружений, оборудования и т.д. — и составляет цифру от 5 до 10. Для отдельных кампаний, действующих в сфере программного обеспечения (Интернет-технологий) коэффициент Тобина может достичь несколько сотен, т.к. главный производственный фактор в них — интеллектуальный капитал.
- 254 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004. С. 121.
- 255 Там же. С. 124.
- 256 UNDP. Human Development Report. 1995. N. Y. —Oxford, 1996.
- 257 Таблица составлена на основе данных Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1997–2000 г.
- 258 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002/2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. М., 2003. С. 87–88.
- 259 Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 315.
- 260 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О.Миронова в 2002 году // Рос. газ. № 140–143, 146–148, 154 июль – август 2003.
- 261 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году // Рос. газ. 2004. 29 июля. № 160.
- 262 *Диксон Дж., Беккес Ж., Гамильтон К., Кант А, Ламу Э.* и др. Новый взгляд на богатство народов: Индикаторы экологически устойчивого развития. М., 2003. С. 86.
- 263 *Putnam R.* The Puosperons Community – Social Capital and Public Life. American Prospect. 1993. P. 13.
- 264 *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital. American journal of Sociology. 1988. P. 598
- 265 *Coleman J.* Op. cit. P. 598
- 266 *North D.* Institution, Institutional Change, and Economic Performance. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1990.
- 267 *Olson M.* The Rise and Decline of Nationals Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven: Univ. Press, 1982.
- 268 *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2003. С. 27.
- 269 National CIVIC Commission on Civic Renewal The Index of National Civic Health. College Part. Md.: National Commission civic. Renewal, 1998.
- 270 *Sen A.* Human Development and Financial Conservatism // World Development. 1998. Vol. 26. № 4. P. 734.
- 271 *Marsall A.* Principles of Economics. N. Y., 1983. P. 246. А. Маршалл — представитель маржиналистского направления, обосновывал принцип рационального поведения в рыночной экономике.
- 272 Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учеб. пособие /Под общ. ред. В.П.Колесова, Т.Маккини. М., 2000. С. 11.
- 273 Цит. по: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 1997 /Под. общ. ред. Ю.Федорова. М., 1997. С. 11.

- 274 Цит. по: Всемирный доклад о человеческом развитии. М., 1997. С. 9–10.
- 275 Доклад о развитии человека 2005. Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства ПРООН. 2005. С. 5.
- 276 Там же. С. 4.
- 277 Там же. С. 31.
- 278 *Федотова В.Г.* Факторы ценностных изменений на Западе и в России // *Вопр. философии*. 2005. № 11. С. 3–23.
- 279 *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 458.
- 280 *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 165.
- 281 *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. С. 460.

Глава 4

- 282 *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982. С. 19.
- 283 *Бакулов В.Д.* Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д., 2003. С. 130.
- 284 *Черткова Е.Л.* Метаморфозы утопического сознания (От утопии к утопизму) // *Вопр. философии*. 2001. № 7. С. 56.
- 285 См.: *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени*. М., 1994.
- 286 См.: *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М., 1996. С. 3.
- 287 *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1: Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1998. С. 51.
- 288 См.: *Экштут С.А.* На службе российскому левиафану. Историсофские опыты. Гл. 11. «Новорожденная свобода», или Опыт контрафактического моделирования исторического прошлого. М., 1998.
- 289 *Федотова В.Г.* «Хорошее общество». М., 2005. С. 465–471.
- 290 См.: *Козлова Н.Н.* Социализм и сознание масс. Социально-философские проблемы. М., 1977; *Давидович В.Е.* Теория идеала. Ростов н/Д., 1983.
- 291 См.: *Федотова В.Г.* Социальное конструирование реальности: харизматические идеи и дискурс «хорошего общества» // «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М., 2003. С. 11–80.
- 292 См.: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1999. С. 69.
- 293 Там же. С. 18.
- 294 *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. С. 142.
- 295 *Булгаков С.Н.* Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 1. М., 1911. С. XVII.
- 296 *Флоровский Г.В.* Метафизические предпосылки утопизма // *Вопр. философии*. 1990. № 10. С. 87.
- 297 Там же.
- 298 *Свентоховский А.* История утопий. М., 1910. С. 410.
- 299 *Флоровский Г.В.* Метафизические предпосылки утопизма. С. 86.
- 300 См.: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Три модели развития России. М., 2000.
- 301 *Кирвель Ч.С.* Утопическое сознание: сущность: социально-политические функции. Минск, 1989. С. 48.
- 302 *Энгельс Ф.* Добавление к Предисловию 1870 г. К «Крестьянской войне в Германии» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 499.
- 303 *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. С. 19.
- 304 *Мараваль Х.А.* Утопия и реформизм // *Утопия и утопическое мышление: Антология зар. лит.* М., 1991. С. 148.

- 305 *Манхейм К.* Указ. соч. С. 164.
306 *Свентоховский А.* История утопий. С. 423.
307 *Фогт А.* Социальные утопии. СПб., 1906. С. 6.
308 *Ласки М.* Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: Антология зар. лит. С. 174.
309 *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1966. С. 252.
310 *Фогт А.* Социальные утопии. С. 6–7.
311 Там же. С. 8
312 *Бакулов В.Д.* Социокультурные метаморфозы утопизма. С. 146.

Раздел IV

Глава 2

- 313 См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; *Соловьев Э.Г.* Информационное общество // Новая филос. энцикл. М., 2001; *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996; *Porat M., Rubin M.* The Information Society: Development and Measurement. Wash., 1976; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981; *Dizard W.* The Coming Information Age. An Overview of Technology, Economics and Politics N. Y., 1982.
314 *Смолян Г.Л.* Информации теория // Новая философская энциклопедия. М., 2001. С. 141–142.
315 См.: *Кастлер Г.* Возникновение биологической организации. М., 1967.
316 *Вайнберг С.* Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. М., 2000.
317 См.: *Степанов Ю.С.* Словарь русской культуры. М., 1997. Гл. VIII. Число, счет. Письмо, алфавит.
318 См.: *Маклюэн М.* Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. Гл.: Устное слово. Письменное слово. См. работы Н.Н.Козловой о нем.
319 См. на тему раздвоения значения и смыслов мировой бестселлер: *Браун Д.* Код да Винчи. М., 2004. К началу 2005 г. в мире продано около 9 млн экземпляров этой книги.
320 См. философский роман У.Эко «Имя Розы».
321 См.: *Степанов Ю.С.* Указ. соч. С. 408.
322 См.: *Немировский Е.Л.* Изобретение Иоганна Гуттенберга: Из истории книгопечатания. Технические аспекты М., 2000. Предисловие.
323 *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2004.
324 *Бродель Ф.* Структуры повседневности. Т. 1. М., 1986. С. 424–427.
325 *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1991. P. 117.
326 <http://uic.nnov.ru/pustyn/lib/maclu.ru.html>. См также: *Мадисон А.* Маршалл Маклюэн и информационные войны // СМИ. ru 2000 14 января.
327 *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. СХIII–СХIV, СХХХIV.
328 *Маклюэн М.* Понимание медиа... С. 353 и далее.
329 *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 21.

- 330 Розин В.М. Природа виртуальной реальности (условие философского дискурса) / Виртуальные реальности: Тр. лаб. Виртуалистики. Вып. 4. М., 1998. С. 197.
- 331 См.: Ваганов А.Г. Краткая феноменология всемирной паутины // Общество и книга: От Гутенберга до Интернета. М., 2000.
- 332 См.: Федотова В.Г. Информационное общество и книги для элит и масс // Там же. С. 222–235.
- 333 Стоуньер Е. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 394.
- 334 Треанор П. Интернет как гиперлиберализм – <http://www/russ/ru/jurnal/netcult/98-12-03/treanor/htm>.
- 335 См.: Beck U. Risk Society. L., 1992. P. 53.
- 336 См.: Концепция формирования информационного общества в России // Известия. 1999. № 32. 28 мая.

Глава 3

- 337 См. подробнее: Капица С.П. Опыт системного исследования роста населения Земли и принцип демографического императива // Глобальные экологические проблемы на пороге XXI века. М., 1998; *он же*. Общая теория роста человечества. М., 2000; Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 293–294.
- 338 Aguess P. Clefs pour l'ecologie. P., 1971; Ehrlich P., Ehrlich A. Population, ressources, environnement. P., 1972. Forrester. World Dinamics. Cambridge, 1971; Dorst J. Avant que nature meure. P., 1970.
- 339 См.: Федоров Е.К. Экологический кризис и социальный прогресс. Л., 1977. С. 26.
- 340 См.: Федоров Е.К. Взаимодействие общества и природы. Л., 1972. С. 19. Фаддеев Е.Т. Идея бессмертия человечества у К.Э. Циолковского // Филос. науки. 1975. № 12; *он же*: Проблема экологического производства. Пушкино, 1980. С. 8.
- 341 Дрейер О.К., Лось В.А. Экология и устойчивое развитие. М., 1997. С. 58.
- 342 Энгельс Ф. Энгельс – Карлу Каутскому в Вену // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 124.
- 343 Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание. Концептуальная экология. М., 1992. С. 245.
- 344 Дрейер О.К., Лось В.А. Указ. соч. С. 74–75.
- 345 См.: «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2003.
- 346 Дрейер О.К., Лось В.А. Экология и устойчивое развитие. М., 1997. С. 56.
- 347 Ломоносов М.В. О размножении и сохранении российского народа (1761 г.) // Ломоносов М.В. Избр. филос. соч. М., 1940. С. 285.
- 348 Менделеев Д.И. Заветные мысли // Менделеев Д.И. Полное собр. соч. СПб., 1903–1904. ??? С. 43.
- 349 Менделеев Д. К познанию России. СПб., 1912. С. 12.
- 350 Даниленко И.С. Демографическая безопасность в системе национальной безопасности России: (К истории, методологии и политике вопроса) // Безопасность. 1998. № 3–4. С. 12.
- 351 Там же.
- 352 См. подробнее: Крылова И.А. Чернобыль: отдаленные социально-экологические последствия: (К 13-летию катастрофы) // Диалог. 1999. № 4. С. 80–86.
- 353 Дрейер О.К., Лось В.А. Указ. соч. С. 64.
- 354 См.: Круглый стол «Устойчивое развитие: утопия или императив?» // Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах. 2002. М., 2002. С. 65.

- 355 См.: *Круглый стол «Устойчивое развитие: утопия или императив?»* // Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах. 2002. М., 2002. С. 65.
- 356 *Харсеева В.П.* Молодежная наркомания как источник социальных деструктивных изменений в современном российском обществе // *Философия и будущее цивилизации: (Тез. докл. и выступлений VI Рос. конгр. Москва. 24–28 мая 2005 г.)*. Т. 3. М., 2005. С. 660.
- 357 *Круглый стол «Социальная политика президента Путина»* // Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах-2001. М., 2003. С. 273.
- 358 *Демографический энциклопедический словарь*. М., 1985. С. 123.
- 359 *Глобалистика: Энцикл.* М., 2003. С. 299.
- 360 *Руткевич М.Н.* Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // *Социс.* 2005. № 7. С. 24.
- 361 *Глобалистика: Энцикл.* С. 293.
- 362 См.: *Население России: Ежегод. демогр. докл.* // *Евразия.* 1993; *Демограф. перспективы России*. М., 1993; *Римашевская Н.М.* Почему нас становится меньше? // *Рос. газ.* 1994. 13 окт.
- 363 *Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л.* Геополитические аспекты депопуляции в России // *Социс.* 1997. № 6. С. 49.
- 364 Там же. С. 48.
- 365 Цит. по: *Коломийцев В.* Мы за гуманное общество // *Диалог.* 2004. № 7. С. 10.
- 366 *Руткевич М.Н.* Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России. С. 26.
- 367 Там же. С. 27.
- 368 Там же.
- 369 *Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л.* Указ. соч.
- 370 *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы. С. 78.
- 371 *Маринов М.Б.* Сближение России и Китая: ответ на вызов глобализации // *Философия и будущее цивилизации*. Т. 3. С. 291.
- 372 См.: *Руднев В.* Реформы идут – население нищает // *Диалог.* 2003. № 2. С. 28.
- 373 См.: *Харабет К.В.* Армия и наркотики. М., 2000.
- 374 *Круглый стол «Социальная политика президента Путина»*. С. 273.
- 375 *Краткий доклад о контроле за мировым населением. 1999 год: рост, структура и распределение населения* // *Комиссия по народонаселению и развитию*, 32 сессия. 1998. 22–30 марта. С. 7.
- 376 *Обращение к депутатам Федерального собрания участников круглого стола по вопросу демографической безопасности* // *Безопасность.* 1997. № 3–4. С. 126.
- 377 См.: *Бернштам М.* Сколько жить русскому народу? Размышления американского демографа // *Москва.* 1990. № 5.
- 378 *Руткевич М.Н.* Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // *Социс.* 2005. № 7. С. 29.
- 379 *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы // *Социс.* 2005. № 3. С. 74.

Содержание

Вместо введения	3
Почему не хочется обсуждать сущность социальной философии и почему мы вынуждены это делать?	3
«Социология философий»	3
Что же такое социальная философия?	6
Социальная реальность: в чем она?	10
РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ – ОТВЕТ НА УСЛОЖНЕНИЕ ДИНАМИЧНОГО ОБЩЕСТВА	19
Глава 1. Новые задачи социальной философии в условиях усложнения социальной жизни	20
Возрастание роли синтеза в методологии социальной философии	20
Разнообразие и методология дуальных оппозиций	21
Иноязычие: от понятия к категории	24
Полнота категорий концепции	26
Смех: от понятия к категории	30
Методология формирования концепций	35
Глава 2. Эвристический смысл категории универсальной деятельности К.Маркса в современной социальной философии	37
Понятие универсальной деятельности в аспекте антропосоциогенеза	39
Понятие универсальной деятельности в социальной философии К.Маркса	45
Категория универсальной деятельности в свете современной социально-философской проблематики	51
РАЗДЕЛ II. ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА: ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО, ЭКОНОМИКА, ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК	59
Глава 1. К вопросу о том, что такое общественное богатство	59
Понятие общественного богатства в структуре социально-философских знаний	60
Общественная форма богатства и потребительная стоимость	63
Современные факторы роста общественного богатства	66
Глава 2. Экономическая теория в контексте эволюции капитализма	73
Классическая экономическая теория. Становление классической экономической теории как ответ на возрастание роли экономического фактора и социальные вызовы времени	74
Новая эпоха и ответы на новые вызовы	82
Современная ситуация в экономике	89
Глава 3. Экономика и социальный порядок	94
Неизвлеченные уроки первой буржуазной революции	94
Новые времена	96
Будущее российского капитализма	105
Глава 4. Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций	110
Классическая концепция прогресса и реальность «реакционного прогрессизма»	111
Прогресс в свете опыта Китая и других новых индустриальных стран	117
Новое понимание прогресса как хорошо забытое старое	122

Глава 5. Дезорганизация – категория социальной философии	126
Дезорганизация и ее воспроизводство	127
Между ростом дезорганизации и повышением организованности	132
Микро- и макродезорганизация	135
Дезорганизация и общество	137

Глава 6. Целеполагающая деятельность в контексте глобальной модернизации	139
Парадоксы рационального целеполагания	144
Модернизация целеполагания – императив современности	146
Прогнозы и перспективы	158

РАЗДЕЛ III. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА .....

162

Глава 1. Власть и повседневность в постсоветской России	162

Глава 2. Трудкоммуна. Фабрика автоматической дисциплины	184
Ячейка общества	184
Цель воспитания	189
Роль наказания. Дисциплинарная запись. Ранжирование	192
Дисциплинарная утопия	194
Тотальность микрокосма	195
Изолят в макропространстве	198

Глава 3. Феномен жизни и человеческое развитие: в поисках новой парадигмы социально-философского исследования	201

Антропологический поворот в социальной философии	201
Роль социальной философии в междисциплинарном синтезе наук о человеке	205
Биотехнологии и проблема антропологической идентичности	207
Жизненные ресурсы и развитие человека	212
Человеческое развитие или «последний человек»?	224
Современная ситуация человека – мир расколотых возможностей	227
Есть ли альтернатива «последнему человеку»?	229

Глава 4. Утопия как эпифеномен реформаторства	230
Проблема утопии в современном социально-философском знании	231
Критическая рефлексия и утопический идеал	234
Утопия и практика реформаторства	239

РАЗДЕЛ IV. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ .....

246

Глава 1. Ритмокаскады истории России	246
Проблемы моделирования истории	247
Ритмокаскадный подход в истории	248
Гипотеза нелокального социального поля	250
Ритмокаскадная природа социально-исторических архетипов	252
Ритмокаскадная модель истории России	255
О России сегодня	258
Глава 2. Информация как фактор социального развития	261
К определению понятия информация	262
Информация как фактор социально-исторического развития	264
Роль СМИ в социокультурном развитии общества	270

WWW как технологическая основа информационного общества	271
Россия на пути к информационному обществу	276
Глава 3. Современная демографическая ситуация	
в России как объект социальной философии	281
Демографический кризис и проблемы народонаселения в XX и XXI в.	281
Роль социальной философии в осмыслении демографической ситуации в современной России	285
Здоровье нации – показатель состояния российского общества	290
Депопуляция или демографическая катастрофа в России?	
Два подхода к проблеме	294
Демографический кризис в России и его возможные негативные социальные последствия	297
Демографическая катастрофа – угроза будущему России	303
Примечания	306

Научное издание

Новые идеи в социальной философии

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.06.06.

Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 19,35. Тираж 500 экз. Заказ № 012.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119992, Москва, Волхонка, 14

Издания 2005 года

- 1. Аристотель. Евдемова этика /РАН. Ин-т философии; Изд. подгот. М.А.Солопова. — М., 2005. — 448 с.**

Настоящее издание впервые представляет перевод «Евдемовой этики» на русский язык, греческий текст и комментарии. Текст этики публикуется вместе с тремя обычно опускаемыми в издательской практике т.н. «средними книгами», общими для «Евдемовой» и «Никомаховой» этик.
- 2. Бескова И.А. Природа сновидений: (эпистемологический анализ) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 239 с.**

В книге прослеживаются особенности отношения к сновидениям, сложившиеся в разные исторические эпохи в разных сообществах, включая традиционные примитивные культуры.
- 3. Диалог цивилизаций. Повестка дня /РАН. Ин-т философии; Горбачев-Фонд; Сост. и общ. ред. В.И.Толстых. — М., 2005. — 145 с.**

Предлагаемая читателю книга «Диалог цивилизаций. Повестка дня» подводит итоги совместного исследования Института философии РАН и Горбачев-Фонда и является своего рода российским откликом на тему и проблему общемирового уровня и значения.
- 4. Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 188 с. — ISBN 5-9540-0028-X.**

Монография посвящена творчеству одного из видных русских теоретиков права к. XIX — н. XX вв. Павлу Ивановичу Новгородцеву.
- 5. Коллаж—5 /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Сыротева. — М., 2005. — 145 с.**

Пятый выпуск серии «Коллаж» посвящен феномену *другого*, снова и снова напоминающему о себе на повседневном уровне в виде вопросов и проблем политического, исторического и культурного, межличностного характера.
- 6. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов; Изд. подгот. В.М. Яковлев. — М., 2005. — 404 с.**

Инициатором обращения к древней китайской мысли в ново-европейской философии был Лейбниц. Об этом свидетельствует публикуемая переписка Лейбница с христианскими миссионерами в Китае.
- 7. Меркулов И.П. Когнитивные способности /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 182 с.**

В книге с позиций эволюционно-информационной эпистемологии исследуются общие характеристики человеческого познания и когнитивные способности — восприятие, мышление, сознание и память.
- 8. Методология науки: статус и программы /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. — М., 2005. — 295 с.**

Сборник — результат работы семинара Центра методологии и этики науки в 2002–2004 гг. В нем продолжается изучение различных программ и проблем философии науки, которое начато в сборнике «Методология науки: проблемы и история» (М., ИФ РАН, 2003). В приложении, завер-

шающем сборник, печатаются перевод фрагментов из трактата Иоанна Солсберийского «Металогик». Сборник представляет интерес для историков науки, философов, для всех интересующихся методологическими проблемами научного знания.

9. **Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: (интеллектуальная биография) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 246 с.**

Монография является опытом комплексного анализа философии Ф.Ницше. Философия немецкого мыслителя рассматривается как «авансцена», за которой скрыты сложные мотивы, сочетающие в себе личностные и патографические характеристики.

10. **Наука и искусство /РАН. Ин-т философии; Общ. ред. А.Н.Павленко. — М., 2005. — 206 с.**

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает работы, посвященные анализу взаимоотношения науки и искусства в творчестве Николая Орема, Князя Вл.Ф.Одоевского, Велимира Хлебникова, Вернера Гейзенберга, В.С.Библера и Ж.Делеза.

11. **Противоречие и дискурс /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. — М., 2005. — 184 с.**

Проблема противоречия представлена во множестве аспектов: методологическом, когнитивном, лингвистическом.

12. **Россия в начале XXI века: новый курс /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. В.С. Семенов. — М., 2005. — 197 с.**

В книге анализируются и обобщаются социальные сдвиги в России в начале XXI века, исследуется сложная, противоречивая диалектика ее объективного и субъективного общественного развития в 2000–2004 годы.

13. **Серёгин А.В. Гипотеза множественности миров в трактате Оригена «О началах» /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 254 с.**

Ориген Александрийский (185–254 гг. н.э.) — один из наиболее значительных и спорных мыслителей в истории раннехристианской церкви. Принадлежащий его перу трактат «О началах», дошедший до нас преимущественно в латинском переводе 4 в., содержит в себе ряд метафизических и космологических гипотез неортодоксального характера. В данном исследовании подробно рассматривается одна из этих гипотез, предполагающая существование множества миров до и после нынешнего мира.

14. **Смирнов А.В. Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: Семиотика и изобразительное искусство /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 254 с.**

Знание логико-смысловых грамматик культур позволяет моделировать построение смыслового поля того или иного их сегмента, а выявление различий между ними дает возможность правильно понять контраст создаваемых в них смысловых полей. Эxpлицитyруя элементы логико-смысловых грамматик арабо-мусульманской и западной культур, автор уделяет основное внимание понятию индивидуальной вещи, показывая, какие логические и содержательные следствия влечет различие процедур формирования этого понятия в двух культурах.

- 15. Судьба государства в эпоху глобализации /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: В.Н. Шевченко. — М., 2005. — 200 с.**

В монографии обсуждается одна из самых дискуссионных проблем в отечественной науке, которая связана с поиском Россией наиболее жизнеспособного государственного устройства в условиях растущих вызовов и угроз, рождаемых глобализацией.

- 16. Султанова М.А. Философия культуры Теодора Розака /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 196 с. — ISBN 5-9540-0031-X.**

В очерке предпринят анализ работ теоретика контркультуры Т.Розака, его философско-интуитивистские, антитех-ницистские и антитехнократические идеи, идеи «экологического персонализма», как и религиозно-мистические мотивы, присущие контркультуре.

- 17. Сухов А.Д. Материалистическая традиция в русской философии /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 260 с.**

В книге показано, что материализм, как особое направление в русской философии, имеет собственную историю.

- 18. Федорова М.М. Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 190 с.**

В монографии анализируются три главные просвещенческие идеи, представляющие особое значение для развития политической философии: Индивид, Разум, Прогресс — и их трансформации в политической мысли Франции XIX в.

- 19. Форум молодых кантоведов (По материалам Междунар. конгр., посвящ. 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти И.Канта) /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: Т.Б. Длугач, В.А. Жучков. — М., 2005. — 208 с.**

В книгу вошли тексты докладов и сообщений молодых ученых из различных вузов Москвы и других городов России, которые были сделаны на Международном юбилейном Кантовском конгрессе в Москве, в Институте философии РАН (24–28 мая 2004 г.).

- 20. Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская. — М., 2005. — 238 с.**

Книга посвящена актуальным и дискуссионным проблемам современной эстетики, среди которых особое внимание уделено вопросам современной эстетической теории и методологии, новому пониманию предмета эстетики, хронотипологии искусства XX в. и неклассической эстетики, русской теургической эстетике, представленной философией творчества Н. Бердяева, психологической эстетики, особенностям художественных языков новейших арт-практик и видов искусства.

- 21. Этическая мысль. Вып. 6 /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.А. Гусейнов. — М., 2005. — 263 с.**

Выпуск содержит специальные разделы, посвященные анализу разных аспектов проблемы соотношения морали и политики; вопросам истории ценностей, рассмотрению современных этических теорий.